

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В.ЛОМОНОСОВА

Факультет
государственного
управления

270 МГУ
1755 2025

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

ISSN 2070-1381

ЭЛЕКТРОННЫЙ ВЕСТНИК

PUBLIC ADMINISTRATION
E-journal (Russia)

#103
2024

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Издатель:

Факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Главный редактор:

Никонов В.А. — доктор исторических наук, декан факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакция:

Петрунин Ю.Ю. — заместитель главного редактора, доктор философских наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Сухарева М.А. — ответственный секретарь, кандидат экономических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Федько М.В. — редактор, кандидат филологических наук, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия;

Ребрикова А.Г. — технический редактор, факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Редакционная коллегия:

Никонов В.А. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Петрунин Ю.Ю. — доктор философских наук (МГУ, Москва, Россия);

Барабашев А.Г. — доктор философских наук (НИУ ВШЭ, Москва, Россия);

Воронов А.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Григорьева Н.С. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Гулямов С.С. — доктор экономических наук (Агентство статистики, Ташкент, Узбекистан);

Гурский В.Л. — доктор экономических наук (БВП, Минск, Беларусь);

Кудина М.В. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Леонтьева Л.С. — доктор экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Лившин А.Я. — доктор исторических наук (МГУ, Москва, Россия);

Нарбут Н.П. — доктор социологических наук (РУДН, Москва, Россия);

Певная М.В. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Пушкарева Г.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Селезнева А.В. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смакотина Н.Л. — доктор социологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Смолницкая И.И. — доктор экономических наук (Институт экономики РАН, Москва, Россия);

Соловьев А.И. — доктор политических наук (МГУ, Москва, Россия);

Сухарева М.А. — кандидат экономических наук (МГУ, Москва, Россия);

Танрыверди М. — PhD (Стамбульский университет, Стамбул, Турция);

Тимофеев А.Ю. — доктор исторических наук (Институт новейшей истории, Белград, Сербия);

Федорова М.М. — доктор политических наук (Институт философии РАН, Москва, Россия);

Федько М.В. — кандидат филологических наук (МГУ, Москва, Россия);

Феррейра К. — PhD (Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия);

Чжао Ли-ли — доктор юридических наук (Шаньдунский университет науки и технологий, Циндао, Китай);

Яковлева А.Ф. — кандидат политических наук (ИМЭМО РАН, Москва, Россия).

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре как сетевое издание (свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Эл № 77-6880 от 10 апреля 2003 года и Эл № ФС77-56592 от 26 декабря 2013 года).

Международный стандартный серийный номер журнала **ISSN 2070-1381**.

Издание входит в систему РИНЦ на платформе eLIBRARY.ru (сублицензионный договор № 19-10/09 от 12 ноября 2009 года). Журнал входит в перечень изданий, публикации в которых учитываются Высшей аттестационной комиссией России (ВАК РФ) при защите диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по экономике, социологии, и политологии (с 22 октября 2010 года).

Журнал выходит 6 раз в год. Все номера находятся в свободном доступе на сайте: <https://spajournal.ru>.

Статьи журнала доступны в открытом доступе на основании принятой Лицензии Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Адрес редакции: 119992, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, каб. А-701. Тел.: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Founding Organization:

Federal State Budget Educational Institution of Higher Education M.V. Lomonosov Moscow State University.

Publisher:

School of Public Administration Lomonosov Moscow State University.

Editor-in-chief:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration, Moscow, Russia.

Editorial staff:

Yury Y. Petrunin — Deputy editor-in-chief, DSc (Philosophy), School of Public Administration, Moscow, Russia;

Maria A. Sukhareva — Executive Secretary, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Maria V. Fedko — Editor, PhD, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Anastasia G. Rebrikova — Layout editor, School of Public Administration, Moscow, Russia.

Board of Editors:

Vyacheslav A. Nikonov — DSc (History), Dean of School of Public Administration (MSU, Moscow, Russia);

Yury Y. Petrunin — DSc (Philosophy) (MSU, Moscow, Russia);

Alexey G. Barabashev — DSc (Philosophy) (HSE, Moscow, Russia);

Natalia S. Grigorieva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Saidakhror. S. Gulyamov — DSc (Economics) (Statistics Agency, Tashkent, Uzbekistan);

Vasiliy L. Gursky — DSc (Economics) (BIP, Minsk, Belarus);

Marianna V. Kudina — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Lidiya S. Leontieva — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Alexander Y. Livshin — DSc (History) (MSU, Moscow, Russia);

Nikolay P. Narbut — DSc (Sociological Sciences) (RUDN, Moscow, Russia);

Maria V. Pevnaya — DSc (Sociological Sciences) (MSU, Moscow, Russia);

Galina. V. Pushkareva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Antonina. V. Selezneva — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Natalia V. Smakotina — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Irina I. Smotritskaya — DSc (Economics) (Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia);

Alexander I. Solovyev — DSc (Political Science) (MSU, Moscow, Russia);

Maria A. Sukhareva — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Mustafa Tanriverdi — PhD, (Istanbul University, Istanbul, Turkey);

Aleksey Yu. Timofejev — DSc (History) (Institute for Recent History, Belgrade, Serbia);

Aleksandr S. Voronov — DSc (Economics) (MSU, Moscow, Russia);

Maria V. Fedko — PhD (MSU, Moscow, Russia);

Maria M. Fedorova — DSc (Political Science) (Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia);

Kelly de Souza Ferreira — PhD (PUC Campinas, Campinas, Brazil);

Alexandra F. Yakovleva — PhD (IMEMO RAS, Moscow, Russia);

Li-li Zhao — DSc (Law) (Shandong University of Science and Technology, Qingdao, China).

The journal is officially registered by the Federal Agency on Press and Mass Communications of the Russian Federation.

International serial number of the magazine is **ISSN 2070-1381**.

"E-journal. Public Administration (Russia)" is included into RISC (Russian Index of Scientific Citation) and a Higher Attestation Commission (VAK) list.

The journal is published 6 times a year. All issues are available on the website: <https://spajournal.ru>.

The articles published in the journal are available on the basis of Creative Commons: **Attribution-NonCommercial 4.0 International (CC BY-NC 4.0)**.

Address: 119992, Moscow, Lomonosovskiy prospekt 27/4, room A-701. Telephone: +7 (495) 930-85-71.
E-mail: e-journal@spa.msu.ru

Содержание

Председательство Российской Федерации в БРИКС в 2024 году

Никонов Вячеслав Алексеевич

Исламская Республика Иран — новый участник БРИКС..... 7

Экономические вопросы управления

Кудрявцев Василий Александрович

Анализ опыта Японии в реализации стратегии технологического суверенитета 42

Львова Ольга Александровна; Попов Николай Евгеньевич

Управление проблемной задолженностью компаний: от терминологии к статистике 53

Проблемы управления: теория и практика

Маликова Ольга Игоревна ; Суриков Дмитрий Олегович

Современное состояние и перспективы развития углеродной интеграции на евразийском пространстве 71

Савина Мария Игоревна

Чрезвычайная ситуация и чрезвычайность: проблемы теоретической концептуализации ...81

Си Фуюань; Бобылева Алла Зиновьевна; Барабошкина Анастасия Валерьевна

Глобальные трансформации: тенденции к росту неустойчивости и драйверы устойчивого развития в современных условиях 90

Шпакова Раиса Николаевна

Стратегическое планирование на федеральном уровне: основные элементы и структурно-логические связи..... 102

Социология управления

Лиходей Елена Максимовна

Трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг..... 115

Правовые и политические аспекты управления

Палитай Иван Сергеевич; Девочкина Арина Сергеевна;

Государственная молодежная политика в системе рекрутирования политических лидеров 126

Региональная экономика

Воронов Александр Сергеевич; Цзоу Синьюй

Взаимосвязь научно-технологических достижений университетов и региональной инновационной системы в обеспечении устойчивого экономического развития мезоуровня 137

Леонтьева Лидия Сергеевна; Копуш Дан-Хаяа Мергеновна

Комплекс управленческих инструментов для преодоления дифференциации пространственного развития региона 152

Логунцова Ирина Вячеславовна; Зайцева Александра Сергеевна Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ	164
Соболев Сергей Андреевич Инструментарий комплексной оценки масштаба социально-экономического развития городских агломераций	177

Политика и управление в сфере здравоохранения

Кононкова Наталья Петровна; Полавская Наталия Вадимовна Государственная поддержка коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в социально значимых отраслях	196
Пушкина Анастасия Владимировна; Владимирова Оксана Николаевна Создание центров дистанционного мониторинга пациентов с повреждением структур спинного мозга на принципах ценностно ориентированной модели реабилитации: актуальность и принципы организации	208

Contents

Russian 2024 BRICS Chairmanship

Vyacheslav A. Nikonov The Islamic Republic of Iran as a New Member of BRICS	7
---	---

Economic issues in administration

Vasiliy A. Kudryavtsev Analysis of Japan's Experience of Implementing Technological Sovereignty Strategy	42
Olga A. Lvova; Nickolay E. Popov Management of Corporate Distressed Debt: From Terminology to Statistics	53

Administrative issues: theory and practice

Olga I. Malikova; Dmitry O. Surikov Current State and Prospects for Developing Carbon Integration in the Eurasian Space	71
Maria I. Savina Emergency Situation and Emergency: Issues of Theoretical Conceptualisation	81
Xi Fuyuan; Alla Z. Bobyleva; Anastasiia V. Baraboshkina Global Transformations: Trends towards Increasing Instability and Sustainable Development Drivers in Current Situation	90
Raisa N. Shpakova Strategic Planning at Federal Level: Main Elements and Structural and Logical Connections ...	102

Management sociology

Elena M. Likhodey Transformation of Soviet State Policy in the Field of Motherhood and Childhood Protection at the Turn of 1980–1990s	115
---	-----

Legal and political aspects of public administration

Ivan S. Palitay; Arina S. Devochkina

State Youth Policy in Recruitment System of Political Leaders..... 126

Regional economy

Aleksandr S. Voronov; Zou Xinyu

Correlation between Scientific and Technological Achievements of Universities and Regional Innovation System in Ensuring Sustainable Economic Development at the Meso Level 137

Lidia S. Leontieva; Dan-Khayaa M. Kopush

A Complex of Management Tools to Overcome Differentiation of Region's Spatial Development.... 152

Irina V. Loguntsova; Alexandra S. Zaytseva

Branding of Russian Cities: Practice Review of Russian Federation Regional "Capitals" 164

Sergey A. Sobolev

Toolkit for Integrated Assessment of Socio-Economic Development Scale Of Urban Agglomerations..... 177

Health policy and management

Natalia P. Kononkova; Natalia V. Polavskaya

State Support for Commercialization of Intellectual Activity Results in Socially Significant Industries 196

Anastasiia V. Pushkina; Oksana N. Vladimirova

Creation of Remote Monitoring Centers for Patients with Spinal Cord Injury Based on the Principles of Value-Oriented Rehabilitation Model: Relevance and Organization Principles 208

Председательство Российской Федерации в БРИКС в 2024 году
Russian 2024 BRICS Chairmanship

УДК 930.85

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-7-41

Исламская Республика Иран — новый участник БРИКС

Никонов Вячеслав Алексеевич

Доктор исторических наук, декан факультета государственного управления, SPIN-код РИНЦ: [3908-7388](https://elibrary.ru/3908-7388),
Nikonov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье анализируется политическое, экономическое и культурное развитие Ирана на протяжении всего существования этого уникального государства и его роль в региональной и мировой политике. Утверждается, что Исламская Республика Иран представляет собой одну из древнейших цивилизаций и серьезную геополитическую силу в центре Евразии. Автор исследует историю различных государственных образований, включая Мидийское царство, Парфию, империи Сасанидов, Селевкидов, Сефевидов, Омейядский халифат и других, существовавших на территории современного Ирана. Содержится обзор ключевых событий в российско-иранских отношениях с конца XVIII века до наших дней, включая войны между Российской и Персидской империями, взаимодействие Москвы и Тегерана в ходе Первой и Второй мировых войн, в эпоху холодной войны. Отдельное внимание в статье уделено Иранской революции 1979 года, которая рассматривается как символом протеста против доминирования Запада и важный фактор реисламизации, а также Ирано-иракской войне 1980–1988 годов и ее последствиям для региональной стабильности. В рамках изучения политики Ирана в XXI веке акцентируется внимание на отношениях Тегерана с ведущими центрами современного мира, включая Российскую Федерацию, Китайскую Народную Республику, Соединенные Штаты Америки. Описывается влияние ядерной программы Ирана на международные отношения и воздействие западных санкций на социально-экономическое положение в Исламской Республике. Автор делает вывод, что присоединившийся с 2024 года к БРИКС Иран имеет все шансы стать важным игроком в мировой экономике и политике. При этом и для самой группы Исламская Республика Иран является очень ценным активом.

Ключевые слова

Иран, Персия, Исламская Республика Иран, БРИКС, ислам, российско-иранские отношения, Исламская революция, Ирано-иракская война, ядерная программа Ирана, санкции.

Для цитирования

Никонов В.А. Исламская Республика Иран — новый участник БРИКС // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 7–41. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-7-41

The Islamic Republic of Iran as a New Member of BRICS

Vyacheslav A. Nikonov

DSc (Historical Sciences), Dean of School of Public Administration, Nikonov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article analyzes the political, economic and cultural development of Iran throughout the existence of this unique state and its role in regional and world politics. It is claimed that the Islamic Republic of Iran represents one of the oldest civilizations and a serious geopolitical force in the center of Eurasia. The author explores the history of various state entities, that existed on the territory of modern Iran. The article provides an overview of key events in Russian-Iranian relations from the end of the 18th century to the present day, including the wars between the Russian and Persian Empires, the interaction of Moscow and Tehran during the First and Second World Wars, and the era of the Cold War. Special attention is paid to the Iranian Revolution of 1979, which is considered as a symbol of protest against Western domination and an important factor in Reislamization, as well as the Iran-Iraq war of 1980–1988 and its consequences for regional stability. As a part of the study of Iran's policy in the 21st century, attention is focused on Tehran's relations with the leading centers of the modern world, including the Russian Federation, the People's Republic of China, the United States of America. The article describes the impact of Iran's nuclear program on international relations and the effect of Western sanctions on the socio-economic situation in the Islamic Republic. The author concludes that Iran, which joined the BRICS in 2024, has every chance to become an important player in the global economy and politics. At the same time, the Islamic Republic of Iran is a very valuable asset for the group itself.

Keywords

Iran, Persia, Islamic Republic of Iran, BRICS, Islam, Russian-Iranian relations, Islamic revolution, Iran-Iraq war, Iran's nuclear program, sanctions.

For citation

Nikonov V.A. (2024) The Islamic Republic of Iran as a New Member of BRICS. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 7–41. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-7-41

Введение

Новый участник БРИКС Исламская Республика Иран представляет одну из древнейших цивилизаций планеты и важную экономическую и геополитическую силу в центре Евразии. Страна с населением 89,2 млн человек раскинулась на площади в 1,65 млн км². Оценка ВВП на душу населения — 18,2 тыс. долларов (по ППС)¹.

Освоение человеком Иранского нагорья относится к концу VI–началу V тысячелетия до н. э., а Иран принадлежит к числу тех стран, где возникли первые государства. В начале IV тысячелетия до н. э. в Сузиане (современный Хузистан) в долине рек Карун и Керхе появились первые поселения. Население Сузианы их западные соседи — шумеры, вавилоняне и ассирийцы — называли эламитами (от «Эламту» — «Горная страна»). Это название находим и в Библии, откуда оно перекочевало в современную науку.

В VIII в. до н. э., когда вавилоняне боролись за свою независимость от Ассирии, Элам опометчиво встал на их сторону, но потерпел ряд поражений и исчез из исторических анналов.

На смену эламитах пришли мидийцы и родственные им персы, которые принадлежали к огромному миру иранских племен, раскинувшегося от Северного Причерноморья до нынешнего Афганистана. Эти племена включали также скифов южнорусских степей, бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев, саков и других жителей Средней Азии. «Часть иранских племен, которые впоследствии стали известны под именем мидийцев и персов, в XI в. до н. э. направились из южнорусских степей через Кавказ на территорию Северо-Западного Ирана (в частности, с район совр. Хамадана) ... Начиная со второй половины VIII в. до н. э. иранцы уже составляли большинство населения этих земель — в будущем Мидийского царства...» [Всемирная история 2011, 317–319]. На протяжении своей древней истории иранцы были главным образом пастухами, хотя занимались и земледелием.

Историю Ирана в самой этой стране принято отсчитывать с середины IX в. до н. э., с первого дошедшего до нас упоминания в одной из надписей ассирийского царя Салманасара III. В 836 г. до н. э. он получил дань от царей Парсуа, что к западу от озера Урумия, и достиг страны Мадай (Урмия — бессточное соленое озеро на северо-западе современного Ирана) [Азади 2023, 14]. В переводе с языка предков иранцев, пришедших на Иранское нагорье, «парс» означает «богатырь». Страну с подачи древних греков называли Персией, а ее язык — фарси. Другое название страны — Иран — означает «страна ариев», или «страна благородных».

Первым значительным иранским государством стало Мидийское царство, основанное в конце VIII — начале VII века до н. э., со столицей в Хамадане (Экбатана). Мидийского царя Дайаукку из рода Дейоков предание считает основателем Мидийской империи. Киаксар I из династии Уаксатар в 714 году до н. э. заплатил дань Саргону Великому, а в 702 г. до н. э. уже сам напал на ассирийскую провинцию Хархар. Войска из Парсуаша противостояли ассирийскому императору Синахерибу в 681 г. до н. э. Похоже, их вождем был Ахемен (Хакшаманиш), которого провозгласят основателем династии Ахеменидов. Его внуком был Кир (Кураш) I [Олмстед 2022, 43].

Совместно с вавилонянами Лидия разгромила в 612 г. до н. э. Ассирийскую империю, захватила северную Месопотамию и Урарту и сама стала империей. Персы попали под ее власть.

Империя Ахеменидов

Эмансипация Персии произошла стремительно. Царь Персии Камбиз был женат на дочери мидийского царя. Его сын Кир II, пришедшийся одновременно внуком последнему мидийскому царю Астиагу, в 559 г. до н. э. стал царем всех персидских племен. Он основал первую столицу Персии Пасаргады и вступил в борьбу с мидийским владычеством. В двух битвах мидийцы были

¹ The World Ahead 2024 // The Economist [Электронный ресурс]. URL: <https://www.economist.com/the-world-ahead-2024> (дата обращения: 03.01.2024).

разгромлены, их столица Экбатаны захвачена. При этом Мидия и мидяне при Ахеменидах считались равноправными с персами страной и народом. Это обусловило взгляд соседних народов на Персию как на продолжение Мидии.

В первые годы правления Кира II в состав Персидского царства вошли Ассирия, Армения и Каппадокия. За покорением Лидии и усмирением восстания некоего Пактии, обманувшего доверие Кира, который поручил ему управлять имуществом Креза, последовало покорение малоазиатских греков. Таким образом, Персидское царство стало первой из восточных монархий, дошедших до Черноморских проливов (Геллеспонта) и включивших в себя часть греческого мира [Тураев 2023, 143–144]. Затем Кир II обратил внимание на восток и северо-восток, вторгся в Южный Туркестан и включил в свою империю Маргиану, Бактрию, Согдиану и Хорезм [Макговерн 2021, 74].

Затем настала очередь Вавилона, близость гибели которого от рук мидян предсказывалась в главах 13 и 14 книги великого ветхозаветного пророка Исаии: «И Вавилон, краса царства, гордость Халдеев, будет ниспровержен Богом, как Содом и Гоморра» (Ис. 13, 19). Исаия приписывал Киру качества мессии (Ис. 45, 1–3). Вавилон сдался без боя, и ему был дарован мир. Так пала последняя семитическая держава Азии. В империи Кира оказались также некоторые области Пакистана, Афганистана и Индии [Тураев 2023, 148, 150]. Во время похода на масагетов Кир потерпел поражение и погиб.

Его сын Камбиз II (правил в 530–522 гг. до н. э.) завоевал Египет и провозгласил себя фараоном. Из Египта он совершил два неудачных похода в Нубию и Ливийский оазис. В ходе последнего похода его армия при переходе через пустыню погибла в песчаной буре. В самой Персии вспыхнул мятеж, власть в итоге оказалась у Дария I.

Дарий навел в империи порядок и начал новые завоевательные походы, в результате которых империя Ахеменидов расширилась до Балканского полуострова на западе и до Инда на востоке, став крупнейшим и мощнейшим государством, существовавшим когда-либо на тот момент истории.

Дарий разделил страну на несколько административных единиц — сатрапий. Впервые в истории, по сути, был осуществлен принцип разделения властей: войска напрямую не подчинялись сатрапам, а военачальники не имели административной власти.

Персы веками находились в близком контакте с высокоразвитыми культурами Месопотамии и Египта, к этому добавился культурный обмен с Грецией. При этом персы отличались способностью и готовностью перенимать у соседей все полезное. Геродот писал: «Персы больше всех склонны к заимствованиям чужеземных обычаев»².

Религия древних иранцев, доставшаяся от арийцев, оставалась поклонением дэвам, или истинным богам [Олмстед 2022, 43–44]. А затем появился зороастризм, который при Дарии более чем на тысячелетие лег в основу мировоззрения и официальной идеологии иранского мира. Его распространение в Восточном Иране и Средней Азии относят к VII–VI вв. до н. э. [Всемирная история 2011, 333].

О реальном Заратуштре (по-гречески Зороастре) известно крайне мало. Ученые не могут договориться даже насчет времени его жизни, называя даты от 1500 до 550 до н. э. «Затаруштра был одним из первых монотеистов, который понизил в звании божеств и духовных существ арийской религии», — пишет религиовед К. О’Доннел. — Заратуштра учил, что Ахура-Мазда — единственный бог. Остальные ахуры — некое подобие ангелов (язаты — «боготворимые существа»), а дэвы — демоны и прислужники сил зла». Зороастрийские священные тексты называются Авеста, из которых сохранилась лишь четвертая часть [О’Доннел 2012, 171–172].

² Геродот. История. СПб.: Мидгард, 2018. С. 73.

Превращение зороастризма в официальную религию не означало отвержение древних верований. В народе продолжали поклоняться древним божествам природы — Митре (богу солнца и света), Анахите (богине воды и плодородия) [Всемирная история 2011, 334]. Некоторые из царей по политическим причинам были готовы даже поклоняться богам Месопотамии. Царей хоронили в величественных гробницах, вопреки заветам зороастризма, по которым тела следовало оставлять на открытом воздухе на съедение зверям и птицам [Макговерн 2021, 78]. К покоренным народам и их верованиям персы относились терпимо.

Завоевав северо-западную часть Индии, остров Самос и города южного берега Черного моря, Дарий совершил хорошо описанный Геродотом поход против скифов, окончившийся первым поражением персидской армии. Слава о непобедимости персов померкла. Спустя некоторое время Дарий направил послов в греческие города с требованием земли и воды, что означало приказ покориться. Большая часть греческих полисов подчинилась, но в Спарте персидских послов бросили к колодец со словами: «Возьмите себе земли и воды сколько хотите»³. Дарий собрал стотысячное войско, и в 490 г. до н. э. его армия на кораблях переправилась через Эгейское море и высадилась около деревни Марафон. Здесь персы потерпели сокрушительное поражение от афинян в войне, которую основоположник геополитики Х. Маккиндер назвал едва ли не первым «столкновением морской и сухопутной силы» [Маккиндер 2021, 123–124].

Дарий собрал огромное войско, но восстание в Египте заставило отложить новый поход в Грецию. Дарий умер, не осуществив своих планов покорить греков. Трон перешел к его сыну Ксерксу, который поклялся «покарать афинян за все зло, причиненное ими персам и ... родителю»⁴. Финикийские и египетские мастера построили мост через Геллеспонт. Войско Ксеркса переходило по мосту семь дней. Но его поход в Грецию (480 г. до н. э.) закончился провалом. Да, персидский царь, как обещал, сжег Афины. Но потом афиняне и спартанцы разгромили его в битвах и на море — у острова Саламин, и на суше — при Платеях. По возвращении в Персию Ксеркс «запутался» в интригах и был убит начальником дворцовой стражи.

Наследники Дария I и Ксеркса ослабили царскую власть, окраины стали более независимыми. Как следствие, поднялся мятеж в Египте, начались беспорядки в Греции и Македонии, где прежние завоевания персов остались в памяти греков. Именно Македония выступила «могильщиком» империи Ахеменидов.

Завоевание Александра Македонского и Селевкиды

Цель реванша поставил Филипп Македонский — отец Александра, фактически объединивший Грецию под своей властью и создавший в 337 г. до н. э. Коринфский союз [Уртингтон 2014, 215–216]. На втором заседании Совета Филипп был официально избран гегемоном войны за освобождение всех греков и отмщение персам. Филипп скончался до начала похода, который возглавил его сын Александр.

Великий царь Персии был в курсе греческих планов, однако в приготовления к войне вмешалась внутренняя смута. В 338 году до н. э. Артаксеркс III, его сыновья и внуки были убиты визирем Багом. На трон под именем Дария III был посажен дальний родственник царской семьи.

В мае 334 года до н. э. войско Александра переправилось через Геллеспонт и двинулось на юг персидских владений, в сторону Египта. Лишь длительная осада Газы задержала Александра. В 332 году до н. э. были завоеваны Сирия, Палестина, Египет.

Александр двинулся на восток и встретил армию Дария в начале октября 331 г. до н. э. при Гавгамелах. Греко-македонская армия уступала в численности, возможно, в пять раз.

³ Геродот. История. СПб.: Мидгард, 2018. С. 524.

⁴ Там же. С. 475.

Но, развернув свои силы для обороны, Александр использовал кавалерию для прямой атаки на Дария и его колесницу, заставив персидского царя бежать, после чего вся персидская армия прекратила сопротивление. Вскоре Александра приветствовали в Вавилоне. Затем были заняты центры Персидской империи Персеполь и Сузы [Грэйнджер 2010, 111–112, 129, 131–132].

Историк А. Олмстед пишет: «Персеполь был богатейшим городом на свете; даже частные дома были полны всевозможных дорогих предметов, собранных за многие годы его существования. Мужчины были все безжалостно перебиты: оправданием этому были толпы страшно изувеченных греческих пленников, которых освободили солдаты. Женщины, конечно, попали в рабство, а македонцы дрались друг с другом за награбленное добро...» [Олмстед 2022, 557]. Развалины Персеполя — одна из главных исторических достопримечательностей современного Ирана.

В мае 330 года до н. э. Александр без боя занял Экбатану, последний оплот царя Дария III. Сам Дарий бежал на восток, где погиб от рук своих приближенных [Азади 2023, 50].

«Вторжение Александра для персов и многих из их подданных было вторжением варваров, разрушительным, смертоносным и святотатственным, — замечает Дж. Грейнджер. — Определенное количество персов покинули свою страну, в частности направившись в Индию, но не приняли македонское правление» [Грэйнджер 2010, 286–287].

Между 325 и 319 гг. до н. э. под властью одного человека — сначала Александра, а после его смерти в 323 г. до н. э. Пердикки, затем Антипатра — Греция, Македония, Персидская империя и долина Инда теоретически были единым государством. Но, оставив планы Александра по завоеванию оставшегося мира, его полководцы схлестнулись в борьбе за власть и сатрапии друг с другом. После ряда столкновений большая часть территории Ирана отошла к Селевку. Из пепла македонских завоеваний возник эллинистический Восток — мир, в котором чудесным образом смешался греческий и восточный элементы.

В царстве Селевкидов в качестве гражданских администраторов и в армии полагались на греков и македонцев, а также на местных, которые владели греческим языком, полагались на иммиграцию и естественный рост численности потомков этих иммигрантов. Но уже в период правления Селевка I его царство уменьшилось до Сузианы, Персиды и Центральной Мидии вследствие нехватки воинов и постоянного давления соперников, особенно Птолемея из Египта [Там же, 271–273].

Птолемей III в середине III в. до н. э. в войне против юного царя Селевка II захватил Селевкию, потом Атиохию, всю Сирию, а потом добрался до Бактрии, привезя богатейшие сокровища, удивившие даже издавших виды египтян [Магаффи, Джилман 2013, 141].

Но создание новой империи было уже не за горами. На несколько столетий Иран стал частью Парфии.

Парфия

Это государство, существовавшее с 250 года до н. э. по 225 год н. э., охватывало в эпоху своего расцвета Переднюю Азию от Инда на востоке до Евфрата на западе, от Каспийского моря и Амударьи на севере до Индийского океана и Персидского залива на юге.

Парны — ираноязычные сакские племена, родственные скифам, издавна кочевали по соседству с восточными рубежами царства Селевкидов. Около 250 г. до н. э. парны во главе с Аршаком, родоначальником династии Аршакидов, вторглись в сатрапию Селевкидов Парфию. Селевк II был вынужден признать власть Аршакидов над всей Парфией. Местоположение столицы нового государства менялось, но родовые усыпальницы Аршакидов вплоть до I в. находились

в Нисе, в 18 км к северо-западу от Ашхабада. Постепенно парны были ассимилированы парфянами — коренным населением Парфии, восприняли их язык, культуру и местные верования.

Парфяне в царствование Митридата I (171–138 гг. до н. э.) захватили Гирканию, Мидию, Вавилонию, Ассирию, Элимаиду, Персиду. Попытки Селевкидов восстановить там свою власть закончились разгромом армии последнего селевкидского царя Антиоха VII, который погиб в бою.

Парфянский царь Митридат II (123–87 гг. до н. э.) провозгласил себя наследником Ахеменидов и принял титул «царя царей». В сферу его влияния была включена и Армения, где парфяне посадили на престол Тиграна II. В этот период установились также дипломатические связи Парфии с Китаем, что и позволило состояться «великому шелковому пути» между Китаем и странами Средиземноморья. Парфяне контролировали большую часть этого пути и извлекали огромные прибыли от посредничества в торговле.

В период расцвета Парфии ее военная мощь была огромна. Ее армия была вооружена сложносоставными луками, а потомки парнов и местная иранская знать составляли конницу катафрактов — знаменитое парфянское изобретение, когда и лошадь, и всадник облачены в непробиваемые стальные пластинчатые панцири [Дибвойз 2022, 17, 30–31].

В 92 году до н. э. между Парфией и Римом была проведена граница по руслу Евфрата. Однако при парфянском царе Ороде II (56–36 до н. э.) римские легионы Марка Лициния Красса вторглись в западные парфянские сатрапии, но в мае 53 г. до н. э. в окрестностях города Карры были разбиты катафрактными наголову. Красс был убит, как и 20 тысяч его легионеров; 10 тысяч оказались в плену, их отправили на поселение в Северный Иран. В ходе ответного наступления парфяне захватили Левант и Анатолию, но были отброшены войсками Марка Антония обратно к Евфрату.

Вскоре после этого в Парфии стали вспыхивать гражданские войны, вызванные подстрекательством Рима к борьбе между парфянской и греческой знатью. Сумятица внутри Парфянской империи открыла возможность для вторжения римских легионов в Месопотамию. У Э. Гиббона читаем: «В промежутке времени между вступлением на престол Марка Аврелия и царствованием Александра Севера два раза вспыхивали войны между империями Римской и Парфянской, и, хотя все основные силы Аршакидов боролись только с одной частью военных сил римлян, успех постоянно был на стороне последних» [Гиббон 2022, 166].

Однако гибель Парфии пришла не от Рима — «их победители — Сасаниды — явились из Персии, где руины городов и могилы великих персидских монархов взывали к возрождению ушедшего иранского величия» [Дибвойз 2022, 18].

Империя Сасанидов

В 224 г. Ардашир Папакан, сын правителя городка Хейр в Парсе, разгромил армию парфян Артабана IV и создал вторую Персидскую империю — Ираншахр («Царство ариев») — со столицей в Фирузабаде, став основателем новой династии — Сасанидов. В период ее подъема постарались предать забвению все, что было после падения Ахеменидов: и парфянское наследие, и последние следы греческой культуры. Сасаниды были ортодоксальными зороастрийцами [Макговерн 2021, 487–488].

Сасаниды рассматриваются в Иране как носители подлинной иранской культуры, как династия просветителей и цивилизаторов. Ардашир Папакан отправил ученых для сбора книг в Индию, Рим и Китай.

Вступивший на престол в 501 г. Хосров I Анушариван основал учебное заведение для философских и медицинских исследований, большую часть преподавателей которого составляли христиане-несториане, с их помощью было переведено на персидский язык множество

греческих книг по логике и философии. Переводились и литературные произведения Индии [Моти Ас-Сайяд 2016, 98–99]. При Хосрове I началась активная территориальная экспансия. В 540 г. была захвачена Антиохия, в 562 г. — Египет. Персы заняли прибрежные области Аравийского полуострова, в том числе Йемен. Хосров разгромил и эфталитское государство на территории современного Таджикистана.

Хосров II в 603 г. возобновил войны с Византией. Персы захватили большую часть Западной Месопотамии и Сирии, Армению и Каппадокию, Пафлагонию и Галатию, и авангард их войска уже разбил лагерь в Халкидоне, близ Константинополя. Из Северной Африки двинул на Константинополь войско Ираклий, который свергнет императора Фоку и станет следующим императором Византии.

Через год после воцарения Ираклия персидский военачальник Шахрвараз захватил Антиохию, затем Дамаск, а в 614 г. — Иерусалим, где не оставил в живых почти никого из христиан. Храм Гроба Господня был сожжен, как и большинство других христианских церквей. Крест Господень и другие связанные с распятием реликвии, в том числе копье Лонгина, были захвачены и увезены в Ктесифон [Норвич 2023, 186–188]. В 617 г. из Палестины персидская армия вторглась в Египет, захватила Пелизиум, отчаянно сопротивлявшуюся Александрию, а затем двинулась на юг, покорив всю страну до самого Асуана [Кеннеди 2010, 186–187].

В ответ в 629 г. Ираклий вступил в Персию, добрался до Дастагирда, предав огню дворец великого шаха, а затем захватил и Ктесифон. Был заключен мир, по которому персы возвращали все завоеванные византийские территории и пленников, а также Крест Господень и прочие реликвии Страстей Христовых [Норвич 2023, 193].

После этих поражений Хосров был убит. Его внук, Йездигерд III (632–651), стал последним сасанидским царем. Персы столкнулись с новым могучим противником — арабами.

Арабское завоевание

Арабы начали вторгаться в пределы державы Сасанидов при преемнике Пророка Мухаммеда, первом праведном халифе Абу-Бакре, который правил в 632–634 гг. и завещал своему преемнику Умару продолжить завоевание. Сокрушительное и решающее поражение персидская армия потерпела в четырехдневной битве при Кадисии в декабре 636 г., где войсками арабов руководил Саид ибн Абу Ваккас, один из десяти наиболее близких сподвижников Пророка [Азади 2023, 138–140].

К 650 г. против мусульман держался только столичный Истахр. Его взятие арабами завершилось резней, в которой погибло 40 тысяч персов, в том числе представители царского и благородных родов. Уничтожались и главные символы зороастризма — храмы огня [Кеннеди 2010, 234]. Йездигерд был убит под Мервом на мельнице, где прятался от преследователей, что будет описано в бессмертной «Шахнаме» Фирдоуси. Сын Йездигерда Пероз бежал в Китай [Азади 2023, 142].

Однако весь VII в. и первые десятилетия VIII в. исламские армии с боями пробивались в земли на окраинах иранского мира [Кеннеди 2010, 244].

Подход мусульман к завоеванным территориям повсюду был единым — покорившихся без сопротивления облагали данью, а сопротивлявшихся истребляли. Принявшие ислам формально считались равными арабам (разумеется, дискриминация имела место), а иноверцы ежегодно выплачивали джизью — выкуп за сохранение жизни [Азади 2023, 140]. При этом исповедовать свою веру могли только «люди книги», то есть представители тех религий, у которых были священные тексты.

В этой связи в Персии возникла проблема зороастрийцев. Они упоминаются в Коране как маги и в крайне негативном контексте. Сам пророк определенно не считал их обладателями религии

откровения. Но они могли представить свое священное писание — Авесту. Судя по всему, именно мусульманские завоевания подтолкнули окончательную кодификацию манускриптов Авесты. Жители Персии получили статус зимми (люди договора).

С 661 по 750 год арабский халифат, охватывавший и Персию, назывался Омейядским халифатом по правящей династии или Дамасским по месторасположению столицы. Арабы занимали в нем все ключевые должности, иранцы выступали максимум в роли «менеджеров среднего и низшего звена». Арабы активно заселяли покоренные земли.

«Всякий мусульманин был в первую очередь членом общемусульманской общины, а уже потом — жителем того или иного города, провинции, выходцем из той или иной этнической группы, — замечает востоковед И. Фильштинский. — Литературный арабский язык как бы «денационализировался», стал восприниматься не только как язык завоевателей, но в первую очередь как язык общей культуры. Всякий образованный мусульманин — иранец или тюрк, житель далекой Андалусии или Индии — стремился овладеть языком священного Корана и обширной богословской литературы» [Фильштинский 2008, 299–300].

Однако, если в Сирии, Ираке и Египте мусульманское завоевание привело к триумфу арабского языка как языка высокой культуры и повседневного общения, в Иране этого не произошло. Арабский оставался языком имперской администрации, богословских и философских диспутов, интеллектуального общения подобно латыни в средневековой Европе. Но в повседневной жизни на нем не говорили.

В Иране сохранялись и персидские традиции, причем их носителями выступили не зороастрийские священнослужители — мобеда, которые довольно быстро растворились, сохранившись только среди парсов в Индии [Шпулер 2022, 39]. Национальные традиции сберегла светская элита, принявшая ислам. В княжествах северного и северо-восточного Ирана, куда почти не проникла первая волна арабских завоевателей, правители по-прежнему числили себя потомками Сасанидов и благородных семей империи. Их дворы представляли собой заповедники иранской культуры, и именно в них зародится персидский ренессанс [Кеннеди 2010, 252–253]. Сохранились также древние праздники Навруз и Михраган. Навруз отмечают в начале весны и персидского года, а Михраган — осенью, в соответствии со старым зороастрийским календарем, который остался в употреблении и при мусульманах, как и названия месяцев [Шпулер 2022, 39–40].

В 750 году персидский генерал Абу Муслим возглавил поход Аббасидов против Омейядов на Дамаск, а затем на столицу Халифата Багдад. В благодарность новый халиф даровал персидским губернаторам определенную автономию и взял нескольких персов на службу в качестве визирей. В 822 году Тахир бен-Гусейн бен-Мусаб, губернатор Хорасана, провозгласил независимость провинции и объявил себя родоначальником новой персидской династии — Тахиридов, правившей в 821–873 гг. Уже к началу правления Саманидов (875–999 гг.), которые вели свою родословную от Сасанидского шахиншаха Бахрана Чубина, Иран практически восстановил свою независимость от арабов.

На пике могущества Саманидов — при Исмаиле Самани — их столица Бухара стала конкурировать с Багдадом за звание культурного центра ислама. В 962 году тюркский полководец Алп-Тегин выступил против Саманидов и основал тюркское государство Газневидов со столицей в Газни (Афганистан). При Саманидах и Газневидах культурный расцвет Персии продолжился.

Персидский язык обретает новую жизнь. Этот «новый персидский» использовал арабское письмо и заимствовал из арабского много слов, но грамматика и основной словарь оставались персидскими. С тех пор новоперсидский язык претерпел мало изменений. И именно на нем персоязычные поэты и писатели сочиняли свои стихи и писали свои произведения [Моти Ас-Сайяд 2016, 114].

Новоперсидский был официальным языком двора в государстве Сельджукидов (1037–1194 гг.), ведущих род от главы тюркского огузского племени кынык Сельджука. Сельджуки были подвластны Гезневидам, но восстали и отвоевали у них Иран, Хорезм, Согдиану и Бактрию, загнав Газневидов в Афганистан. А затем и вовсе захватили Багдад и основали собственную империю, остатки которой будут разгромлены только монголами в 1243 г.

Культурное возрождение

Иранский исламский мир достиг и величайшего уровня развития науки, искусства, философии, унаследовав знания Ближнего Востока, Греции, самой Персии и прибавив к ним многие арабские инновации. Коран во многих местах призывает к размышлению над состоянием Вселенной и содержанием самого Откровения. Особенно поощрялись теология, медицина, астрономия.

«Исламская цивилизация не только спасла греческое наследие от уничтожения и забвения, упорядочила и передала его Европе, но и положила начало экспериментальной химии, физике, алгебре, арифметике в современном виде, сферической тригонометрии и геологии, — замечает иранский историк науки С. Джаханбахш. — В 1000 г. в двух халифских библиотеках работали сотни библиотекарей, ведавшие в общей сложности 2,2 млн книг... В том же году ал-Бируни рассказывает о вращении Земли вокруг солнца» [Джаханбахш 2016, 137].

Наиболее ценной была методология эмпирических исследований в области естествознания. Джабир ибн Хайян, живший в VIII веке, известный в Европе как Джебер, считается отцом и химии, и алхимии. Мы пользуемся арабскими цифрами, хотя появились они в Индии и в исламских странах называются индийскими. Сами эти цифры стали известны благодаря переводу с санскрита Муххамадом Фарази книги по астрономии «Стенхенд», а также последующим трудам Аль-Хорезми. Слово «алгоритм» — всего-навсего его искаженное имя. Главный труд аль-Хорезми «Аль-Джабр ва-ль-Мукабала» («Книга о восполнении и противопоставлении») был первой книгой по алгебре и тригонометрии, которая и дала название этому разделу математики. Алгебра лежала в основе астрономии. Крупнейшие обсерватории мира располагались в Самарканде и Мараге [Зарринкуб 2011, 57, 61, 70–75, 80–81].

Среди ученых нельзя не отметить Аль-Фараби (871–951 гг.), который был выдающимся философом, математиком, астрономом, физиком, минералогом, врачом и теоретиком музыки, автором «Книги о постоянстве движения вселенной», «Трактата и сущности души», «Большой книги о музыке» и ряда других. Его родной язык тогда назывался кумранским, но он также свободно владел арабским, персидским, латынью и санскритом. Вместе со знаменитым переводчиком Абу Баширом Матта Аль-Фараби переводил труды Аристотеля с греческого на арабский и персидский и написал к ним комментарии. Его политические трактаты «Жемчужина премудрости», «Взгляды жителей добродетельного города» и «Гражданская политика» на протяжении уже тысячи лет изучаются в университетах Востока и не только⁵.

За Аль-Фараби следовал живший в Бухаре Авиценна, он же Ибн Сина (980–1037), — автор энциклопедического «Канона врачебной науки», философских трактатов — до ста малых и крупных трудов. Только в XVI веке «Канон» выдержит в Европе более двадцати переизданий.

В математике и естественных науках самое видное место занимают упоминавшиеся аль-Хорезми и ал-Бируни (первым предложивший компаративистский метод научного исследования). Среди великих математиков был и Омар Хайям [Моти Ас-Сайяд 2016, 110–112].

Плеяду выдающихся литераторов открыл поэт Рудаки (860–941), основоположник литературы на фарси — новоперсидском языке. За ним появился Фирдоуси (940–1020) —

⁵ Аль-Фараби. Трактаты об искусстве управления. М.: Бизнеском, 2011.

выдающийся классик персидской литературы, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Канон царей»). Это стихотворный персидский эпос из 50 тысяч двустиший, в котором описывается история Ирана от древнейших времен до VII века. За 35 лет работы над поэмой Фирдоуси переработал огромное количество материала, начиная с устных преданий древних иранцев и заканчивая текстами Авесты [Азади 2023, 53].

Хаджи Гийас ад-Дин Абу-л Фатх Омар ибн Ибрахим ал-Хайями ан-Найсабури — так к нему обращались в ученых собраниях — Омар Хайям (1048–1131), математик, астроном и поэт. Со временем его живая мудрость стала забываться, и, возможно, его ожидала обычная посмертная судьба многих замечательных ученых: упоминание в несколько строк в книгах об истории науки. Но остались его стихи-рубаи, и именно они более чем через восемь столетий после ухода автора обеспечили ему триумфальное возвращение в мир живых — теперь уже под кратким запоминающимся именем Омар Хайям⁶.

А был еще Низами (ок. 1141–ок. 1209) — один из выдающихся поэтов средневекового Востока, основоположник реализма в персидской литературе, автор эпических поэм «Семь красавиц», «Хосров и Ширин» и «Искандер-наме». Саади (ок. 1210–ок. 1292) — выдающийся поэт и мыслитель, автор известной поэмы «Бустан».

Монгольское завоевание

В 1219 году северо-восток Ирана, находившийся в составе тюркского Хорезмского царства, был атакован войсками Чингисхана. В руках хорезмшаха Ала ад-дина Мухаммеда тогда оказалось огромное государство, объединившее Туркестан, Афганистан и Персию, и до тех пор хорезмские правители считались непобедимыми завоевателями [Шпулер 2022, 158–159].

В Бухару к Мухаммеду явилось посольство от Чингисхана со множеством ценных подарков и посланием: Чингисхан считает его своим любимым сыном, что на языке монголов означало вассалом. Мухаммед слишком был уверен в своем могуществе, монгольские послы и купцы в 1218 году были перебиты, после чего война стала неизбежна [Мюллер 2018, 189–190].

Чингисхан собрал огромную армию, оцениваемую мусульманскими источниками в 600–700 тысяч всадников, хотя некоторые исследователи сокращают это число до 150–220 тысяч [Ру 2012, 263–264].

Хорезмшах, имевший двукратное превосходство в силах, не рискнул принять генеральное сражение, предпочитая укреплять города и растягивая войска противника [Греков, Якубовский 1950, 49]. Войска Чингисхана не смогли с набега взять Отрар. Оставив войско сыновей Чагатай и Угэдэя для осады, Чингисхан направил свои армии вниз и вверх по Сыр-Дарье. Были уничтожены Самарканд, Бухара, Ургенч, Кеш, Нахшеб, Термез, Мерв. В столицу Чингисхана Каракорум была угнана целая армия ремесленников и ученых из еще недавно богатых и славных городов.

Ала ад-Дин бежал на запад. Чингисхан отправил в погоню за ним корпус в двадцать тысяч бойцов под командованием Джэбэ и Субэдэя. Под Хамаданом султан оторвался от преследователей и укрылся на одном из небольших каспийских островов, где и скончался. Но отряд продолжил свой поход [Груссе 2008, 215]. За сорок месяцев Джэбэ и Субэдэй совершили фантастический рейд, пройдя около двадцати тысяч километров по неведомым и враждебным местностям, потеснив и победив иранцев, грузин, тюрков-кипчаков, занимавших причерноморскую степь, русских на Калке, волжских булгар.

Тем временем Чингисхан постарался овладеть Хорасаном и подавить сопротивление сына покойного хорезмшаха, Джелал ад-Дина — паладина, удержавшего Афганистан. Сын Чингисхана

⁶Омар Хайям. Рубаи. М.: Рипол-Классик, 2008. С. 5–6, 11.

Тулуй взял Мерв, Нишапур и Герат. Сам же Чингисхан занял Бактры, перевалил через Гиндукуш, настиг Джелал ад-Дина на Инде, победил его в ноябре 1221 г., вынудив бежать в Индию. Осенью 1222 года Чингисхан был в Бухаре, перезимовал в Самарканде и в 1225 году вернулся в Монголию [Ру 2012, 264–265].

Местности, которые оставались «отлично возделанной страной и возделывались миллионом прилежных людей, были обращены в пустыню. Обитатели, которым удалось спастись от монгольских полчищ, принуждены были в течение всего следующего года питаться большей частью нечистыми животными: собаками, кошками и т. п., потому что монголы уничтожали все хлебные поля. Почти все города представляли собой груду развалин, на которых блуждали одинокие и жалкие представители спасшихся» [Мюллер 2018, 203–204]. Не враг монголов, а один из чиновников у них на службе — Ата Малик Джувейни — утверждал, что «каждый город и каждая деревня неоднократно подвергались грабежу и избиению» и погибло девять десятых населения Восточного Ирана [Ру 2012, 265].

Завершил завоевание Ирана с 1255 года внук Чингисхана Хулагу. После покорения мелких царьков северо-запада Персии Хулагу напрямик пошел на Багдад и 10 февраля 1258 года захватил резиденцию халифов [Шпулер 2022, 170–172]. В основанном монголами государстве его потомки-ильханы правили до середины XIV века.

«В монгольский период, несмотря на все разрушения, иранская цивилизация находилась на пике своего развития, потому что исчезновение этого ценного наследия было невозможно даже при столь разрушительном нашествии», — пишет Моти Ас-Сайяд. Ат-Туси был величайшим ученым в области естественных наук. Он заведовал делами вакфов общественных земель — и сумел использовать служебное положение, чтобы открыть медресе, собрать ученых и создать обсерваторию в Мараге, а при ней библиотеку из 400 тысяч книг.

В монгольский период была создана самая объемная историческая энциклопедия на фарси, написанная Рашид ад-дином Феллаллахом, который был визирем при трех монгольских султанах. Его «Собрание летописей» является уникальной историей монголов с древнейшей поры. Рашид ад-дин был не только историком, он оставил многочисленные сочинения по медицине, экономике сельского хозяйства, религии, литературе [Моти Ас-Сайяд 2016, 115–120].

В 1380 г. властителем Ирана стал великий тюркский завоеватель и правитель Эмир Тимур, более известный как Тамерлан. Словами А. Тойнби, он получил «ни больше, ни меньше, как наследие великой евразийской империи Чингисхана, поскольку в то время кочевники отступали на всех участках вдоль пространной границы между пустыней и возделанными землями» [Тойнби 2012, 592–593].

Тимур, ставший уже непререкаемым господином Центральной Азии и Ирана, формально должен был подчиняться ильхану, кровному родственнику Чингисхана, но этот «марионеточный» хан фактически не имел власти. К Тимуру все еще обращались как к эмиру Мавереннахра — «государю территории за рекой», хотя его имя упоминалось в проповедях в мечетях по всей огромной территории его владений.

Тимур оставлял опустошенными пограничные провинции и направлял усилия на развитие внутри своих владений. Этим объяснялось величие державы Шахруха, младшего сына Тамерлана, включавшей Персию, Самарканд и Афганистан. Это был золотой век персидской архитектуры на пространстве в три тысячи километров — от Газни до Тебриза [Лэмб 2014, 146–147, 275–276]. Искусные иранские мастера в Самарканде воздвигли шедевры мировой архитектуры. Столица Тимуридов Герат была центром художественного искусства. В этот период появлялись школы каллиграфии, училища для художников, миниатюристов [Моти Ас-Сайяд 2016, 120–121].

Завоевания Тимура способствовали оживлению торговли на евразийских караванных маршрутах, центром которых стал Тебриз. Он, по сути, сокрушил Золотую Орду, чем помог Московскому царству сбросить ордынское иго [Лэмб 2014, 242–243].

Сефевиды

Восстановление Персидской державы началось с приходом к власти кызылбашской династии Сефевидов, положивших конец правлению потомков монгольских завоевателей и Тимуридов.

Абу-л-Музаффар Исмаил бин Гейдар ас-Сефеви, более известный как шахиншах Ирана Исмаил I, и род Сефевидов сделали своей опорой кочевников, говоривших по-азербайджански. Исмаил начал с похода на Ширван в 1500 г., победоносно вступил в Тебриз и там провозгласил себя шахом Азербайджана. Вскоре он подчинил себе весь Иран и в мае 1502 г. короновал себя шахиншахом Персии. На северо-западе владения Исмаила простерлись до Картлийского царства со столицей в Тифлисе, а на западе немного не доходили до Инда.

Именно при Исмаиле I ислам шиитского толка был принят в Иране в качестве государственной религии. Шииты после Аллаха и Мухаммеда чтят двенадцать имамов: зятя Мухаммеда Али и одиннадцать его прямых потомков. Шииты считают, что руководителями мусульманского сообщества могут быть только имамы («впередсмотрящие») из числа потомков Али ибн Абу и дочери пророка Мухаммеда Фатимы. Достоинство имама не может быть присвоено верующими, как у суннитов, а наследуется по божественному повелению [Азади 2023, 141]. Имам Али-Хусейн ибн Али ибн Абу Талиб, младший сын Али и Фатимы, является самым почитаемым мучеником у мусульман-шиитов. В память о его трагической смерти Иран ежегодно погружается в траур на первые 10 дней месяца мухаррам, завершающийся поминовением Хусейна в день его трагической гибели.

Святыми центрами шиизма считаются прежде всего Мекка и города в Ираке Кербела, где погиб в 680 г. имам Хусейн — сын Али и внук пророка Мухаммеда, Неджеф где похоронен праведный халиф Али ибн Абу Талиб, и Каземейн. Главным святым местом в Иране является Мешхед, где находится гробница восьмого шиитского имама — Али-ар-Резы, и Кум, где покоится Фатима. Имеются и многочисленные гробницы потомков шиитских имамов (иаим-заде), к которым совершаются паломничества [Осанов 2014, 40].

Наивысшего расцвета империя Сефевидов достигла при Аббасе I (правил в 1588–1629 гг.) пятом шахиншахе, который считается одним из самых великих правителей в иранской истории, хотя в начале ничто этого не предвещало: на третьем году правления Аббас был вынужден уступить османам Восточную Грузию, Восточную Армению, Курдистан, значительную часть азербайджанских земель. Однако, создав современную армию с корпусом мушкетеров и артиллерией, в 1597 г. он отвоевал Хорасан, в 1613 г. вернул ранее уступленное османам Закавказье, присоединил части территории Ирака, Афганистана, Пакистана. Владения Ирана простирались уже от Тигра до Инда. Аббас развивал торгово-экономические отношения с европейскими странами — Московским царством и Англией. В 1623 г. британский флот изгнал португальцев с островов Ормуз и Кешм в Персидском заливе, и через Ормузский пролив пошла иранская морская торговля.

Правление Аббаса Великого заложило основы для успехов последующих правителей. В 1639 г. в руки Сефевидов перешли весь арабский Ирак и часть Верхней Месопотамии со священными для шиитов городами Неджеф и Кербела [Азади 2023, 248–252]. Эпоха Сефевидов была периодом строительства великолепных мечетей и дворцов в Исфахане. Предметом гордости музеев всего исламского мира являются коллекции удивительных иранских ковров и молитвенных ковриков [Моти Ас-Сайяд 2016, 121].

Однако и империя Сефевидов пришла в упадок. В 1722 г. афганцы-гильзаи совершили набег на Иран, с ходу взяли Исфахан. Тогда Надир, полководец последнего правителя из династии Сефевидов Тахмаспа II, убил его вместе с сыном и установил в Иране власть династии Афшаридов.

Афшариды, Зенды, Каджары

Первым делом Надир-шах сменил государственную религию на суннизм, а затем разгромил афганские войска, которые бежали в Индию. Надир-шах призвал индийского могола Мохаммед-шаха не принимать их, а когда тот отказал, в 1739 г. войска вошли в Дели, устроив в городе резню, потом вернулись в Иран, полностью разграбив страну. В 1740 г. Надир-шах совершил поход в Туркестан, в результате которого границы Ирана продвинулись до Амударьи. На Кавказе персы дошли до Дагестана. В 1747 г. Надир-шах был убит.

В 1750 году власть перешла к Карим-хану из династии Зендов, который стал первым за 700 лет персом, ставшим во главе государства. Он перенес столицу в Шираз. Власть Зендов продержалась лишь три поколения, и в 1781 г. правление перешло к династии Каджаров.

Основатель династии Ага-Мохаммед-хан, учинил расправу над Зендами и потомками Афшаридов. Известен он и тем, что сделал столицей Тегеран. И тем, что при нем впервые напрямую столкнулись интересы Персии и Российской империи.

Россия и Персия

История отношений нашей страны с Ираном непростая. Конфликт стал неизбежен, когда царь объединенных Картли и Кахетии Ираклий II в 1783 г. заключил Георгиевский трактат, согласно которому Россия принимала царство под свой протекторат. Персия восприняла это как прямой вызов, и Ага-Мохаммед-хан предпринял поход на Грузию, разгромил Тифлис, уничтожил более 20 тысяч человек, а половину жителей увел в плен. Готовившийся на 1797 г. второй поход на Грузию не состоялся, так как шах был убит собственными слугами (грузином и курдом) в Карабахе. Меж тем сын Ираклия Георгий XII вступил в переговоры о полном вхождении Грузии в состав Российской империи [Гордин 2008, 11].

За два месяца до кончины императора Павла I, 18 января 1801 г., был обнародован манифест, возвещавший о присоединении Грузинского царства к России. Вступивший вскоре на престол Александр I некоторое время пребывал в нерешительности, заявив «о крайнем отвращении принять это царство в подданство России, почитая несправедливым присвоение чужой земли». После долгих колебаний 12 сентября 1801 г. был обнародован манифест, которым император принимал на себя бремя управления Грузинским царством [Шильдер 2010, 117–118]. Через Кавказские горы двинулись российские войска.

Персия и Османская империя восприняли это как прямую и непосредственную угрозу своим интересам, Великобритания — как косвенную и потенциальную. Немедленно началась война с Персией, а затем и с Турцией. Поле Русско-персидской войны стали азербайджанские земли, где были сильны антиперсидские настроения. Немногочисленные отряды генералов Котляревского и Торماسова в нескольких сражениях разгромили нестройные армии персов. В 1805 г. России присягнули хан Карабаха Ибрагим и хан Ширванский Мустафа, добровольно присоединилось Шекинское ханство. Ханство Гянджинское, отклонившее такую возможность, было завоевано и упразднено. В 1806 г. генерал Цицианов без охраны явился принять ключи от города у бакинского хана, но был вероломно убит. Хану пришлось бежать из Баку, сдав его русским войскам.

Каджарский шах Фетх Али попытался обратиться за помощью к британцам, с которыми он в 1801 году заключил весьма невыгодный для Ирана договор [Азади 2023, 288]. И здесь началась знаменитая британская «большая игра». Историк Питер Хопкирк пишет о ее истоках: «Это все

началось в первые годы XIX века, когда русские войска начали воевать на землях к югу от Кавказа, тогда заселенных яростным племенами мусульман и христиан, и продвинулись в северную Персию... Несмотря на постоянные заверения Санкт-Петербурга об отсутствии у него враждебных намерений в отношении Индии и о том, что каждое его продвижение было последним, это представлялось многим частью грандиозного замысла поставить всю Центральную Азию под контроль царя. И опасались, что, когда это будет закончено, финальное наступление будет на Индию — величайший из всех имперских призов» [Норкirk 2006, 2, 4]. Англия начала активную борьбу с Россией.

После того, как в 1806 г. русские войска взяли Баку, Персия заключила договор и с наполеоновской Францией, под французским патронажем должно было начаться создание регулярной армии. Эти планы были сорваны подписанием Тильзитского мира, после чего Наполеон стал подталкивать Фетха Али к миру с русскими, но тот предпочел заключить в 1809 г. новый договор с британцами (кстати, тогда формально союзниками России), которые дали шаху пушки, ружья, инструкторов и средства на реорганизацию армии [Азади 2023, 288–289].

Помогло это Ирану в войне с Россией не сильно. В декабре 1811 г. Эриванская крепость, считавшаяся неприступной, была взята штурмом двумя батальонами Грузинского гренадерского полка Котляревского [Айрапетов 2017а, 243].

Нападение французов в 1812 г. на Россию не снизило российской активности в Закавказье. В конце октября 1812 г. в битве при Асландузе сын шаха Аббас Мирза потерпел очередное поражение, после которого стали неизбежны переговоры. Их итогом стал мирный договор, подписанный 24 октября 1813 г. в карабахском селении Гюлистан [Азади 2023, 288–289]. Персия признала переход к России Северного Азербайджана, Восточной Грузии, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии. Россия получала исключительное право держать флот на Каспийском море. Купцы обеих стран получили право свободной торговли [Там же, 248].

В ноябре 1814 г. был подписан новый договор между Ираном и Великобританией, по которому англичане обещали шахиншаху добиться пересмотра условий Гюлистанского договора и военно-финансовую поддержку, подталкивая шаха и его окружение к новой войне с Россией [Азади 2023, 290]. Британская Ост-Индская компания, взявшаяся за перевооружение персидской армии, сделала все, чтобы шах назначил наследником не старшего сына, пророссийски настроенного Магомета-Али, а следующего по старшинству — Аббас-Мирзу, «Аббаску», как его звали в России, коль скоро он был рожден от правоверной мусульманки, а Магомет-Али — от грузинской христианки [Кисин 2021, 120–121].

Пришедшие в Тегеран вести о восстании декабристов и слухи о предстоявшей отставке «проконсула Кавказа» А.П. Ермолова стали одним из доводов в пользу новой войны с Россией.

Вторая русско-персидская война началась без официального объявления. В июне 1826 г. 60-тысячная шахская армия стремительно двинулась на север. Меньшая ее часть вдоль западного побережья Каспия вторглась в Талышское ханство, имея целью дойти до Баку. Однако на этом направлении персов ждала неудача. Большая же часть шахской армии, 40 тысяч конных воинов во главе с Аббас-Мирзой, вторглась в Карабахское ханство, надеясь прорваться к Тифлису. Но на пути встала небольшая крепость Шуша, которую при поддержке местных жителей-армян 48 дней защищал небольшой русский гарнизон полковника Реута. Оставив для блокады Шуши небольшие силы, Аббас продолжил движение на Тифлис.

Ермолов имел под своим командованием только 12 тысяч человек, разбросанных по всему Закавказью. Из этих сил он сформировал 4-тысячный отряд под командованием генерала В.Г. Мадатова и послал его навстречу конной армии Аббас-Мирзы. 3 сентября в сражении на реке Шамхор, не выдержав огня русской артиллерии и штыковых атак, персы отступили.

На помощь Мадатову подошел из Тифлиса 5-тысячный отряд во главе с прибывшим из Санкт-Петербурга генералом И.Ф. Паскевичем, к которому присоединились также 2 тысячи местных ополченцев. Аббас-Мирза поспешил уйти за пограничный Аракс. За ним последовали персидские отряды, действовавшие в Северном Азербайджане.

В апреле 1827 г. новый наместник края и главнокомандующий Паскевич начал поход на Эриванское ханство, восторженно встреченный армянским населением. Эривань была взята, когда артиллерийский огонь разнес крепостные стены, затем пали города и крепости: Нахичевань, Аббасабад, Меренд, Урмия, Ардебиль [Шишов 2019, 186–188].

Русские войска встречали с радостью как избавителей от власти Каджаров, весьма непопулярных в азербайджанских провинциях Персии. В октябре без боя был взят Тебриз, дорога на Тегеран, куда бежал наследный принц, была открыта. Шах вынужден был запросить мир [Айрапетов 2017b, 51–52].

Переговоры, проходившие в селении Туркманчай близ Тебриза, затянулись из-за интриг Лондона. Только 18 февраля 1828 г. Россия и Персия подписали мирный договор, завершивший вторую и последнюю Русско-персидскую войну. По Туркманчайскому миру к России отходили Эриванское и Нахичеванское ханства, из которых была образована Армянская область с русской администрацией. На Персию была возложена огромная контрибуция в 20 млн рублей серебром. Договор подтвердил преимущественное право России иметь военный флот на Каспии и свободу плавания там ее торговых судов. Стороны обменялись миссиями на уровне посланников и установили консульские отношения. Николай I указом от 24 апреля 1828 года учредил в Персии российскую дипломатическую миссию. Ее главой в ранге полномочного министра стал А.С. Грибоедов.

Через девять месяцев после своего назначения в Тегеран статский советник Грибоедов погибнет с оружием в руках во время разгрома русской дипломатической миссии толпой фанатиков, защищаясь до последнего с казаками конвоя и служащими.

Император после этой трагедии оказался в крайне затруднительном положении. Шла война с Турцией, и Николай не был заинтересован в столкновении с Персией. Император решил свести разгром миссии к «случайности». Но от Персии потребовал извинительного письма Фетх Али-шаха, наказания виновных и искупительной миссии одного из «принцев крови» — сыновей наследного принца Аббас-Мирзы [Шишов 2019, 188–191]. Император выделил по 30 тысяч рублей матери и вдове Грибоедова.

В Тегеране не торопились, ожидая исхода Русско-турецкой войны. Только в мае 1929 года в столицу тронулась миссия седьмого сына Аббас-Мирзы 16-летнего Хосров-мирзы со свитой. Паскевич отправил его в Россию «почти насильно». Но в России Хосрова-мирзу ждал роскошный прием.

12 августа искупительная миссия была принята императором в Зимнем дворце. Хосров-Мирза через переводчика зачитал послание Фетх Али-шаха, где говорилось, что «злополучное происшествие покрыло глубоким мраком весь наш Дом и всех верных его подданных» [Айрапетов 2017b, 62–63]. Шах сообщал, что всех замеченных в погроме он приказал казнить, наместника столицы удалить со службы, стоявшего во главе мятежа верховного муллу Тегерана Мирзу-Месиха сослал в заточение в один из отдаленных городов, а Аллояр-хан, организатор нападения на русское посольство, был бит палками по пяткам. В подарок Николаю I были посланы подарки, в том числе знаменитый алмаз «Шах» в 88,5 карат, который ныне хранится в Алмазном фонде Московского Кремля.

После того, как было зачитано «извинительное письмо» шаха, император Николай I подал руку «принцу крови» и заявил: «Я предаю забвению злополучное тегеранское происшествие» [Шишов 2019, 192].

Это была последняя Русско-персидская война. В дальнейшем отношения, несмотря на постоянные происки англичан, приобрели весьма близкий характер.

Британия, напротив, усиливала свое давление, следствием чего стала Англо-иранская война 1856–1857 гг. Хотя Лондон не добился военной победы и вызвал всплеск антибританских настроений в Иране, Каджраское государство было ослаблено. Это создало условия для навязывания западными державами ряда неравноправных договоров, превративших Иран в де-факто зависимую страну.

В 1870-е Россия и Британия вступили в борьбу за концессии на строительство шоссейных и железных дорог, которая завершилась победой нашей дипломатии после визита в Петербург осенью 1873 г. Насер ад-Дин-шаха [Полищук 2014, 569–570].

В июле 1879 г. был образован Персидского Его Величества шаха казачий полк по образцу российских казачьих полков. Его формированием занималась группа русских инструкторов во главе с заведующим обучением персидской кавалерии полковником Генерального штаба А. Домонтовичем. Полк вырос в бригаду, номинально подчинявшуюся персидскому военному министру, но непосредственное руководство осуществлял русский посланник в Тегеране на основании инструкций Военного министерства России. Российское правительство уделяло бригаде мало внимания, и она приходила в упадок, чему способствовала некомплектность офицерского состава, интриги в российском дипломатическом корпусе в Тегеране и антироссийской партии при шахском дворе [Осанов 2014, 115].

Персидская казачья бригада была далеко не единственным инструментом российского влияния. Российский крупный бизнес активно работал в Иране. Крупнейшее рыболовное хозяйство на Каспии принадлежало Лиозновым. Концессию на организацию страхового и транспортного дела сроком на 75 лет в 1890 г. получил Л.С. Поляков. Развитие транспортной сети финансировал Учетно-ссудный банк, через который в дорожную сеть Россия вложила 21 млн рублей. Чтобы помочь Ирану слезть с британской «финансовой иглы», Петербург предоставил в 1900 г. заем в 22,5 млн рублей сроком на 75 лет.

Но Британия и не думала отступать. Как только в 1908 г. в районе Мейдане-Нафтун обнаружили нефть, в Лондоне была образована Англо-иранская нефтяная компания, которая станет основным инструментом ограбления Ирана в XX в. [Полищук 2014, 571].

Иранская революция 1907–1911 годов

Мозафереддин-шах Каджар, пришедший к власти в 1896 г., был обучен европейским манерам, бегло говорил и читал по-французски, отдавал должное западным веяниям. 9 сентября 1906 года он подписал закон о выборах в меджлис. Иранские мужчины старше 25 лет, известные и пользующиеся уважением по месту жительства, получали избирательные права. Одновременно был создан Сенат (половина назначается, половина избирается «из людей опытных, почтенных и религиозных»).

Депутаты парламента не доверяли шаху (в первую очередь из-за никем не утверждаемых огромных личных трат) и разработали проект конституции, который ограничивал полномочия шаха и подотчетного лишь ему правительства. 4 января 1907 г. шах умер, власть перешла к его сыну Мохаммаду-Али, который не собирался делиться ею с парламентом, конституцию считал зловердной европейской выдумкой и просто перестал утверждать принятые меджлисом законы. 3 июня 1908 г., получив информацию об очередном готовящемся на него покушении, шах выехал из столицы и двинул на нее Персидскую казачью бригаду под командованием полковника В.П. Ляхова, которого назначил генерал-губернатором Тегерана. Выстрелами из пушек казаки разогнали парламент.

Однако репрессии не привели оппозицию к покорности, начались восстания в Исфахане, Гиляне, а также в Тебризе, где протесты возглавил Саттар-хан. Считающийся выдающимся деятелем

Конституционной революции и народным героем Ирана, он провозгласил создание революционной армии. Верные шаху войска не раз пытались взять Тебриз, но безуспешно.

Саттар начал поход на Тегеран под лозунгом защиты конституции и с требованиями отречения шаха. В столице его встречали как героя, спасителя, с почетом приняли во вновь собравшемся меджлисе. Но по приказу начальника столичной полиции на отряд Саттар-хана было совершено нападение, сам он был смертельно ранен. Проститься с ним пришли тысячи людей [Громов 2024, 12, 25–32].

В дело вступили и внешние силы, прежде всего Россия и Великобритания, в то время ставшие союзниками по Антанте. В российском МИДе победила профранцузская партия, которая, словами министра иностранных дел А.П. Извольского, исходила из того, что «внешняя политика России должна продолжать оставаться на неизменной базе ее союза с Францией, но что этот союз должен быть укреплен и расширен соглашениями с Англией и Японией»⁷. Именно соглашение с Лондоном по Персии и стало одним из важнейших шагов к оформлению «Сердечного Соглашения».

31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге в условиях строжайшей секретности Извольский и британский посол сэр Артур Николсон подписали англо-российское соглашение о разделе сфер влияния держав, в том числе в Персии. Российской сферой влияния становился север страны, британской — юг. Две державы, по сути, тайно поделили между собой Персию, даже не поставив в известность ни шаха, ни его правительство [Громов 2024, 17–19].

В апреле 1909 года на помощь шахским войскам пришла русская армия. Ее части заняли Тебриз и Ардебиль. Однако оппозиция сохранила возможности для активных действий. Главным центром антишахского движения стал Решт. Весной гилянские революционеры начали поход на столицу. Их союзниками стали бахтиярские ханы, возмущенные намерением шаха ограничить их самостоятельность. 14 июля после двухдневных боев с казачьей бригадой отряды гилянских федаев и бахтияр вступили в Тегеран, Мухаммад Али и его приближенные укрылись в русской миссии. 16 июля Чрезвычайный национальный совет в составе руководителей федайских и бахтиярских отрядов, бывших министров и депутатов первого меджлиса объявил о низложении Мухаммада Али и передаче власти его 14-летнему сыну Ахмаду. Вслед за тем прошли выборы во второй меджлис, который открыл свои заседания 17 ноября 1909 года.

В ноябре Россия ввела войска в Азербайджан, Гилян и Хорасан, англичане высадились в южных портах Ирана. После двухмесячных боев революционные отряды повсеместно потерпели поражение. В декабре 1911 г. подразделения бахтияр и дашнаков разогнали второй меджлис. Революция закончилась, но конституция сохранила свое действие.

Иран, Первая мировая война и Россия

В Первой мировой войне Иран официально не участвовал. Однако в ноябре 1914 г. на его территорию вошли турецкие войска, которые захватили Хой, Урмию и Тебриз. Против них немедленно выступила русская армия. Зимой 1915 г. наши войска заняли Тибриз, Хамадан и Керманшах. В то же время южная часть Ирана с городами Мекраном, Кирманом, Ширазом и Йездом перешла под контроль английских войск. Власть шаха была фиктивной [Осанов 2014, 116–118]. Во время войны многократно увеличился поток продовольствия и сырья из Ирана в Россию, на которую тогда пришлось 63,8% его внешней торговли [Ионичев 2001, 302].

После вывода российских войск весной 1918 г. Британия установила контроль над всем Ираном и навязала соглашение, которое позволяло британским консультантам управлять финансами и вооруженными силами, а также контролировать инфраструктурные и нефтяные проекты

⁷ Извольский А.П. Воспоминания. Министр иностранных дел о международных заговорах и политических интригах накануне свержения монархии в России. М.: Центрполиграф, 2022. С. 62.

[Франкопан 2021, 463]. Это вызвало национально-освободительные выступления, подпитываемые из Азербайджана с помощью специальных частей Красной армии, сформированной из мусульман Кавказа [Линдер, Чуркин 2021, 596].

В мае 1920 г. Волжско-Каспийская военная флотилия провела операцию, которая позволила вернуть РСФСР корабли, уведенные белыми и англичанами в иранский порт Энзели. 15 апреля 1920 г. в Тегеране началось восстание под лозунгом изгнания из страны англичан и их сторонников, перекинувшееся и в провинцию Гилян. В советском руководстве обсуждались планы советизации этого региона, была оказана помощь вождю гилянских повстанцев Кучук-хану. Однако открытый конфликт с Англией не входил в планы Москвы. В мае из Персии были выведены советские войска, и ее воды покинули корабли Волжско-Каспийской флотилии. Иранское правительство с британской поддержкой восстановило контроль над Гиляном. Кучук-хан был убит, его голову доставили в Тегеран [Айрапетов 2024, 397–398, 417].

Немалую роль в разгроме просоветских сил в Иране сыграла Персидская казачья дивизия. С 1918 г. она содержалась английской миссией, и под давлением англичан русские офицеры были уволены, а командование передано иранским военным. Самым известным из них был генерал Реза Пехлеви, который начал свою военную карьеру как рядовой Персидской казачьей бригады и дослужился до генерала [Осанов 2014, 115–116].

В феврале 1921 г. при поддержке англичан он осуществил государственный переворот, известный как «переворот третьего хута». И уже 26 февраля был подписан договор с РСФСР. Москва отказывалась от всех договоров, ранее подписанных с Персией и ущемлявших ее права [Васильев 2018, 27–28].

Осенью 1925 г. по Ирану прокатились волны хлебных бунтов. В Гиляне и других провинциях прошли многотысячные выступления с требованиями низложения «ненужной династии» Каджаров. В меджлис в октябре 1925 г. был внесен законопроект: низложение династии Каджаров и временная передача власти Реза-хану Пехлеви. 31 октября 80 депутатов проголосовало за, 30 отсутствовали и 5 голосовали против. На следующий день в Тегеране по приказу Реза-хана артиллеристы отмечали низложение династии праздничным салютом. Наследник престола принц Мохаммад Хасан-мирза был выслан без права возвращения на родину и закончил свои дни в Париже. 12 декабря 257 членов Учредительного собрания проголосовали за избрание Реза-шаха наследным шахом Персии.

Реформы Реза-шаха представляли собой парадоксальную смесь национализма и насильственной вестернизации. Он отменил ношение традиционной национальной одежды, вызвав массовые протесты прежде всего в кочевых племенах. В 1935 году была учреждена Иранская национальная академия литературы и языка, объявлено о переходе страны на европейский календарь, издано предписание о снятии с женщин чадры и их допуске в высшие учебные заведения.

Одновременно Пехлеви ввел в обращение термин «шахиншах» («царь царей»). Начиная с персидского нового года, то есть с 22 марта 1935 г., название государства было официально изменено с Персии на Иран. Иностранцам представителям Реза-шах обосновал это переименование тем, что «персы являются лишь одной из нескольких индоиранских этнических групп в Иране». Название Иран использовалось во времена Сасанидской (Иранской) империи, а ряд источников относил название ко временам Ахеменидов. Среди советчиков Реза-шаха в деле переименования называют и гитлеровское руководство, убеждавшее, что иранцы, являющиеся истинными арийцами, обретут с новым (древним) названием новое величие [Громов 2024, 63–65, 78–79].

В 1939–1940 гг., когда СССР воевал с Финляндией, Лондон и Париж использовали территорию Ирана в антисоветских целях. Французские и британские самолеты совершали разведывательные полеты над кавказскими нефтепромыслами, аэродромы Ирана планировалось использовать для нападения на СССР [Сиполс 1997, 218–220]. Но тут на Францию напала Германия.

В годы Второй мировой. Тегеран-43

С началом Великой Отечественной войны, когда СССР и Великобритания вновь стали союзниками, они договорились о совместных действиях в Иране. Англичане были озабочены сохранением контроля над иранской нефтью, которую добывала Англо-иранская нефтяная компания. СССР обеспечивал безопасность южных рубежей, особенно бакинских нефтепромыслов, и пробивал южный коридор для поставок военных материалов. И обе страны были озабочены влиянием германской «пятой колонны» в Иране.

На рассвете 25 августа 1941 г. советская 44-я армия вновь образованного Закавказского фронта (Д.Т. Козлов) и англо-индийские войска из Ирака в рамках совместной операции Countenance перешли границу Ирана⁸. Воинские контингенты СССР вошли на север, включая Тегеран, Англия — на юг. «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо»⁹, — написал И.В. Сталин У. Черчиллю 3 сентября.

Шах предпочел не оказывать сопротивление и 15 сентября отрекся от престола в пользу сына, Мохаммада Резы. «Обе стороны рассматривали Резу-шаха как прогермански настроенного правителя, и его сын казался более приемлемой кандидатурой», — замечает Азади [Азади 2023, 322]. Реза-шах был выслан в Южную Африку, где в 1944 г. умер.

В январе 1942 г. был подписан мир между Ираном, Великобританией и СССР, а в июне того же года по соглашению, к которому присоединились Соединенные Штаты, Иран предоставил в распоряжение союзников свою территорию и ресурсы в обмен на обещание сохранения его территориальной целостности и вывода иностранных войск по окончании военных действий [Ру 2012, 335].

Иран объявил войну Германии лишь в сентябре 1943 года. «Объявление войны было сугубо номинальным, в боевые действия на стороне антигитлеровской коалиции иранские войска участия не принимали, — замечает Азади. — Единственными сражениями, в которых участвовали иранцы, было недолгое сопротивление интервентам [СССР и Англии] в конце августа 1941 года» [Азади 2023, 322].

Но Иран сыграл роль важного логистического направления получения Советским Союзом помощи от союзников — через Персидский залив и Иран — в Закавказье или через Каспийское море на Астрахань («Персидский коридор»), и именно в Иране в 1943 году впервые встретились лидеры «большой тройки».

Тегеранская конференция была весьма удачной для советской дипломатии. Удалось добиться конкретного обязательства о времени открытия второго фронта, принципиально обговорить вопрос о западных послевоенных границах СССР. Обещание Сталина вступить в войну с Японией после победы над Германией позволило добиться расположения Рузвельта в решении важного для Москвы вопроса о втором фронте.

Сталин стал единственным из глав «большой тройки», кто запросил встречу с шахом в его собственном дворце (Рузвельт принял шаха в своей резиденции на территории советского посольства, а Черчилль — в британском посольстве). Шах высоко оценил такой жест, западные дипломаты расценили встречу как большой успех дипломатии Москвы¹⁰. В.М. Молотов был более скептичен в отношении общения с шахом: «Мы вместе со Сталиным были у иранского шаха Мохамед-Реза Пехлеви.... Он сразу пытался шаха в союзники получить, не вышло. Сталин думал, что

⁸ Монин С. «Дело Ираном действительно вышло неплохо» // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/518> (дата обращения: 04.01.2024).

⁹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Госполитиздат, 2005. Т. 1. С. 18.

¹⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 8. Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М.: Кучково поле, 2014. С. 311.

подействует на него, не получилось. Шах чувствовал, конечно, что мы не можем тут командовать, англичане, американцы рядом, дескать, не отдадут меня целиком Сталину... Они постоянно держали его под контролем» [Чуев 2023, 78].

Вместе с тем в Иране росло возмущение выкачиванием его ресурсов, прежде всего англичанами. В 1945 г. казначейство в Лондоне получило порядка 16 млн фунтов только налогов с операций Англо-иранской компании, на долю Тегерана пришлось лишь 6 млн.

Не сидел сложа руки и Вашингтон, обозначивший в Иране свое военное присутствие, отказавшись подписать договор о пребывании своих войск на его территории. В декабре 1942 г. первые 20 тысяч американских военных прибыли в Хорремшехр, чтобы приступить к работам по «улучшению иранской транспортной системы». В Тегеране был построен большой американский лагерь, в котором располагался штаб контингента США в Персидском заливе [Франкопан 2021, 530, 538].

В декабре 1944 г. меджлис заблокировал проект советско-иранской нефтяной концессии. США, напротив, уже всю распоряжались в Иране. Его экономикой де-факто руководил «генеральный администратор иранских финансов» А. Мильспо, силовой блок контролировали две американские военные миссии: полковника Шварцкопфа в жандармерии и генерала Ридли в армии [Спицын 2023, 22–23].

Сталин считал Закавказье и Ближний Восток самым слабым флангом послевоенных границ СССР, где заметно усиливалось американское влияние и сохранялось английское. Востоковед А.М. Васильев замечает: «Соблазн поставить Иран под советское влияние был слишком велик: перед ним лежала бессильная в военном отношении страна, в которой за годы войны резко активизировалось и левое движение в лице партии Туде, и националистические движения в Иранском Азербайджане и Иранском Курдистане. А что, если?...» [Васильев 2018, 35].

В октябре 1941 г. при содействии Москвы была создана Народная партия Ирана («Туде»), по сути, компартия. В 1944 г. она насчитывала уже 25 тысяч членов, издавала несколько газет. Одновременно усиливали свои позиции и поддерживаемые Западом политические силы. Именно они получили большинство в меджлисе 14-го созыва, собравшемся в 1944 году, после чего на партию «Туде» обрушились репрессии, сопровождаемые антисоветской кампанией [Васильев 2011, 221].

Тройственный договор между СССР, Великобританией и Ираном предусматривал, что вывод союзных войск должен произойти не позднее шести месяцев после окончания военных действий союзников с державами «Оси». Но уже 19 мая 1945 г., когда война с Японией еще продолжалась, Мохаммед Реза Пехлеви предложил правительствам Великобритании, СССР и США досрочно вывести их войска.

Заместитель наркома иностранных дел С.И. Кавтарадзе в докладной записке на имя Молотова доказывал, что «вывод советских войск из Ирана поведет, несомненно, к усилению в стране реакции и неизбежному разгрому демократических организаций... Реакционные и проанглийские элементы приложат все усилия и пустят в ход все средства, чтобы ликвидировать наше влияние и результаты нашей работы в Иране» [Спицын 2023, 22]. В Кремле было решено продолжить самостоятельную игру.

Политбюро ЦК ВКП(б) 6 июля приняло секретное Постановление «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других провинциях Северного Ирана». Планировалось «организационно усилить» освободительные движения в Южном Азербайджане, Северном Курдистане, Гиляне, Мазендаране, Хорасане. Поручено это было первому секретарю ЦК Азербайджана М.Д. Багирову.

Иранский вопрос был поднят и на Потсдамской конференции 23 июля 1945 года по инициативе Черчилля, который предложил ускоренный вывод войск. Сталин согласился на досрочный вывод советских войск из Тегерана и обещал, что никаких действий против Ирана со стороны наших войск не будет предпринято¹¹.

Отказавшись от идеи революционизации всей страны, Кремль сузил первоначальные планы, ограничившись лишь поддержкой сепаратизма в Южном Азербайджане и Северном Курдистане, что было зафиксировано в решении Политбюро 8 октября 1945 г. [Жуков 2000, 371]. Попытки иранских властей подавить или хотя бы локализовать сепаратистские выступления встречали тихое, но решительное противодействие командования советского военного контингента. 6 ноября НКВД направил Тегерану ноту, в которой угрожал, что отправка дополнительных иранских сил в северную часть страны заставит СССР «ввести в Иран дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности своих гарнизонов» [Данилов, Пыжиков 2001, 24–25].

В ноябре Всенародное собрание азербайджанцев заявило о желании добиться самоуправления и объявило о выборах в собственный меджлис, и его сессия открылась 12 декабря. При прямой поддержке Москвы была провозглашена Демократическая Республика Азербайджан, а лидер демократической партии Дж. Пишавари назначен главой правительства.

В январе 1946 года в северо-западных районах Ирана не без участия Москвы на границе с Турцией был провозглашена Курдская Народная (Мехабская) Республика во главе с одним из лидеров демократической партии Иранского Курдистана К. Мухаммедом.

Советско-иранские отношения резко обострились, последовал обмен жесткими дипломатическими нотами. Москва прямо дала понять, что попытка иранцев бросить войска против новой республики лишь усилит беспорядки, «может привести к кровопролитию» и вынудит СССР ввести в Иран новые части «для охраны порядка и обеспечения безопасности своих границ».

В середине января 1946 г. глава иранской делегации в ООН Тагизаде внес в Совет Безопасности обращение с требованием расследовать факты «вмешательства СССР во внутренние дела Ирана» и обсудить их на Генеральной Ассамблее [Спицын 2023, 24–25]. В ответ два дня спустя Москва внесла жалобу на присутствие британских войск в Греции, а Киев — на их пребывание в Индонезии [Byrnes 1947, 123].

Американцы занимали все более жесткую позицию по Ирану. Президент Г. Трумэн писал: «Проблемой был контроль над нефтяными запасами Ирана. То, что Россия положила глаз на эти обширные месторождения, казалось бесспорным. Если бы русские прямо или косвенно контролировали иранскую нефть, то сырьевой баланс в мире претерпел бы серьезные изменения и это стало бы большой потерей для экономики западного мира»¹². Вашингтон и Лондон требовали от СССР немедленного вывода наших войск, а от иранской стороны — максимальной неуступчивости на переговорах с Москвой.

19 февраля премьер-министр Иран А. Кавам прибыл в Москву, где задержался на три недели. Сталин и Молотов добивались нефтяных концессий для СССР, обещая взамен посредничество между Тегераном и сепаратистами. Кавам был непреклонен, ссылаясь на принятый меджлисом закон, запрещающий предоставление концессий до полного вывода иностранных войск. После безрезультативных разговоров для убедительности советские танки начали движение к Тегерану. Но Кавам был по-прежнему непреклонен. Москва была вынуждена пойти на компромисс: вывод

¹¹ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. 6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля–2 авг. 1945 г.). М.: Политиздат, 1980. С. 155–156.

¹² Трумэн Г. Воспоминания. В двух томах. Т. 2. М.: Принципиум, 2022. С. 127.

советских войск в шестимесячный срок в обмен на обещание провести через меджлис договор о создании смешанного советско-иранского нефтяного общества [Егорова 1994].

Тем не менее 18 марта правительство Ирана с американской подачи в ультимативной форме поставило перед Советом Безопасности ООН вопрос о немедленном выводе всех советских войск, и 24 марта Москва объявила о своем согласии.

В начале мая 1946 года эвакуация советских войск была полностью завершена. Сталин 8 мая направит письмо Пишевари, объясняя, что «мы не могли их оставлять дальше в Иране главным образом потому, что наличие советских войск в Иране подрывало основы нашей освободительной политики в Европе и Азии»¹³.

Вскоре после вывода наших войск иранское правительство, по сути, торпедировало все договоренности с Москвой. В конце ноября Кавам ввел в мятежные регионы правительственные войска [Спицын 2023, 27]. Азербайджанская и Мехабская (Курдская) республики просуществовали до декабря 1946 г., когда были утоплены в крови [Ру 2012, 335].

Отношения между Москвой и попавшим под западный контроль Тегераном на долгие годы стали враждебными [Васильев 2018, 35]. Для Вашингтона решение Сталина вывести войска из Ирана стало еще одним весомым аргументом в пользу того, что с СССР нужно разговаривать исключительно языком давления и угроз, желательно с использованием ядерного шантажа. Это и стало сутью доктрины Трумэна.

Послевоенный Иран

Американский политолог Д. Ергин замечал, что после войны «сама политическая культура Ирана была хаотичной, даже фантасмагоричной, полна диких крайностей и всплесков эмоций. Взяточничество и коррупция стали стилем жизни. Меджлис... придерживался определенных правил игры, выраженных в меткой сентенции британского поверенного в делах: “Депутаты ждут, когда им дадут взятку”. В сельской местности проживало множество племен и кланов, которые ненавидели власть Тегерана и династии Пехлеви. А в конце 1940-х годов страну охватила страшная нищета как следствие упадка экономики...» [Ергин 2019, 485–486]. Объединяющим фактором стала ненависть к иностранцам, особенно к британцам, по-прежнему получавшим львиную долю прибыли от иранской нефти. Но руки на нее накладывали уже и американцы.

В Вашингтоне хорошо осознавали политическую и стратегическую важность Ирана. В 1949 г. радиостанция «Голос Америки» начала вещание на фарси, и в первой же передаче выступил Трумэн с заявлением об «исторических узах дружбы» между Ираном и Соединенными Штатами и обещаниями помощи в создании «процветающего и благополучного мира, свободного от угнетения». В страну начали поступать зарубежные инвестиции. «Это были первые этапы построения американского государства-сателлита на Ближнем Востоке», — пишет П. Франкопан [Франкопан 2021, 539–540].

Однако растущая зависимость от западного капитала, особенно в нефтяной промышленности, вызывала в Иране явное неприятие, в том числе со стороны духовенства. «Это было связано с нарушением исламских принципов, согласно которым природные богатства страны должны принадлежать всей умме, — подчеркивает Н.М. Мамедова. — Именно этот принцип стал основным мотивом участия духовенства в общенациональном движении за национализацию нефтяной промышленности в период М. Моссадыка. Именно ряд аятолл в начале 1951 г. издали фетвы, призывающие к борьбе за национализацию нефти... и уже 15 марта меджлис принял решение о национализации нефтяной промышленности» [Мамедова 2019, 108–109].

¹³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. Ч. 1. М.: Издательство «Писатель», 2011. С. 296–297.

Осенью 1951 года президент Мохаммад Моссадык сорвал аплодисменты в ООН, выступая по поводу национализации британских нефтяных компаний и вспоминая, как Вторая мировая война «изменила карту мира»: «По соседству с моей страной сотни миллионов человек после веков колониальной эксплуатации обрели независимость и свободу... Иран требует соблюдения своих прав» [De Bellaigue 2012, 179]. Великобритания и США восприняли это как неприемлемый прецедент и организовали международный бойкот иранской нефти, а в 1953 году с американской помощью была устроена «цветная революция».

А вот как описал ее Т. Вейнер, американский историк: «На рассвете 19 августа подкупленные американской агентурой толпы собрались в Тегеране, приготовившись к мятежу. Автобус и грузовики, битком заполненные соплеменниками с юга, вожди которых были также щедро профинансированы ЦРУ, прибыли в столицу... В тот день на улицах Тегерана погибло по меньшей мере сто человек. Еще не менее двухсот было убито после того, как ЦРУ приказало шахской имперской охране атаковать здание, в котором укрылся Моссадык» [Вейнер 2013, 104].

Мосадык был отстранен от власти и арестован. Шах вернулся в страну, контроль над нефтью перешел в руки англо-американского консорциума. Доходы от нефти теперь шли во многом на закупки американских вооружений и проекты с участием западных корпораций, Иран вестернизировался.

«Интеллектуалы эпохи династии Пехлеви стали выдвигать новые общественно-политические идеи и концепции, — замечают иранские авторы А. Бархордари и Э. Моттаги. — Их цель состояла в обновлении и секуляризации иранского общества в русле модернизации... Особенностью нового дискурса была критика религии и существовавшего тогда исторического самосознания, модернизма, величия и прогресса Ирана, возрождения утраченного древнего великолепия. В этом дискурсе арабы преподносились в качестве “другого” для Ирана, а Запад рассматривался как идеальный образец человеческой цивилизации и *alter ego* самих себя» [Бархордари, Моттаги 2019, 43,53].

В 1963 г. Мухаммед Реза-шах начал проводить экономические и социальные реформы, получившие название «Белой революции». Инициатива исходила от Вашингтона, планы разрабатывали американские советники, и они же контролировали их исполнение [Азади 2023, 328].

Вестернизация сочеталась с обращением к древним традициям и показной роскошью. Уже со второй половины 1960-х годов созданная в Иране политическая модель представляла собой, по сути, шахскую диктатуру, несмотря на предоставление избирательных прав женщинам и попытки создать политические партии по американскому образцу [Мамедова 2019, 110]. В Иране имелась широкая сеть колледжей и университетов, обучение в которых проходило по западным программам и учебникам [Дорошенко 2019, 67].

Поиграв немного в демократию, в 1975 г. Реза-шах установил в стране однопартийный режим. Все политические организации, кроме правящей Партии возрождения иранской нации, были запрещены [Азади 2023, 329–330].

При этом шахский Иран с начала 1970-х годов активно сотрудничал с СССР в торгово-экономической и отчасти военной областях. С советским участием было реализовано несколько масштабных экономических проектов, крупнейшими из которых были трансиранский газопровод, Исфаханский металлургический комбинат, машиностроительный завод в Раке. Советский Союз поставлял Ирану немало военной техники. Сам шах неоднократно посещал СССР с официальными и неофициальными визитами [Дружиловский 2019, 145].

Страна развивалась довольно динамично, реализовывались пятилетние планы экономического и социального развития [Дорошенко 2019, 68]. Росло промышленное и сельскохозяйственное производство, увеличился экспорт нефти и других полезных ископаемых. За семь лет — с 1970/ 1971 по 1976/ 1977 гг. — ВВП увеличился в реальном выражении в 3,1 раза, среднегодовые темпы роста составляли 19,3%.

Однако народу экономический рост на сильно помогал: прибыли оседали у шаха и иностранных инвесторов. Резко усилившееся неравенство и стало спусковым крючком социального недовольства, было использовано духовенством как доказательство нарушения одного из главных исламских принципов — социальной справедливости (эдалаят) [Мамедова 2019, 107–109]. «Массовое разорение иранских производителей, которые не выдерживали конкуренции с западными концернами, никого не беспокоило, — пишет Азади. — Безработным не оказывалось никакой поддержки. В “процветающей стране”, готовящейся стать “пятой индустриальной державой”, треть населения жила впроголодь. Но хуже всего было насильственное внедрение западных ценностей и традиций, навязывание иранцам западного образа жизни. Насильственная вестернизация, ломающая все привычные традиции, стала для иранцев сильным стрессом» [Азади 2023, 329–330].

Политика шаха, его западничество и противодействие религиозным идеям и противостояние с улемами создали условия для формирования нового исламского политического движения под руководством имама Хомейни. Для него единственным выходом из кризиса общества виделось возвращение к исламу и установление исламского правления [Бархордари, Моттаги 2019, 57].

Иранская революция 1979 года

Символом протеста против доминирования Запада и реисламизации стала Иранская революция. Весь 1978 год наблюдалась цепь антиправительственных выступлений: январская демонстрация в Куме, восстание в феврале в Тебризе, в сентябре жестокий расстрел демонстрации в Тегеране, в декабре забастовки нефтяников [Мамедова 2019, 107].

Шах покинул Иран в январе 1979 г., как сообщалось официально, в продолжительный отпуск, из которого он уже не вернулся. Через шесть месяцев он умер в Египте. 1 февраля из Парижа самолетом из длительной ссылки вернулся аятолла Хомейни [Parker, Parker 2023, 161].

Сейид Рухолла Мостафи Мусави Хомейни уже в 23 года стал муджтахидом (богословом, обладающим правом выносить фетвы) и начал читать лекции по праву и богословию в Куме. Преподавательскую работу он сочетал с политической деятельностью, в 1930-е резко критиковал еще прогерманскую политику Резы-шаха [Азади 2023, 333–334].

Главной движущей силой протестов стало шиитское духовенство. Быстрота, с которой оно захватило лидерство в революции, объяснялась и тем, что к концу 1970-х в Иране образовался политический вакуум: политические партии, за исключением прошахской, были распущены, левые и либеральные деятели находились в тюрьмах, ссылке или изгнании. Шиитское духовенство имело мечети, медресе, исламские семинары, проходившие в домах наиболее авторитетных муджтахидов. Духовенство сумело оперативно создать свои центры на местах: революционные комитеты, революционные трибуналы. Корпус стражей исламской революции (КСИР), Исламский революционный совет, в состав которых входили аятоллы, муджтахиды, молодые муллы и студенты медресе.

В центре борьбы, развернувшейся в 1979 г. между сторонниками Хомейни и либеральными и левыми группами, стал проект новой конституции, где для Хомейни самым важным было внесение в нее принципа теократической власти. Захват американского посольства в ноябре 1979 г. студентами-«приверженцами курса имама» и отставка правительства Базаргана нанесли серьезный

удар по оппозиции. 2 декабря 1979 года проект Конституции был внесен на всенародное обсуждение и принят большинством голосов.

Согласно Конституции Исламской Республики Иран, политика основана на принципе вelayat-a факих, означающем, что руководство шиитской общиной осуществляется наиболее авторитетным и уважаемым духовным лидером, контролирующим ее и стоящим над всеми органами власти. Статья 110 Конституции подтверждала исключительные права имама Хомейни как вали-йе факиха, или рахбара (вождя), во всех сферах жизни, в назначении и смещении президента, председателя меджлиса, главы кабинета министров, генерального прокурора, командующего вооруженными силами. Меджлис находится под контролем Наблюдательного совета, в состав которого входят священнослужители высшего и среднего звена шиитской иерархии. Органы исполнительной власти также должны исходить из принципов ислама. Относительно более самостоятельной является судебная власть, осуществляемая на основе законов ислама и шариата.

В Конституции закреплялась защита обездоленных, непримиримость к неокOLONиалистским притязаниям империалистических держав по отношению к Ирану, объявлялась цель «полного искоренения колониализма» и назывался главный враг Ирана — США. Конституционное закрепление получил и КСИР, задача которого — «сохранение завоеваний Исламской революции». Высшей целью человека признавалось «стремление к совершенствованию на пути к Богу» [Дорошенко 2019, 70–71, 78–79].

С вестернизацией было покончено. «Иранские революционеры называли сограждан «западников» *fokoli*, от французского *faux-col* (жесткий воротничок), и сейчас мужчины в Тегеране тщательно избегают галстуков» [Фергюсон 2014, 340].

Революция изменила и внешнеполитический вектор Ирана. Советский Союз стал плох, так как имел безбожный коммунистический режим, раньше дружил с шахом и с Ираком, а также не хотел закупать иранский газ по мировой цене. С.Б. Дружиловский констатировал: «После свержения шахского режима новые власти не стали делать больших отличий в отношении двух великих держав, и вскоре на многочисленных демонстрациях в Тегеране и в средствах массовой информации ИРИ зазвучал лозунг, который оставался неизменным в течение многих лет после Исламской революции: «Смерть Америке! Смерть Израилю! Смерть Советскому Союзу!»» [Дружиловский 2019, 145–146]. Отношения СССР с Ираном еще более осложнились после начала Ирано-иракской войны.

Ирано-иракская война

В сентябре 1980 года, даже не поставив в известность Советский Союз, С. Хусейн начал широкомасштабные военные действия против Ирана. Е.М. Примаков писал, что в СССР прогнозировали попытку Хусейна «воспользоваться ослаблением иранской армии после свержения шахского режима — она сократилась с 240 до 180 тысяч, 250 генералов были заменены неопытными «стражами исламской революции» — и изменить в свою пользу границу с Ираном... Победа над Ираном рассматривалась в Багдаде как неперемное условие для закрытия иранской границы с Иракским Курдистаном, без чего Саддам не мог подавить курдских повстанцев. Беспокойство Багдада вызывала и активизация иракских шиитов после установления исламского режима в Иране. Хомейни ненавидел Саддама, которого считал главным виновником своего унижительного изгнания из Ирака в 1978 году, где он много лет пребывал в изгнании» [Примаков 2012, 312–313].

Вашингтон рассматривал Ирано-иракскую войну как подаренный судьбой шанс свести счеты с революционным Ираном. Администрация Дж. Картера поддержала Ирак, несмотря на острую антипатию к Хусейну. Поставки в Ирак американского оружия были начаты по распоряжению

президента Р. Рейгана. В 1983 г. США демонстративно исключили Ирак из списков «террористических режимов», а через год восстановили дипломатические отношения с Ираком.

Хусейн начал войну, по сути, обманув советское руководство, в надежде втянуть нашу страну в его авантюру. Об уровне недовольства советского руководства действиями Хусейна говорит то, что послу СССР в Тегеране было поручено предложить военную помощь иранскому премьер-министру. Иран отверг это предложение. Тогда Москва поначалу заняла позицию нейтралитета. Однако, когда Иран перехватил инициативу и его войска стали приближаться к Багдаду, СССР возобновил поставки вооружений Ираку [Там же, 316–320]. Советский Союз стал однозначно рассматриваться в Тегеране как враг.

Эти настроения четко уловили в Вашингтоне, где в 1983 году начали новую игру, рассчитанную на привлечение Ирана в проамериканский лагерь. Белый дом приступил к операции «Иранконтрас», связанной с тайными поставками оружия Ирану, доходы от которых поступали на вооружение никарагуанских «контрас», воевавших с просоветским правительством сандинистов. Впрочем, вскоре авантюра выплыла наружу, что едва не стоило Рейгану его кресла¹⁴.

Ирано-иракская война продолжалась 8 лет и обошлась Ирану в 500 тысяч убитых и раненых. Иранцы чтят память погибших на войне, заботятся об инвалидах и ветеранах. Практически все нынешние высшие офицеры КСИР были участниками Ирано-иракской войны. Например, генерал К. Сулеймани, погибший в Багдаде в результате американского авиаудара 3 января 2020 г., был в начале войны лейтенантом КСИР, а в 1987 г. уже командовал пехотной дивизией «Тараллах» [Громов 2024, 394, 397–398].

После войны Иран оказался в международной изоляции. Понимая, что весь Запад к этому времени сплотился вокруг США с их жесткой антииранской позицией, а мусульманский мир опасался иранских планов экспорта исламской революции, Хомейни выделил единственную влиятельную страну, которая объективно могла быть заинтересована в налаживании отношений, — СССР [Дружиловский 2019, 147].

Сближение началось еще при М.С. Горбачеве, но распад СССР снова отбросил российско-иранские отношения практически на нулевую отметку. Б.Н. Ельцин разделял скорее американский взгляд на Иран. А сам Иран находился на геополитическом перепутье, которое описывал З. Бжезинский в «Великой шахматной доске»: «Фундаменталистская шиитская революция, победившая в конце 70-х годов, возможно, вступает в “термидорианскую” фазу, и это обстоятельство высвечивает неуверенность в отношении геостратегической роли Ирана. С одной стороны, падение атеистического Советского Союза открыло для новых независимых северных соседей Ирана возможность обратиться в другую веру, но, с другой стороны, враждебность Ирана по отношению к США склонила Тегеран занять, по крайней мере тактически, промосковскую позицию, чему также способствовала озабоченность Ирана возможным влиянием полученной Азербайджаном независимости на свою собственную сплоченность» [Бжезинский 2021, 152].

Иран в XXI веке

Новой точкой отсчета в развитии российско-иранских отношений стал официальный визит в Российскую Федерацию иранского президента М. Хатами в марте 2001 г. и его встреча с В.В. Путиным. Во время визита президенты двух стран, обозначив близость взглядов на многие двусторонние и международные проблемы, подписали «Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран» [Дружиловский 2019, 151].

¹⁴ См. подробнее [Никонов 1987].

Иран оказался в центре внимания основных мировых игроков в первую очередь в связи с его ядерной программой, которая представлялась абсолютно неприемлемой Соединенным Штатам и Израилю. Все чаще, особенно после того, как премьер-министром Израиля стал Б. Нетаньяху, стали говорить о готовящемся израильском ударе по ядерным объектам Ирана, коль скоро руководители Ирана публично высказывались против самого существования еврейского государства [Примаков 2012, 373]. От военного конфликта удерживало только то, что никто не мог предсказать его последствий. С другой стороны, судьбы С. Хусейна и М. Каддафи, которые в свое время отказались от ядерных амбиций, служили аргументом в пользу обладания оружием массового поражения (ОМП).

Терпение России и ее желание солидаризироваться с Западом в отношении антииранских санкций на глазах таяли. В 2011 г. замминистра иностранных дел С.В. Рябков говорил: «Альтернатива состоит в ведении серьезного переговорного процесса с иранской стороной, в смысле серьезности настроя тех, кто ведет этот диалог, на поиск компромиссов и поиск такой схемы решения, которая могла бы заинтересовать иранскую сторону»¹⁵. В 2015 г. Иран, как и предлагала Москва, обязался сократить обогащение урана и сделать ядерную программу прозрачной для МАГАТЭ. Это сделало возможным Совместный всеобъемлющий план действий («ядерную сделку»), предусматривавший отмену большей части санкций против Ирана. В результате этого иранская экономика вновь «задышала». В Иран устремились французские, итальянские, немецкие, китайские, российские, южнокорейские компании¹⁶. После этого Россия пошла навстречу пожеланиям Ирана по поставкам зенитно-ракетных комплексов С-300 и строительству второго энергоблока АЭС в Бушере.

Но приход к власти Д. Трампа, клеймившего Тегеран как главную проблему Ближнего Востока, а то и всего мира, вновь обострил противоречия между Ираном и США. В 2018 г. в одностороннем порядке Вашингтон вышел из «ядерной сделки», что вызвало возмущение европейских союзников США, России и Китая, не говоря уже о самом Иране.

По оценкам российских экспертов, «в среднесрочной перспективе Иран не будет создавать ядерное оружие. Для него это чревато политическими издержками или даже превентивными ударами Израиля и США по иранским ядерным объектам. Вероятно, Тегеран сможет обеспечить высокий уровень развития ядерной отрасли и обогатить уран до 90%, но при этом совсем не обязательно, что он будет создавать ядерные боеприпасы... Для Ирана важно обретение статуса пороговой державы, которая способна создать ядерное оружие в кратчайшие сроки. В дальнейшем возможно использование Ираном высокого уровня развития ядерных технологий для усиления переговорных позиций» [Бочаров 2023, 64].

Возобновление западных санкций создало для Ирана экономические трудности. ИРИ в 2018–2020 гг. пережила резкое падение темпов экономического роста как результат нефтяного эмбарго, к чему добавилась пандемия коронавируса. К 2021 г. ситуацию удалось стабилизировать. Нарращивание объемов экспорта нефти позволило увеличить ВВП в 2022 г. на 3,8%, а в 2023 г. — на 4,1%. Главным покупателем иранской нефти выступает Китай. В 2022 г. ИРИ получила 42,6 млрд долларов доходов от ее экспорта. Помимо нефтяного сектора, рост ВВП обеспечивают секторы услуг, промышленности, транспорта [Дунаева 2023, 41]. Тегеран стремится занять свою нишу в новом разделении труда, которое возникает в связи с реализацией китайской глобальной инициативы «Один пояс, один путь». Участвуя в этом проекте, в создании транспортных коридоров «Север — Юг», Иран стремится стать важным транзитным хабом Евразии. Кроме того, он стремится выступить одним из ключевых региональных производителей товаров в нефтехимии, фармакологии, медицине и машиностроении [Бочаров 2023, 64].

¹⁵ Рябков С.А. Санкции против Ирана: ресурс исчерпан // МИД РФ [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1667243/ (дата обращения: 04.01.2024).

¹⁶ Zarif: Sanctions Impaired Iran's Economic Transparency // Tehran Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/412642/Zarif-Sanctions-impaired-Iran-s-economic-transparency> (дата обращения: 04.01.2024).

Транзитные перевозки через территорию страны выросли на 14%, что в немалой степени связано с выстраиванием Россией новых экспортно-импортных маршрутов через Иран, а также активизацией Тегераном торговли со странами ЕАЭС и соседними государствами¹⁷. Резко возросли объемы российско-иранской торговли, особенно в военно-технической области. Россия стала для ИРИ крупнейшим зарубежным инвестором [Соснов и др. 2024, 32].

Вместе с тем в стране сохраняется высокий уровень инфляции (в 2022 г. — 47%, в 2023 — 42,6%), а также достаточно высокий уровень безработицы — 9%, среди женского населения — 15,6%, а среди молодежи — 35%. Растет уровень бедности, хотя правительство ежегодно повышает размер зарплат и пособий. Активную поддержку населению оказывают исламские фонды и духовенство за счет вакфонной собственности.

В Иране с 2021 г. усилилась внешняя миграция. Почти 85 тысяч человек ежегодно покидают страну, причем значительная часть эмигрантов — представители интеллигенции, деятели культуры, врачи, менеджеры среднего и низшего звена. Растет и численность иранцев, работающих дистанционно в других странах.

Избрание президентом Эбрахима Раиси и формирование его кабинета, состоящего в основном из бывших сотрудников КСИР, военных, руководителей исламских фондов и членов правительства М. Ахмадинежада периода 2005–2013 гг., завершили процесс консолидации власти в руках консервативно настроенных политико-религиозных элит и вытеснение из всех структур представителей умеренно либерального спектра. Выход США из ядерного соглашения с Ираном еще больше подорвал позиции либералов и лишил их поддержки электората. Их даже не допустили до участия в президентских выборах 2021 г.

В сентябре 2022 г. в Иране вспыхнули массовые протесты — после сообщения о смерти 22-летней Махсы Амини, задержанной полицией за неправильное ношение хиджаба. Выступления охватили около 80 городов. Ситуацией воспользовались США, Израиль. Западные персоязычные СМИ активно призывали к протестам, оппозиционные правительству организации из-за рубежа, так же как и спецслужбы некоторых государств, спонсировали и организовывали вооруженные акции [Дунаева 2023, 41–42]. Вашингтон ввел против Ирана очередные санкции, фактически сорвал переговоры по «ядерной сделке». Президент Раиси обвинил США в разжигании «хаоса и террора». Впрочем, в октябре протесты сошли на нет¹⁸.

1 марта 2024 г. прошли выборы в меджлис и Совет экспертов, которому предстоит выбрать преемника нынешнего верховного лидера (рахбара) аятоллы Али Хаменеи, которому исполнилось 84 года. Явка на выборах составила 41% избирателей. Среди кандидатов практически не оказалось представителей так называемых прозападных реформаторов¹⁹.

Иран никогда не отказывался от экспорта исламской революции — в шиитском исполнении — и рассматривает в качестве зоны своих интересов страны с шиитским населением или правительством: Ирак, Сирию, Ливан, Бахрейн, Кувейт, Саудовскую Аравию, Йемен.

Для Ближнего Востока и для БРИКС крайне важны отношения Ирана с Королевством Саудовская Аравия (КСА). С момента возникновения ИРИ в 1979 г. появилось государство, выстраивавшее систему управления, культурную жизнь в «более исламском» русле, чем руководство КСА, которое всегда позиционировало себя в качестве лидера мусульманского мира. Передать пальму исламского первенства неарабскому, да к тому же еще и шиитскому соседу Эр-Рияд не мог.

¹⁷ Во что обойдется логистический коридор «Север — Юг» // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/11/22/persidskie-motivy.html> (дата обращения: 04.01.2024).

¹⁸ Раиси обвинил США и страны Запада в разжигании протестов в Иране // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16701873> (дата обращения: 04.01.2024).

¹⁹ Иран хочет возобновить переговоры по ядерной сделке // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/world/2024-03-12/1_8967_iran.html (дата обращения: 20.03.2024).

Официальная позиция иранского духовенства, которое критиковало саудовский режим и призывало шиитов Ближнего Востока (в том числе и в самом КСА) следовать иранскому примеру, воспринималась как угроза безопасности Саудовской Аравии. Королевство не осталось в долгу и оказало весомую поддержку Хусейну в годы Ирано-иракской войны, предоставив ему помощь на сумму 27,2 млрд долларов. На фоне этих событий произошел разрыв дипломатических отношений, продолжавшийся с 1988 по 1991 гг. Затем отношения развивались достаточно ровно, однако после вторжения американских войск в Ирак в 2003 г. и последовавшего крушения иракской государственности они начали стремительно ухудшаться. Ирак, где шииты всегда составляли более половины населения, а сунниты формировали политическую и экономическую элиту, оказался полем соперничества обоих претендентов на региональное лидерство.

А в 2015 г. Саудовская Аравия возглавила коалицию вооруженных сил стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и начала вторжение в дружественный Ирану Йемен, после чего саудовско-иранские связи оказались в наихудшем состоянии за все время [Чупрыгин и др. 2020, 163–168].

Однако по инициативе Китая состоялась важнейшая геополитическая перемена: в марте 2023 г. было подписано соглашение о нормализации двусторонних отношений. Иран пообещал не проводить антисаудовскую работу через иранские прокси. Саудовская Аравия, в свою очередь, обязалась не поддерживать антииранские группировки [Бочаров 2023, 61].

Иран играет растущую роль в соседнем Ираке, особенно после вывода оттуда основных американских войск. «США в своем стремлении по свержению С. Хусейна и в последующей маловразумительной, но тяжелой борьбе с “Исламским государством”²⁰ (ИГИЛ) сделали ставку на шиитов. Рассорили шиитов и суннитов Ирака... Но шииты, какими бы они ни были, в духовном плане все равно более тяготеют к Ирану — главному врагу Вашингтона на Ближнем Востоке, и они будут и дальше тихо и постепенно дрейфовать в этом направлении, пока количественные изменения не преобразуются в качественные»²¹

В Сирии, которая во многом служит форпостом Ирана в Восточном Средиземноморье, Тегеран не ограничивается поддержкой проиранских группировок, усиливает свое экономическое присутствие. ИРИ оказывает поддержку дружественным ему силам, входящим в «Ось сопротивления», — Сирии, ливанской «Хезболле», йеменским хуситам, иракскому ополчению, ХАМАС [Там же, 63–64]. Парадокс ситуации заключается в том, что самые активные игроки, зачастую рассматривающиеся как прокси Ирана, ведут себя как вполне самостоятельные акторы, преследующие собственные интересы [Кузнецов 2023, 15].

Заключение

Иран доказал, что он достаточно силен, чтобы бросить вызов Западу и Израилю в связи с новой войной, начавшейся на Ближнем Востоке в октябре 2023 г. Тегеран доказал, что не боится Америки, тем более что любые возможные военные действия США непосредственно против Ирана в глазах международной общественности будут выглядеть незаконным актом агрессии. Кроме того, война с Тегераном окончательно похоронит дипломатический процесс по прекращению огня в секторе Газа, спровоцирует еще более активные атаки хуситов в Йемене на западные военные и торговые суда в Красном море²².

²⁰ Террористическая организация, запрещенная в России.

²¹ Мустафин Р. Особенности иракского политического ландшафта. Взлет и падение Муктады ас-Садра // Международная жизнь [Электронный ресурс]. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2865> (дата обращения: 04.01.2024).

²² Чем Вашингтон ответит на гибель своих солдат в Иордании // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/01/30/priletelo-po-bashne.html> (дата обращения: 04.02.2024).

Власти Ирана заинтересованы в том, чтобы снизить напряженность в отношениях с Западом, предложив возобновить ранее фактически похороненные переговоры о восстановления СВПД по иранской ядерной программе. В декабре 2023 г. МАГАТЭ распространило доклад, где утверждалось, что Иран опасно нарастил запасы обогащенного урана. А в январе 2024 г. и представители ЕС заговорили о необходимости вернуться к «ядерной сделке». И Иран ответил согласием²³. Слово за Западом.

На протяжении почти 45 лет с момента революции Ирану, несмотря на жесточайшее давление извне, военные операции и экономические санкции, удалось сохранять стабильность и сглаживать внутренние конфликты. Страна укрепляла свои позиции на мировой арене как мощная региональная держава. Иран сохраняет стабильность государственной власти и решает экономические проблемы.

Для БРИКС Иран — ценное приобретение. И внутри БРИКС давние противоречия между суннитами и шиитами, арабами и персами будут сглаживаться гораздо более эффективно во благо всему человечеству.

Список литературы:

Азади Х. Иран. Полная история страны. М.: АСТ, 2023.

Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 1. Внешняя политика императора Александра I. 1801–1825. М.: Кучково поле, 2017а.

Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914. Т. 2. Внешняя политика императора Николая I. 1825–1855. М.: Кучково поле, 2017b.

Айрапетов О.Р. История внешней политики Советского государства в 1918–1941 годах. Т. 1. М.: Кучково поле Музеон, 2024.

Бархордари А., Моттаги Э. Эволюция политической мысли современного Ирана (в свете концепции модерна) // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М.: Садра, 2019. С. 42–66.

Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Neoclassic, 2021.

Бочаров И.А. Основные тенденции во внешней политике стран Ближнего Востока // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. М.: НП РСМД, 2023. С. 57–76.

Васильев А.М. От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018.

Васильев Л.С. История Востока. Т. 2. М.: Издательство Юрайт, 2011.

Вейнер Т. ЦРУ. Правдивая история. М.: Центрполиграф, 2013.

Всемирная история в 6 томах. Т. 1. Древний мир / гл. ред. А.О. Чубарьян. М.: Центрполиграф, 2011.

Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. СПб.: Азбука, 2022.

Гордин Я. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: Журнал Звезда, 2008.

Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

Громов А.Б. Персия — Иран: XX век. М.: Садра, 2024.

Груссе Р. Чингисхан. Покоритель Вселенной. М.: Молодая гвардия, 2008.

Грэйнджер Дж. Империя Александра Македонского. Крушение великой державы. М.: АСТ, 2010.

²³ Иран хочет возобновить переговоры по ядерной сделке // Независимая газета [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/world/2024-03-12/1_8967_iran.html (дата обращения: 20.03.2024).

- Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы. СССР в первые послевоенные годы. М.: Концептуал, 2001.
- Джаханбахш С. Вклад исламской цивилизации в развитие естествознания // Исламская цивилизация. История и современность. М.: Садра, 2016. С. 125–151.
- Дибвойз Н.К. Парфянское царство. М.: Ломоносовъ, 2022.
- Дорошенко Е.А. Причина успеха духовенства в захвате власти в революции 1978–1979 гг. // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М.: Садра, 2019. С. 67–79.
- Дружиловский С.Б. К вопросу об эволюции и характере российско-иранских отношений // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М.: Садра, 2019. С. 144–153.
- Дунаева Е.В. Внутриполитическая и социально-экономическая ситуация в Исламской Республике Иран // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. М.: НП РСМД, 2023. С. 41–45.
- Егорова Н.И. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. По рассекреченным архивным документам // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 24–42.
- Ергин Д. Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2019.
- Жуков Ю.Н. Тайны Кремля. Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М.: Терра — Книжный клуб, 2000.
- Зарринкуб А.Х. Исламская цивилизация. Великие открытия и достижения человечества. СПб.: Диля, 2011.
- Ионичев Н.П. Внешнеэкономические связи России (IX–начало XX века). М.: Аспект Пресс, 2001.
- Кеннеди Х. Великие арабские завоевания. М.: АСТ, 2010.
- Кисин С.В. Император Николай I и его эпоха. Донкихот самодержавия. 1825–1855 гг. М.: Центрполиграф, 2021.
- Кузнецов В.А. Арабский мир: тенденции внутриполитического развития // Региональные тенденции на Ближнем Востоке: политическая и экономическая динамика. Доклад РСМД № 91. М.: НП РСМД, 2023. С. 10–20.
- Линдер И.Б., Чуркин С.А. Спецслужбы России за 1000 лет. М.: Рипол-Классик, 2012.
- Лэмб Г. Тамерлан. Правитель и полководец. М.: Центрполиграф, 2014.
- Магаффи Дж., Джилман А. Империя Александра Великого. М.: Центрполиграф, 2013.
- Макговерн У. Древние империи Центральной Азии. Скифы и гунны в мировой истории. М.: Центрполиграф, 2021.
- Маккиндер Х. Географическая ось истории. М.: АСТ, 2021.
- Мамедова Н.М. Исламский фактор в развитии современного Ирана // Иран в условиях новых геополитических реалий (к 40-летию Исламской революции). М.: Садра, 2019. С. 106–122.
- Моти Ас-Сайяд Ф. Роль иранцев в построении исламской цивилизации // Исламская цивилизация. История и современность. М.: Садра, 2016. С. 97–124.
- Мюллер А. История ислама. С основания до новейших времен. М.: Центрполиграф, 2018.
- Никонов В.А. Афера «Иран-контрас». М.: Издательство Московского университета, 1987.

- Норвич Дж. История Византийской империи: От основания Константинополя до крушения государства. М.: Колибри, 2023.
- О’Доннел К. Религии мира. Харьков; Белгород: Клуб семейного досуга, 2012.
- Олмстед А. История Персидской империи. М.: Центрполиграф, 2022.
- Осанов И.В. Иран. Страна-загадка, открывающаяся миру. М.: Вече, 2014.
- Полищук А.И. Иран под властью Каджаров // Всемирная история. Том 5. Мир в XIX веке. На пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. С. 559–573.
- Примаков Е.М. Конфиденциально. Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX–начало XXI века). М.: Российская газета, 2012.
- Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2012.
- Сиполс В. Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М.: Новина, 1997.
- Соснов Г.И., Баусин И.Л., Баконина М.С., Горбатов В.В., Фитин В.П. Незапад на перекрестке истории: ближневосточная динамика // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1(82). С. 12–41. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_12](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_12)
- Спицын Е.Ю. На фронтах «холодной войны». 1945–1985 годы. М.: Концептуал, 2023.
- Тойнби А. Исследование истории. Возникновение, рост и распад цивилизаций. М.: Астрель, 2012.
- Тураев Б.А. История Древнего Востока. Т. 2. М.: Издательство Юрайт, 2023.
- Уортингтон Й. Филипп II Македонский. СПб.-М.: Евразия, 2014.
- Фергюсон Н. Цивилизация: чем Запад отличается от остального мира. М.: Corpus, 2014.
- Фильштинский И.М. История арабов и Халифата (750–1517 гг.). М.: АСТ, 2008.
- Франкопан П. Шелковый путь. Дорога тканей, рабов, идей и религий. М.: Бомбора, 2021.
- Чуев Ф.И. 140 бесед с Молотовым. Второй после Сталина. М.: Родина, 2023.
- Чупрыгин А.В., Чупрыгина Л.А., Матросов В.А. Как Тегеран и Эр-Рияд Залив делили // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18. № 6. С. 163–173.
- Шильдер Н.К. Александр I. Его жизнь и царствование. М.: Эксмо, 2010.
- Шишов А.В. Николай I. М.: Вече, 2019.
- Шпулер Б. История мусульманского мира. Век халифов. Монгольский период. М.: Центрполиграф, 2022.
- Byrnes J. Speaking Frankly. New York; London: Harper & Brothers, 1947.
- De Bellaigue C. Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Very British Coup. London: Bodley Head, 2012.
- Hopkirk P. The Great Game. On Secret Service in High Asia. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Parker G., Parker B. The Persians. Lost Civilizations. London: Reaktion Books, 2023.

References:

- Ayrapetov O.R. (2017a) *Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801–1914. T. 1. Vneshnyaya politika imperatora Aleksandra I. 1801–1825* [The history of the foreign policy of the Russian Empire. 1801–1914. Vol. 1. The Foreign policy of Emperor Alexander I. 1801–1825]. Moscow: Kuchkovo pole.

- Ayrapetov O.R. (2017b) *Istoriya vneshney politiki Rossiyskoy imperii. 1801–1914. T. 2. Vneshnyaya politika imperatora Nikolaya I. 1825–1855* [The history of the foreign policy of the Russian Empire. 1801–1914. Vol. 2. The Foreign policy of Emperor Nicholas I. 1825–1855]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Ayrapetov O.R. (2024) *Istoriya vneshney politiki Sovetskogo gosudarstva v 1918–1941 godakh. T. 1.* [The history of the foreign policy of the Soviet state in 1918–1941. Vol. 1.]. Moscow: Kuchkovo pole Muzeon.
- Azadi Kh. (2023) *Iran. Polnaya istoriya strany* [Iran. County's full history]. Moscow: AST.
- Barkhordari A., Mottagi E. (2019) Evolyutsiya politicheskoy mysli sovremennogo Irana (v svete kontseptsii moderna) [The evolution of political thought in modern Iran (in the light of the concept of modernity)]. *Iran v usloviyakh novykh geopoliticheskikh realiy (k 40-letiyu Islamskoy revolyutsii)*. Moscow: Sadra. P. 42–66.
- Bocharov I.A. (2023) Osnovnyye tendentsii vo vneshney politike stran Blizhnego Vostoka [The main trends in the foreign policy of the Middle East countries]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomicheskaya dinamika. Doklad RSMD No. 91*. Moscow: NP RSMD.
- Brzeziński Z. (2021) *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Neoclassic.
- Byrnes J. (1947) *Speaking Frankly*. New York; London: Harper & Brothers.
- Chubar'yan A.O. (ed.) (2011) *Vsemirnaya istoriya v 6 tomakh. T. 1. Drevniy mir* [World History in 6 volumes. Vol. 1. The Ancient World]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Chuprygin A.V., Chuprygina L.A., Matrosov V.A. (2020) Kak Tegeran i Er-Riyad Zaliv delili [How Tehran and Riyadh shared the Gulf]. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 18. No. 6. P. 163–173.
- Chuyev F.I. (2023) *140 besed s Molotovym. Vtoroy posle Stalina* [140 conversations with Molotov. The second after Stalin] Moscow: Rodina.
- Danilov A.A., Pyzhikov A.V. (2001) *Rozhdeniye sverkhderzhavy. SSSR v pervyye poslevoyennyye gody* [The birth of a superpower. The USSR in the first post-war years]. Moscow: Kontseptual.
- De Bellaigue C. (2012) *Patriot of Persia: Muhammad Mossadegh and a Very British Coup*. London: Bodley Head.
- Debevoise N.C. (2022) *A Political History of Parthia*. Moscow: Lomonosov.
- Doroshenko E.A. (2019) Prichina uspekha dukhovenstva v zakhvate vlasti v revolyutsii 1978–1979 gg. [The reason for the success of the clergy in seizing power in the revolution of 1978–1979]. *Iran v usloviyakh novykh geopoliticheskikh realiy (k 40-letiyu Islamskoy revolyutsii)*. Moscow: Sadra. P. 67–79.
- Druzhilovskiy S.B. (2019) K voprosu ob evolyutsii i kharaktere rossiysko-iranskikh otnosheniy [On the evolution and nature of Russian-Iranian relations]. *Iran v usloviyakh novykh geopoliticheskikh realiy (k 40-letiyu Islamskoy revolyutsii)*. Moscow: Sadra, 2019. P. 144–153.
- Dunayeva E.V. (2023) Vnutripoliticheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya situatsiya v Islamskoy Respublike Iran [The internal political and socio-economic situation in the Islamic Republic of Iran]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomicheskaya dinamika. Doklad RSMD No. 91*. Moscow: NP RSMD. P. 41–45.
- Dzhakhanbakhsh S. (2016) Vklad islamskoy tsivilizatsii v razvitiye estestvoznaniya [The contribution of Islamic civilization to the development of natural science]. *Islamskaya tsivilizatsiya. Istoriya i sovremennost'*. Moscow: Sadra. P. 125–151.
- Egorova N.I. (1994) "Iranskiy krizis" 1945–1946 gg. Po rassekrechennym arkhivnym dokumentam [The "Iranian Crisis" of 1945–1946. Using declassified archival documents]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. No. 3. P. 24–42.
- Ferguson N. (2014) *Civilization: The West and the Rest*. Moscow: Corpus.

- Fil'shtinskiy I.M. (2008) *Istoriya arabov i Khalifata (750–1517 gg.)* [The History of the Arabs and the Caliphate (750–1517)]. Moscow: AST.
- Frankopan P. (2021) *The Silk Roads: A New History of the World*. Moscow: Bombora.
- Gibbon E. (2022) *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. Saint Petersburg: Azbuka.
- Gordin Ya. (2008) *Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illyuzii i real'nost'* [Why did Russia need the Caucasus? Illusions and reality]. Saint Petersburg.: Zhurnal Zvezda.
- Grainger J. (2010) *Alexander the Great Failure: The Collapse of the Macedonian Empire*. Moscow: AST.
- Grekov B.D., Yakubovskiy A.Yu. (1950) *Zolotaya Orda i eye padeniye* [The Golden Horde and its Fall]. Moscow — Leningrad: Izd-vo AN SSSR.
- Gromov A.B. (2024) *Persiya — Iran: XX vek* [Persia — Iran: The twentieth century]. Moscow: Sadra.
- Grousset R. (2008) *Le Conquérant du monde: Vie de Gengis-Khan*. Moscow: Molodaya gvardiya.
- Hopkirk P. (2006) *The Great Game. On Secret Service in High Asia*. Oxford: Oxford University Press.
- Ionichev N.P. (2001) *Vneshneekonomicheskiye svyazi Rossii (IX–nachalo XX veka)* [Foreign economic relations of Russia (19–the beginning of the 20th century)]. Moscow: Aspekt Press.
- Kennedu H. (2010) *The Great Arab Conquests*. Moscow: AST.
- Kisin S.V. (2021) *Imperator Nikolay I i ego epokha. Donkikhot samoderzhaviya. 1825–1855 gg.* [Emperor Nicholas I and his era. Don Quixote of autocracy. 1825–1855]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Kuznetsov V.A. (2023) *Arabskiy mir: tendentsii vnutripoliticheskogo razvitiya* [The Arab world: Trends in domestic political development]. *Regional'nyye tendentsii na Blizhnem Vostoke: politicheskaya i ekonomicheskaya dinamika. Doklad RSMD No. 91*. Moscow: NP RSMD. P. 10–20.
- Lamb H. (2014) *Tamerlane. Conqueror of the Earth*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Linder I.B., Churkin S.A. (2012) *Spetssluzhby Rossii za 1000 let* [Special services of Russia for 1000 years]. Moscow: Rapol-Klassik.
- Mackinder H. (2021) *The Geographical Axis of History*. Moscow: AST.
- Mahaffy J., Gilman A. (2013) *Alexander's Empire*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Mamedova N.M. (2019) *Islamskiy faktor v razvitii sovremennogo Irana* [The Islamic factor in the development of modern Iran]. *Iran v usloviyakh novykh geopoliticheskikh realiy (k 40-letiyu Islamskoy revolyutsii)*. Moscow: Sadra. P. 106–122.
- McGovern W. (2021) *The Early Empires of Central Asia. A Study of the Scythians and the Huns and the Part They Played in World History*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Moti As-Sayyad F. (2016) *Rol' irantsev v postroyenii islamskoy tsivilizatsii* [The role of Iranians in building Islamic civilization]. *Islamskaya tsivilizatsiya. Istoriya i sovremennost'*. Moscow: Sadra. P. 97–124.
- Mülle A. (2018) *Der Islam im Morgen- und Abendland*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Nikonov V.A. (1987) *Afera «Iran-kontras»* [The Iran-Contra scam]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Norwich J. (2023) *A Short History of Byzantium*. Moscow: KoLibri.
- O'Donnell K. (2012) *Inside World Religions: An Illustrated Guide*. Khar'kov; Belgorod: Klub semeynogo dosuga.
- Olmstead A. (2022) *History of the Persian Empire*. Moscow: Tsentrpoligraf.

- Osanov I.V. (2014) *Iran. Strana-zagadka, otkryvayushchayasya miru* [Iran. The country is a mystery opening up to the world]. Moscow: Veche.
- Parker G., Parker B. (2023) *The Persians. Lost Civilizations*. London: Reaktion Books.
- Polishchuk A.I. (2014) Iran pod vlast'yu Kadzharov [Iran under the rule of the Qajars]. In: *Vsemirnaya istoriya. Tom 5. Mir v XIX veke. Na puti k industrial'noy tsivilizatsii*. Moscow: Nauka. P. 559–573.
- Primakov E.M. (2012) *Konfidentsial'no. Blizhniy Vostok na stsene i za kulisami (vtoraya polovina XX–nachalo XXI veka)* [Confidential. The Middle East on stage and behind the scenes (the second half of the 20th–the beginning of the 21st century)]. Moscow: Rossiyskaya gazeta.
- Roux J-P. (2012) *Histoire De L'Iran Et Des Iraniens. Des Origines A Nos Jours*. Saint Petersburg: Evrazia.
- Sipols V. (1997) Tayny diplomaticheskoye. Kanun Velikoy Otechestvennoy. 1939–1941. [Diplomatic secrets. The eve of the Great Patriotic War. 1939–1941]. Moscow: Novina.
- Shil'der N.K. (2010) *Aleksandr I. Ego zhizn' i tsarstvovaniye* [Alexander I. His life and reign]. Moscow: Eksmo.
- Shishov A.V. (2019) *Nikolay I*. Moscow: Veche.
- Sosnov G.I., Bausin I.L., Bakonina M.S., Gorbatova V.V., Fitin V.P. (2024) Non-West at the Crossroads of History: The Middle Eastern Dynamics. *Problemy natsional'noy strategii*. No. 1(82). P. 12–41. DOI: [10.52311/2079-3359_2024_1_12](https://doi.org/10.52311/2079-3359_2024_1_12)
- Spitsyn E.Yu. (2023) *Na frontakh «kholodnoy voyny». 1945–1985 gody* [On the fronts of the Cold War. 1945–1985]. Moscow: Kontseptual.
- Spuler B. (2022) *Die Chalifenzeit. Entstehung und Zerfall des islamischen Weltreichs*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Toynbee A. (2012) *A Study of History. Volumes I–VI*. Moscow: Astrel'.
- Turayev B.A. (2023) *Istoriya Drevnego Vostoka. T. 2* [The History of the Ancient East. Vol. 2]. M.: Izdatel'stvo Yurayt.
- Vasil'yev A.M. (2018) *Ot Lenina do Putina. Rossiya na Blizhnem i Srednem Vostoke* [From Lenin to Putin. Russia in the Middle East]. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Vasil'yev L.S. (2011) *Istoriya Vostoka. T. 2.* [The History of the East. Vol. 2.]. Moscow: Izdatel'stvo Yurayt.
- Weiner T. (2013) *Legacy of Ashes: The History of the CIA*. Moscow: Tsentrpoligraf.
- Worthington I. (2014) *Philip II of Macedonia*. Saint Petersburg — Moscow: Evrazia.
- Yergin D. (2019) *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power*. Moscow: Al'pina Publisher.
- Zarrinkub A.Kh. (2011) *Islamskaya tsivilizatsiya. Velikiye otkrytiya i dostizheniya chelovechestva* [Islamic civilization. Great discoveries and achievements of mankind]. Saint Petersburg: Dilya.
- Zhukov Yu.N. (2000) *Tayny Kremlya. Stalin, Molotov, Beriya, Malenkov* [Secrets of the Kremlin. Stalin, Molotov, Beria, Malenkov]. Moscow: Terra — Knizhnyy klub.

Дата поступления/Received: 31.03.2024

Экономические вопросы управления
Economic issues in administration

УДК 33

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-42-52

Анализ опыта Японии в реализации стратегии технологического суверенитета

Кудрявцев Василий Александрович

Аспирант, kudryavtsevmsu@gmail.com

Факультета государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В статье рассматривается целевое назначение технологического суверенитета каждого государства и его роль для экономической устойчивости; раскрывается сущность технологического суверенитета в аспекте различных научных подходов. Определяются границы рассматриваемого вида суверенитета с учетом производственных и наукоемких составляющих, а также акцентируется внимание на особенностях перехода Японии от государства, находящегося в изоляции, к государству, взаимодействующему с внешним миром посредством технологий. Раскрывается сущность подхода Японии к обеспечению собственной экономической устойчивости на фоне технологического производства. Кроме того, рассматривается место Японии в мировых рейтингах с точки зрения технологичности и числа зарегистрированных патентов на изобретения. Проанализированы показатели капитальных инвестиций, отраслевых приоритетов, рабочей силы в технологических отраслях, уровня экспорта товаров и услуг от ВВП, торгового баланса от ВВП, уровня экспорта высоких технологий за 2020–2022 годы на фоне укрепления технологического суверенитета Японии. Определяются также прогнозные оценки технологического будущего Японии с учетом приоритетности в национальной экономике и специфики выхода на внешний рынок с новой технологической разработкой. Данные прогнозные оценки учитывают специфику импорта сырьевых материалов и их целевого назначения для обеспечения технологического суверенитета в обозримом будущем. В результате выявлена высокая вероятность наличия определенного экономического алгоритма, позволяющего японской экономике восстанавливать искомые показатели устойчивости в короткие сроки. Поэтому представляется необходимым проведение прикладных исследований в целях выявления сущности экономического алгоритма, используемого Японией для укрепления технологического суверенитета и обеспечения экономической устойчивости в короткие сроки, для последующей возможной адаптации в российской экономике.

Ключевые слова

Технологический суверенитет, Япония, экономическая устойчивость, передовая технология, патент, международная торговля, экономический алгоритм.

Для цитирования

Кудрявцев В.А. Анализ опыта Японии в реализации стратегии технологического суверенитета // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 42–52. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-42-52

Analysis of Japan's Experience of Implementing Technological Sovereignty Strategy

Vasily A. Kudryavtsev

Postgraduate student, kudryavtsevmsu@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article discusses the purpose of technological sovereignty of each state and its role for economic sustainability. The essence of technological sovereignty in the aspect of various scientific approaches is revealed as well as the boundaries of the sovereignty type under consideration are determined, taking into account production and knowledge-intensive components. Attention is focused on the features of Japan's transition from a state in isolation to a state interacting with the outside world through technology. The essence of Japan's approach to ensuring its own economic stability against the background of technological production is revealed. Japan's place in the world rankings is considered in terms of technology and the number of registered patents for inventions. The indicators of capital investments, industry priorities, labor force in technological industries, the level of exports of goods and services from GDP, the trade balance from GDP, the level of exports of high technologies for 2020–2022 against the background of strengthening Japan's technological sovereignty are analyzed. The forecast estimates of the technological future of Japan are determined, taking into account the priority in the national economy and the specifics of entering the foreign market with a new technological development. These forward-looking estimates take into account the specifics of the import of raw materials and their intended purpose to ensure technological sovereignty in the foreseeable future. As a result, there is a high probability of having a certain economic algorithm that allows the Japanese economy to restore the desired stability indicators in a short time. Therefore, it is necessary to conduct applied research in order to identify the essence of the economic algorithm used by Japan to strengthen technological sovereignty and ensure economic stability in a short time for subsequent possible adaptation in the Russian economy.

Keywords

Technological sovereignty, Japan, economic stability, advanced technology, patent, international trade, economic algorithm.

For citation

Kudryavtsev V.A. (2024) Analysis of Japan's Experience of Implementing Technological Sovereignty Strategy. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 42–52. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-42-52

Введение

Вопрос технологического суверенитета относится к стратегическим направлениям национальной безопасности. Если государство в современных мировых условиях стремится к действительной независимости, то, помимо обороноспособности и экономической устойчивости за счет товарно-денежной политики, данное государство в обязательном порядке должно обеспечить собственную технологическую независимость. В целях обеспечения защищенности от внешних неблагоприятных факторов каждая страна должна ориентировать значительные усилия на разработку наукоемких технологий, от которых во многом зависит экономическая устойчивость системообразующих и инфраструктурных направлений государственной политики.

В академической литературе прослеживаются различные подходы по отношению к технологическому суверенитету, в частности, А.А. Афанасьев считает, что между технологическим суверенитетом и национальными интересами существует неразрывная связь. При этом научно-технологическая безопасность является одним из трех обязательных компонентов государственной безопасности. К двум другим компонентам относят национальную и экономическую безопасность [Афанасьев 2022].

Другие ученые считают, что технологический суверенитет необходимо рассматривать с точки зрения отраслевого стратегирования, в рамках которого определяются стратегии технологической независимости, а также стратегии развития трудового потенциала государства [Квинт и др. 2022].

Исследователь В.Е. Дементьев полагает, что технологический суверенитет в значительной степени зависит не от характера технологий и их функциональности, но от степени обеспечения технологических поставок [Дементьев 2023].

Отраслевой принцип технологического суверенитета рассматривают Д.Ю. Файков и Д.Ю. Байдаров, так как обозначенный вид суверенитета сопряжен с оборонно-промышленным комплексом и экономическим прогнозированием ожидаемых результатов от внедрения технологий [Файков, Байдаров 2023].

С.С. Шестопал и А.Ю. Мамычев считают, что технологический суверенитет сопряжен с социальной справедливостью и спецификой коллективного управления как единицами экономического измерения [Шестопал, Мамычев 2023].

Технологический суверенитет относится к экономике суверенного типа и образует систему техники и технологии в совокупности с базовыми элементами обороноспособности и конкурентоспособности государства. Обозначенная совокупность предполагает активное развитие техносферных процессов, в рамках которых прикладными выступают научно-технические результаты и технологические разработки.

Для определения степени суверенности в технологическом аспекте зачастую оценивается существующий технологический уровень государства и масштабы материального воспроизводства на основе научных разработок. Соответственно, технологический суверенитет затрагивает не только научно-технический потенциал государства, но также степень развития промышленности. Таким образом, технологии затрагивают производство и перепроизводство сырья, оборудования, инфраструктуры, иных технологий и других результатов, которые создаются и тиражируются за счет научных разработок государства. Кроме того, технологический суверенитет означает наличие у государства достаточных ресурсов для производства и перепроизводства критически важной продукции в требуемом объеме и в соответствии с заданными технологическими

требованиями. Технологический суверенитет государства, таким образом, означает промышленную и информационную независимость государства, определяющего экономическую систему национальной безопасности.

Опыт Японии в обеспечении технологического суверенитета

Каждое государство имеет собственный путь к технологическому суверенитету. Если рассматривать Японию, то в отношении данного государства следует обозначить изначальные предпосылки к технологическому прогрессу, который наблюдается на протяжении XX–XXI веков на его территории. Многие исследователи считают, что фактически технологический прорыв Япония осуществила еще в конце XIX века в эпоху Мейдзи. В тот период начался переход Японии от изоляции к открытой политике.

Период, известный как «сакоку», или политика «закрытой страны», который длился в Японии до середины XIX века, характеризуется отставанием от Западного мира в части технологических и научных достижений в следствие отрезанности от Европы и Америки, где в это время проходила промышленная революция. Кроме того, для Японии конца XIX века был характерен дефицит природных ресурсов. Соответственно, страна продолжительное время служила для соседних государств лишь рынком сбыта, в том числе технологий. После ряда определяющих военных и политических событий в начале XX века Япония начинает процесс трансформации по примеру европейских государств.

В конце Второй мировой войны Япония в целях поддержания национальной экономики стала специализироваться на перерабатывающей промышленности. Это была вынужденная мера, так как в период войны до трети национального дохода Японии перераспределялось на оборонные цели [Rountree 2023]. После войны в качестве приоритетных подходов государство осуществляло производство таких видов товаров, которые предполагали минимальные вложения, но в то же время наибольшую доходность, например производство хлопчатобумажных и шелковых изделий, которые не требовали больших инвестиций, но были востребованы как на внутреннем, так и на международном рынках. В легкой промышленности такими товарами стали игрушки, часы, радиоприемники, камеры, эти товары были популярны за счет доступности и инновационного дизайна. Кроме того, в обозначенный период в результате запрета иметь собственную армию и, соответственно, производить товары оборонного назначения Япония была вынуждена инвестировать средства в производство станков и телевизоров, что впоследствии привело к роботизации обозначенного производства. Данный период переориентации позволил Японии достичь интенсивного экономического роста [Ehteshami 2022]. Таким образом, Япония стала первым в мире государством, которое начало использовать роботов в производственных целях [Бирюков и др. 2021].

Другой причиной активного технологического развития Японии является длительная независимость данного государства в системе международной торговли, так как Япония долгое время не участвовала в торговых отношениях со многими государствами. Однако на начальном этапе своего экономического развития, особенно после Второй мировой войны, японские организации практиковали заимствование в целях создания товаров для внутреннего потребления. С момента начала участия Японии в международной торговле стало проследиваться существенное совершенствование имеющихся технологий, что позволило в последующем создавать новые образцы товаров на базе ранее существующих прототипов. Кроме того, Япония продолжительное время входит в тройку крупнейших экономик мира, что является для данной страны традиционным состоянием [Варфаловская 2019]. Существует научное мнение о том, что технологическую независимость Японии

следует рассматривать по отраслям, которые по отдельности могут предоставить автономную оценку о степени технологичности этой страны [Corrado et al. 2022].

Немаловажным аспектом технологического прорыва японской экономики выступает мировоззренческая составляющая японского общества. Создателей технологий отличает высокая дисциплинированность и ответственность на каждом участке работы с учетом исторически закрепляющейся системы иерархии японского общества. К элементам так называемого японского экономического чуда представляется возможным отнести реализацию логистической технологии по принципу «точно в срок». Данная технология продолжительное время позволяет японским компаниям существенно снижать складские расходы. Постепенно разработка новых технологий на основе совершенствования уже существующих становилась инструментом для формирования технологического суверенитета Японии. Кроме того, технологический прорыв обеспечивается за счет постоянного анализа данных, в том числе при помощи технологий граничных и периферийных вычислений и других подходов [Литвинова и др. 2022].

По разным оценкам, Япония в настоящее время занимает первое место по уровню технологического опыта. Страна занимает также первую строчку мирового рейтинга как наиболее технологически развитое государство. Существует предположение, что Японии, как и России, свойственно соблюдение принципа опережающего развития и достижения уровня инновационного преимущества в регионе. Рассматривая данный принцип, Е.В. Сумина и Д.В. Зябликов объясняли, что такой подход обеспечивает более благоприятные организационные условия [Сумина, Зябликов 2020]. При этом с точки зрения количества патентных заявок на изобретения Япония занимает третье место, сохраняя данную позицию с 2015 года [Костюкова 2023]. В сфере научных разработок Япония уступает только Китаю и США (Рисунок 1).

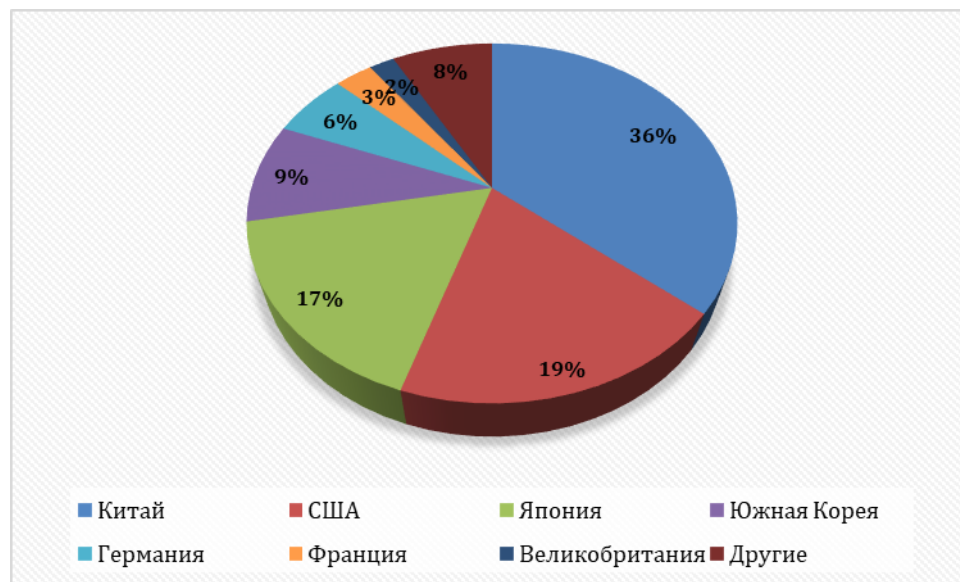

Рисунок 1. Рейтинг государств по количеству зарегистрированных патентов в период 2020–2022 гг.¹

Исходя из данных, можно определить, что Япония не является лидером по количеству научных разработок, однако в то же время страна относится к крупнейшим государствам, научные разработки которого представляют серьезный интерес для потенциальных мировых потребителей. В наукоемкой отрасли Япония преимущественно конкурирует с США, Китаем, Южной Кореей,

¹ Доклад ВОИС «Мировые показатели деятельности в области интеллектуальной собственности»: в 2022 году в мире было подано рекордное число патентных заявок // WIPO [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2023/article_0013.html (дата обращения: 29.01.2024).

Германией, Францией и Великобританией. Если рассматривать регион Азии, то конкурентов для Японии существует лишь два, а именно Китай и Южная Корея, что предоставляет непосредственно Японии значительные перспективы и шансы для сохранения своих позиций в регионе еще продолжительное время. Кроме того, Япония, как США и Китай, лидирует по числу научных работников в мире [Медведкина, Медведкин 2019].

В целях измерения технологического суверенитета научные школы и независимые исследователи применяют дифференциальные показатели, которые преимущественно затрагивают ключевые показатели экономического роста государства. К примеру, в отношении Японии и ее технологического суверенитета представляется возможным изучить такие показатели, как капитальные инвестиции от внутреннего валового продукта (ВВП). Данные Всемирного Банка за 2020–2022 годы по капитальным инвестициям приведены в Таблице 1.

Таблица 1. Капитальные инвестиции Японии от ВВП в 2020–2022 гг., %²

2020 г.	2021 г.	2022 г.
26,21	24,89	25,03

Затраты Японии на техническое перевооружение и технологическое расширение субъектов национальной экономики за последние три года были примерно идентичными. Данный аспект указывает на отсутствие экономических всплесков и потрясений, которые могли бы заставить японскую экономику переориентироваться в сторону уменьшения или увеличения инвестиций. Кроме того, исходя из показателей Таблицы 1, можно определить, что в Японии существуют уточненные расчеты в отношении потребности технологических отраслей в инвестировании.

Для того, чтобы определить отраслевую приоритетность Японии в целях обеспечения технологического суверенитета, необходимо рассмотреть степень отраслевой развитости по направлениям (Таблица 2).

Таблица 2. Отраслевые приоритеты обеспечения технологического суверенитета Японии за 2020–2022 гг.³

№	Отрасль технологического суверенитета	Показатель, %
1	Передовые технологии	19
2	Нанотехнологии	8
3	Микро- и нанoeлектроника	9
4	Индустриальная биотехнология	10
5	Фотоника	8
6	Передовое производство	16
7	Искусственный интеллект	4
8	Робототехника	6
9	Большие данные	9
10	Цифровые технологии безопасности	9
11	Интернет вещей	2

В наибольшей степени, как показывают данные Таблицы 2, отраслевая приоритетность в целях обеспечения технологического суверенитета приходится на передовые технологии, индустриальную биотехнологию и передовое производство. Данный аспект объясняется сегментом японского производства, нацеленного на экспорт, к примеру, в сфере автомобилестроения. В свое

² Foreign direct investment, net (BoP, current US\$) — Japan // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BN.KLT.DINV.CD?locations=JP> (дата обращения: 29.01.2024).

³ Political Sovereignty through Economic Competitiveness. Annual Report, 2022 // Fraunhofer [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fraunhofer.de/content/dam/zv/en/Publications/Annual-Report/2022/Fraunhofer-Annual-Report-2022.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

время Япония также сократила импорт редкоземельных элементов из Китая за счет технологической диверсификации внутренних источников [Hensel 2023]. Если учесть стабилизацию в показателях из Таблицы 1, то на фоне данных Таблицы 2 можно предположить, что Япония обеспечивает технологический суверенитет в таких отраслях, которые в наибольшей степени и продолжительное время формируют стране стабильные доходы.

Другим показателем технологической защищенности выступает уровень рабочей силы. В Таблице 3 представлено количество японских граждан, задействованных в технологических отраслях.

Таблица 3. Рабочая сила в технологических отраслях Японии за 2020–2022 гг., млн чел.⁴

2020 г.	2021 г.	2022 г.
68,95	68,86	68,93

Данные Таблицы 3 указывают на относительную стабильность в отношении кадрового потенциала, задействованного в технологических отраслях Японии. Стоит отметить, что незначительные различия в 2020, 2021 и 2022 годах указывают на способность японской системы восстанавливать дефицит квалифицированных специалистов, что говорит о наличии в японской экономике механизма обеспечения искомой рабочей силой в сжатые сроки.

Японская система в отношении технологического суверенитета нацелена на обеспечение научного и кадрового потенциала преимущественно в производственной сфере. Это значит, что подходы технологического суверенитета базируются на совершенствовании технологий для нужд определенных видов производства. Стабилизация приоритетных направлений обеспечивает экономическую устойчивость Японии, что определяет особенности формирования государственной политики в сфере развития технологий. Таким образом, ключевым фактором технологического суверенитета выступает механизм стабилизации работающих элементов экономики.

Данные Всемирного Банка в отношении Японии позволяют определить уровень экспорта товаров и услуг от ВВП в период 2020–2022 гг. (Таблица 4).

Таблица 4. Уровень экспорта товаров и услуг от ВВП Японии за 2020–2022 гг., %⁵

2020 г.	2021 г.	2022 г.
12,55	18,20	19,15

Механизм стабилизации технологического суверенитета на примере показателей экспорта товаров и услуг от ВВП, как показано в Таблице 4, подтверждает логику действий структур, принимающих решения по регулированию японской экономики. Стоит отметить, что 2020 год приходится на период борьбы с короновирусной инфекцией во всем мире, и вполне объяснимо снижение показателя экспорта японских товаров и услуг, в том числе в сфере технологии. При этом наглядное усиление позиций в отношении экспорта товаров и услуг со стороны Японии указывает на наличие экономических алгоритмов, которые страна с высокой вероятностью использует для интенсивной стабилизации собственной экономики за короткий промежуток времени. Обстоятельство, при котором экономика Японии может восстанавливаться за один год, определяет уникальность экономических алгоритмов, что закономерно приводит к вопросу: может ли имеющийся алгоритм работать только в рамках японской экономики или данный алгоритм может применяться любым государством в случае преодоления им кризисного периода? При этом

⁴ Япония: Рабочая сила // The Global Economy [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/japan/labor_force/ (дата обращения: 28.01.2024).

⁵ Япония: Доля в мировом экспорте // The Global Economy [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/japan/share_world_exports/ (дата обращения: 28.01.2024).

этот экономический алгоритм в равной степени применяется Японией для восстановления отраслей технологического суверенитета.

Следует учитывать, что на территории Японии размещены не все ресурсы, необходимые для обеспечения технологического суверенитета. Это значит, что существует определенная зависимость от сырьевых ресурсов, таких как нефть и газ, уголь, редкоземельные металлы (необходимы для производства высокотехнологичной электроники), которая определяет степень разработанности наукоемких технологий в отношении покрытия дефицита необходимых ресурсов. В Таблице 5 обозначены данные Всемирного Банка в отношении торгового баланса от ВВП в период 2020–2022 гг.

Таблица 5. Торговый баланс Японии от ВВП за 2020–2022 гг., %⁶

2020 г.	2021 г.	2022 г.
-0,27	-0,54	-0,56

Отрицательное сальдо торгового баланса Японии от ВВП указывает на склонность импортировать определенные сырьевые ресурсы, нежели экспортировать товары и услуги, производимые на территории Японии. Согласно данным портала TrendEconomy⁷, Япония в наибольшей степени импортирует углеводороды (19,5%), электронные интегральные схемы (3,53%), вычислительные машины и считывающие устройства (2,02%) и др. Таким образом, следует отметить, что японская экономика нуждается в компьютерном оборудовании с узконаправленными возможностями. Соответственно, страна закупает такое оборудование в строго ограниченном количестве.

Почти в такой же степени Япония нуждается в электронных интегральных схемах, которые производятся из полупроводников. Данный вид продукции выпускается лишь некоторыми странами Азии. Однако то обстоятельство, что Япония нуждается лишь в ограниченном числе подобных схем, указывает на прикладной характер закупаемой продукции и наличие собственных производств в целях обеспечения схемами других видов для производственных нужд. В частности, Япония в настоящее время ускоряет развитие сектора производства передовых полупроводников, в связи с чем японскими компаниями и правительством решается вопрос об обеспечении специального финансирования для этих целей [Гамза 2023].

Обозначенный аспект указывает на высокую степень технологической защищенности Японии, так как производство полупроводников в настоящее время относится к наиболее стабилизирующим факторам национальных экономик государств, поскольку, в частности, полупроводники в производственных масштабах применяются в автомобилестроении. Это значит, что данные потребности в японской экономике в большей степени обеспечены. Сравнительная зависимость от углеводородов в действительности не является критичной для технологического суверенитета, так как Япония изначально не была нефтедобывающим государством, однако стремится к обеспечению стабильной потребности в незначительном количестве данного сырья на фоне общих потребностей производственных мощностей [Корнеев 2020].

В аспекте экспорта товаров и услуг следует акцентировать внимание на уровне экспорта высоких технологий в исследуемых временных интервалах. Данные Всемирного Банка представлены в Таблице 6.

⁶ Япония: Торговый баланс, процент ВВП // The Global Economy [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/japan/Trade_balance/ (дата обращения: 28.01.2024).

⁷ Годовая статистика международной торговли товарами // TrendEconomy [Электронный ресурс]. URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/japan/TOTAL> (дата обращения: 28.01.2024).

Таблица 6. Уровень экспорта высоких технологий Японии за 2020–2022 гг., млн долл.⁸

2020 г.	2021 г.	2022 г.
102,75	116,52	118,62

Под высокими технологиями подразумевается совокупность прогрессивных технологий как результат научно-технических разработок. Таким образом, следует отметить существенный рост экспорта высоких технологий в 2022 г. по сравнению с 2020 г., а также в 2021 г. по сравнению с 2020 г. С высокой вероятностью обозначенная ситуация стала возможна за счет уникальных IT-разработок, которые существенно изменили траекторию развития технологических отраслей японской экономики в 2020–2021 годах. При этом в 2022 г. преимущественно прослеживается спрос на идентичные IT-разработки, которые в настоящее время лишь наращивают потребительский спрос в данном сегменте за счет уникальных IT-разработок, появившихся в 2020–2021 годах.

Выводы

В прогнозируемом будущем Япония, скорее всего, продолжит реализуемую политику в отношении поддержания технологического суверенитета. Ретроспективно Япония всегда стремилась к стабилизации работающих экономических механизмов, что отражается на технологических разработках. При появлении новой разработки страна приступает к активному завоеванию отраслевого рынка и созданию условий для стабилизации спроса на данную разработку.

В то же время обозначенные показатели указывают на способность Японии в большей степени обеспечивать внутренние потребности в технологиях, что наиболее заметно по специфике импорта сырьевых материалов и некоторых видов схем. Несмотря на то, что в настоящее время прослеживается отрицательное сальдо торгового баланса, становится очевидным, что Япония находится на этапе наращивания производственных мощностей за счет импорта углеводородов.

В ближайшие 2–3 года возможны новые направления технологического суверенитета Японии, однако, по разным оценкам, новые направления не станут определяющими по причине стремления государства к стабилизации работающих экономических механизмов. Стоит отметить, что период борьбы с короновирусной инфекцией заставил Японию перейти к сдерживающей экономической политике в сфере технологий, однако возврат к прежним показателям в 2021 и 2022 гг. указывает на приверженность Японии устойчивым экономическим алгоритмам и заданным планкам в технологическом, кадровом, интеллектуальном и экономическом смысле.

Таким образом, следует отметить, что Япония обладает уникальным экономическим алгоритмом, который позволяет привести отраслевые технологические направления к искомым показателям в короткие сроки. Данный аспект заслуживает прикладного исследования с целью выявления специфики обозначенного экономического алгоритма, который обеспечивает экономическую устойчивость в сфере технологий в течение продолжительного времени. Выявление экономического алгоритма может стать полезным источником для разработки идентичных решений в целях обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации, так как для России вопрос технологической независимости относится к наиболее острым и приоритетным.

Заключение

Технологическая защищенность во многом определяет сегодня устойчивость национальной безопасности каждого государства. При этом каждое государство находится в постоянном поиске индивидуального пути, обеспечивающего потребности внутреннего рынка в искомых технологиях и спрос на обозначенные технологии со стороны внешних потребителей. Опыт Японии при обеспечении

⁸ Япония: Экспорт высоких технологий (хай-тека) // The Global Economy [Электронный ресурс]. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/Japan/High_tech_exports/ (дата обращения: 28.01.2024).

технологического суверенитета показывает, что в настоящее время уже существуют определенные решения и подходы, углубленное изучение которых может стать ориентиром для формирования инфраструктуры российского технологического суверенитета. Данные показывают, что Япония не стремится к передовым позициям в мировых рейтингах, хотя находится на лидирующих позициях продолжительное время. Приоритетным для Японии является обеспечение национальной экономики постоянным доходом и необходимыми производственными мощностями. Указанный аспект характеризует Японию как государство, стремящееся к использованию технологий не в качестве целевого товара, но в качестве ресурса для обеспечения текущих нужд национальной экономики. Именно этот аспект опыта реализации стратегии технологического суверенитета Японией представляется нам наиболее важным, так как Российской Федерации приходится реализовывать сходную стратегию, но в условиях беспрецедентных экономических санкций. С одной стороны, санкции в некоторой степени стимулируют реализацию стратегии технологического суверенитета, а с другой — во многом замедляют технологическое развитие России, так как наша страна довольно длительный период времени зависела от технологий Глобального Севера, а быстрая перестройка в этом аспекте сталкивается со множеством трудностей, как технико-технологического характера (низкое качество и плохое состояние базы), так и управленческого характера (сопротивление коренным изменениям на среднем уровне принятия управленческих решений).

Список литературы:

- Афанасьев А.А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // *Journal of Economics*. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394. DOI: [10.18334/epp.12.9.116243](https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243)
- Бирюков Н.Г., Сафонова А.И., Толмачева Е.И. Влияние научно-технического прогресса на эволюцию японского общества // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2021. № 4(154). С. 54–63.
- Варфаловская Р.А. Япония: экономическая динамика и внешняя торговля // *Россия и Азия*. 2019. № 3(8). С. 33–44.
- Гамза Л.А. Япония в борьбе за чипы в Восточной Азии // *Восточная Азия: факты и аналитика*. 2023. № 2. С. 30–47. DOI: [10.24412/2686-7702-2023-2-30-47](https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-2-30-47)
- Дементьев В.Е. Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства // *Terra Economicus*. 2023. Т. 21. № 1. С. 6–18. DOI: [10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18)
- Квинт В.Л., Новикова И.В., Алимуратов М.К., Сасаев Н.И. Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // *Управленческое консультирование*. 2022. № 9(165). С. 57–67. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-9-57-67](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-57-67)
- Корнеев К.А. Внутренняя энергетическая политика Японии: новый этап развития // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее: Материалы 7-й международной конференции молодых востоковедов*. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2020. С. 149–159. DOI: [10.24411/9999-043A-2020-10017](https://doi.org/10.24411/9999-043A-2020-10017)
- Костюкова К.С. Политика цифровой трансформация Японии на примере развития технологии искусственного интеллекта // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2023. Т. 10. № 4. С. 516–529. DOI: [10.18184/2079-4665.2019.10.4.516-529](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.516-529)
- Литвинова Л.В., Кузнецов М.А., Наумова Е.С. Цифровизация экономики в современной Японии // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 4–4. С. 77–80. DOI: [10.24412/2500-1000-2022-4-4-77-80](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-4-4-77-80)
- Медведкина Е.А., Медведкин Т.С. Научно-технологическая парадигма глобального инновационного развития // *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: Материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения»*. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2019. Вып. 2. Ч. 2. С. 826–830.

Сумина Е.В., Зябликов Д.В. Технологические приоритеты стратегического развития региона в условиях цифровой индустриализации // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 3. С. 1535–1554. DOI: [10.18334/vinec.10.3.110663](https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110663)

Файков Д.Ю., Байдаров Д.Ю. На пути к технологическому суверенитету: теоретические подходы, практика, предложения // Экономическое возрождение России. 2023. № 1(75). С. 67–82. DOI: [10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82)

Шестопал С.С., Мамычев А.Ю. Суверенитет в глобальном цифровом измерении: современные тренды // Балтийский гуманитарный журнал. 2023. Т. 9. № 1(30). С. 398–403. DOI: [10.26140/bgj3-2020-0901-0098](https://doi.org/10.26140/bgj3-2020-0901-0098)

Corrado C., Haskel J., Jona-Lasinio C., Iommi M. Intangible Capital and Modern Economies // The Journal of Economic Perspectives. 2022. Vol. 36. Is. 3. P. 3–28. DOI: [10.1257/jep.36.3.3](https://doi.org/10.1257/jep.36.3.3)

Ehteshami A. The BRI and Its Rivals: The Building and Rebuilding of Eurasia in the 21st Century // PRISM. 2022. Vol. 10. Is. 1. P. 23–39.

Hensel N. Challenges and Opportunities in Global Supply Chains: The Role of Critical Minerals // PRISM. 2023. Vol. 10. Is. 3. P. 59–80.

Rountree C.M. The Final Countdown? — Charting a New Course for Capital Ships in Pacific War Plans // Naval War College Review. 2022. Vol. 75. Is. 1. URL: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol76/iss1/4>

References:

Afanasev A.A. (2022) Technological Sovereignty as a Scientific Category in the Contemporary Knowledge System. *Journal of Economics*. Vol. 12. No. 9. P. 2377–2394. DOI: [10.18334/epp.12.9.116243](https://doi.org/10.18334/epp.12.9.116243)

Biryukov N.G., Safonova A.I., Tolmacheva E.I. (2021) The Influence of Scientific and Technical Progress on the Evolution of Japanese Society. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. No. 4(154). P. 54–63.

Corrado C., Haskel J., Jona-Lasinio C., Iommi M. (2022) Intangible Capital and Modern Economies. *The Journal of Economic Perspectives*. Vol. 36. Is. 3. P. 3–28. DOI: [10.1257/jep.36.3.3](https://doi.org/10.1257/jep.36.3.3)

Dementiev V.E. (2023) Technological Sovereignty and Priorities of Localization of Production. *Terra Economicus*. Vol. 21. No. 1. P. 6–18. DOI: [10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2023-21-1-6-18)

Ehteshami A. (2022) The BRI and Its Rivals: The Building and Rebuilding of Eurasia in the 21st Century. *PRISM*. Vol. 10. Is. 1. P. 23–39.

Faikov D.Yu., Baidarov D.Yu. (2023) Towards Technological Sovereignty: Theoretical Approaches, Practice, Suggestions. *Ekonomicheskoye vozrozhdeniye Rossii*. No. 1(75). P. 67–82. DOI: [10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82](https://doi.org/10.37930/1990-9780-2023-1-75-67-82)

Gamza L.A. (2023) Japan's Fight for Chips in East Asia. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*. No. 2. P. 30–47. DOI: [10.24412/2686-7702-2023-2-30-47](https://doi.org/10.24412/2686-7702-2023-2-30-47)

Hensel N. (2023) Challenges and Opportunities in Global Supply Chains: The Role of Critical Minerals. *PRISM*. Vol. 10. Is. 3. P. 59–80.

Korneev K.A. (2020) Japan's Domestic Energy Policy: A New Phase of Development. *Vostochnaya Aziya: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye: Materialy 7-y mezhdunarodnoy konferentsii molodykh vostokovedov*. Moscow: Federal'noye gosudarstvennoye byudzhethnoye uchrezhdeniye nauki Institut Dal'nego Vostoka Rossiyskoy akademii nauk. P. 149–159. DOI: [10.24411/9999-043A-2020-10017](https://doi.org/10.24411/9999-043A-2020-10017)

Kostyukova K.S. (2023) Digital Transformation Policy in Japan: The Case of Artificial Intelligence. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye)*. Vol. 10. No. 4. P. 516–529. DOI: [10.18184/2079-4665.2019.10.4.516-529](https://doi.org/10.18184/2079-4665.2019.10.4.516-529)

Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K., Sasaev N.I. (2022) Strategizing the National Economy During a Period of Burgeoning Technological Sovereignty. *Upravlencheskoye konsul'tirovaniye*. No. 9(165). P. 57–67. DOI: [10.22394/1726-1139-2022-9-57-67](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2022-9-57-67)

Litvinova L.V., Kuznetsov M.A., Naumova E.U. (2022) Digitalization of the Economy in Modern Japan. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 4-4. P. 77-80. DOI: [10.24412/2500-1000-2022-4-4-77-80](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-4-4-77-80)

Medvedkina E.A., Medvedkin T.S. (2019) Nauchno-tekhnologicheskaya paradigma global'nogo innovatsionnogo razvitiya [Scientific and technological paradigm of global innovative development]. *Bol'shaya Evraziya: razvitiye, bezopasnost', sotrudnichestvo: Materialy XVIII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma "Rossiya: klyuchevyye problemy i resheniya"*. Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Is. 2. Part 2. P. 826-830.

Rountree C.M. (2022) The Final Countdown? — Charting a New Course for Capital Ships in Pacific War Plans. *Naval War College Review*. Vol. 75. Is. 1. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol76/iss1/4>

Shestopal S.S. (2023) Sovereignty in the Global Digital Space: Current Trends. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*. Vol. 9. No. 1(30). P. 398-403. DOI: [10.26140/bg3-2020-0901-0098](https://doi.org/10.26140/bg3-2020-0901-0098)

Sumina E.V., Zyablikov D.V. (2023) Technological Priorities of the Region's Strategic Development in the Context of Digital Industrialization. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki*. Vol. 10. No. 3. P. 1535-1554. DOI: [10.18334/vinec.10.3.110663](https://doi.org/10.18334/vinec.10.3.110663)

Varfalovskaya R.A. (2023) Japan: Economic Dynamics and Foreign Trade. *Rossiya i Aziya*. No. 3(8). P. 33-44.

Дата поступления/Received: 01.02.2024

Управление проблемной задолженностью компаний: от терминологии к статистике

Львова Ольга Александровна

Доктор экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [3516-5230](#), ORCID: [0000-0001-9835-3418](#), lvova@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Попов Николай Евгеньевич

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [2597-1074](#), popov.nickolay.e@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Цель работы заключается в систематизации подходов к определению проблемной задолженности и смежных терминов для создания полезного с точки зрения субъектов управления понятийного аппарата, а также в статистическом исследовании динамики и отраслевой структуры проблемной задолженности на основе показателей работы банковского сектора России и других стран за период 2009–2023 годов. В результате анализа международных и российских документов в области банковского регулирования выявлено два вида типологий проблемной задолженности: классификации кредитного риска надзорного органа и рекомендации внутреннего кредитного риска. Кроме того, определены два подхода к пониманию проблемной задолженности: нормативный (учетный), основанный на требованиях регулирующих органов и стандартов отчетности; идентификационный подход, включающий перечень разнообразных признаков проблемности. В результате синтеза подходов в статье предложено авторское понимание терминов «просроченная задолженность», «проблемная задолженность» и «проблемный актив», учитывающее субъектный состав управляющих задолженностью, представленный не только банками, но и торговыми кредиторами. В рамках подготовки статистического обзора за 15 лет выявлено постоянное превышение доли безнадежных ссуд с отсутствием вероятности возврата и полным обесценением долга над проблемными, что подтверждает низкую результативность превентивной работы кредитных организаций по предупреждению проблемности заемщиков. Авторами проведен анализ динамики коэффициента отношения необслуживаемых кредитов к общему объему выданных кредитов в 28 странах мира, выявлена относительно высокая доля показателя в России в последние годы. Оценка отраслевой структуры задолженности российских компаний показала доминирующее положение обрабатывающей промышленности, тогда как в структуре просроченной задолженности основными являются компании из отрасли операций с недвижимостью, оптовой и розничной торговли. Работа кредитных организаций по урегулированию проблемной задолженности является важным вопросом обеспечения экономической безопасности государства и должна включать отслеживание состояния заемщиков на основе стратегической карты и комплексной модели анализа, использование методологии управления трансформационными проектами для финансового оздоровления проблемных компаний.

Ключевые слова

Проблемная задолженность, неисполненные обязательства, ссудная задолженность, просроченная задолженность, проблемные (необслуживаемые, неработающие, неприбыльные) активы, необслуживаемые обязательства, сомнительный долг, плохие (безнадежные) долги, отраслевая структура (просроченной) задолженности, проблемные (неблагополучные) компании.

Для цитирования

Львова О.А., Попов Н.Е. Управление проблемной задолженностью компаний: от терминологии к статистике // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 53–70. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-53-70

Management of Corporate Distressed Debt: From Terminology to Statistics

Olga A. Lvova

DSc (Economics), Associate Professor, ORCID: [0000-0001-9835-3418](#), lvova@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Nickolay E. Popov

PhD applicant, popov.nickolay.e@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The aim of the paper is to systematize definitive approaches of “problem (distressed) debt” and related terms in order to create a conceptual apparatus useful from the point of view of management entities, as well as to statistically study the dynamics and sectoral structure of problem debt based on the banking sector performance indicators in Russia and other countries in 2009–2023. As a result of the analysis of international and Russian documents in the field of banking regulation, two types of problem debt typologies have been identified: classifications of credit risk of the supervisory authority and recommendations of internal credit risk. Two approaches to the definition of “problem (distressed) debt” have been identified: a regulatory (accounting) approach based on

the requirements of regulatory authorities and reporting standards; an identification approach that includes a list of various signs of problems. As a result of the synthesis of approaches, the article proposes the author's understanding of the terms "overdue debt (credit)", "problem (distressed) debt" and "problem asset", taking into account the subject composition of debt managers, represented not only by banks, but also by trade creditors. As part of the preparation of the statistical review for 15 years, a constant excess of the share of "bad" loans (with no probability of repayment and complete depreciation of debt) over "problematic" ones was revealed, which confirms the low effectiveness of the banks' preventive work to prevent borrowers from becoming problematic (troubled). The authors analyzed the dynamics of the ratio of non-performing loans (NPL) to the total volume of loans issued in 28 countries of the world, revealed a relatively high proportion of the indicator in Russia in recent years. An assessment of the sectoral debt structure of Russian companies showed the dominant position of the manufacturing industry, whereas in the structure of overdue debts, the main companies are from the real estate, wholesale and retail trade sectors. The work of credit institutions to manage problem debts is an important issue of ensuring the economic security of the state and should include monitoring the condition of borrowers based on a strategic map and a comprehensive analysis model, using the methodology of managing transformational projects for the financial recovery of troubled companies.

Keywords

Distressed (problem) debt, defaulted exposures bank loan (debt), overdue debt, non-performing loan (NPL), distressed asset, stressful (toxic) assets, non-performing assets (NPA), non-performing exposures (NPE), doubtful debt, bad debts, sectoral structure of (overdue) debt, distressed (troubled) companies.

For citation

Lvova O.A., Popov N.E. (2024) Management of Corporate Distressed Debt: from Terminology to Statistics. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 53–70. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-53-70

Введение

В современных высокотурбулентных экономических условиях, характеризующихся изменениями сложившихся условий хозяйствования, разрывом логистических цепочек, сравнительно высокой инфляцией, экономические субъекты сталкиваются с недостатком свободных денежных средств, необходимых для поддержания функционирования. Следствием этого является увеличение объема привлеченных (заемных) средств, причем как со стороны компаний, так и со стороны граждан. Так, по данным Банка России, только в 2023 году объем кредитов и прочих средств, предоставленных банками корпоративным клиентам и физическим лицам в рублях¹, к декабрю увеличился на 23% относительно января того же года, достигнув 94,3 трлн руб. (для сравнения — в 2022 году годовой прирост составил 8%, в 2021 году — 21%). Аналогичными темпами (с 505,9 тыс. ед. до 622,9 тыс. ед.) в 2023 году росло количество юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, имеющих задолженность перед кредитными организациями; из них около 13% в последние годы стабильно имеют просроченную задолженность².

Проявляющаяся в кризисных условиях неустойчивость финансового состояния экономических субъектов увеличивает риск просрочки или невозврата долгов, что негативно отражается на положении выдавших кредит банков, оказывая влияние на развитие экономики в целом. Кредитование физических лиц также наращивает темп, однако в сравнении с задолженностью корпоративного сектора показатель по гражданам не столь велик: за 11 месяцев 2023 г. суммарная задолженность юридических лиц по кредитам составляет 56,0 трлн руб., физических лиц почти вдвое меньше — 32,6 трлн руб. Объем просроченной задолженности в конце 2023 года составил 2,6 трлн руб. по компаниям и 1,1 трлн руб. по гражданам, что в процентном отношении демонстрирует более высокую долю просроченной корпоративной задолженности: 4,6% против 3,5%.

Понятие проблемной задолженности присутствует в международных рекомендациях и документах в области регулирования деятельности кредитных организаций, в российских нормативно-правовых актах из сферы банковского надзора, гражданского права и налогового законодательства, в зарубежной и российской научной литературе, посвященной вопросам управления задолженностью не только в банках, но и в коммерческих компаниях, а также в стандартах финансовой (бухгалтерской) отчетности (международных и российских). При этом,

¹ Показатели деятельности кредитных организаций // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/pdko_sub/ (дата обращения: 15.01.2024).

² Сведения о размещенных и привлеченных средствах // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/sors/ (дата обращения: 15.01.2024).

несмотря на явную актуальность тематики в контексте экономического развития, постоянное появление новых публикаций по теме и совершенствование регуляторной базы, на сегодняшний день унифицированный подход к определению проблемной задолженности отсутствует, что обуславливает необходимость систематизации существующих подходов и создания авторской таксономии.

Систематизация дефиниций проблемной задолженности в литературе и нормативных источниках

Изучение подходов к определению задолженности обнаруживает ряд характерных признаков: наличие обязательства (преимущественно в денежной форме) с фиксированным сроком исполнения и двух категорий участников, связанных отношениями должника (который пока необязательно просрочил платеж) и кредитора, принадлежащего к какому-либо из нескольких типов. В контексте задолженности предприятий под должником обычно понимается фирма, а кредиторами могут выступать банки, другие фирмы, работники и другие частные лица. Это означает, что трактовка проблемной задолженности необязательно может касаться только задолженности по банковской ссуде, но включает в себя и задолженность перед другими кредиторами из реального сектора. Термин «проблемная задолженность», однако, обычно трактуется именно применительно к обязательствам заемщика любого типа (юридическое или физическое лицо) перед одной категорией кредитора — банком.

Обращаясь к изучению проблемной задолженности в литературе, следует отметить, что за рубежом часто проблемный долг (*distressed debt*) рассматривается применительно к компаниям с точки зрения формальных критериев национального законодательства о банкротстве, качества залога, привлекательности компании, имеющей проблемную задолженность, для спекулятивных и/или стратегических инвесторов [Harner 2008; Guo et. al. 2008]. Выделяется два значения термина «*distressed*»: (1) настоящие финансовые проблемы у самого заемщика (должника), когда обязательства превышают активы, а заемщик становится неспособным обслуживать долг с процентами после наступления срока исполнения обязательств; (2) обесценение обязательств (обычно долговых ценных бумаг) вследствие временных финансовых трудностей у жизнеспособного заемщика [Anson 2002]. В первом случае задачей инвестора будет заключение соглашения или оздоровление в процедурах банкротства, тогда как во втором — своевременное выявление таких временно проблемных компаний и покупка их долгов с дисконтом.

Исчерпывающий литературный обзор по тематике кредитного риска банков и детерминант необслуживаемых кредитов представлен в работе [Nikolopoulos, Tsalas 2017]. Интересно, что в последние годы проблематика управления необслуживаемыми ссудами в англоязычной литературе также рассматривается не только применительно к банкам как субъектам управления, но и к специализированным компаниям [Bianchi, Cosentino 2021]. Это свидетельствует о наличии за рубежом целого рынка управления проблемной задолженностью силами специализированных компаний, а также об активном развитии рынка инвестирования в проблемные компании [Львова 2023а].

В российской литературе замечен другой подход — поиск определения и способов управления проблемной и(или) просроченной задолженностью именно с позиции банков как субъектов управления. За основу чаще всего берется одно из определений, установленных рекомендациями или нормативными документами в области банковского надзора, подготовленными на разном уровне (от Базельского комитета и МВФ до Банка России), с некоторыми дополнениями. Иногда авторы вводят собственные критерии — как количественные (период просрочки, процент обесценивания долга), так и качественные (признаки проблемности, угроза/опасения невозврата/

неполного возврата). Изучение русскоязычной литературы в целом обнаруживает распространенное и взаимозаменяемое употребление множества смежных терминов: «проблемный кредит» [Голубева и др. 2016; Никифорова и др. 2019; Платонова, Зайченко 2011]³; «проблемная задолженность» [Смулов, Нурзат 2009; Юсупова 2016]; «проблемный актив» [Бондарь и др. 2016; Варламова 2022; Хандриков 2003]; «просроченная задолженность (ссуда)» [Барахоева 2022; Белоусов 2012; Заернюк, Анашкина 2014; Космачева, Стецюнич 2018]; «плохие долги» [Андрюшин, Кузнецова 2012]. Говоря о проблемной и(или) просроченной задолженности, авторы обычно исходят из нарушения сроков исполнения обязательств (что нечетко разграничивает проблемную и просроченную задолженность), состава задолженности (сумма основного долга, проценты, пени), опасений банка о невозврате, а также специфичных признаков проблемности.

Несмотря на наличие некоторых основополагающих международных подходов, разница между трактовками как в литературе, так и в упомянутых нормативных стандартах значительна, что подтверждается результатами проведенного нами анализа и уточнения дефиниций, результаты которого представлены в Таблице 1.

Таблица 1. Систематизация дефиниций оригинальных терминов в сфере регулирования проблемной задолженности по данным международных и российских нормативных источников⁴

№	Источник	Оригинальный термин	Определение
1	Зарубежные источники:		
1.1	Базельский комитет по банковскому надзору: Базель III 2010 г.; Рекомендации по пруденциальному обращению с проблемными активами 2016 г. ⁵ ; Рекомендации по расчету кредитного риска 2023 г. ⁶	Defaulted exposures — неисполненные обязательства	1) Любое существенное кредитное обязательство, просроченное более чем на 90 дней; 2) любое существенное кредитное обязательство имеет статус неначисленного (например, банк-кредитор больше не признает начисленные проценты в качестве дохода или в случае признания создает эквивалентную сумму резервов); 3) проблемная реструктуризация любого кредитного обязательства (то есть реструктуризация, которая может привести к уменьшению финансового обязательства, вызванного существенным списанием или отсрочкой выплаты основной суммы долга, процентов или комиссионных сборов), согласованная банком; 4) любое кредитное обязательство, где было подано заявление о банкротстве заемщика или аналогичное распоряжение в отношении любого из кредитных обязательств заемщика перед банковской группой; 5) любая другая ситуация, когда банк считает, что заемщик вряд ли сможет погасить свои кредитные обязательства в полном объеме без обращения банка к таким действиям, как реализация обеспечения.
1.2	Международный валютный фонд (МВФ): Рекомендации по обращению с необслуживаемыми кредитами 2005 г. ⁷	Non-performing loan, NPL — необслуживаемый кредит	Кредит считается необслуживаемым, если выполняется одно из следующих условий: 1) выплаты процентов и/или основной суммы просрочены на 90 дней или более; 2) выплаты процентов, равные 90 дням или более, были капитализированы, рефинансированы или отложены по соглашению; 3) платежи просрочены менее чем на 90 дней, но есть и другие веские причины сомневаться в том, что выплаты будут произведены в полном объеме (например, подача должником заявления о банкротстве). Активы банков, не являющиеся кредитами, но удовлетворяющие тем же критериям, также считаются необслуживаемыми (неработающими, недействующими).

³ См. также: Лыкова Н.М. Развитие методов управления проблемными кредитами в коммерческом банке: дисс... канд. экон. наук. Москва, 2013.

⁴ Составлено авторами.

⁵ Guidelines. Prudential treatment of problem assets — definitions of non-performing exposures and forbearance // Bank for International Settlements [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/bchbs/publ/d367.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).

⁶ CRE: Calculation of RWA for credit risk // Bank for International Settlements [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/basel_framework/standard/CRE.htm (дата обращения: 03.01.2024).

⁷ The Treatment of Nonperforming Loans // IMF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/bop/2005/05-29.pdf> (дата обращения: 03.01.2024).

1.3	Международный валютный фонд (МВФ): Показатели финансовой устойчивости. Руководство по составлению 2004, 2006 и 2019 г. ⁸	Nonperforming loans (NPLs) — необслуживаемые кредиты	Кредиты и займы (и другие активы) считаются необслуживаемым, если: 1) выплаты основной суммы и процентов по ним просрочены на три месяца (90 дней) или более; 2) выплаты процентов, равные процентам за 3 месяца (90 дней) или более, были капитализированы (реинвестированы в основную сумму), рефинансированы или пролонгированы (то есть платеж был отсрочен по договоренности); 3) кредиты с платежами просрочены менее чем на 90 дней, но существуют основания для признания их необслуживаемыми, например если должник обращается с заявлением о своем банкротстве.
		Просроченная задолженность	Суммы просроченных платежей по кредитам и займам или другим активам. Просроченная задолженность может возникать из-за нарушения сроков выплат основной суммы и/или процентов по долговым инструментам, а также в результате несоблюдения условий других видов операций, например поставки товаров и услуг.
1.4	Всемирный банк: Отчет об урегулировании проблемных кредитов 2020 г. ⁹	Проблемные кредиты (NPL)	Кредиты, просрочка по которым составляет более 90 дней или которые вряд ли будут погашены в полном объеме без взыскания залога.
		Проблемные позиции (NPE)	Помимо проблемных кредитов, это определение включает авансы и долговые ценные бумаги (облигации).
		Проблемные активы (NPA)	В дополнение к проблемным кредитам данное определение включает заложенные активы без права выкупа.
1.5	Европейский Центральный банк (ЕЦБ): Рекомендации для банков по необслуживаемым кредитам 2017 г. ¹⁰	Foreclosed assets — активы, на которые обращено взыскание	Активы, находящиеся на балансе кредитной организации, полученные в результате вступления во владение залоговым обеспечением или обращения за аналогичными мерами. Эти активы могут быть получены в судебном порядке («изъяты» в строгом смысле этого слова), посредством двустороннего соглашения с должником (обмен или продажа) или других видов передачи обеспечения от должника кредитору. Активы, на которые обращено взыскание, включают в себя: — финансовые активы; — нефинансовые активы; — все полученное обеспечение, независимо от их классификации для целей бухгалтерского учета (включая активы для собственного пользования и для продажи).
		Non-performing loans, NPL — неработающие (необслуживаемые) кредиты	Займы, не удерживаемые для торговли ¹¹ , которые удовлетворяют одному или обоим критериям: — существенные займы, просроченные более чем на 90 дней; — считается маловероятным, что должник погасит свои кредитные обязательства в полном объеме без продажи предмета залога (независимо от наличия и длительности просрочки платежа). NPL — часть NPE.
		Non-performing assets, NPA — необслуживаемые/ неработающие/ неприбыльные активы	NPA = NPL + Foreclosed assets = Необслуживаемые кредиты + Активы, на которые обращено взыскание.
		Non-performing exposures, NPE — необслуживаемые обязательства	Обязательства (займы, долговые ценные бумаги, забалансовые статьи), не удерживаемые для торговли, которые удовлетворяют одному или обоим из следующих критериев: — существенные риски, срок погашения которых просрочен более чем на 90 дней; — считается маловероятным, что должник погасит свои обязательства в полном объеме без продажи предмета залога (независимо от наличия и длительности просрочки платежа). NPE = NPL + неработающие долговые ценные бумаги (non-performing debt securities) + неработающие забалансовые статьи (non-performing off-balanced sheet items).

⁸ Financial Soundness Indicators: Compilation Guide // IMF [Электронный ресурс]. URL: <https://data.imf.org/api/document/download?key=63172609> (дата обращения 04.01.2024); Показатели финансовой устойчивости Руководство по составлению // Международный валютный фонд, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/fsi/guide/2006/pdf/rus/guide.pdf> (дата обращения 04.01.2024); Financial Soundness Indicators: Compilation Guide // IMF [Электронный ресурс]. URL: <https://data.imf.org/api/document/download?key=60212397> (дата обращения 04.01.2024).

⁹ COVID-19 и урегулирование проблемных кредитов в странах Европы и Центральной Азии. С. 2. // Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/368101615580624661-0130022021/original/COVID19NPLPolicyNoteRUS.pdf> (дата обращения: 03.02.2023).

¹⁰ Guidance for banks on non-performing loans. P. 99 // European Central Bank [Электронный ресурс]. URL: https://www.bankingsupervision.europa.eu/ecb/pub/pdf/guidance_on_npl.en.pdf (дата обращения: 03.01.2024).

¹¹ Согласно МСФО (IAS) 39, «инструменты, отвечающие определению «удерживаемых для торговли», должны быть оценены по справедливой стоимости с отнесением ее изменений на прибыль или убыток, так как они не являются удерживаемыми для сбора договорных денежных потоков от финансовых активов». IFRS 9: основные изменения в учете финансовых активов // Finotchet.ru [Электронный ресурс]. URL: <http://finotchet.ru/print/articles/562/> (дата обращения: 03.01.2024).

1.6	Федеральная резервная система (ФРС США): Отчет о банковском надзоре и регулировании 2019 г. ¹²	Non-performing loans, or problem loans — необслуживаемые кредиты или проблемные кредиты	Кредиты, срок погашения которых просрочен на 90 дней или более, а также просроченные ссуды, по которым приостанавливается начисление процентов.
2. Российские источники:			
2.1	Банк России (ЦБ РФ): Обзор финансовой стабильности (с 2012 г.) ¹³	Плохие ссуды	Ссуды IV–V категорий качества в соответствии с Положением Банка России от 28.06.2017 № 590-П по всем банкам, за исключением Банка «ТРАСТ».
2.2	Банк России (ЦБ РФ): Методологические комментарии к таблицам «Обзор банковского сектора РФ» (с 2004 г.) ¹⁴	Просроченная задолженность по кредитам, депозитам и прочим размещенным средствам, предоставленным организациям, кредитным организациям, физ. лицам	Задолженность по не возвращенным в срок кредитам, депозитам и прочим размещенным средствам, предоставленным юридическим и физическим лицам, резидентами и нерезидентам, иностранным государствам, а также по операциям с драгоценными металлами в валюте РФ и в иностранной валюте. Суммы просроченных процентов в расчет показателей просроченной задолженности не включаются.
2.3	Налоговый кодекс РФ (НК РФ), ст. 266 «Расходы на формирование резервов по сомнительным долгам» ¹⁵	Сомнительный долг	Любая задолженность перед налогоплательщиком, возникшая в связи с реализацией товаров, выполнением работ, оказанием услуг, в случае если эта задолженность не погашена в сроки, установленные договором, и не обеспечена залогом, поручительством, банковской гарантией.
		Безнадежные долги (долги, нереальные ко взысканию)	— Те долги перед налогоплательщиком, по которым истек установленный срок исковой давности, а также те долги, по которым, в соответствии с ГК РФ, обязательство прекращено вследствие невозможности его исполнения, на основании акта государственного органа или ликвидации организации, за исключением задолженности по договору кредита (займа) в пределах обязательства кредитора перед внешним участником по соглашению о финансировании участия в кредите (займе); — долги, невозможность взыскания которых подтверждена постановлением судебного пристава-исполнителя об окончании исполнительного производства, вынесенным в порядке, установленном Федеральным законом¹⁶, в случае возврата взыскателю исполнительного документа.
2.4	Правительство РФ: Методические рекомендации по расчету КПЭ для госкорпораций, гос. компаний, ГУП и проч., 2014 г. ¹⁷	Просроченный (недействующий, неблагоприятный) кредит — NPL (Non-performing loan)	Доля просроченной задолженности сроком 90 дней и более в кредитном портфеле общества финансового сектора. Кредит, по которому не выполняются условия первоначального кредитного соглашения.

В качестве базовых и наиболее соответствующих контрольно-учетным задачам можно выделить определения зарубежных источников: Базельского комитета (№ 1.1 в таблице) и Международного валютного фонда (№ 1.2–1.3). Именно в них появляется распространенная

¹² Federal Reserve Supervision and Regulation Report — November 2019. Appendix A // FRS USA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.federalreserve.gov/publications/2019-november-supervision-and-regulation-report-appendix-a.htm> (дата обращения: 03.01.2024).

¹³ Обзор финансовой стабильности: IV квартал 2022 – I квартал 2023 года. С. 27 // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/44007/4q_2022_1q_2023.pdf (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁴ Методологические комментарии к таблицам «Обзор банковского сектора Российской Федерации» (выпуск 17). С. 13 // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/collection/collection/file/8550/metodol_17.pdf (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁵ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/ (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁶ Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_71450/ (дата обращения: 03.01.2024).

¹⁷ Методические указания по применению ключевых показателей эффективности государственными корпорациями, государственными компаниями, государственными унитарными предприятиями, а также хозяйственными обществами, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации в совокупности превышает пятьдесят процентов (утв. Правительством РФ от 27 марта 2014 года № ИШ-П13-2043) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/563926396> (дата обращения: 10.01.2024).

аббревиатура NPL (non-performing loan — необслуживаемый кредит), которая чаще всего и называется «проблемной (ссудной) задолженностью» в российских публикациях. Зафиксированная в этих определениях просрочка в 90 дней и более позволяет банкам перевести просроченную задолженность в категорию проблемной, однако перечень признаков проблемности остается открытым, на усмотрение банка (п. 5 определения № 1.1).

В Рекомендациях Базельского комитета указано, что установленные международные критерии в разных юрисдикциях и банках применяются по-разному, что проявляется следующим образом:

- сфера применения определений: некоторые юрисдикции и банки применяют определение неработающих только к кредитам, в то время как другие применяют его к долговым ценным бумагам и/или забалансовым обязательствам;
- уровень существенности: некоторые юрисдикции и банки применяют определение неработающих только к существенным кредитам, в то время как другие применяют это определение ко всем кредитам. Кроме того, установленный порог существенности не является единообразным даже в рамках одной юрисдикции;
- типы рисков: по некоторым кредитам могут быть установлены специальные критерии для признания их проблемными (например, более длительный период просрочки) — в зависимости от характера риска или обеспечения;
- уровень применения: правила квалификации кредитов как проблемных могут применяться либо на уровне отдельного кредита, либо на уровне всех кредитов контрагенту, особенно если он принадлежит к группе компаний;
- критерии смены статуса с проблемного (неработающего) кредита на действующий не являются унифицированными и конкретными, что позволяет банкам варьировать сроки, необходимые для оздоровления проблемных кредитов.

Определение Европейского Центрального банка (№ 1.5) более четко классифицирует необслуживаемые кредиты / обязательства / активы, чем определение Всемирного банка (№ 1.4), а применение всех указанных рекомендаций зависит от принятых стандартов учета. Тем не менее рассмотрение этих подходов, а также вышеприведенные пояснения от Базельского комитета позволяют все же отделить проблемные активы банка (широкая категория) от проблемных кредитов (узкая категория), понять происхождение этих терминов, обусловленное спецификой применения или неприменения международных рекомендаций, а также сделать вывод о том, что просроченная задолженность неразрывно связана с проблемной, но становится ее частью по достижении определенного срока.

Среди российских источников наиболее широкая трактовка англоязычного термина NPL заметна в Методических рекомендациях Правительства РФ для госкорпораций (№ 2.4), где просроченная задолженность равна проблемной, когда не выполняются условия договора.

Таким образом, проведенный анализ рекомендаций известных международных институтов в области банковского регулирования и российских нормативно-правовых актов позволяет выявить две группы классификаций проблемной задолженности:

- 1) классификации кредитного риска надзорного органа (в России — 5-ступенчатая классификация качества ссуд; в Европе — классификация проблемных активов/кредитов/обязательств и проч.);
- 2) классификации внутреннего кредитного риска (основываются на подходах Базельского комитета и МВФ, но не ограничиваются ими, позволяя устанавливать дополнительные количественные и качественные критерии проблемности во внутренних нормативных документах банка).

Проведенное исследование литературы также позволяет выявить два основных подхода к определению проблемной задолженности: (1) нормативный (учетный), когда за основу берутся требования регулирующих органов и стандартов отчетности; (2) идентификационный подход, обычно предлагаемый исследователями вместе с перечнем признаков проблемности, которые позволяют банку так квалифицировать задолженность.

Однако комплексный подход, учитывающий субъектный состав управляющих проблемной задолженностью, к которым относятся не только банки, но и сами компании реального сектора (выступающие в роли заемщика и кредитора для других фирм одновременно), а также синтез обозначенных подходов к пониманию проблемной задолженности банков, позволяет нам предложить авторский понятийный аппарат (Таблица 2), специфицирующий наиболее распространенные термины — «просроченная задолженность», «проблемная задолженность (проблемный кредит)», «проблемный актив».

Таблица 2. Понятийный аппарат в области проблемной задолженности для целей управления¹⁸

Объект/ субъект управления	Кредитная организация (банк)	Компания (нефинансовая организация, торговый кредитор)
Просроченная задолженность	Обязательства заемщика, не погашенные в срок, установленный договором.	Кредиторская задолженность (КЗ) — обязательства самой компании, не погашенные в срок, установленный договором. Дебиторская задолженность (ДЗ) — обязательства контрагентов перед компанией, не исполненные в срок, установленный договором.
Проблемная задолженность (проблемный кредит)	Кредиты, срок погашения которых просрочен на 90 дней или более + просроченные ссуды, по которым приостанавливается начисление процентов (т.н. неначисленные обязательства) + реструктурированные кредиты, по которым ожидается уменьшение финансового обязательства + кредиты с платежами, просроченными менее 90 дней, где в отношении заемщика было подано заявление о банкротстве + кредиты, соответствующие дополнительным внутренним критериям банка, дающим основание полагать, что без обращения взыскания на предмет залога обязательства не смогут быть погашены.	Кредиторская или дебиторская задолженность, по которой неоднократно нарушались сроки исполнения обязательств; сроки нарушены более периода, в течение которого возникший кассовый разрыв не влечет приостановление исполнения собственных обязательств компании; в отношении дебитора подано заявление о банкротстве.
Проблемный актив	Включает проблемную задолженность (проблемные кредиты), а также активы, на которые обращено взыскание, неработающие долговые ценные бумаги, неработающие забалансовые статьи банка. Актив, имеющий определенную коммерческую ценность, но сопровождающийся спорами между хозяйствующими субъектами и(или) конфликтом интересов, что может привести к убыткам.	Материальные и нематериальные, внеоборотные и оборотные активы, которые не приносят доход и(или) содержание которых требует вложений.

Категория «просроченная задолженность» шире, чем категория «проблемная задолженность» — не каждая просрочка становится проблемной (может быть связана с краткосрочными финансовыми трудностями у заемщика), но потенциально является таковой. Критериями перехода просроченной задолженности в категорию проблемной для банков можно считать период просрочки более 90 дней и(или) другие установленные внутренними документами банка сроки. Для компаний критерием проблемности просроченной кредиторской задолженности может считаться неоднократная просрочка платежа, срок просрочки устанавливается кредитором компании; дебиторской задолженности — множество признаков, включая неоднократную просрочку

¹⁸ Составлено авторами.

платежа, отказ дебитора вести переговоры и/или оплачивать и проч. Срок просрочки устанавливается самой компанией как кредитором и должен соответствовать стандартам бухгалтерского учета¹⁹.

Динамика необслуживаемых кредитов в России и в мире

В п. № 2.1 Таблицы 1 обозначена классификация банковских ссуд, установленная Положением Банка России²⁰, согласно которой они делятся на 5 категорий качества в зависимости от степени кредитного риска и вероятности финансовых потерь вследствие неисполнения (ненадлежащего исполнения) заемщиком обязательств, что ведет к обесценению ссуды в определенном размере:

- 1) стандартные (I) — риск и вероятность потерь отсутствуют;
- 2) нестандартные (II) — риск умеренный, обесценение в размере 1–20%;
- 3) сомнительные (III) — риск значительный, обесценение в размере 21–50%;
- 4) проблемные (IV) — риск высокий, обесценение в размере 51–100%;
- 5) безнадежные (V) — отсутствует вероятность возврата, полное обесценение ссуды в размере 100%.

Интересной представляется структура корпоративных ссуд обозначенных категорий за последние 15 лет, представленная на Рисунке 1.

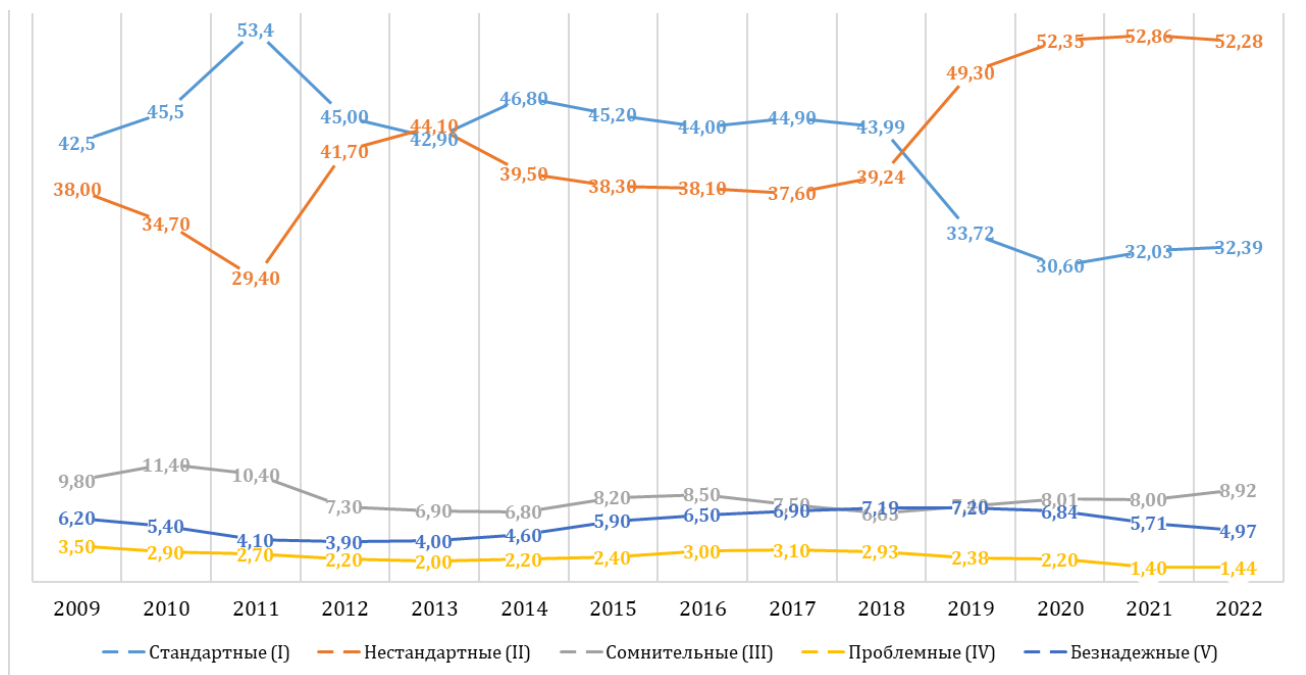

Рисунок 1. Структура задолженности по ссудам, предоставленным юридическим лицам (кроме межбанковских кредитов) в России в 2009–2023 гг., в % от общего объема предоставленных кредитов²¹

Общим положительным трендом является почти постоянное (кроме 2013 года) превышение первой категории надежных ссуд (стандартных) над умеренно рисковыми (нестандартными). Увеличение доли стандартных ссуд в 2011 г. и 2019 г. до 50–53% говорит о стабилизации финансового положения компаний-заемщиков в обозначенные периоды либо может быть связано с ростом

¹⁹ Просроченная задолженность по российскому стандарту бухгалтерского учета (РСБУ) и международному стандарту финансовой отчетности (МСФО) рассчитывается по разным методикам. По РСБУ, это сумма платежей по выданным кредитам и прочим обязательствам, не произведенных в установленные сроки. По МСФО, просроченной задолженностью считается весь объем обязательств (например, сумма непогашенного долга по кредиту), по которым были допущены неплатежи.

²⁰ Положение Банка России от 28.06.2017 № 590-П «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности». Пп. 1.7, 3.13 // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71621612/> (дата обращения: 10.01.2024).

²¹ Составлено авторами по: Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/bank_sector/review/ (дата обращения: 16.01.2024).

объема выданных кредитов в период экономического подъема, большинство из которых еще не успело перейти в категорию нестандартных ссуд. В то же время заметное в 2019 г. снижение доли нестандартных ссуд компенсируется не только увеличением стандартных, но и ростом безнадежных, доля которых в этот период достигла максимума за весь период (8%). Увеличение доли сомнительных ссуд третьей категории наблюдается в экономически сложные периоды 2009–2011, 2015–2016, 2022 годов.

Среди наиболее рискованных категорий ссуд интересно стабильное двух- или трехкратное превышение доли безнадежных ссуд над проблемными — в 2022 году при уровне проблемных 1,8% доля безнадежных составляла 4,7% общего объема корпоративной задолженности. Это свидетельствует о том, что превентивная работа кредитных организаций по предупреждению проблемности заемщиков не дает значимого результата — не задерживаясь в категории проблемных, ссуды сразу становятся безнадежными.

В мировой практике для отслеживания уровня так называемых необслуживаемых обязательств используется аналогичный коэффициент отношения их объема к общему объему ссуд (Таблица 3).

Таблица 3. Значения коэффициента «Необслуживаемые кредиты к общему объему выданных кредитов» (Non-performing loans to Total loans) в отдельных странах мира за 2009–2022 гг., %²²

	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Албания	..	13,5	18,0	21,2	22,2	21,5	16,8	16,6	12,0	10,4	8,0	7,7	5,4	4,8
Аргентина	3,0	1,8	1,2	1,5	1,5	1,8	1,6	1,7	1,7	3,0	5,7	4,2	4,3	3,1
Беларусь	..	3,5	4,2	5,5	4,4	4,4	6,8	12,8	12,9	5,0	4,6	4,8	5,3	..
Великобритания	3,5	4,0	4,0	3,6	3,1	1,7	1,0	1,7	1,4	1,1	1,0	1,0	1,0	1,0
Германия	3,3	3,2	3,0	2,9	2,7	2,3	1,97	1,7	1,5	1,2	1,1	..	..	..
Греция	3,8	5,6	9,2	15,7	27,8	30,0	35,7	37,4	45,6	42,0	36,4	27,0	9,2	6,5
Ирландия	9,8	12,5	16,1	21,3	22,4	20,6	16,9	12,6	11,5	5,5	3,4	3,4	2,5	..
Кипр	4,5	5,8	10,0	18,4	38,6	45,0	47,7	36,7	31,4	19,5	17,1	15,0	9,0	7,7
Китай	..	1,1	1,0	1,0	1,0	1,2	1,7	1,7	1,7	1,8	1,9	1,8	1,7	..
Кыргызстан	..	14,8	9,4	6,6	5,1	4,2	6,7	8,5	7,4	7,3	7,7	10,1	10,8	12,5
Латвия	20,3	22,3	14,1	8,7	6,4	4,6	4,6	6,3	5,5	5,3	5,0	3,1	2,5	1,8
Литва	22,1	21,3	17,6	14,1	11,6	8,2	4,9	3,7	3,2	2,3	1,0	1,0	0,5	..
Мальдивы	..	..	..	20,9	17,2	17,5	13,6	10,5	9,7	8,9	9,4	8,2	6,7	5,9
Молдова	16,4	13,3	10,7	14,5	11,6	11,7	9,9	16,4	18,2	12,5	8,5	7,4	6,1	6,4
Нигер	37,3	20,1	5,8	3,7	3,4	3,0	4,9	12,8	14,8	11,7	6,0	6,0	4,9	4,0
Нидерланды	3,2	2,8	2,7	3,1	3,2	3,0	2,7	2,5	2,3	2,0	1,8	1,9	1,7	1,6
ОАЭ	4,2	5,3	6,1	7,1	5,9	5,3	4,7	4,8	5,0	5,3	6,0	7,6	7,3	6,4
Польша	4,1	4,7	4,5	4,9	4,8	4,6	4,2	3,9	3,8	3,9	3,8	3,7	2,9	..
Россия	9,6	8,3	6,6	6,1	6,0	6,8	8,4	9,2	9,7	9,7	8,8	8,3	6,7	6,1
Сан Марино	6,9	11,9	34,6	20,3	42,3	43,1	49,1	47,1	51,6	50,7	58,9	61,1	59,0	..
США	5,0	4,4	3,8	3,3	2,5	1,9	1,5	1,3	1,1	0,9	0,9	1,1	0,8	0,7
Таджикистан	..	6,1	5,1	6,0	8,3	19,8	26,3	47,6	36,5	31,1	27,0	23,8	13,7	..
Турция	5,0	3,5	2,6	2,7	2,6	2,7	3,0	3,1	2,8	3,7	5,0	3,9	3,0	2,0
Украина	13,7	15,3	14,7	20,4	16,4	23,3	35,4	39,0	54,8	54,4	50,5	43,5	31,7	38,1
Франция	4,0	3,8	4,3	4,3	4,5	4,2	4,0	3,7	3,1	2,7	2,5	2,7	2,4	..
ЦАР	..	12,6	12,0	9,6	28,5	27,7	31,3	26,2	25,1	17,6	16,1	17,5	13,9	14,5
Черногория	13,6	20,9	15,3	17,3	20,3	18,6	14,6	11,4	8,3	7,4	5,1	5,9	6,8	6,3
Экватор. Гвинея	..	4,7	4,4	5,8	20,1	19,7	17,7	25,1	27,5	36,9	49,1	52,2	55,1	55,4

²² Составлено авторами по: DataBank. World Development Indicators // The World Bank Databank [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/Series/FB.AST.NPER.ZS> (дата обращения: 10.01.2024)

Анализ по 28 выбранным странам показывает, что в России на протяжении 6 лет, с 2015 по 2019 годы, не обслуживалось порядка 8–9% кредитов юридическим и физическим лицам²³, что сопоставимо с кризисными 2009–2010 годами. Некоторый рост в России наблюдался в связи с ростом долговой нагрузки на бизнес после кризиса 2014–2015 гг. Несмотря на то, что в 2021–2022 гг. этот показатель снизился до 6%, на фоне стран с развитой экономикой он представляется довольно высоким: так, в США, многих странах Еврозоны (Великобритании, Германии, Литве, Латвии, Нидерландах), а также в Китае в последние годы доля необслуживаемых кредитов не превышает 1% (и никогда не поднималась выше 3%). В Аргентине, экономика которой пережила множество шоков, доля необслуживаемых кредитов составляет 3–4%, в Турции не превышает 5% (в 2019 г.), в последние годы достигнув 2%. Безусловно, Таблица 3 демонстрирует, что есть немало стран, банковский сектор которых гораздо менее устойчив, чем в России: доля необслуживаемых кредитов превышает двузначные значения в Сан-Марино, Таджикистане, Кыргызстане, на Украине, в Центральноафриканской Республике и т.д. Такие страны, как Албания, Греция, Ирландия, Кипр, Латвия, Литва, Мальдивы, Молдова, Нигер, Черногория, демонстрируют успехи в борьбе с необслуживаемыми кредитами: за 15 лет их доля снизилась с двузначных значений до сопоставимых с Россией 6–7%.

Можно предположить, что на динамику необслуживаемых кредитов прямое влияние оказывает изменение средневзвешенных процентных ставок по кредитам, однако исследование стран, по которым есть данные, показывает преобладающее отсутствие корреляции (Таблица 4).

Таблица 4. Значения коэффициента «Ставки по кредитам» (Lending interest rates) в отдельных странах мира за 2013–2022 гг., %²⁴

	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	Коэффициент корреляции между ставками и долей NPL (данные Табл. 3 и Табл. 4)
Албания	9,83	7,97	7,88	6,73	6,22	5,93	6,28	6,12	6,02	6,51	0,83
Аргентина	17,15	24,01	24,92	31,23	26,58	48,52	67,25	29,39	35,56	52,40	0,75
Беларусь	19,13	18,74	18,08	14,40	9,66	8,70	9,02	9,03	10,12	12,72	-0,09
Китай	6,00	5,60	4,35	4,35	4,35	4,35	4,35	4,35	4,35	4,35	-0,98
Кыргызстан	21,32	20,13	23,63	24,53	19,82	19,51	19,00	17,04	16,62	18,66	-0,47
Мальдивы	11,14	11,42	11,10	10,76	10,15	10,68	11,52	11,60	11,57	10,93	0,08
Молдова	12,29	11,01	14,15	14,28	10,36	8,85	8,25	8,18	7,40	11,80	0,42
Россия	9,47	11,14	15,72	12,60	10,56	8,87	8,75	6,78	7,18	11,46	0,09
Сан Марино	6,62	6,11	2,49	3,02	4,07	4,16	3,98	3,73	3,53	3,80	-0,54
США	3,25	3,25	3,26	3,51	4,10	4,90	5,28	3,54	3,25	..	-0,55
Таджикистан	24,33	24,53	25,84	24,94	29,65	27,19	23,55	..	..	..	0,40
Украина	16,65	17,72	21,82	19,24	16,38	19,00	19,82	14,29	13,29	18,61	0,16
Черногория	9,39	9,41	8,93	7,97	7,20	6,53	6,18	5,91	5,76	5,64	0,96

Положительная значимая корреляция наблюдается только в Албании и Черногории. В Китае корреляция между ставками и уровнем необслуживаемых кредитов отрицательная, что можно объяснить тем, что при росте ставок величина необслуживаемых кредитов снижается. Однако официальная статистика по Китаю может быть неполной ввиду того, что не учитывает микрокредиты для бизнеса (так называемый теневой банкинг). Таким образом, снижение или увеличение ставок будет оказывать влияние на объем выданных в течение года кредитов, а

²³ В статистике Всемирного банка отсутствуют отдельные данные по задолженности юридических и физических лиц, так же как и данные за 2023 год.

²⁴ Составлено авторами по: DataBank. World Development Indicators // The World Bank Databank [Электронный ресурс]. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators/Series/FB.AST.NPER.ZS#> (дата обращения: 19.02.2024)

на платежеспособность по уже существующим — с некоторым временным лагом. Снижение доли необслуживаемых кредитов в последние годы во многих странах отражает заметный вектор на превентивное урегулирование проблемной задолженности для недопущения банкротства. В России система предупреждения несостоятельности и реабилитации проблемного бизнеса за последние 20 лет так и не сформировалась [Львова 2023а; Бобылева, Львова 2019] и характеризуется низкой результативностью, как и сам институт банкротства [Львова 2021].

Отраслевая структура проблемной задолженности в России

Несмотря на то, что наличие проблемной задолженности отражает саму природу банковской деятельности, связанной с управлением рисками размещения и привлечения средств, исключить которые полностью невозможно, в масштабах экономики указанная сумма просроченной задолженности компаний велика и составляет около 2,1% ВВП России (по данным за полный 2022 год²⁵). Для сравнения, в том же году расходы на здравоохранение составили 4,9% ВВП, на образование — 4,6% ВВП. Приведенные цифры означают, что около 2% ВВП России могли бы использоваться более эффективно при наличии действенных инструментов урегулирования проблемной задолженности, в том числе при вмешательстве государства [Попов 2021].

Продолжая статистическое исследование, остановимся на отраслевой структуре накопленной (Рисунок 2) и просроченной (Рисунок 3) российскими организациями задолженности.

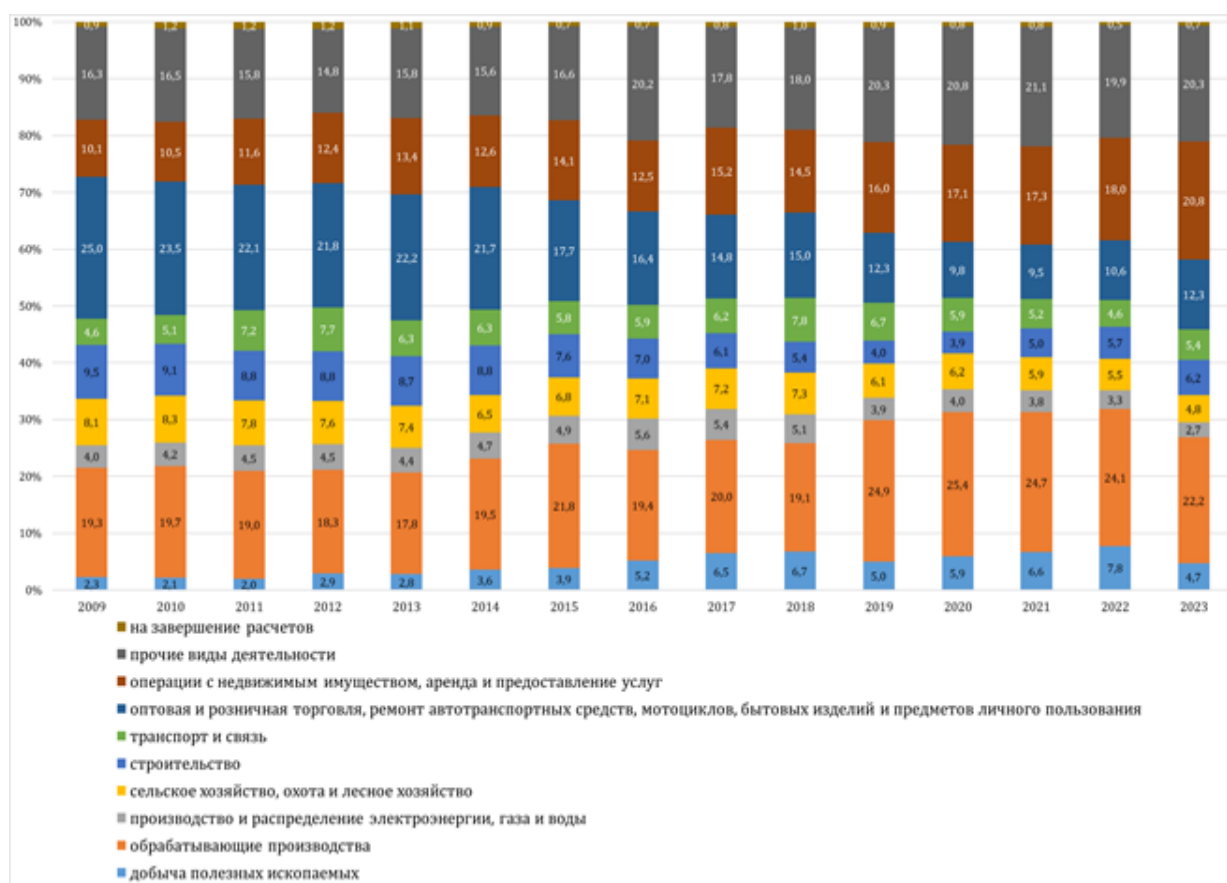

Рисунок 2. Структура задолженности по кредитам, предоставленным юридическим лицам в рублях, по видам экономической деятельности и направлениям использования средств в 2009–2023 гг., %²⁶

²⁵ На момент подготовки статьи Росстатом были опубликованы расчеты ВВП за январь-сентябрь 2023 года. При сопоставлении с данными о просроченной задолженности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей за аналогичный период она будет составлять около 2,4% ВВП за указанный период.

²⁶ Рассчитано авторами по: Задолженность, в том числе просроченная, по кредитам, предоставленным юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/01_02_A_Debt_corp_by_activity.xlsx (дата обращения: 16.01.2024).

Стабильно наибольший объем задолженности на уровне около 21% за весь период в среднем наблюдается в секторе обрабатывающей промышленности, основными заемщиками в которой выступают предприятия пищевой промышленности, металлургии, производители транспортных средств и оборудования. Начиная с 2019 г. сопоставимую долю в структуре задолженности предприятий обрабатывающей промышленности начинают занимать производители кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов. За 15 лет заметны противоположные изменения в отраслевой структуре задолженности между оптовой и розничной торговлей (снижение с 25% в 2009 г. до 12,3% в 2023 г.; средний уровень — 17%) и операциями с недвижимым имуществом, арендой и предоставлением услуг (рост с 10,1% в 2009 г. до 20,8% в 2023 г.; средний уровень — 14,4%); при этом доля отрасли строительства в структуре задолженности снижается. За весь рассматриваемый период общий объем задолженности корпоративного сектора вырос в 6 раз главным образом за счет накопления «длинных кредитов» в обрабатывающей промышленности, объем которых в 2019 г. вырос в 2 раза относительно прошлого года.

Рисунок 3, однако, показывает, что проблемы с возвратом долга возникают не только в отраслях — лидерах по доле задолженности в общем объеме.

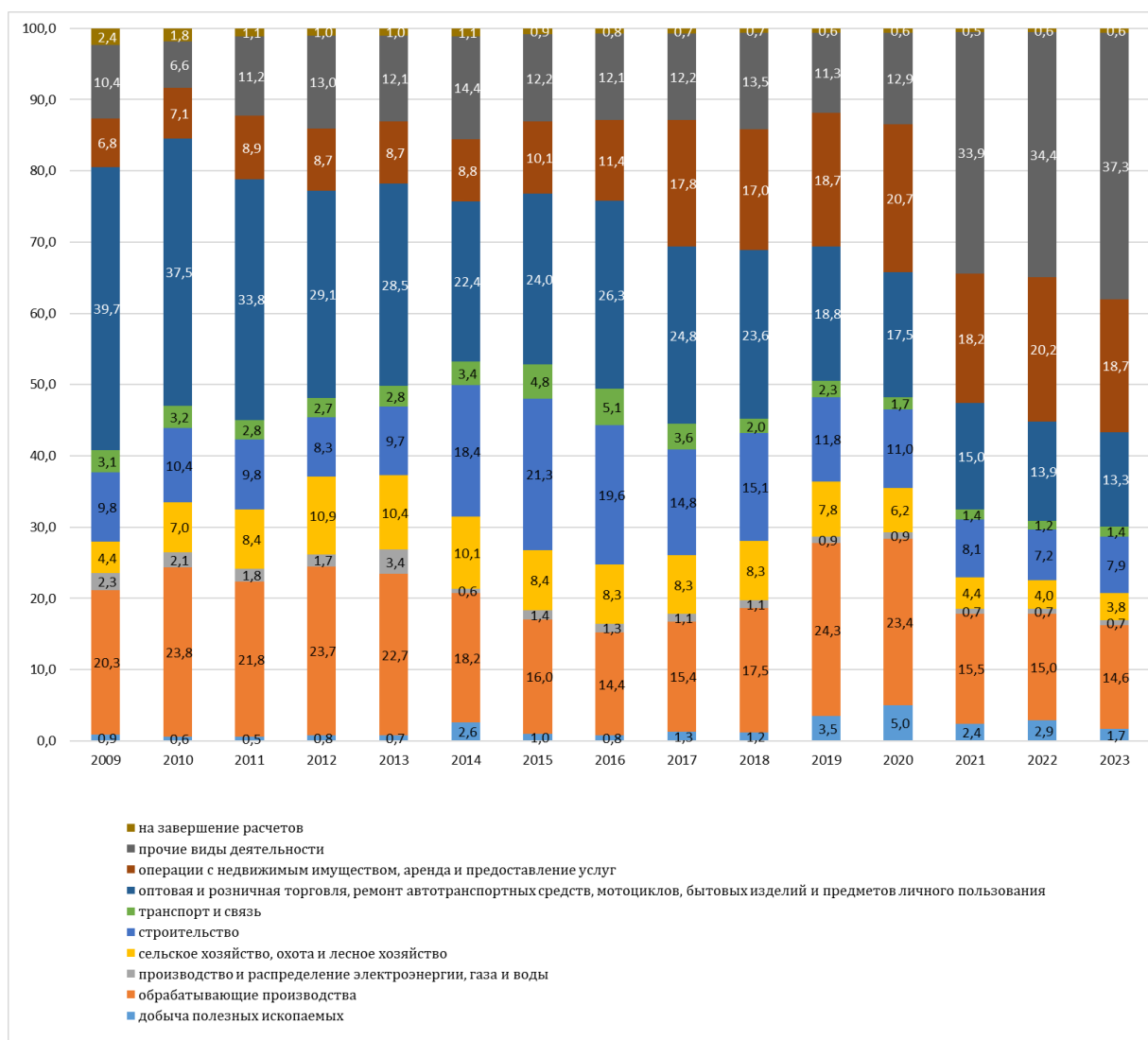

Рисунок 3. Структура просроченной задолженности по кредитам, предоставленным юридическим лицам в рублях, по видам экономической деятельности и направлениям использования средств в 2009–2023 гг., %²⁷

²⁷ Рассчитано авторами по: Задолженность, в том числе просроченная, по кредитам, предоставленным юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/01_02_A_Debt_corp_by_activity.xlsx (дата обращения: 16.01.2024).

Отраслевая структура просроченной задолженности заметно отличается. Так, на долю обрабатывающей промышленности приходится в среднем около 19% (с увеличением до 23–24% в 2019–2020 гг.), тогда как на долю оптовой и розничной торговли — 24,5%. Из этого следует, что наименее финансово устойчивыми и платежеспособными являются предприятия из отрасли торговли — несмотря на то, что в кризисные 2009–2010 гг. доля в общем объеме задолженности у них составляла 23–25%, а просроченная — 37–39%. Компании, занимающиеся операциями с недвижимостью и строительством, в структуре просроченной задолженности занимают в среднем 13% и 12% соответственно. Хотя сектор строительства привлекает меньше средств в абсолютном объеме задолженности в сравнении с другими отраслями, высокая капиталоемкость и длительность процесса строительства обуславливают наличие сложностей со своевременным погашением обязательств; наиболее высокие риски неплатежеспособности заметно проявляются в период 2014–2018 гг., что может быть связано также с нарастанием санкционного давления и трудностями в привлечении капитала из зарубежных источников. Наиболее тревожная ситуация наблюдается в секторе операций с недвижимым имуществом, где заметно накопление просроченной задолженности, которое в течение трех последних лет превышает показатели всех остальных отраслей.

Следует отметить, что, помимо банковского кредитования, крупные промышленные компании прибегают к долговому финансированию посредством выпуска корпоративных облигаций (часто под плавающую ставку), однако во все годы кредитование остается доминирующим источником, несмотря на плавный рост доли облигационных займов в период 2012–2017 гг. (Рисунок 4).

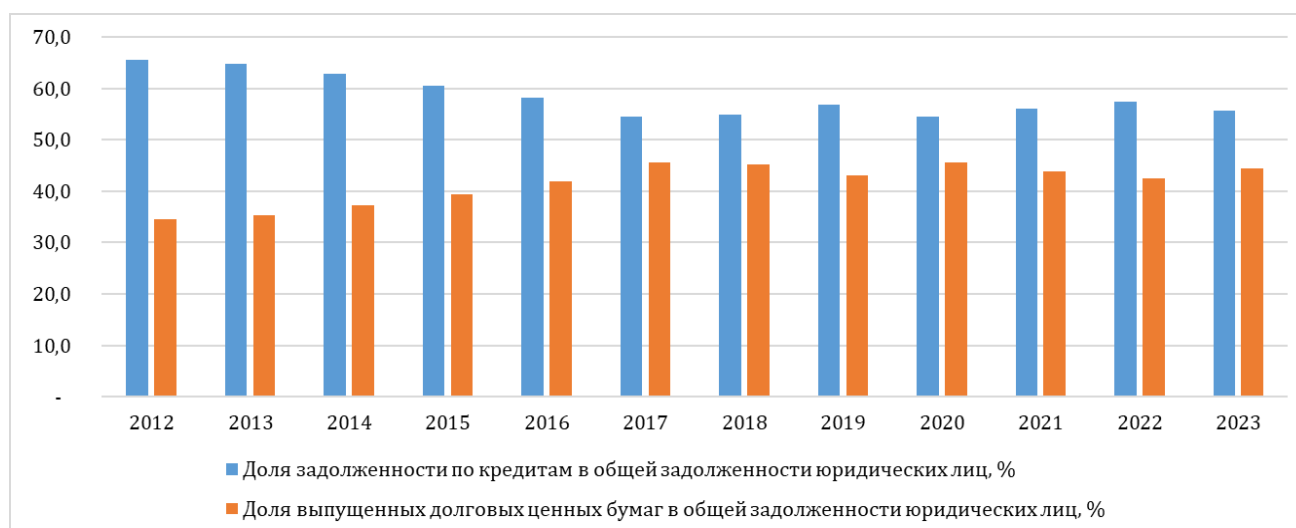

Рисунок 4. Структура задолженности юридических лиц по кредитам и выпущенным долговым ценным бумагам, 2012–2023 гг. %²⁸

По состоянию на январь 2024 г. общая задолженность по облигационным займам достигла 44,9 трлн руб. (против 56 трлн руб. корпоративной задолженности по кредитам), среди которых традиционно основную долю эмитентов составляют органы государственного управления и финансовые организации. Только в 2021 г. наблюдалось примерно равное соотношение корпоративного (нефинансового) и государственного сектора среди заемщиков. Логично, что

²⁸ Рассчитано авторами по: Задолженность, в том числе просроченная, по кредитам, предоставленным юридическим лицам-резидентам и индивидуальным предпринимателям, по видам экономической деятельности и отдельным направлениям использования средств // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/BankSector/Loans_to_corporations/01_02_A_Debt_corp_by_activity.xlsx (дата обращения: 16.01.2024); Выпущенные на внутреннем рынке долговые ценные бумаги // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/debt_securities/66-debt_securities.xlsx (дата обращения: 23.02.24)

отраслевая структура задолженности по выпущенным долговым ценным бумагам в последние годы представлена секторами, где заняты основные заемщики: сферой государственного управления, органами финансовой и страховой деятельности и только на третьем месте — обрабатывающими производствами с объемом задолженности в 3–5 раз ниже, чем в двух других обозначенных секторах-лидерах²⁹.

Таким образом, несмотря на привлечение заемного финансирования не только посредством банковского кредитования, но и выпуска долговых ценных бумаг, первый источник для компаний остается основным последние 10 лет. Наиболее востребованными с точки зрения урегулирования проблемной задолженности, основой которой является просроченная задолженность, в последние годы являются отрасли операций с недвижимостью, оптовой и розничной торговли, а также обрабатывающей промышленности, где наибольшее накопление «просрочки» демонстрируют пищевая и металлургическая промышленность.

Заключение

Проблемная задолженность компаний представляет собой неотъемлемую составляющую рыночной экономики. Урегулирование проблемной задолженности, очевидно, является важным вопросом обеспечения экономической безопасности государства. Следует отметить, что в данном направлении уже делаются определенные шаги. Так, Федеральная налоговая служба (ФНС) за последние годы создала площадку по урегулированию налоговой задолженности — [Фонд](#) содействия реструктуризации долга. Функционал Фонда на основе предоставленных ФНС исчерпывающих данных о должнике позволяет сформировать так называемый цифровой портрет должника. Кроме того, при саморегулируемых организациях арбитражных управляющих формируются переговорные площадки, предоставляющие услуги по анализу и разработке планов оздоровления бизнеса, одной из которых является АНО «[Объединенный медиативный центр](#)».

Сами кредитные организации совершенствуют собственные системы мониторинга финансового состояния заемщика для предотвращения его перехода в категорию проблемной задолженности — применяются технологии с использованием искусственного интеллекта, моделирование на основе нейронных сетей, позволяющее своевременно выявлять конкретные триггеры кризиса у заемщика и предлагать антикризисные меры с участием консультантов от банка. Подобной практикой делятся представители крупнейших российских банков, что позволяет им увеличивать процент возврата залоговым кредиторам со средних 30% до 60%.

По нашему мнению, работа кредитных организаций по урегулированию проблемной задолженности начинается с отслеживания состояния заемщиков, что, в свою очередь, может основываться на стратегической карте, включающей двухуровневую модель анализа финансовых ковенант, рыночных, ресурсных и других факторов, влияющих на проблемный бизнес заемщика [Львова 2023b]. Кроме того, полезным может быть использование методологии управления трансформационными проектами для финансового оздоровления проблемных компаний [Бобылева, Попов 2023], что является темой отдельного исследования.

Список литературы:

Андрюшин С.А., Кузнецова В.В. Особенности кредитной активности банковского сектора России в период роста плохих долгов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 1(124). С. 6–23.

²⁹ Выпущенные долговые ценные бумаги (по секторам экономики), млрд рублей // Банк России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/sec_st/issue/#highlight=задолженности%7Сдолговым%7Сбумарам (дата обращения: 23.02.2024).

- Баряхоева М.С. Вопросы управления проблемной и просроченной ссудной задолженностью коммерческих банков // Управленческий учет. 2022. № 6–2. С. 330–335. DOI: [10.25806/uu6-22022330-335](https://doi.org/10.25806/uu6-22022330-335)
- Белоусов А.Л. Правовые аспекты передачи банками просроченной задолженности коллекторским организациям // Финансы и кредит. 2012. № 38(518). С. 42–47.
- Бобылева А.З., Львова О.А. Предупреждение банкротства: институциональная поддержка слияний и присоединений проблемных компаний // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 7. С. 87–99.
- Бобылева А.З., Попов Н.Е. Управление проектами финансового оздоровления компаний // Российский журнал управления проектами. 2023. Т. 12. № 2. С. 20–27. DOI: [10.12737/2587-6279-2023-12-2-20-27](https://doi.org/10.12737/2587-6279-2023-12-2-20-27)
- Бондарь А.П., Блажевич О.Г., Сугоняко И.В. Деятельность кредитных организаций по минимизации проблемных активов // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4(5). С. 403–408. DOI: [10.5281/zenodo.54662](https://doi.org/10.5281/zenodo.54662)
- Варламова Е.А. Производственный комплекс: из инвестиционного проекта в проблемный актив // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 8(251). С. 19–24.
- Голубева А.В., Бондарь А.П., Федоров И.А. К вопросу о сущности проблемных кредитов // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. 2016. № 2(52). С. 48–52.
- Заернюк В.М., Анашкина Е.Н. Пути решения проблемы просроченной задолженности банков по розничным кредитам // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2014. № 43(229). С. 17–26.
- Космачева Н.М., Стецюнич Ю.Н. Оценка качества управления кредитными рисками в банках по критерию просроченной задолженности // Экономика нового мира. 2018. № 4(12). С. 47–58.
- Львова О.А. Индикаторы оценки результативности системы управления банкротством в России по данным статистических источников // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 32–51. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-89-32-51](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-32-51)
- Львова О.А. Инструментарий превентивной реструктуризации для предупреждения банкротства компаний // Государственное управление. Электронный вестник. 2023а. № 98. С. 31–47. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-31-47](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-31-47)
- Львова О.А. Оценка состояния бизнеса в рамках антикризисного управления: подходы для собственника, кредитора, арбитражного управляющего и инвестора // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023б. № 44. С. 89–111. DOI: [10.52180/2073-6487_2023_4_89_111](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_89_111)
- Никифорова В.Д., Коваленко А.В., Никифоров А.А. Теоретические и практические аспекты работы коммерческих банков с проблемными кредитами // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2019. № 3. С. 93–100. DOI: [10.17586/2310-1172-2019-12-3-93-100](https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-3-93-100)
- Платонова Ю.Ю., Зайченко С.Е. Инструменты управления портфелем проблемных кредитов в современных условиях // Финансы и кредит. 2011. № 4(436). С. 28–36.
- Попов Н.Е. Роль государства в работе с проблемными долгами в кризисные периоды: российский и международный опыт // Инновации и инвестиции. 2021. № 11. С. 73–82.
- Смулов А.М., Нурзат О.А. Проблемная задолженность: понятие, основные признаки и меры повышения эффективности возврата проблемных кредитов // Финансы и кредит. 2009. № 35(371). С. 2–12.
- Хандриков А.А. Международный опыт управления проблемными активами // Финансы и кредит. 2003. № 15(129). С. 61–66.
- Anson M.J.P. A Primer on Distressed Debt Investing // The Journal of Private Equity. 2002. Vol. 5. Is. 3. P. 6–17.
- Bianchi M.T., Cosentino A. The Impact of Digitalization on the Company Value: A Nonperforming Loan Management Business Application // Intellectual Capital, Smart Technologies and Digitalization: Emerging Issues and Opportunities / ed. by M.S. Chiucchi, R. Lombardi, D. Mancini. Cham: Springer, 2021. P. 251–259.

- Guo X., Jarrow R.A., Lin H. Distressed Debt Prices and Recovery Rate Estimation // Review of Derivatives Research. 2008. Vol. 11. P. 171–204. DOI: [10.1007/s11147-009-9029-2](https://doi.org/10.1007/s11147-009-9029-2)
- Harner M.M. Trends in Distressed Debt Investing: An Empirical Study of Investors' Objectives // American Bankruptcy Institute Law Review. 2008. Vol. 16. Is. 69. URL: <https://ssrn.com/abstract=1147643>
- Nikolopoulos K.I., Tsalas A.I. Non-performing Loans: A Review of the Literature and the International Experience // Non-Performing Loans and Resolving Private Sector Insolvency: Experiences from the EU Periphery and the Case of Greece / ed. by P. Monokroussos, Ch. Gortsos. Cham: Palgrave Macmillan, 2017. P. 47–68. DOI: [10.1007/978-3-319-50313-4_3](https://doi.org/10.1007/978-3-319-50313-4_3)

References:

- Andryushin S.A., Kuznetsova V.V. (2012) Features Credit Activity in the Banking Sector of Russia in the Period of Growth of Bad Debts. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. No. 1(124). P. 6–23.
- Anson M.J.P. (2002) A Primer on Distressed Debt Investing. *The Journal of Private Equity*. Vol. 5. Is. 3.P. 6–17.
- Barachoeva M.S. (2022) Issues of Management of Problem and Overdue Loan Debt of Commercial Banks. *Upravlencheskiy uchët*. No. 6–2. P. 330–335. DOI: [10.25806/uu6-22022330-335](https://doi.org/10.25806/uu6-22022330-335)
- Belousov A.L. (2012) Pravovyye aspekty peredachi bankami prosrochennoy zadolzhennosti kollektorskim organizatsiyam [Legal aspects of transfer of overdue debts by banks to collection organizations]. *Finansy i kredit*. No. 38(518). P. 42–47.
- Bianchi M.T., Cosentino A. (2021) The Impact of Digitalization on the Company Value: A Nonperforming Loan Management Business Application. In: Chiucchi M.S., Lombardi R., Mancini D. (eds.) *Intellectual Capital, Smart Technologies and Digitalization: Emerging Issues and Opportunities*. Cham: Springer. P. 251–259.
- Bobyleva A.Z., Lvova O.A. (2019) Bankruptcy Prevention: Institutional Support for Mergers and Acquisitions of Distressed Companies. *Problemy teorii i praktiki upravleniya*. No. 7. P. 87–99.
- Bobyleva A.Z., Popov N.E. (2023) Project Management of Companies' Financial Recovery. *Rossiyskiy zhurnal upravleniya proyektami*. Vol. 12. No. 2. P. 20–27. DOI: [10.12737/2587-6279-2023-12-2-20-27](https://doi.org/10.12737/2587-6279-2023-12-2-20-27)
- Bondar A.P., Blazhevich O.G., Sugonyako I.V. (2016) The Activities of Credit Institutions to Minimize the Problem Assets. *Byulleten' nauki i praktiki*. No. 4(5). P. 403–408. DOI: [10.5281/zenodo.54662](https://doi.org/10.5281/zenodo.54662)
- Golubeva A.V., Bondar A.P., Fedorov I.A. (2016) On the Essence of Problem Debts. *Uchenyye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 2(52). P. 48–52.
- Guo X., Jarrow R.A., Lin H. (2008) Distressed Debt Prices and Recovery Rate Estimation. *Review of Derivatives Research*. Vol. 11. P. 171–204. DOI: [10.1007/s11147-009-9029-2](https://doi.org/10.1007/s11147-009-9029-2)
- Harner M.M. (2008) Trends in Distressed Debt Investing: An Empirical Study of Investors' Objectives. *American Bankruptcy Institute Law Review*. Vol. 16. Is. 69. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1147643>
- Khandrikov A.A. (2003) Mezhdunarodnyy opyt upravleniya problemnymi aktivami [International experience in managing distressed assets]. *Finansy i kredit*. No. 15(129). P. 61–66.
- Kosmacheva N.M., Stetczunich Yu.N. (2018) Assessment of the Quality of Credit Risk Management in Banks by the Criterion of Overdue Debt. *Ekonomika novogo mira*. No. 4(12). P. 47–58.
- Lvova O.A. (2021) Indicators for Assessing the Effectiveness of Bankruptcy Management System in Russia according to Statistical Sources. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 89. P. 32–51. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-89-32-51](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-89-32-51)
- Lvova O.A. (2023a) Preventive Restructuring Toolkit for Business Bankruptcy Prevention *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 98. P. 31–47. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-98-31-47](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-98-31-47)
- Lvova O.A. (2023b) Business Evaluation within Crisis Management: Approaches for Owners, Creditors, Insolvency Practitioners and Investors. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. No. 44. P. 89–111. DOI: [10.52180/2073-6487_2023_4_89_111](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_89_111)

Nikiforova V.D., Kovalenko A.V., Nikiforov A.A. (2019) The Main Directions of Improving the Efficiency of Commercial Banks with Problem Loans. *Nauchnyy zhurnal NIU ITMO. Seriya "Ekonomika i ekologicheskiy menedzhment"*. No. 3. P. 93–100. DOI: [10.17586/2310-1172-2019-12-3-93-100](https://doi.org/10.17586/2310-1172-2019-12-3-93-100)

Nikolopoulos K.I., Tsalas A.I. (2017) Non-Performing Loans: A Review of the Literature and the International Experience. In: Monokroussos P., Gortsos Ch. (eds.) *Non-Performing Loans and Resolving Private Sector Insolvency: Experiences from the EU Periphery and the Case of Greece*. Cham: Palgrave Macmillan. P. 47–68. DOI: [10.1007/978-3-319-50313-4_3](https://doi.org/10.1007/978-3-319-50313-4_3)

Platonova Yu.Yu., Zaichenko S.E. (2011) Instrumenty upravleniya portfelem problemnykh kreditov v sovremennykh usloviyakh [Tools for managing a portfolio of problem loans in modern conditions]. *Finansy i kredit*. No. 4(436). P. 28–36.

Popov N.E. (2021) The Role of the State in Dealing with Problem Debts during Crisis Periods: Russian and International Experience. *Innovatsii i investitsii*. No. 11. P. 73–82.

Smulov A.M., Nurzat O.A. (2009) Problemnaya zadolzhennost': ponyatiye, osnovnyye priznaki i mery povysheniya effektivnosti vozvrata problemnykh kreditov [Problem debt: The concept, main signs and measures to improve the efficiency of repayment of problem loans]. *Finansy i kredit*. No. 35(371). P. 2–12.

Varlamova E.A. (2022) Production Complex: From an Investment Project to a Problem Asset. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*. No. 8(251). P. 19–24.

Zaernyuk V.M., Anashkina E.N. (2014) How to Deal with the Problem of Debt Arrears of Banks for Retail Credit. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*. No. 43(229). P. 17–26.

Дата поступления/Received: 15.01.2024

Проблемы управления: теория и практика
Administrative issues: theory and practice

УДК 338.22.021.4

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-71-80

Современное состояние и перспективы развития углеродной интеграции
на евразийском пространстве

Маликова Ольга Игоревна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [9287-4638](#), ORCID: [0000-0002-0122-0940](#), malikovaol@gmail.com

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Суриков Дмитрий Олегович

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [4344-6836](#), ORCID: [0000-0001-7054-356X](#), surikovdmitry@mail.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Процессы декарбонизации мировой экономики, выражающиеся среди прочего во все большем использовании государствами механизмов углеродного ценообразования и усилении роли зеленого протекционизма в международной торговле, создают ряд вызовов для конкурентоспособности экономик стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), ставят перед ними задачу по гармонизации национальных подходов в рамках климатической повестки и последующей углеродной интеграции. В настоящей статье на основе комплексного анализа экономических и правовых аспектов национального и наднационального климатического регулирования рассматриваются факторы, которые могут способствовать развитию такой интеграции на евразийском пространстве; обозначены существующие и потенциальные вызовы, способные оказать на нее влияние. Предложено определение углеродной интеграции как одного из направлений климатической интеграции, проанализированы текущие условия ее развития, выделены потенциальные меры по ее дальнейшему совершенствованию и регулированию в ЕАЭС. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на наличие таких осложняющих факторов, как начальный этап климатической интеграции на евразийском пространстве, имеющиеся различия в режимах климатического регулирования стран объединения (проявляющиеся в том числе в неоднородности развития институционально-правовых основ для применения механизмов углеродного ценообразования), масштабе последствий от введения европейского углеродного сбора СВМ (Carbon Border Adjustment Mechanism) для национальных экономик рассматриваемых стран, возможностях и условиях для инвестирования в зеленые проекты и экологизацию производства, углеродная интеграция остается одним из необходимых условий для успешного развития торгово-экономических отношений государств — членов ЕАЭС не только на региональном, но и на глобальном уровне.

Ключевые слова

Углеродная интеграция, декарбонизация, углеродное ценообразование, ЕАЭС, зеленые проекты, таксономия.

Для цитирования

Маликова О.И., Суриков Д.О. Современное состояние и перспективы развития углеродной интеграции на евразийском пространстве // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 71–80. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-71-80

Current State and Prospects for Developing Carbon Integration in the Eurasian Space

Olga I. Malikova

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0002-0122-0940](#), malikovaol@gmail.com

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Dmitry O. Surikov

Postgraduate student, ORCID: [0000-0001-7054-356X](#), surikovdmitry@mail.ru

Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The processes of decarbonisation of the world economy, expressed among other things in the increasing use by states of carbon pricing mechanisms and the strengthening of the role of green protectionism in international trade, create certain challenges for the competitiveness of the economies of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries, setting them the task of harmonizing national approaches within the framework of the climate agenda and subsequent carbon integration. This article, based on a comprehensive analysis of the economic and legal aspects of national and supranational climate regulation, examines factors that can contribute to the development of such integration in the Eurasian space, and identifies existing and potential challenges that could have an impact on it. We propose a definition of carbon integration as one of the areas of climate integration, analyzed the current conditions for its development, and identified potential measures for its further improvement and regulation in the

EAEU. The authors come to the conclusion that, despite such factors as the initial stage of climate integration in the Eurasian space, the existing differences in the climate regulation regimes of the countries of the association (manifested among other things in the heterogeneity of the development of institutional and legal frameworks for the application of carbon pricing mechanisms), the scale of the consequences of introducing the European CBAM (Carbon Border Adjustment Mechanism) for the national economies of the countries under consideration, opportunities and conditions for investing in green projects and greening of production, carbon integration remains one of the necessary conditions for the successful development of trade and economic relations of the EAEU member states at both regional and global levels.

Keywords

Carbon integration, decarbonisation, carbon pricing, EAEU, green projects, taxonomy.

For citation

Malikova O.I., Surikov D.O. (2024) Current State and Prospects for Developing Carbon Integration in the Eurasian Space. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 71–80. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-71-80

Введение

Декарбонизация как процесс перехода к низкоуглеродной экономике становится все более приоритетным направлением социально-экономического развития не только развитых, но и развивающихся стран. Внедрение и последующее использование экономических инструментов регулирования выбросов парниковых газов (ПГ), в особенности механизмов углеродного ценообразования — систем торговли квотами на выбросы и налогов на углерод, за последнее десятилетие стали востребованной мерой при реализации национальными правительствами государственной политики в области борьбы с изменением климата. По данным Всемирного банка, в мире насчитывается свыше 70 инициатив в области углеродного ценообразования, охватывающих 39 национальных и 36 субнациональных юрисдикций. Отмечается, что указанные инициативы покрывают 11,66 гигатонн (Гт) CO₂-эквивалента, или 23% мировых выбросов ПГ¹. В то же время в отдельных зарубежных юрисдикциях, например в Европейском союзе (ЕС), отмечается тенденция к зеленому протекционизму — ужесточению торговых ограничений, связанных как с проводимой ими климатической политикой, так и со стремлением получить конкурентные преимущества в сравнении с углеродоемкими экономиками.

С учетом меняющихся условий ведения мировой торговли перед государствами, которые являются членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стоит задача по гармонизации национальных подходов в рамках климатической повестки и последующей углеродной интеграции. В этой связи представляется необходимым дать определение углеродной интеграции, исследовать факторы, которые могут способствовать ее развитию на евразийском пространстве, а также обозначить существующие и потенциальные вызовы, способные оказать на нее влияние.

Углеродная интеграция: подходы к определению

В отечественной научной литературе понятие «углеродная интеграция» еще не получило должного распространения. Так, М.И. Троняк использует термин «международная интеграция в сфере охраны окружающей среды» и «международная экологическая интеграция», рассматривая теоретические основы такой интеграции и их эволюцию, а также принципы организации и функционирования интеграционных систем в сфере окружающей среды, деятельность их субъектов². Автор приводит опыт ЕС в области построения системы международной экологической интеграции в целях его использования в формировании соответствующего механизма в России, что также находит отражение у Е.Л. Моревой [Морева 2014], исследующей европейскую практику экологической интеграции и возможности ее применения в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Аналогичным образом в своих работах В.К. Донченко [Донченко 2014] применяет

¹ State and Trends of Carbon Pricing Dashboard // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://carbonpricingdashboard.worldbank.org/> (дата обращения: 10.12.2023).

² Троняк М.И. Международная интеграция в сфере охраны окружающей среды: экономический аспект: дис. ... канд. эконом. наук. Санкт-Петербург, 2000.

понятие «экологическая интеграция», изучая ее институциональные и эколого-экономические аспекты как нового направления международной экологической политики, необходимые и достаточные для ее развития условия³. А.В. Козырев оперирует формулировкой «интеграция в области природопользования и охраны окружающей среды», анализируя основные направления стратегии такой межрегиональной интеграции на евразийском пространстве⁴. И.Ю. Юргенс и Р.Б. Ромов продолжают исследование темы зеленой интеграции в формате ЕАЭС, выделяют основные меры, которые были предприняты государствами-членами как для развития национального климатического регулирования, так и интеграционных процессов в рамках климатической повестки [Юргенс, Ромов 2023]. И.В. Кононович, таким же образом применяя понятие «зеленая интеграция», подчеркивает, что подобная интеграция «является необходимым новым этапом развития зеленой экономики для внедрения в разных интеграционных группировках и странах» [Кононович 2023, 97].

На наш взгляд, углеродную интеграцию можно определить как одно из направлений климатической интеграции, представляющее собой комплексный процесс эколого-экономического объединения государств или регионов на основе использования общих механизмов, стандартов, правил и норм регулирования выбросов ПГ. Следовательно, она может осуществляться через формирование единых подходов как в отношении административных, так и экономических инструментов такого регулирования.

Углеродная интеграция на евразийском пространстве: современное состояние

Углеродная интеграция видится актуальной для стран ЕАЭС в силу нескольких причин. Во-первых, для национальных экономик этих стран характерен высокий уровень энерго- и углеродоемкости: к 2025 г. государства — члены объединения должны сформировать общий рынок энергоресурсов, который будет одним из крупнейших мировых рынков по добыче нефти (с долей 14,6%) и природного газа (с долей 17,6%) [Zemskova 2018]. Так, по итогам 2022 г. ЕАЭС уже занимает первое место в мире по добыче нефти и второе по добыче газа⁵. При этом Россия и Казахстан располагают наибольшими запасами ископаемого топлива, которые составляют 85% совокупного объема энергоресурсов ЕАЭС [Bianco et al. 2021]. Дальнейший рост использования традиционных источников энергии в условиях глобального энергоперехода может привести к технологическому отставанию и снижению уровня конкурентоспособности стран ЕАЭС на мировых рынках.

Во-вторых, все государства — члены ЕАЭС подписали и ратифицировали Парижское соглашение по климату, приняв на себя обязательства по сокращению эмиссии ПГ. Так, определяемый на национальном уровне вклад в сокращение выбросов к 2030 г. от уровня 1990 г., в соответствии с данным международным соглашением, для России составил 30%, для Беларуси — 35%, для Казахстана — 15% (при международной поддержке — 25%), для Киргизии — 15,97% (при международной поддержке — 43,62%), для Армении — 40% (Таблица 1) [Винокуров и др. 2023].

³ Донченко В.К. Социально-экономические аспекты регулирования процесса экологической интеграции России в мировое сообщество: дис. ... докт. эконом. наук. Санкт-Петербург, 1995.

⁴ Козырев А.В. Развитие интеграционных процессов в области природопользования и охраны окружающей среды стран ЕвразЭС: дис. ... канд. эконом. наук. Москва, 2006.

⁵ Евразийская экономическая интеграция. С. 7 // Правительство России [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/sPxkpM94A6i5LGEFUNWy4snPmmzW0DxA.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

Таблица 1. Определяемые на национальном уровне вклады стран ЕАЭС в сокращение выбросов к 2030 г. от уровня 1990 г., показатели выбросов стран в 1990 и 2021 гг.⁶

Страны ЕАЭС	Национальный вклад в сокращение выбросов к 2030 г. от уровня 1990 г.	Совокупные антропогенные выбросы ПГ (с учетом ЗИЗЛХ ⁷) в 1990 г., млн т CO ₂ -эквивалента	Совокупные антропогенные выбросы ПГ (с учетом ЗИЗЛХ) в 2021 г., млн т CO ₂ -эквивалента
Российская Федерация	30%	3089,1	1671,8
Республика Беларусь	35%	115,9	48,9
Республика Казахстан	15% (при международной поддержке — 25%)	381,7	340,8
Кыргызская Республика	15,97% (при международной поддержке — 43,62%)	18,0	н/д 9,2 (в 2020 г.)
Республика Армения	40%	25,1	9,6

Кроме того, практически все перечисленные страны в том или ином виде провозгласили своей целью достижение углеродной нейтральности к середине XXI в. В частности, Армения и Киргизия стремятся перейти к углеродно-нейтральной экономике к 2050 г., Россия и Казахстан планируют достичь углеродной нейтральности несколько позднее — к 2060 г. Беларусь пока не уточняла сроки достижения углеродной нейтральности, однако на 26-й конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата в г. Глазго (Великобритания) представлявший делегацию страны посол Республики Беларусь в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии М.Л. Ермолович заявлял, что привлечение дополнительных внешних источников финансирования заложит основу для достижения Беларусью углеродной нейтральности в сроки, сопоставимые с обещаниями ведущих стран мира по развитию промышленного производства⁸.

Процесс создания условий для климатической интеграции в ЕАЭС начался относительно недавно: в августе 2021 г. по итогам заседания Евразийского Межправительственного Совета было принято распоряжение об учреждении рабочей группы высокого уровня по выработке предложений по сближению позиций государств — членов объединения в рамках климатической повестки⁹. Цели формирования рабочей группы отражали озвученное в мае 2021 г. президентом России В.В. Путиным предложение проработать вопрос создания Банка климатических данных и цифровых инициатив для учета углеродного следа, которым могли бы пользоваться все предприятия в государствах — членах ЕАЭС, реализующие зеленые проекты, а также включали развитие диалога по климатической и низкоуглеродной тематике¹⁰.

Рабочей группой, в частности, был подготовлен проект заявления об экономическом сотрудничестве стран ЕАЭС в рамках климатической повестки, который был принят на заседании Высшего Евразийского экономического совета в октябре 2021 г. На указанном заседании В.В. Путин отметил важность задачи по созданию гармонизированной системы климатического регулирования в рамках ЕАЭС, а также выступил с инициативой перейти к унификации стандартов отчетности по выбросам ПГ и реализации климатических проектов на взаимовыгодной основе¹¹.

⁶ Составлено авторами по: Статистический ежегодник Евразийского экономического союза, 2023 // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/Stat_Yearbook_2023.pdf (10.12.2023); Data for Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan, Kyrgyz Republic // World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/?locations=TJ-UZ-KZ-TM-KG> (10.12.2023).

⁷ С учетом сектора «Землепользование, изменения в землепользовании и лесное хозяйство» (ЗИЗЛХ).

⁸ О выступлении Посла М. Ермоловича на сессии конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата // Посольство Беларуси в Соединенном Королевстве [Электронный ресурс]. URL: <https://uk.mfa.gov.by/ru/embassy/news/ca0693eddc48e729.html> (дата обращения: 10.12.2023).

⁹ Климатическая повестка // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/commission/departament/dotp/klimaticheskaya-povestka/> (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁰ Путин призвал создать в ЕАЭС банк климатических данных // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20210521/bank-1733288881.html> (дата обращения: 10.12.2023).

¹¹ Заседание Высшего Евразийского экономического совета // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <https://kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66927> (дата обращения: 10.12.2023).

В проекте заявления было зафиксировано, что переход к низкоуглеродному развитию потребует скоординированной деятельности государств по недопущению отрицательных социальных и экономических эффектов, усиления экономического и технологического разрыва между развитыми и развивающимися странами, торговых и инвестиционных барьеров. Примечательно, что он также содержал положения о необходимости сближения подходов к мониторингу и верификации выбросов и поглощения ПГ, взаимного признания на международном уровне механизмов обращения углеродных единиц, полученных в результате реализации климатических проектов.

В октябре 2022 г. был принят Первый пакет мероприятий (дорожной карты) по сотрудничеству государств — членов ЕАЭС в рамках климатической повестки, что было обусловлено необходимостью не допустить появления барьеров и ограничений на внутреннем рынке интеграционного объединения, поддержать конкурентоспособность национальных экономик стран ЕАЭС в современных условиях. Пакет включал следующие направления: анализ правовых аспектов климатического регулирования на национальном уровне и выработку предложений по развитию общих подходов в климатической сфере; подготовку предложений по формированию единых рыночных и нерыночных механизмов углеродного регулирования для достижения целей Парижского соглашения; определение мер стимулирования низкоуглеродной трансформации в транспортной, энергетической и строительной отраслях, химической и металлургической промышленности, сельском хозяйстве; инициативы по низкоуглеродному развитию на евразийском пространстве; зеленое финансирование; формирование Банка климатических технологий и цифровых инициатив; продвижение на международной арене интересов стран ЕАЭС в климатической сфере¹².

Особую роль в развитии углеродной интеграции государств — членов ЕАЭС должна сыграть гармонизированная таксономия зеленых проектов. В декабре 2022 г. на заседании рабочей группы были одобрены критерии зеленых проектов государств — членов ЕАЭС, или так называемая модельная таксономия, которая может способствовать упрощению доступа национальных инвесторов к финансовым рынкам стран ЕАЭС. Стоит отметить, что модельная таксономия стала одной из первых в мире подобных систем, которая была разработана для интеграционного объединения и может применяться в качестве основы для разработки или обновления страновых таксономий¹³.

Модельная таксономия разрабатывалась Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) совместно с государственной корпорацией «ВЭБ.РФ» и Центром зеленых финансов Международного финансового центра «Астана» с учетом положений действующих национальных таксономий России и Казахстана, а также международного опыта и лучших мировых практик (например, таксономии Китая, ЕС, Ассоциации государств Юго-Восточной Азии).

Документ включает три раздела: общие критерии зеленых проектов стран ЕАЭС, критерии зеленых проектов с учетом национальной специфики и траекторий экологического перехода (для России и Казахстана), подходы к регулированию зеленых финансовых инструментов и их верификации. Первые два раздела основаны на отраслевом подходе с учетом углеродоемкости секторов и потенциала сокращения выбросов. Они, в частности, охватывают сферу обращения с отходами производства и потребления, энергетику, строительство, промышленность, транспорт, водоснабжение и водоотведение, сохранение и восстановление природных ландшафтов, рек, водоемов и биоразнообразия, сельское хозяйство. Третий раздел модельной таксономии

¹² Климатическая повестка // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotp/klimaticheskaya-povestka/> (дата обращения: 10.12.2023).

¹³ Андрей Слепнев: «ЕАЭС утвердил модельную таксономию, которая обеспечит финансирование зеленых проектов наших стран» // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-eaes-utverdil-modelnyu-taksonomiyu-kotoraya-obespechit-finansirovanie-zelenykh-proektov/> (дата обращения: 10.12.2023).

посвящен вопросам гармонизации подходов к регулированию зеленых финансовых инструментов (облигаций и кредитов) и противодействия практике «гринвошинга» в странах ЕАЭС¹⁴.

Модельная таксономия рассматривается рабочей группой в качестве рамочного документа, соответствие которому могло бы стать требованием для включения зеленого проекта в Банк климатических технологий и цифровых инициатив, в котором на сегодняшний день содержится уже свыше 100 проектов¹⁵.

ЕАЭС также проводит работу по сотрудничеству в климатической сфере с Китаем. В феврале 2023 г. была утверждена дорожная карта по развитию экономического сотрудничества между ЕАЭС и Китаем, которая содержит раздел, посвященный вопросам торговой политики, которые значительно влияют на международную торговлю. Среди направлений для диалога с китайской стороной в рамках этого блока фигурирует и климатическая повестка¹⁶. В сентябре 2023 г. проведены первые консультации между ЕЭК, странами ЕАЭС и Китаем по вопросам текущего состояния развития своих экологических политик, деятельности по сближению подходов в рамках климатической повестки для целей содействия торговле, а также потенциальным направлениям сотрудничества в области низкоуглеродных технологий¹⁷.

В ноябре того же года Коллегия ЕЭК в рамках реализации п. 8.3.7 Стратегических направлений развития евразийской экономической интеграции до 2025 года приняла концепцию внедрения принципов зеленой экономики в ЕАЭС, которая включает общие принципы зеленой экономики, относящиеся к реализации зеленых проектов в государствах — членах объединения и обмену опытом и практикой национального климатического регулирования¹⁸.

В первом полугодии 2024 г. на рассмотрение органам ЕАЭС должны быть представлены предложения по подходам к климатическому регулированию, что предусматривает решение вопросов осуществления кооперационных климатических проектов, предположительно, формирования условий для обращения результатов реализации таких проектов, аккредитации органов по валидации и верификации их результатов, а также вопросов стимулирования низкоуглеродного развития¹⁹.

Одновременно с этим обнаруживается ряд факторов, создающих или способных создать препятствия для развития углеродной интеграции в ЕАЭС.

Факторы, препятствующие продвижению углеродной интеграции на евразийском пространстве

Среди таких факторов выделяется высокий уровень неоднородности развития институционально-правовых основ для применения механизмов углеродного ценообразования в государствах — членах объединения. Так, в Казахстане система торговли выбросами действует

¹⁴ Критерии зеленых проектов государств — членов Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/df7/Kriterii-dlya-opublikovaniya-Modelnaya-taksonomiya.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁵ Банк климатических технологий и цифровых инициатив // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departament/dotp/klimaticheskaya-povestka/bank/> (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁶ Андрей Слепнев: «ЕАЭС и Китай упростят перевозку грузов по железным дорогам за счет внедрения электронного документооборота» // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-eaes-i-kitay-uprostyat-perevozku-gruzov-po-zheleznyim-dorogam-za-schet-vnedreniya-elektronnoy-dokumentirovaniya/> (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁷ ЕАЭС и КНР провели первые консультации по вопросам сотрудничества в рамках климатической повестки // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/news/eaes-i-knr-proveli-pervye-konsultatsii-po-voprosam-sotrudnichestva-v-ramkakh-klimaticheskoy-povestki/?sphrase_id=244001 (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁸ В ЕАЭС приняли концепцию внедрения принципов зеленой экономики // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-prinyali-kontseptsuyu-vnedreniya-printsipov-zelenoy-ekonomiki/?sphrase_id=244001 (дата обращения: 10.12.2023); Концепция внедрения принципов «зеленой» экономики в Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/green_economy.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

¹⁹ Главами правительств стран ЕАЭС поручено разработать подходы по регулированию вопросов климатической повестки // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/glavami-pravitelstv-stran-eaes-porucheno-razrabotat-podkhody-po-regulirovaniyu-voprosov-klimaticheskoy-povestki/> (дата обращения: 10.12.2023).

на национальном уровне с 2013 г., в России — с 2022 г., но пока только на региональном уровне (в экспериментальном режиме на территории Сахалинской области) [Суриков 2023а]. Законодательство обеих стран в климатической сфере на текущий момент носит целостный характер и направлено на формирование и развитие своих национальных углеродных рынков, однако содержит некоторые принципиальные отличия: например, если в России в перечень ПГ, в отношении которых осуществляется государственный учет и квотирование выбросов, входят все ПГ, регулируемые Киотским протоколом (диоксид углерода, метан, оксид азота, гексафторид серы, трифторид азота, гидрофторуглероды и перфторуглероды), то в Казахстане в аналогичный перечень не включены гексафторид серы и гидрофторуглероды, а процесс квотирования выбросов в стране охватывает исключительно выбросы диоксида углерода [Суриков 2023б]²⁰.

Другими странами ЕАЭС пока не приняты нормативно-правовые акты, которые заложили бы основу для развития механизмов углеродного ценообразования, это касается и таксономий зеленых проектов: в Киргизии первый проект таксономии устойчивых проектов обсуждался в ноябре 2022 г., в Беларуси по состоянию на апрель 2023 г. был подготовлен, но не принят проект таксономии проектов зеленой направленности, а утверждение национальной таксономии в Армении ожидается только в конце 2024 г.²¹

Из этого следует, что если в случае с созданием национальных таксономий вышеперечисленные страны ЕАЭС могут использовать положения модельной таксономии ЕАЭС, то в части институционально-правового обеспечения для развития национального углеродного регулирования вероятны сложности, связанные с недостаточной степенью готовности государств к использованию инструментов углеродного ценообразования, отсутствием единых подходов как к формированию общего углеродного рынка стран и системы углеродного регулирования ЕАЭС в целом, так и к оценке целесообразности введения аналога европейского механизма трансграничного углеродного регулирования (Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM) на евразийском пространстве в частности²².

К негативным факторам для развития углеродной интеграции также относится несоразмерность последствий введения CBAM, который фактически является углеродным сбором для компаний, экспортирующих углеродоемкую продукцию в ЕС²³, для национальных экономик стран ЕАЭС. Хотя в 2021 г. ЕЭК и предпринимались попытки разработки сценариев реагирования ЕАЭС на внедрение CBAM, в настоящий момент оценки масштаба связанных с ним негативных последствий для отдельных государств — членов объединения сильно изменились или могут это сделать при

²⁰ Об утверждении перечня парниковых газов, в отношении которых осуществляется государственный учет выбросов парниковых газов и ведение кадастра парниковых газов: распоряжение Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2979-р // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/402963806/?ysclid=lgar8m7fkl374398009> (дата обращения: 10.12.2023); Приказ Министра экологии, геологии и природных ресурсов Республики Казахстан от 28 марта 2022 года № 91 «Об утверждении Правил государственного регулирования в сфере выбросов и поглощений парниковых газов» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2200027301> (дата обращения: 10.12.2023).

²¹ В Бишкеке презентован первый проект Таксономии устойчивых проектов Кыргызской Республики // GFC [Электронный ресурс]. URL: <https://gfc.aifc.kz/ru/news/the-first-draft-taxonomy-of-sustainability-projects-of-the-kyrgyz-republic-was-presented-in-bishkek/> (дата обращения: 10.12.2023); О развитии «зеленого» финансирования // Экономика Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://belarus-economy.by/ru/banki-finance-ru/view/o-razvitiy-zelenogo-finansirovaniya-1090/> (дата обращения: 10.12.2023); Программа мероприятий деятельности Правительства Республики Армения на 2021–2026 годы // Правительство Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.am/files/docs/4739.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

²² Андрей Слепнев: «Необходимо найти баланс национального и общесоюзного климатического регулирования» // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/news/andrey-slepnev-neobkhodimo-nayti-balans-natsionalnogo-i-obshchesoyuznogo-klimaticheskogo-regulirovan/?sphrase_id=244001 (дата обращения: 10.12.2023); Евразийский экономический союз может ввести свой налог на углерод // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/10/14/evrazijskij-ekonomicheskij-soiuz-mozhet-vvesti-svoj-nalog-na-uglerod.html> (дата обращения: 10.12.2023).

²³ Переходный период действия CBAM, предполагающий только информирование о прямых и косвенных выбросах ПГ при производстве экспортируемой в ЕС продукции, начался 1 октября 2023 г. и продолжится до 31 декабря 2025 г., после чего компании-экспортеры будут обязаны ежегодно декларировать воплощенные в товарах выбросы и приобретать сертификаты CBAM, количество которых будет зависеть от их общего объема.

наступлении определенных геополитических обстоятельств. Речь идет в первую очередь о России, против которой были введены санкции, затронувшие экспорт некоторых углеродоемких категорий продукции в ЕС, которые должны были попасть под действие СВМ (поставки электроэнергии, продукция черной металлургии, цемент и др.). По расчетам экспертов, на фоне падения объемов российского экспорта в ЕС и перенаправления торговых потоков на рынки дружественных и нейтральных стран негативные эффекты от внедрения СВМ скажутся в основном лишь на поставках в ЕС продукции цветной металлургии (алюминий) и удобрений²⁴.

В случае введения подобных санкций ЕС в отношении Беларуси финансовые потери национальных предприятий-экспортеров также сократятся. Отмечается, что пока под действием СВМ в указанной юрисдикции окажется продукция таких отраслей, как неорганическая химическая промышленность, производство удобрений, цветная металлургия (алюминиевая промышленность) и промышленность строительных материалов (цементная промышленность) [Тоичицкая, Шершунович 2021]. Доля же Киргизии в структуре импорта ЕС невелика (128-е место среди экспортеров в ЕС с долей менее 0,1% по итогам 2022 г.), так же как и доля ЕС в структуре экспорта Киргизии (около 5%), хотя основная экспортная продукция страны, помимо продовольственных товаров, представлена драгоценными металлами, ломом и отходами черных и цветных металлов, которые характеризуются повышенными показателями углеродоемкости²⁵.

При этом для таких стран, как Армения и Казахстан, проблема последствий введения СВМ продолжит оставаться достаточно актуальной в силу высокой доли ЕС в структуре экспорта этих стран, а также углеродоемкого характера некоторых основных категорий экспортируемых товаров: для Армении это продукция цветной (молибден, медь, алюминиевая фольга) и черной (ферросплавы) металлургии, для Казахстана — нефть и нефтепродукты, каменный уголь, уран, продукция черной металлургии (ферросплавы)²⁶.

Дополнительно отметим, что не все государства — члены объединения имеют равные возможности и условия для инвестирования в зеленые проекты и экологизацию производства. Сюда, например, можно отнести разный уровень заинтересованности производителей в зеленой трансформации своего бизнеса, осуществляющих деятельность в отдельных отраслях экономики (что в том числе связано с потенциально высокими издержками данного процесса в некоторых странах ЕАЭС, обусловленными существованием недостаточно эффективных государственных программ стимулирования производства низкоуглеродной продукции), неравный доступ как к низкоуглеродным технологиям и оборудованию, так и к иностранным инвестициям, связанный с введенными в 2022–2023 гг. санкционными ограничениями (в случае России и Беларуси).

Выводы и рекомендации

Таким образом, в текущих условиях необходима реализация таких мер по развитию углеродной интеграции в ЕАЭС, как:

- 1) интенсификация гармонизации подходов между странами ЕАЭС в рамках углеродной повестки, включая проработку вариантов использования кредитно-инвестиционных ресурсов многосторонних банков развития для финансирования

²⁴ Принцип нелокальности: Актуальность и последствия введения трансграничного углеродного регулирования ЕС // Сбер [Электронный ресурс]. URL: https://sber.pro/bcp-laika-public/Otchet_po_TUR_2022_final_22de92b3f3.pdf (дата обращения: 10.12.2023).

²⁵ European Union, Trade in goods with Kyrgyz Republic // European Commission [Электронный ресурс]. URL: https://webgate.ec.europa.eu/isdb_results/factsheets/country/details/kyrgyz-republic_en.pdf (дата обращения: 10.12.2023); Kyrgyzstan // EU GSP [Электронный ресурс]. URL: <https://gsphub.eu/country-info/Kyrgyzstan> (дата обращения: 10.12.2023).

²⁶ Структура экспорта в 2021 году // Союз информированных граждан [Электронный ресурс]. URL: <https://uic.am/ru/15037> (дата обращения: 10.12.2023); Товарооборот между Казахстаном и странами Евросоюза вырос на 43% за 8 месяцев // Институт экономических исследований [Электронный ресурс]. URL: https://economy.kz/ru/Novosti_instituta/id=5385 (дата обращения: 10.12.2023).

климатических проектов и декарбонизации промышленности, в первую очередь средств Евразийского банка развития;

- 2) создание общей системы мониторинга и учета выбросов ПГ, которая бы признавалась на международном уровне;
- 3) принятие и внедрение государствами-членами единой таксономии зеленых проектов ЕАЭС; разработка единого порядка верификации, регистрации и обращения углеродных единиц (на первом этапе для России и Казахстана);
- 4) дальнейшее развитие механизмов предотвращения дискриминационных практик в торговле, связанных с климатическим регулированием (в особенности с национальными различиями в параметрах такого регулирования), включая межгосударственный обмен информацией и лучшими практиками в области декарбонизации экономики.

Важным направлением представляется и расширение международного взаимодействия в климатической сфере, в том числе выработка общих подходов к углеродному регулированию (включая использование инструментов углеродного ценообразования), рассмотрение в перспективе возможности взаимного признания таксономий или разработки совместных таксономий, реализация общих климатических проектов и формирование единого углеродного рынка с заинтересованными в сотрудничестве с ЕАЭС юрисдикциями (например, со странами Азии, Ближнего Востока и Северной Африки) и организациями (в частности, с СНГ, БРИКС, Шанхайской организацией сотрудничества, Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии).

Углеродная и в более широком смысле климатическая интеграция сегодня может рассматриваться в качестве одного из необходимых условий для успешного развития торгово-экономических отношений государств — членов ЕАЭС не только между собой, но и с другими странами мира. Несмотря на начальный этап климатической интеграции на евразийском пространстве, имеющиеся различия в режимах климатического регулирования стран объединения, масштабе последствий введения европейского СВМ для их национальных экономик, возможностях и условиях для инвестирования в зеленые проекты и экологизацию производства, очевиден определенный положительный эффект от углеродной интеграции для стран ЕАЭС, особенно проявляющийся в сохранении и укреплении их конкурентоспособности в условиях глобального энергоперехода.

Список литературы:

Винокуров Е., Альбрехт К., Забоев А., Ключкова Е., Малахов А., Перебоев В. Глобальная зеленая повестка в Евразийском регионе. Евразийский регион в глобальной зеленой повестке. Алматы: Евразийский банк развития, 2023.

Донченко В.К. Приложения теории экологической интеграции для создания трансграничных систем международной экологической безопасности // Региональная экология. 2014. № 1–2(35). С. 119–127.

Кононович И.В. Зелёная интеграция — новый этап развития зелёной экономики стран? // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 95–103. DOI: [10.21209/2227-9245-2023-29-1-95-103](https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-95-103)

Морева Е.Л. Кризис и политика экологической интеграции в ЕС и СНГ // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 1. С. 77–111.

Суриков Д.О. Регулирование выбросов парниковых газов в России: ретроспектива развития и актуальные тенденции // Экономика устойчивого развития. 2023а. № 2(54). С. 269–274.

Суриков Д.О. Развитие государственного регулирования выбросов парниковых газов в России на современном этапе // Экономика и управление. 2023б. № 4. С. 469–480. DOI: [10.35854/1998-1627-2023-4-469-480](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-4-469-480)

Точицкая И., Шершунович Е. Оценка углеродоемкости экономики Беларуси и платежей по CBAM // BEROC Policy Paper Series. 2021. URL: <https://beroc.org/upload/iblock/350/350187f7da4bdd54f166a5024ba1d8b9.pdf>

Юргенс И.Ю., Ромов Р.Б. «Зеленая интеграция» и формирование единого устойчивого пространства развития в формате ЕАЭС. М.: МГИМО, 2023.

Bianco V., Proskuryakova L., Starodubtseva A., Energy Inequality in the Eurasian Economic Union // Renewable and Sustainable Energy Reviews. 2021. Vol. 146. DOI: [10.1016/j.rser.2021.111155](https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111155)

Zemskova K. The Common Energy Market of the Eurasian Economic Union. Implications for the European Union and the role of the Energy Charter Treaty. Brussel: Energy Charter Secretariat, 2018.

References:

Bianco V., Proskuryakova L., Starodubtseva A. (2021) Energy Inequality in the Eurasian Economic Union. *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. Vol. 146. DOI: [10.1016/j.rser.2021.111155](https://doi.org/10.1016/j.rser.2021.111155)

Donchenko V.K. (2014) Prilozheniya teorii ekologicheskoy integratsii dlya sozdaniya transgranichnykh sistem mezhdunarodnoy ekologicheskoy bezopasnosti [Applications of the theory of environmental integration for creating cross-border systems of international environmental security]. *Regional'naya ekologiya*. No. 1–2(35). P. 119–127.

Kononovich I.V. (2023) Green Integration — A New Stage in The Development of the Green Economy of Countries? *Vestnik Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Vol. 29. No. 1. P. 95–103. DOI: [10.21209/2227-9245-2023-29-1-95-103](https://doi.org/10.21209/2227-9245-2023-29-1-95-103)

Moreva E.L. (2014) The Crisis and the Policy of Ecological Integration in the EU and CIS. *Aktual'nye problemy Evropy*. No. 1. P. 77–111.

Surikov D.O. (2023a) Regulation of Greenhouse Gases Emissions in Russia: Retrospective of the Development and Current Trends. *Ekonomika ustoichivogo razvitiya*. No. 2(54). P. 269–274.

Surikov D.O. (2023b) Development of State Regulation of Greenhouse Gas Emissions in Russia at the Present Stage. *Ekonomika i upravlenie*. No. 4. P. 469–480. DOI: [10.35854/1998-1627-2023-4-469-480](https://doi.org/10.35854/1998-1627-2023-4-469-480)

Tochitskaya I., Shershunovich E. (2021) Otsenka uglerodoyemkosti ekonomiki Belarusi i platezhey po CBAM [Assessment of the carbon intensity of the Belarusian economy and payments under CBAM]. *BEROC Policy Paper Series*. Available at: <https://beroc.org/upload/iblock/350/350187f7da4bdd54f166a5024ba1d8b9.pdf>

Vinokurov E., Al'brekht K., Zaboev A., Klochkova E., Malakhov A., Pereboev V. (2023) *Global'naya zelenaya povestka v Evraziyskom regione. Evraziyskiy region v global'noy zelenoy povestke* [Global green agenda in the Eurasian region. Eurasian region on the global green agenda]. Almaty: Evraziyskiy bank razvitiya.

Yurgens I.Yu., Romov R.B. (2023) «Zelenaya integratsiya» i formirovaniye edinogo ustoichivogo prostranstva razvitiya v formate EAES [Enabling green integration and building a common sustainable development space in the EAEU]. Moscow: MGIMO.

Zemskova K. (2018) *The Common Energy Market of the Eurasian Economic Union. Implication for the European Union and the role of the Energy Charter Treaty*. Brussel: Energy Charter Secretariat.

Дата поступления/Received: 08.02.2024

Чрезвычайная ситуация и чрезвычайность: проблемы теоретической концептуализации

Савина Мария Игоревна

Аспирант, SavinaMI@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

В свете усиления научного интереса к проблеме управления чрезвычайными ситуациями в настоящей статье поднимается вопрос о необходимости применения объективных критериев, позволяющих идентифицировать то или иное обстоятельство в качестве чрезвычайного. С этой целью предпринимается попытка уточнить содержание и природу чрезвычайной ситуации через соотношение принятого в российской традиции понятия «чрезвычайная ситуация» с его западным аналогом «чрезвычайность». На этом основании в работе рассматриваются два подхода к определению чрезвычайной ситуации. Первый наделяет чрезвычайные ситуации более узким содержанием и с этой точки зрения рассматривает их как отдельно взятые проявления чрезвычайности. Другой, наоборот, воспринимает чрезвычайные ситуации в качестве более широкого явления, приравнивая их тем самым к понятию чрезвычайности. В результате проведенного анализа конкретизированы сущностные особенности чрезвычайной ситуации — непредсказуемость, значительные экономические и людские потери, использование особых механизмов государственного управления, а также выработан подход, устраняющий семантические различия между западной и российской научной традициями и позволяющий рассматривать чрезвычайные ситуации как события широкого спектра проявлений — гуманитарного, экономического, природного и проч. Вектор дальнейших исследований может быть направлен на разработку новых подходов к определению и сопоставлению чрезвычайной ситуации, исключительности и чрезвычайного положения; выработку универсального подхода к определению чрезвычайной ситуации в условиях глобализации и глобальной чрезвычайности; предложение новой прикладной модели управления чрезвычайностями в условиях глобализации; разработку уточненной типологии чрезвычайных ситуаций, а также на поиск инструментов и определение необходимой ресурсной базы для управления новыми видами чрезвычайных ситуаций.

Ключевые слова

Чрезвычайная ситуация, чрезвычайность, процесс принятия решений, управление в чрезвычайных обстоятельствах, чрезвычайные процедуры государственного управления, чрезвычайное законодательство.

Для цитирования

Савина М.И. Чрезвычайная ситуация и чрезвычайность: проблемы теоретической концептуализации // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 81–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-81-89

Emergency Situation and Emergency: Issues of Theoretical Conceptualisation

Maria I. Savina

Postgraduate student, SavinaMI@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

This article raises the issue of using objective criteria as a guideline for the identification of emergencies. For this purpose, the author proposes to clarify the nature of the emergency through the comparison of the concept of “emergency situation” accepted in the Russian tradition with its Western analogue “emergency”. On this basis, the paper considers two approaches to defining an emergency. The first approach gives emergency situations a narrower content and from this point of view considers them as separate manifestations of emergency. The other approach, on the contrary, perceives emergency situations as a broader phenomenon, thereby equating them to the concept of emergency. The research unveils the main characteristics of an emergency — unpredictability, significant economic and human losses, the use of government emergency powers. This paper also forms an approach that eliminates semantic differences between Western and Russian scientific traditions and allows us to consider emergencies as events of a wide range of manifestations — humanitarian, economic, natural, etc. The vector of further research can be aimed at developing new approaches to defining and comparing an emergency situation, exception and state of emergency, developing a universal approach to defining an emergency in the context of globalisation and global emergency, proposing a new applied model of emergency management in the context of globalisation, developing a new typology of emergency situations, as well as searching for tools and determining the necessary resource base for managing new types of emergencies.

Keywords

Emergency situation, emergency, decision-making process, emergency management, government emergency powers, emergency legislation.

For citation

Savina M.I. (2024) Emergency Situation and Emergency: Issues of Theoretical Conceptualisation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 81–89. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-81-89

Введение

Несмотря на то, что термин «чрезвычайная ситуация» широко употребляется в современной научной литературе и политико-правовом дискурсе, единый подход к его определению до сих пор отсутствует. Во многом это связано с тем, что само понятие чрезвычайной ситуации характеризуется множественностью значений и нередко отождествляется с целым рядом близких, но не всегда равнозначных по смыслу ему категорий. Чрезвычайность, чрезвычайное положение, исключительный случай, кризисная ситуация — наиболее распространенные понятия, используемые при описании событий, нарушающих нормальный режим функционирования государства. С одной стороны, употребление такого многообразия родственных понятий и отсутствие среди них единства, очевидно, свидетельствуют о терминологической путанице, которая не столько размывает сущность чрезвычайной ситуации, делая ее трудноуловимой, сколько не позволяет передать ее особый, отличный от всех иных обстоятельств характер. Подобное смешение понятий становится серьезным препятствием на пути к надлежащей оценке, анализу и управлению чрезвычайной ситуацией. С другой стороны, наличие множества терминов и интерпретаций не может не указывать на сложность и многогранность исследуемого феномена, не ограниченного рамками какого-либо одного своего проявления.

Соглашаясь с тем, что чрезвычайной ситуации крайне трудно дать однозначную трактовку¹, некоторые ученые предлагают [Lazar 2009, 7] сосредоточиться на выявлении комплекса характеристик и представлений, которым подобные ситуации отвечают. Вместе с тем говорить о существовании чрезвычайной ситуации, по их мнению, можно будет только в том случае, когда большая часть из этих признаков проявится в практической плоскости.

Суммируя сказанное, можно заключить, что четкое понимание специфической природы чрезвычайной ситуации возможно лишь при определении и корректном разведении родственных с ней категорий. Это, в свою очередь, имеет ключевое значение при принятии решений о том, во-первых, какому именно обстоятельству следует присваивать статус чрезвычайного, а во-вторых, достигла ли ситуация такого предельного уровня, что урегулирование ее привычными мерами больше не представляется возможным, требуется незамедлительный переход к специальным механизмам государственного управления.

Однако основные дискуссии и споры, касающиеся установления предметных границ чрезвычайной ситуации, разворачиваются сегодня вокруг соотношения принятого в российской традиции понятия «чрезвычайная ситуация» и его западного аналога «чрезвычайность». Существующая на первый взгляд разница в интерпретации этих феноменов стала причиной выделения в научной литературе двух основных позиций. Первая наделяет чрезвычайные ситуации более узким содержанием и с этой точки зрения рассматривает их как отдельно взятые проявления чрезвычайности. Другая, наоборот, воспринимает чрезвычайные ситуации в качестве более широкого явления, приравнивая их тем самым к понятию чрезвычайности. В связи с этим задача, которую ставит перед собой автор в рамках данной статьи, состоит в уточнении концептуальных границ чрезвычайной ситуации через семантический анализ и гармонизацию основных подходов к ее определению в западной и российской традициях.

¹ Отсутствие общепринятой дефиниции чрезвычайной ситуации вызывает основное беспокойство у политико-правовых мыслителей современности. Это объясняется прежде всего тем, что каким бы точным и полным ни было определение чрезвычайной ситуации, оно в любом случае предоставляет политикам возможность злоупотреблять особыми полномочиями, в том числе в своих целях. Не уходя далеко в историю, в качестве наглядного примера можно привести введение правительствами стран мира «во имя биобезопасности» беспрецедентных по своему охвату и объему ограничений прав и свобод граждан в период пандемии COVID-19. Подробнее см., например, [Агамбен 2022].

Узкий подход: чрезвычайная ситуация ≠ чрезвычайность

В российской практике широкое распространение получило определение чрезвычайной ситуации, сформулированное в Федеральном законе № 68-ФЗ, согласно которому чрезвычайная ситуация понимается как «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»². В данном случае законодатель определяет чрезвычайную ситуацию через источники ее возникновения: аварии, опасные природные явления, заболевания, стихийные и иного рода подобные бедствия, которые способны нанести серьезный ущерб жизни людей. Похожий перечень обстоятельств чрезвычайного характера приводится в ряде статей Гражданского кодекса РФ (п. 1 ст. 242, п. 3 ст. 1359 и др.) [Фролов 2014, 5] и в государственных стандартах в области безопасности в чрезвычайных ситуациях³. Федеральный конституционный закон № 3-ФКЗ также относит к чрезвычайным ситуациям перечисленные обстоятельства, но одновременно дополняет их событиями криминального характера, в числе которых террористические акты, массовые беспорядки, межнациональные конфликты и т. п.⁴ Чрезвычайная ситуация, таким образом, в практике государственного управления в России определяется прежде всего как проявление различного рода природных, техногенных, биологических и криминальных явлений. Однако при таком подходе, несмотря на кажущуюся широту спектра опасных обстоятельств, из поля зрения законодателей и исполнительной власти выпадают многие другие виды чрезвычайных ситуаций — финансовые, экономические, гуманитарные, демографические и проч., которые не связаны с авариями, наводнениями, эпидемиями, массовыми беспорядками и прочими зафиксированными в законодательных актах видами чрезвычайных ситуаций.

Осмелимся предположить, что подобное несовершенство определения обусловлено спецификой восприятия и регулирования чрезвычайных ситуаций в период существования Советского Союза. Во-первых, в советском законодательстве на протяжении долгого времени — вплоть до 1990-х гг. — отсутствовал легально закрепленный термин «чрезвычайная ситуация» [Фролов 2014, 6]; вместо него использовались отдельные понятия [Глушченко, Шукюров 2012]: «стихийные бедствия», «крупные аварии», «эпизоотии», «массовые беспорядки» и др. Во-вторых, возможность введения чрезвычайных мер, в соответствии с действовавшими в тот период нормативными актами, предусматривалась только для урегулирования вооруженных конфликтов и ликвидации последствий природно-техногенных катастроф [Там же]. В-третьих, функции по защите населения от опасностей, возникающих вследствие природных, техногенных и военных событий, входили в исключительную компетенцию Государственной комиссии Совета Министров СССР по чрезвычайным ситуациям [Кропачева 2018, 111], советского аналога МЧС России. Отсюда можно сделать вывод, который находит подтверждение также и у некоторых других исследователей [Андреев 2015, 51; Фролов 2014, 8], что принятое в современной российской практике понимание чрезвычайной ситуации как обстановки, вызванной лишь причинами природного, техногенного,

² Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5295/ (дата обращения: 18.02.2024).

³ ГОСТ Р 22.0.02-2016. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Термины и определения // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139176> (дата обращения: 18.02.2024); ГОСТ 22.0.04-97. Безопасность в чрезвычайных ситуациях. Биолого-социальные чрезвычайные ситуации. Термины и определения // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200009375> (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31866/ (дата обращения: 18.02.2023).

биологического и криминального (шире — военного) характера, связано в первую очередь с задачами в области гражданской обороны, а не с действительным семантическим содержанием феномена.

Нужно, правда, заметить, что такой подход к трактовке чрезвычайной ситуации содержится не только в законодательных актах, но и в научных работах многих российских авторов, которые, продолжая заложенную в советское время традицию, ограничивают область восприятия чрезвычайных ситуаций деятельностью органов МЧС и МВД [Старостин 2019, 39; Снеговой 2012, 40; Калина 2011]. В случае МВД даже применяется специальный термин «особые условия». В литературе он используется для описания повышенной по степени опасности обстановки, которая сложилась в результате чрезвычайной ситуации криминального, природного, техногенного, биологического характера и в которой органы внутренних дел должны быть готовы эффективно действовать [Княжев, Майдыков 2018, 96].

Широкий подход: чрезвычайная ситуация = чрезвычайность

Между тем в отечественной науке можно найти исследователей, которые предлагают описывать чрезвычайные ситуации в более широком контексте, не фокусируя внимание на перечислении конкретных опасных явлений. Н.И. Архипова и В.В. Кульба, в частности, называют чрезвычайной ситуацией «неблагоприятное сочетание факторов и событий, создающих угрозу жизни людей»⁵. О.В. Ковалева говорит о «следствии события либо их совокупности, сложившихся в результате преднамеренных либо непреднамеренных факторов, которые повлекли негативное изменение объекта воздействия»⁶. А.И. Фролов, отталкиваясь от буквального значения слов «чрезвычайный» и «ситуация», считает, что чрезвычайная ситуация позволяет включать в себя все исключительные обстоятельства [Фролов 2014]. Б.Н. Порфирьев, наконец, определяет чрезвычайную ситуацию через множество сущностных черт ее образующих: «внешне неожиданная, внезапно возникающая обстановка, характеризующаяся неопределенностью, остроконфликтностью, стрессовым состоянием населения, значительным социально-экологическим и экономическим ущербом, прежде всего человеческими жертвами, необходимостью быстрого реагирования (принятия решений), крупными людскими, материальными и временными затратами на ... сокращение масштабов и ликвидацию многообразных негативных последствий» [Порфирьев 1989, 20].

В рамках этого подхода русскоязычное понятие «чрезвычайная ситуация» наделяется тем же широким содержанием, что и принятый в западной традиции термин «чрезвычайность» (emergency)⁷. Уходя корнями в политико-правовую мысль античности [Domrin 2006], данный концепт сравнивает обстоятельства чрезвычайного характера со случайностью, которая, в силу своей внезапности и непредсказуемости, требует быстрых и немедленных действий, которые необходимо предпринять, чтобы избежать чреватых вредом последствий⁸.

Хотя широкий подход поддерживается некоторыми исследователями в России, он тем не менее больше свойственен западной традиции. Главное отличие от российского толкования состоит в том, что широкий подход к определению чрезвычайной ситуации положен в основу западных правовых актов и, соответственно, определяет работу регулятивных механизмов на практике. Так, британский закон о непредвиденных обстоятельствах (Civil Contingencies Act)⁹ предлагает рассматривать чрезвычайность через угрозу причинения вреда благосостоянию людей, окружающей

⁵ Архипова Н.И., Кульба В.В. Управление в чрезвычайных ситуациях: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2008. С. 15.

⁶ Ковалева О.В. Правовое регулирование защиты прав граждан при возникновении природных и социальных чрезвычайных ситуаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2009. С. 75.

⁷ Буссье Р.Ф. Эффективность современных демократий перед лицом глобальных чрезвычайных вызовов: дис. ... канд. пол. наук. М., 2018. С. 16–17.

⁸ Подобная трактовка чрезвычайности дается во многих английских словарях, в том числе в таких наиболее авторитетных из них, как Cambridge Dictionary, Oxford English Dictionary, Macmillan Dictionary, Collins English Dictionary и др.

⁹ Civil Contingencies Act 2004, 18th November 2004 // UK Legislation [Электронный ресурс]. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/36/pdfs/ukpga_20040036_en.pdf (дата обращения: 26.02.2024).

среде и безопасности, подразумевая под последней возможность наступления войны или теракта. При этом в нормативном руководстве к закону указывается¹⁰, что термин охватывает все разрушительные вызовы, которые требуют использования ресурсов, выходящих за рамки проводимых государством в ординарное время мероприятий. Закон о чрезвычайных ситуациях Канады (Emergencies Act)¹¹ идет немного дальше и, определяя чрезвычайность как ситуацию, которая носит временный характер и требует срочных и решительных действий со стороны правительства, помимо событий, которые могут нанести серьезный ущерб благосостоянию населения и общественному порядку, выделяет также чрезвычайность международного значения.

Отдельного внимания заслуживает анализ чрезвычайности в законодательных актах Франции и США, поскольку именно там ее определение, возможно, имеет самые широкие границы. В частности, в 16 ст. Конституции Франции¹² идет речь (без прямого обращения к самому термину чрезвычайности) об обстоятельствах, которые, представляя собой «серьезную и непосредственную» угрозу, привели к сбою в работе конституционных органов публичной власти. В законе № 55-385 от 3 апреля 1955 г. о чрезвычайном положении¹³ говорится (но также не указывается само понятие) о «непосредственной опасности», которая была вызвана серьезными нарушениями общественного порядка или событиями, приведшими к серьезным общественным бедствиям.

В нормативных правовых актах США чрезвычайность определяется еще шире. Согласно Закону Роберта Т. Стаффорда (Stafford Act)¹⁴, любая ситуация, которая угрожает общественному здоровью, безопасности и имуществу населения и требует помощи федерального правительства, априори считается чрезвычайной. Более того, Закон о национальных чрезвычайных ситуациях (National Emergencies Act)¹⁵ дает президенту право по своему усмотрению решать, какие обстоятельства носят чрезвычайный характер и требуют применения исключительных мер¹⁶.

В этом смысле уместно вспомнить решение бывшего президента США Д. Трампа присвоить опиоидному кризису, который еще с 90-х гг. прошлого века считается одной из критических проблем государства в сфере здравоохранения, статус чрезвычайной ситуации¹⁷ или, например, решение Б. Обамы объявить в ответ на предполагаемые российские кибератаки на компьютерные системы чрезвычайную ситуацию в сфере кибербезопасности¹⁸. Данные примеры показательны тем, что иллюстрируют, с одной стороны, какое разнообразие проблем в рамках американской правовой системы может быть возведено в ранг чрезвычайного, а с другой — с какой простотой исполнительная власть в США может задействовать чрезвычайные полномочия для защиты своих национальных интересов.

¹⁰ Emergency response and recovery (updated October 2013), 5th April 2010 // GOV.uk [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/253488/Emergency_Response_and_Recovery_5th_edition_October_2013.pdf (дата обращения: 26.04.2023).

¹¹ Loi sur les mesures d'urgence (L.R.C. (1985), ch. 22 (4e suppl.)) // Government of Canada [Электронный ресурс]. URL: <https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/E-4.5/> (дата обращения: 26.02.2024).

¹² Texte intégral de la Constitution du 4 Octobre 1958 en vigueur // Conseil Constitutionnel [Электронный ресурс]. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/le-bloc-de-constitutionnalite/texte-integral-de-la-constitution-du-4-octobre-1958-en-vigueur> (дата обращения: 26.02.2024).

¹³ Loi n°55-385 du 3 avril 1955 relative à l'état d'urgence // Legifrance [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/loda/id/JORFTEXT000000695350> (дата обращения: 26.02.2024).

¹⁴ United States Code, 2006 Edition, Supplement 3, Title 42 — The Public Health and Welfare // GovInfo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2009-title42/pdf/USCODE-2009-title42-chap68-subchapl-sec5122.pdf> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁵ The National emergencies act (Public Law 94-412) // GovInfo [Электронный ресурс]. URL: <https://www.govinfo.gov/app/details/STATUTE-90/STATUTE-90-Pg1255/context> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁶ Небольшое уточнение в отношении понятия чрезвычайности содержится в Законе об экономических полномочиях в случае международной чрезвычайной ситуации (International Emergency Economic Powers Act, IEPPA). Согласно данному закону, чрезвычайное положение вводится в том случае, когда национальная безопасность, внешняя политика или экономика страны находятся под «редкой и необычной» угрозой, имеющей внешний источник происхождения. См.: The International Emergency Economic Powers Act: Origins, Evolution, and Use (R45618). March 25, 2022 // Congressional Research Service [Электронный ресурс]. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R45618/9> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁷ Опиоидный кризис в США становится опаснее ВИЧ// ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4629169> (дата обращения: 27.02.2024).

¹⁸ «Последний новогодний привет от команды Барака Обамы» // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3185497> (дата обращения 27.02.2024).

В западной научной мысли также превалирует широкий подход. О. Гросс, К. Роч, Н. Сагос, Дж. Фирджон, Н. Лазар [Lazar 2009] и др. рассматривают чрезвычайность как событие, выходящее за пределы нормы и несущее исключительную опасность. Как следует из работы профессора права Нью-Йоркского университета Дж. Фирджона и старшего научного сотрудника Национального центра научных исследований в Париже П. Пасквино, современным государствам угрожает широкий спектр чрезвычайных обстоятельств — от природного и насильственного происхождения до чрезвычайных ситуаций экономического характера [Ferejohn, Pasquino 2004]. Схожего мнения придерживаются О. Гросс и Ф. Ни Аолэйн [Gross, Aolain 2006], К. Роч [Roach 2008].

В дополнение Н. Сагос дает несколько отличную трактовку. Он предлагает относить ситуацию к чрезвычайной только в том случае, если она представляет собой «внезапное и непредвиденное событие (или серию событий), которое требует срочного внимания или немедленного вмешательства» [Sagos 2014, 36]. Другими словами, подлинно чрезвычайным, по мнению Н. Сагоса, считается лишь то событие, которое обладает критериями внезапности, срочности и ограниченной предсказуемости и «подвергает граждан и/или ключевые государственные учреждения серьезной неминуемой опасности» [Ibid.].

Вместе с тем в литературе можно встретить и некоторые другие свойства чрезвычайности¹⁹: время (длительность), потенциальная опасность (угроза жизни и безопасности) и неотвратимость (как наступление самой чрезвычайности, так и вызванных ею неблагоприятных последствий). В такой трактовке «подлинная чрезвычайность», как ее обозначил Н. Сагос, обладает теми же качествами, что и «черные лебеди» Н. Талеба. Подразумевая под ними маловероятные события с высоким уровнем воздействия, Н. Талеб к их числу, в частности, относит две мировые войны, крах фондового рынка в 1987 г., распад Советского Союза и теракты 11 сентября 2001 г. [Талеб 2018].

Выводы

Приведенный выше анализ теоретических трактовок позволяет выявить два основополагающих как для российской, так и западной мысли критерия присвоения ситуации статуса чрезвычайной. Ее обстоятельства:

- 1) требуют срочного решения со стороны государственных институтов, ответственных за поддержание безопасного, устойчивого от крайних колебаний состояния защищенности;
- 2) нанесли или могут нанести существенный вред как населению, так и государству в целом.

Таким образом, семантическая разница, которая разделяет российскую «чрезвычайную ситуацию» и западную «чрезвычайность», в современной науке и практике теряет свое значение и позволяет поставить знак равенства между двумя этими терминами в той мере, в какой каждый из них соответствует основополагающим характеристикам друг друга. На этом основании настоящее исследование придерживается широкого подхода к определению чрезвычайной ситуации, в рамках которого «чрезвычайная ситуация» и «чрезвычайность» могут использоваться как равноценные по своему содержанию термины.

Под чрезвычайной ситуацией, таким образом, предлагается понимать событие или обстоятельство, представляющее непосредственную угрозу благосостоянию и безопасности граждан и государству и отвечающее следующим основополагающим качествам:

¹⁹ Буссье Р.Ф. Эффективность современных демократий перед лицом глобальных чрезвычайных вызовов: дис. ... канд. пол. наук. М., 2018. С. 19; National Emergency Powers // Congressional Research Service [Электронный ресурс]. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/RL/98-505> (дата обращения: 27.02.2024).

- 1) неожиданность и непредсказуемость возникновения; если даже их возникновение и можно спрогнозировать, как в случае с большинством стихийных бедствий, то подготовиться к ним крайне трудно, если практически невозможно;
- 3) разрушительный характер воздействия;
- 4) серьезные и непредвиденные последствия прямого и косвенного, явного и скрытого характера;
- 5) порог критического уровня превышен и вернуться к исходному положению уже невозможно; это своеобразная точка невозврата (point of no return);
- 6) нарушение привычного, устоявшегося образа жизни как следствие; для приведения ситуации в состояние нормы необходимо безотлагательное применение чрезвычайных процедур.

Заключение

Отдельно стоит подчеркнуть, что проблема необходимости выявления объективных критериев, позволяющих идентифицировать то или иное обстоятельство в качестве чрезвычайного, приобрела особую важность на фоне развития чрезвычайных ситуаций в глобальном масштабе. События последних лет отчетливо показали, что в условиях отсутствия общего подхода многие действительно чрезвычайные ситуации не воспринимаются политическим руководством как то, что требует немедленного решения здесь и сейчас, и по этой причине не регулируются чрезвычайными методами. В связи с этим представляется необходимым продолжить работу по следующим возможным направлениям исследования: 1) разработка новых подходов к определению и сопоставлению чрезвычайной ситуации, исключительного случая и чрезвычайного положения; 2) на основании объективных критериев идентификации выработка универсального подхода к определению чрезвычайной ситуации в условиях глобализации, а также глобальной чрезвычайной ситуации; 3) предложение новой теоретико-прикладной модели исследования чрезвычайных ситуаций в условиях глобализации; 4) выработка новой типологии чрезвычайных ситуаций, в том числе глобальных; 5) поиск инструментов и определение необходимой ресурсной базы для управления новыми видами чрезвычайных ситуаций, в том числе глобальными.

Список литературы:

Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика. М.: Ноократия, 2022.

Андреев С.А. Концептуальные подходы к трактовке понятия «чрезвычайная ситуация» // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. 2015. № 1(14). С. 47–55.

Глушченко П.П., Шукюров Э.А. История формирования полномочий органов государственной власти по ограничению прав, свобод и законных интересов граждан в зоне чрезвычайного положения // Социология и право. 2012. № 1(12). С. 66–81.

Калина Е.С. Понятие чрезвычайной ситуации в административном праве: структура и содержание // Вестник ВГУ. 2011. № 1(10). С. 262–267.

Княжев В.Б., Майдыков А.Ф. О некоторых особенностях правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47). С. 91–96.

Кропачева А.В. Совершенствование системы административно-правовой защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций в условиях административной реформы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 1(41). С. 110–116. DOI: [10.17803/2311-5998.2018.41.1.110-116](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.41.1.110-116)

- Порфирьев Б.Н. Организация управления в чрезвычайных ситуациях (Проблемы предотвращения и сокращения масштабов последствий технологических и природных катастроф). М.: Знание, 1989.
- Снеговой А.В. О некоторых подходах к определению понятия «чрезвычайные обстоятельства» и их видов // Труды Академии управления МВД России. 2012. № 4(24). С. 38–41.
- Старостин С.А. Чрезвычайное положение. М.: Проспект, 2019.
- Талёб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М.: Колибри, Азбука-Аттикус, 2018.
- Фролов А.И. Чрезвычайные ситуации: гражданско-правовой аспект // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. Т. 4. № 1(6). С. 4–15.
- Domrin A.N. The Limits of Russian Democratisation: Emergency Powers and States of Emergency. Abingdon: Routledge, 2006.
- Ferejohn J., Pasquino P. The Law of the Exception: A Typology of Emergency Powers // International Journal of Constitutional Law. 2004. Vol. 2. Is. 2. P. 210–239. DOI: [10.1093/icon/2.2.210](https://doi.org/10.1093/icon/2.2.210)
- Gross O., Aolain F.N. Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Lazar N.C. States of Emergency in Liberal Democracies. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. DOI: [10.1017/CBO9780511596704](https://doi.org/10.1017/CBO9780511596704)
- Roach K. Ordinary Laws for Emergency and Democratic Derogations from Rights// Emergencies and the Limits of Legality / ed. by Victor V. Ramraj. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 229–257. DOI: [10.1017/CBO9780511552021.011](https://doi.org/10.1017/CBO9780511552021.011)
- Sagos N. Democracy, Emergency, and Arbitrary Coercion: A Liberal Republican View. Boston, MA: Brill, 2014.

References:

- Agamben G. (2022) A che punto siamo? L'epidemia come politica. Moscow: Nookratiya.
- Andreyev S.A. (2015) Conceptual Approaches to the Interpretation of the Concept “Emergency Situation”. Vestnik Voronezhskogo instituta GPS MChS Rossii. No. 1(14). P. 47–55.
- Domrin A.N. (2006) The Limits of Russian Democratisation: Emergency Powers and States of Emergency. Abingdon: Routledge.
- Ferejohn J., Pasquino P. (2004) The Law of the Exception: A Typology of Emergency Powers. International Journal of Constitutional Law. Vol. 2. Is. 2. P. 210–239. DOI: [10.1093/icon/2.2.210](https://doi.org/10.1093/icon/2.2.210)
- Frolov A.I. (2014) Chrezvychaynyye situatsii: grazhdansko-pravovoy aspekt [Emergencies: Civil law aspect]. Strategiya grazhdanskoy zashchity: problemy i issledovaniya. Vol. 4. No. 1(6). P. 4–15.
- Gluschenko P.P., Shakyurov E.A. (2012) History of Developing Authority Vested in Government Bodies to Restrict Rights, Freedoms and Lawful Interests of Citizens in an Emergency Area. Sotsiologiya i pravo. No. 1(12). P. 66–81.
- Gross O., Aolain F.N. (2006) Law in Times of Crisis: Emergency Powers in Theory and Practice. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kalina E.S. (2011) The Concept of Emergency in Administrative Law: The Structure and Content. Vestnik VGU. No. 1(10). P. 262–267.
- Knyazhev V.B., Maydykov A.F. (2018) Some Specifics about Legal Control of Activity of Internal Affairs Bodies of the Russian Federation in Special Conditions. Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii. No. 3(47). P. 91–96.
- Kropacheva A.V. (2018) Improving the System of Administrative-Legal Protection of Population and Territories from Emergency Situations in Terms of Administrative Reform. Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). No. 1(41). P. 110–116. DOI: [10.17803/2311-5998.2018.41.1.110-116](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2018.41.1.110-116)

- Lazar N.C. (2009) *States of Emergency in Liberal Democracies*. Cambridge: Cambridge University Press. DOI: [10.1017/CBO9780511596704](https://doi.org/10.1017/CBO9780511596704)
- Porfir'yev B.N. (1989) *Organizatsiya upravleniya v chrezvychaynykh situatsiyakh* [Organization of emergency management]. Moscow: Znaniye.
- Roach K. (2008) Ordinary Laws for Emergency and Democratic Derogations from Rights. In: Ramraj V.V. (ed.) *Emergencies and the Limits of Legality*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 229–257. DOI: [10.1017/CBO9780511552021.011](https://doi.org/10.1017/CBO9780511552021.011)
- Sagos N. (2014) *Democracy, Emergency, and Arbitrary Coercion: A Liberal Republican View*. Boston, MA: Brill.
- Snegovoy A.V. (2012) About Some Approaches to the Definition of the Concept of Extraordinary Circumstances and of Its Types. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*. No. 4(24). P. 38–41.
- Starostin S.A. (2019) *Chrezvychaynoye polozheniye* [State of emergency]. Moscow: Prospekt.
- Taleb N.N. (2018) *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus.

Дата поступления/Received: 30.02.2024

Глобальные трансформации: тенденции к росту неустойчивости и драйверы устойчивого развития в современных условиях

Си Фуюань

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [9584-0880](#), ORCID: [0000-0003-1352-4375](#), xifuyuan@mail.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Бобылева Алла Зиновьевна¹

Доктор экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [4458-3264](#), ORCID: [0000-0002-4383-0608](#), bobyleva@spa.msu.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Барабошкина Анастасия Валерьевна

Кандидат экономических наук, SPIN-код РИНЦ: [6031-2390](#), ORCID: [0000-0002-2948-5940](#), baraboshkinaav@my.msu.ru

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Происходящие глобальные трансформации, высокая турбулентность мировых процессов ставят под вопрос устойчивость развития большинства стран, делают необходимым выявление факторов, ведущих к неустойчивости, и поиск драйверов устойчивого развития в новых условиях. Проведенное исследование позволило определить, что тенденции к росту неустойчивости преимущественно определяются процессами деглобализации, господством идей максимизации производства и потребления, усилением социального неравенства, неравномерным распределением ресурсов между экологической, социальной, экономической составляющими устойчивого развития, нарушением человеком законов развития биосферы, недостаточностью мер по охране окружающей среды, последствиями кризисов последних лет, международными конфликтами, недостатками управления. Рассмотренные факторы роста неустойчивости, усиление их влияния и связанные с этим риски обусловили постановку новой задачи: определить, что может быть драйвером устойчивости в современных сложных условиях. Исследование показало, что к положительным импульсам для устойчивого развития следует отнести: распространение идей и шаги к реализации зеленой экономики; установление конкретных сроков достижения целевых ориентиров по устойчивому развитию многими государствами; развитие технологического суверенитета стран на основе зеленого мировоззрения; реализация концепции устойчивого развития не только правительствами, но и на микроуровне — промышленными предприятиями; появление новых финансовых инструментов, в частности зеленых и социальных облигаций, для привлечения капитала и инвестирования в проекты с экологическими и социальными преимуществами; успехи в таксономии зеленых финансов. Важным результатом исследования является вывод о том, что, несмотря на возможность торможения в отдельные периоды, устойчивое развитие является долгосрочным трендом функционирования нашей цивилизации и дальнейшие исследования должны быть направлены на совершенствование управленческих решений для его поддержки в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова

Устойчивое развитие, факторы роста неустойчивости, драйверы устойчивости, глобализация, деглобализация.

Для цитирования

Си Фуюань, Бобылева А.З., Барабошкина А.В. Глобальные трансформации: тенденции к росту неустойчивости и драйверы устойчивого развития в современных условиях // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 90–101. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-90-101

Global Transformations: Trends towards Increasing Instability and Sustainable Development Drivers in Current Situation

Xi Fuyuan

PhD applicant, ORCID: [0000-0003-1352-4375](#), xifuyuan@mail.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alla Z. Bobyleva²

DSc (Economics), ORCID: [0000-0002-4383-0608](#), bobyleva@spa.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Anastasiia V. Baraboshkina

PhD, ORCID: [0000-0002-2948-5940](#), baraboshkinaav@my.msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Abstract

The ongoing global transformations and the high turbulence of global processes call into question sustainability of development of most countries, make it necessary to identify factors leading to instability and search for drivers of sustainable development in current situation. The conducted research allowed us to determine that the trends towards increasing instability are mainly determined by the processes of deglobalization, the dominance of maximizing production and consumption ideas, increasing social inequality, uneven distribution of resources between the environmental, social, and economic components of sustainable development, human violation of the laws of biosphere development, insufficient environmental protection measures, the consequences of recent crises, international conflicts, disadvantages of management. The considered factors of instability growth, the strengthening of their influence and the associated risks led to setting a new task: to determine what can be a driver of stability in modern difficult situation. Our study shows that positive impulses for sustainable development include: the dissemination of ideas and steps towards the implementation of the green economy; the establishment of specific deadlines for achieving targets of sustainable development by many countries; the development of technological sovereignty of countries based on a green worldview; the implementation of the concept of sustainable development not only by governments, but also at the micro level — by companies; the emergence of new financial instruments, in particular, green and social bonds to attract capital and invest in projects with environmental and social benefits; advances in the taxonomy of green finance. An important result of the study is the conclusion that despite the possibility of deceleration in certain periods, sustainable development is a long-term trend in the functioning of our civilization and further research should be aimed at improving management decisions to support it in the short and long term.

Keywords

Sustainable development, factors of instability growth, sustainability drivers, globalization, deglobalization.

For citation

Xi Fuyuan, Bobyleva A.Z., Baraboshkina A.V. (2024) Global Transformations: Trends towards Increasing Instability and Sustainable Development Drivers in Current Situation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 90–101. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-90-101

Введение

В начале третьего тысячелетия значительно ускорились процессы глобализации, которые, как правило, предполагают унификацию экономической, политической, социальной и даже духовной жизни населения планеты и национальных моделей развития.

Однако процессы глобализации протекают в условиях высокой турбулентности: волатильности политических решений, сопровождающихся формированием многополярного мира; нестабильности мировой экономики, проявляющейся в колебаниях цен на энергоносители и драгметаллы, скачках цен на акции крупных компаний; разрушении долготлетних связей из-за введения санкций против ряда стран; нестабильности курса валют и роста инфляции; обострения социальных и военных конфликтов.

Подобная турбулентность условий развития мировой экономики ставит под вопрос устойчивость развития большинства стран, делает необходимым поиск факторов, обеспечивающих устойчивое развитие в каждой отдельной стране, а также определение угроз и вызовов при взаимодействии стран. С другой стороны, на фоне общей волатильности, проявления признаков деглобализации из-за разрыва ранее устойчивых связей, образования обособленных союзов отдельных групп стран особый интерес представляет выявление возможностей повышения устойчивости.

В этих условиях исследование драйверов роста, выявление направлений, по которым особенно важно взаимодействие дружественных стран, определение общих точек роста с учетом особенностей каждой из стран являются важнейшей геополитической и геоэкономической задачей, требующей своего решения в силу новизны и неурегулированности. Это и предопределило выбор темы исследования.

Степень научной разработанности проблемы

Исследованию проблем глобализации и устойчивого развития посвящено большое количество научных работ. Идеиные истоки концепции устойчивого развития содержатся в работах классиков экономической науки: Т. Мальтуса, Р. Солоу, Й. Шумпетера, каждый из которых рассматривал устойчивость и экономический рост по-своему. Т. Мальтус обращал внимание на потенциальный рост бедности при неконтролируемом росте населения [Мальтус 1993],

Р. Солоу посвятил свои исследования факторам роста ВВП, к которым относил рост населения, технический прогресс и инвестиции [Solow 1970], а Й. Шумпетер связывал рост с инновациями [Shumpeter 1911]. Устойчивость рыночной экономики как системы исследовалась Дж. Кейнсом [Keynes 1936], а в становление концепции устойчивого развития в ее наиболее полном виде внесли значимый вклад Д.Л. Медоуз и соавторы [Медоуз и др. 2014] — они были одними из первых, кто связал экономический рост с эколого-экономическими и социальными проблемами.

На современном этапе значительный вклад в развитие концепции устойчивости внесли российские ученые. Так, С.Н. Бобылев и соавторы развили такое направление, как экономика устойчивого развития [Бобылев и др. 2022; Bobylev et al. 2023]; Б.Н. Порфирьев и ряд других ученых посвятили свои исследования социальным и экологическим проблемам устойчивости [Сбережение населения России 2021]; ряд исследователей внес значительный вклад в разработку институциональных основ управления устойчивостью [Институциональная трансформация экономики 2022]; академик В.Л. Макаров разработал математические модели прогнозирования развития устойчивости [Макаров и др. 2023]; В.И. Данилов-Данильян исследовал глобальные климатические изменения во взаимосвязи с состоянием водных ресурсов [Данилов-Данильян 2020].

Тем не менее, несмотря на перманентное освещение различных аспектов устойчивого развития в российской и зарубежной научной литературе, в том числе китайской [Xue et al. 2018; Sheng et al. 2023], выявлению факторов роста неустойчивости и драйверов устойчивого развития в условиях глобальных трансформаций последних лет уделено недостаточно внимания.

Таким образом, целью нашего исследования является определение факторов, препятствующих устойчивому развитию, и новых драйверов устойчивости в условиях турбулентности внешней среды.

Факторы роста неустойчивости

Как показало наше исследование, реализация концепции устойчивого развития сталкивается с целым рядом факторов, негативно влияющих на возможности достижения целей устойчивого развития (ЦУР) и провоцирующих рост неустойчивости. Рассмотрим основные из них.

1. Учитывая общую экосистему Земли, экономические, технологические и культурные связи между странами, при разработке Концепции устойчивого развития ее авторы справедливо предполагали, что она может быть успешно реализована лишь при включении в процесс большинства стран. Реализация Концепции начиналась в условиях использования преимуществ глобализации (достигались международные договоренности, принимались международные стандарты, формировалась среда для трансграничной деятельности финансового рынка, активизации торговых и инвестиционных потоков). Однако сейчас активно идут процессы деглобализации: страны не могут договориться соблюдать те или иные условия, выходят из уже действующих соглашений, ставят частные интересы своих стран выше решения общемировых проблем. Имеют место вооруженные конфликты, торговые войны, нехватка финансирования устойчивого развития из-за увеличения военных расходов во многих странах. Внесла свой вклад в деглобализацию и пандемия COVID-19, следствием которой явились нарушение логистических связей, снижение миграционных возможностей рабочей силы, рост бедности, ухудшение социальных условий и в конечном итоге замедление выполнения целей устойчивого развития.

2. Несмотря на широкое распространение идей устойчивого развития, в обществе продолжают господствовать идеи максимизации производства и потребления, требующие значительного объема ресурсов, что истощает окружающую среду и наносит ей вред. Ущерб природе и недостаточное внимание к социальным ценностям представляют большую угрозу дальнейшему устойчивому развитию человечества.

3. Несмотря на экономический рост, во многих странах увеличивается социальное неравенство: беднейший слой общества расширяется из-за недостаточных доходов, плохих условий проживания, ограниченного доступа к здравоохранению и образованию. Такое общество не может находить консенсус о социальных и экологических целях.

4. Традиционно устойчивое развитие охватывает три области — экономику и управление, окружающую среду, общество (социальный аспект), но в определениях, представленных различными авторами, упомянутым областям необязательно уделяется равное внимание: акцент делается либо на социальных, либо экономических, либо экологических аспектах устойчивого развития, что приводит к неравномерному распределению ресурсов и в конечном счете замедлению реализации устойчивого развития как целостной концепции.

5. По мнению авторов «Доклада о человеческом развитии 2020 года» (далее — Доклад), человеческое общество нарушает эволюционные пути биосферы, возникающие проблемы нарастают и будут становиться все серьезнее³. Они указывают, что «учащение экстремальных погодных явлений, изменение условий окружающей среды и связанное с этим распространение вредителей и болезней за последние 15 лет, наряду со значительным неравенством в распределении доходов и ресурсов, являются факторами, усиливающими возможность эпидемий»⁴.

6. Стихийные бедствия — одна из основных причин перемещения населения: в 2009–2019 гг. в среднем ежегодно перемещались почти 23 миллиона человек в результате стихийных бедствий. По оценкам ученых, к 2050 году 1 миллиард человек во всем мире может столкнуться с проблемой вынужденного перемещения из-за повышения уровня моря, резкого изменения климата, проч.⁵

7. Недооценка последствий нарушения эволюционных путей развития биосферы приводит к недофинансированию мер по преодолению и смягчению негативных природных явлений. Асимметрию в распределении средств хорошо иллюстрирует следующий пример. Совокупные годовые расходы на маркетинг двух крупных глобальных компаний Amazon и Procter&Gamble в 2019 г. составили 11,16 млрд долларов США, что превышает годовой бюджет Агентства по охране окружающей среды США (8,84 млрд долларов США)⁶.

8. В «Повестке дня на XXI век», принятой в 1992 г., впервые выделен институциональный аспект концепции: подчеркивается важность комплексной системы управления, рассчитанной на долгосрочный период. Ученые отмечают, что успех реализации концепции зависит и от вовлеченности всех уровней исполнительной власти, и от участия общественных организаций и местных сообществ. Однако развитие институтов устойчивого развития отстает от потребностей времени, не в полной мере способствует реализации концепции устойчивости в намеченные сроки.

9. В определенной степени реализацию концепции устойчивого развития сдерживает отсутствие единой теории взаимосвязи роста населения и устойчивости развития. Условно существующие теории можно разделить на оптимистические (рост населения способствует экономическому развитию) [Медоуз и др. 2014] и пессимистические, основанные на утверждениях о том, что запасы невозобновляемых природных ресурсов и капитала фиксированы и что их предложение растет медленнее, чем численность населения [Мальтус 1993].

Несмотря на кажущиеся противоречия, большинство теорий сходятся во мнении, что численность населения ограничена уровнем ресурсов. Однако на практике население мира, в силу исторических, религиозных, культурных особенностей, быстро растет именно в регионах с низкой

³ Доклад о человеческом развитии 2020. С. 52 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020ru.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴ Там же. С. 56.

⁵ Там же. С. 60.

⁶ Там же. С. 145.

обеспеченностью ресурсами, что усиливает неустойчивость. Без перехода к зеленой экономике мир не сможет удовлетворить потребности растущего населения без разрушительных последствий для окружающей среды, что в конечном итоге нанесет ущерб мировому экономическому и социальному развитию.

Вышеприведенные факторы, определяющие развитие трендов неустойчивости, носят преимущественно системный характер. Рассмотрим теперь отдельно ряд специфических экологических, экономических и социальных факторов, также усиливающих тренд неустойчивости, затрудняющих реализацию конкретных целей, сформулированных в «Повестке дня в области устойчивого развития до 2030 года»⁷.

Среди экологических факторов следует в первую очередь рассмотреть следующие.

1. Меры борьбы с изменением климата (ЦУР 13) малоэффективны и недостаточны, что может привести к проблемам, связанным с глобальным потеплением. По мнению ученых, темпы сокращения выбросов парниковых газов не соответствуют поставленным задачам⁸. Наблюдаемая концентрация CO₂ в атмосфере стала самой высокой как минимум за последние 800 тыс. лет [Юлкин 2018, 10]. Согласно Парижскому соглашению по климату, принятому в 2015 г., нельзя допустить повышения среднегодовой температуры на планете более чем на 2°C, а лучше на 1,5°C по сравнению с доиндустриальным уровнем⁹. Однако в настоящее время рост средней глобальной температуры уже составил 1,1°C [Международные отношения 2023]. Есть вероятность, что к 2070 году чрезвычайно жаркие зоны, аналогичные Сахаре, покроют почти пятую часть суши¹⁰. Это неизбежно ведет к повышению уровня моря, дальнейшему таянию ледников и вечной мерзлоты, конфликтам за ресурсы.

По мнению российских ученых, существует высокий риск того, что будет упущен переломный момент в будущем, после которого невозможно будет повернуть назад даже при принятии энергичных мер [Россия: тенденции и перспективы развития 2015].

2. Меры, принимаемые для защиты и восстановления экосистем суши, борьбы с опустыниванием, деградацией земель, утратой биоразнообразия (ЦУР 15) в целом недостаточны. Общая площадь лесов мира сократилась: чистые потери лесного покрова составили 100 млн га. В 2015–2019 гг. мир ежегодно терял по меньшей мере 100 млн га здоровых и плодородных земель, что негативно отразилось на продовольственной и водной безопасности. Если деградация земель будет продолжаться такими же темпами, то результатом станут 1,5 млрд га деградировавших земель к 2030 г.¹¹ Глобальный индекс живой планеты (Living Planet Index) показывает снижение численности популяции млекопитающих, рыб, рептилий, птиц и амфибий в среднем на 69% за 1970–2018 гг., наибольший спад в численности произошел у пресноводных (83%)¹². Разрушение природной среды имеет негативные последствия и для здоровья людей. Так, во многих случаях передача зоонозных заболеваний стала прямым следствием разрушения человеком природных экосистем.

3. Недостаточно результативными являются и меры, связанные с сохранением и рациональным использованием океанов, морей и морских ресурсов (ЦУР 14). Океан, крупнейшая

⁷ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 13.01.2024); Парижское соглашение // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 13.01.2024).

⁸ ЮНЕП: недостаточный прогресс в борьбе с изменением климата делает срочные преобразования общества единственным вариантом // ЮНЕП [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/ru/novosti-i-istorii/press-reliz/yunep-nedostatocnyy-progress-v-borbe-s-izmeneniem-klimata-delaet> (дата обращения: 13.01.2024).

⁹ Парижское соглашение // ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/climatechange/paris-agreement> (дата обращения: 13.11.2023).

¹⁰ Доклад о человеческом развитии 2020. С. 60 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020ru.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

¹¹ SDG 15 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal15#progress_and_info (дата обращения: 03.02.2024).

¹² Living Planet Report 2022. Р. 4 // Living Planet Index [Электронный ресурс]. URL: https://wwflpr.awsassets.panda.org/downloads/lpr_2022_full_report_1.pdf (дата обращения: 03.02.2024).

экосистема в мире, остается под угрозой из-за роста закисления, эвтрофикации, сокращения рыбных запасов и загрязнения пластиком. В настоящее время рН океана в среднем составляет 8,1 — это означает, что океан, по сравнению с доиндустриальным периодом, стал примерно на 30% более закисленным. В 2019 г. более трети мировых запасов рыбы подверглись чрезмерному вылову, что на 1,2% больше, чем в 2017 г.¹³

4. Хотя потребление невозобновляемых источников энергии имеет тенденцию к снижению (ЦУР 7), оно представляется недостаточным. Так, за период с 1990 по 2021 гг. доля ископаемых видов топлива (уголь, нефть, природный газ) в структуре генерации электроэнергии сократилась незначительно: с 63% до 61,5%¹⁴. Уголь продолжает обеспечивать более 35% глобального производства электроэнергии¹⁵, хотя и является самым грязным и углеродоемким видом топлива. Важным фактором, препятствующим сокращению потребления ископаемых видов топлива, является увеличение объемов их субсидирования. Согласно данным Международного валютного фонда (МВФ), в 2022 г. общая сумма субсидий достигла рекордного значения — 7 трлн долл., тогда как в 2015 г. составляла 4,5 трлн долл.¹⁶ Пока будут субсидии, потребление невозобновляемых источников энергии не уменьшится, реализация концепции устойчивого развития будет «буксовать».

5. Проблемой на пути к устойчивому развитию является и чрезмерное использование возобновляемых ресурсов, в частности лесных массивов, воды (ЦУР 6, 14). Так, глобальное водопользование увеличилось в 6 раз за последние 100 лет¹⁷, 80% сточных вод сбрасывается обратно в окружающую среду без очистки¹⁸. Ожидается, что к 2030 году глобальный спрос на воду превысит предложение на 40%¹⁹.

В целом происходящие в настоящее время изменения отражают антропогенное давление в планетарном контексте. Масштаб и скорость, с которой они происходят, слишком велики по отношению к способности биосферы к восстановлению.

Переходя к рассмотрению экономических и социальных факторов, сдерживающих переход к устойчивому развитию, следует отметить следующее.

1. Позитивные экономические достижения последних десятилетий были во многом разрушены пандемией COVID-19: увеличилась доля живущих в крайней нищете людей. В целом в мире пандемия в 2020 г. привела к потере эквивалента 255 миллионов рабочих мест с полной занятостью²⁰. В период пандемии многими государствами были предприняты меры, позволившие поддержать население в самый острый период, однако для преодоления негативных трендов, вызванных COVID-19, и продолжения перехода к устойчивому развитию необходимы эффективные долгосрочные меры.

2. Хотя в годы, предшествовавшие пандемии COVID-19, наблюдались общие положительные тенденции повышения благосостояния, обеспечения продовольственной безопасности и улучшения

¹³ SDG 14 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: https://sdgs.un.org/goals/goal14#progress_and_info (дата обращения: 03.02.2024).

¹⁴ Рассчитано авторами по: Energy Statistics Data Browser // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁵ Рассчитано авторами по: Energy Statistics Data Browser // IEA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁶ Fossil Fuel Subsidies Surged to Record \$7 Trillion // IMF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2023/08/24/fossil-fuel-subsidies-surged-to-record-7-trillion> (дата обращения: 17.02.2024).

¹⁷ World Water Development Report 2018. P. 10 // United Nations [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unwater.org/publications/world-water-development-report-2018> (дата обращения: 11.01.2024).

¹⁸ The global assessment report on biodiversity and ecosystem services. P. 28 // IPBES [Электронный ресурс]. URL: https://files.ipbes.net/ipbes-web-prod-public-files/inline/files/ipbes_global_assessment_report_summary_for_policymakers.pdf (дата обращения: 11.01.2024).

¹⁹ Half the World to Face Severe Water Stress by 2030 unless Water Use is “Decoupled” from Economic Growth, Says International Resource Panel // UNEP [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unep.org/news-and-stories/press-release/half-world-face-severe-water-stress-2030-unless-water-use-decoupled> (дата обращения: 11.01.2024).

²⁰ Uncertain and uneven recovery expected following unprecedented labour market crisis // ILO [Электронный ресурс]. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_766949/lang-en/index.htm (дата обращения: 15.01.2024).

питания, экономические последствия кризисов последних лет замедлили эти процессы. По данным «Доклада о человеческом развитии 2020 года», в 2019 году 2 миллиарда человек испытывали нехватку продовольствия, что на 367 миллионов больше, чем в 2014 году. Есть вероятность, что к 2030 году питание 900 миллионов человек будет неполноценным. Эта тенденция затрагивает большую часть населения мира²¹.

3. Продолжает расти экономическая нестабильность, а также концентрация бизнеса. Финансовые рынки по-прежнему не способствуют инвестициям в реальный сектор, создают дополнительную турбулентность. Концентрация бизнеса приводит к стагнации заработной платы, уменьшению числа новых предприятий и конкуренции. Несмотря на публикации ООН²², многочисленные научные работы, органы власти многих стран, в том числе России и Китая, не видят тревожной тенденции к корпоративной концентрации. Однако исследование стратегий крупных компаний автомобильной, горнодобывающей и энергетической отраслей, химической промышленности по всему миру показывает, что они не всегда способствуют проведению последовательной политики охраны окружающей среды.

4. Дисбалансы и зависимость внешней торговли проявляются в разных странах по-разному: для России характерна высокая зависимость от импорта технологий и оборудования²³, для Китая — зависимость от импорта энергоносителей и недостаточного использования возобновляемых видов энергии²⁴. Наличие названных дисбалансов, недостаточность мер стимулирования со стороны государства приводят к усилению трендов неустойчивости.

5. В современных условиях представляется целесообразным рассмотреть не только экономической, социальной, экологической составляющей устойчивости, но и политической: события последних лет показывают, что политические разногласия приводят к международным конфликтам, в том числе военным, ухудшают социальные и экономические условия жизни людей, замедляют решение экологических задач из-за изменения приоритетов, нехватки ресурсов (финансовых и трудовых) и в целом отодвигают переход к устойчивому развитию.

Отмеченные факторы роста неустойчивости, усиление их влияния и связанные с этим риски вынуждают задуматься о драйверах устойчивости в современных условиях: существуют ли они, как могут быть усилены путем адекватного государственного управления, какие меры стимулирования заставят их работать в полную силу.

Драйверы устойчивого развития в современных условиях

По нашему мнению, важнейшими системными драйверами устойчивого развития в современном мире являются следующие.

1. Глобализация, несмотря на указанные выше тенденции к деглобализации, является движущей силой устойчивого развития, создает условия для принятия международных норм и стандартов, формирования конкурентной среды, в которой появляются новые возможности для трансграничной деятельности зеленого финансового рынка, активизации зеленых торговых и инвестиционных потоков и на этой основе повышения качества жизни. Ввиду общей биосферы планеты глобализация является долгосрочным трендом развития нашей цивилизации, несмотря на возможность ее торможения в отдельные периоды развития.

²¹ Доклад о человеческом развитии 2020. С. 56 // UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/hdr2020ru.pdf> (дата обращения: 17.01.2024).

²² Вопросы применения антимонопольного законодательства, возникающие в связи с монополиями // ЮНКТАД [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ciclpd68_ru.pdf (дата обращения: 13.01.2024).

²³ Компании оценили свои возможности работать без импортного оборудования. Полностью обойтись без него готово лишь каждое десятое предприятие // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2023/647f17a59a79475842f9f653> (дата обращения: 13.01.2024).

²⁴ Китай в августе потратил на энергоносители из России рекордные \$8,3 млрд // Forbes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/477649-kitaj-v-avguste-potratil-na-energonositeli-iz-rossii-rekordnye-8-3-mlrd> (дата обращения: 13.01.2024).

2. Распространение идей и шаги к реализации зеленой экономики уже привели к смене целевых ориентиров развития многих государств: страны разрабатывают стратегии развития, учитывающие зеленые компоненты, принимают национальные нормативно-правовые акты и стандарты, ограничивающие выбросы загрязняющих веществ, способствующие снижению деградации земель, восстановлению экосистем суши и моря, препятствующие утрате биоразнообразия, содействующие сокращению потребления невозобновляемых источников энергии и более широкому использованию возобновляемых (ВИЭ).

3. Затруднение мировых миграционных процессов привело к более энергичным действиям национальных правительств по снижению безработицы и поддержке беднейших слоев населения; нарушения и разрыв международных торговых связей — к импортозамещению и развитию технологического суверенитета на основе зеленого мировоззрения. Национальные правительства стимулируют использование инноваций с минимальным воздействием на окружающую среду, позволяющих обеспечить процесс социального развития общества в краткосрочной и долгосрочной перспективе. Приведенные факты свидетельствуют о том, что и деглобализация придает новые импульсы устойчивому развитию, может быть его драйвером.

4. Национальные правительства ставят перед собой конкретные цели по переходу к устойчивому развитию и устанавливают конкретные сроки их достижения. Так, Китай объявил, что пик выбросов парниковых газов придется на период до 2030 г., а к 2060 г. страна достигнет углеродной нейтральности²⁵. Россия также ставит перед собой цель достичь баланса между антропогенными выбросами парниковых газов и их поглощением не позднее 2060 г.²⁶

5. Общее информационное пространство, присущее глобализации, создает условия для быстрого распространения знаний о последствиях антропогенной нагрузки на планету, смещает ценности от максимизации потребления к учету потребностей будущих поколений. Оно делает более доступным образование путем онлайн-возможностей, расширяет возможности просветительской деятельности, распространение новой экологической культуры. При этом образование и просветительская деятельность не только играют свою традиционную роль, но и выполняют трансформационные задачи — формируют новые ценности и способствуют критическому мышлению.

6. Концепция устойчивого развития представлена не только на макроуровне, но, как показано в монографии под ред. А.З. Бобылевой [Интеграция целей устойчивого развития в бизнес-стратегию компаний 2023, 24], глубоко проникла и на уровень компаний, реализуясь на основе не акционерной, а стейкхолдерской модели [Jensen 2002]. Авторы монографии убедительно показывают, что компании, реализующие принципы устойчивого развития, открывают новые возможности для бизнеса за счет инновационных зеленых технологий, рассматривают устойчивое развитие не как увеличение затрат, а как бизнес, создающий новые возможности путем поставки зеленых товаров и услуг, разработки экологически безопасных материалов и процессов, инвестиций в экологическую безопасность и получающий таким образом конкурентное преимущество, что обеспечивает зеленый рост.

7. Широкое распространение транснациональных корпораций (ТНК) привело к интеграции большинства стран в международную систему производства и торговли: уже в 2017 г. более 60% активов и торгового оборота ста крупнейших нефинансовых ТНК находились за границей,

²⁵ China, in Pointed Message to U.S., Tightens Its Climate Targets // New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2020/09/22/climate/china-emissions.html> (дата обращения: 07.02.2024).

²⁶ Указ Президента РФ от 26 октября 2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407782529/#review> (дата обращения: 04.01.2024).

почти 60% их сотрудников были иностранными гражданами по отношению к стране основной дислокации материнской компании [Чэн 2023, 34], что неизбежно способствует распространению зеленых технологий: развитые страны, где действуют строгие стандарты по допустимому уровню загрязнений, содержанию вредных веществ в воде, воздухе, продуктах питания, «тянут» за собой развивающиеся страны.

8. Произошло и продолжает развиваться вовлечение финансового рынка в устойчивое развитие. Создание международных институтов — Ассоциации ответственного инвестирования (PRI), Сети устойчивого банковского финансирования (SBN, затем SBFN), разработка новых финансовых инструментов, в частности зеленых облигаций, для привлечения капитала и инвестирования в проекты с экологическими преимуществами — все это является драйверами перехода к устойчивому развитию.

9. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) справедливо отмечает неоднозначность многих определений, в том числе разных дефиниций зеленых и устойчивых инвестиций, что делает термин «зеленое финансирование» спорным, допускает возможность «зеленого камуфляжа» (greenwashing). Поэтому в настоящее время активно ведется разработка нормативно-правовой базы рынка зеленых финансов и устойчивого развития. Значимым шагом здесь явились успехи в таксономии зеленых финансов — установлении пороговых значений, позволяющих определять, какие виды деятельности являются экологически безопасными, и на этой основе предоставлять компаниям доступ к зеленому финансированию, сокращать возможность субъективных суждений²⁷. Продолжение разработки основ правового регулирования, безусловно, служит драйвером устойчивого развития.

10. Драйвером устойчивости является и активное продолжение работы по унификации нефинансовой отчетности компаний, представлению ее в сравнимой стандартизированной форме. Если до недавнего времени компании даже в развитых странах при составлении нефинансовой отчетности могли руководствоваться разными стандартами и требованиями, то с марта 2021 г. страны ЕС подчиняются единым правилам представления ESG-информации: Sustainable Finance Disclosure Regulation (SFDR); идет работа и в ряде других стран. Развитие баз данных ESG, их сравнимость по компаниям и временным периодам сделают принимаемые решения более транспарентными, ориентированными на устойчивость, будут способствовать улучшению деловой репутации компании, привлекать инвесторов, делать ее более конкурентоспособной.

11. Пандемия COVID-19 является ярким примером условий, при которых общество может устанавливать и поддерживать жесткие ограничения, ведущие к изменению социально-экономических норм и профессиональной жизни в короткие сроки: ограничение передвижения и перевозок и снижение потребности в нефтепродуктах, сокращение работы в офисах и экономия потребления энергии, отказ от ряда товаров (например, постоянного обновления офисной одежды) и необязательных услуг. Эти примеры показывают, что релевантные меры государственного управления могут быстро мобилизовать общество, успешно направить переход к устойчивому развитию, сделать его безболезненным для населения, но пока происходящие глобальные трансформации не осознаны как реальная непосредственная угроза.

12. Участвовавшие в XXI веке кризисы и рецессии сами по себе можно рассматривать как драйверы перехода к устойчивому развитию: техногенные и природные катастрофы вызывают необходимость строительства более устойчивых конструкций, загрязнение воды и воздуха — более экологичного жилья, финансовые кризисы способствуют появлению современных зеленых финансовых инструментов, COVID-19 вынудил апробировать новые социальные нормы поведения.

²⁷ Financing a Sustainable European Economy. Technical Report // EU Technical Expert Group on Sustainable Finance [Электронный ресурс]. URL: https://finance.ec.europa.eu/system/files/2020-03/200309-sustainable-finance-teg-final-report-taxonomy_en.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

Заключение

В исследовании глобализация и ее современное проявление — деглобализация — были рассмотрены как факторы, усиливающие тренды неустойчивости. Тем не менее было показано, что в современном мире присутствуют и положительные импульсы для устойчивого развития: происходит становление зеленой экономики; общее информационное пространство способствует распространению новой экологической культуры; на смену акционерной приходит стейкхолдерская модель управления компаниями; возможности использования зеленого финансирования стимулируют компании реализовывать зеленые проекты; совершенствование нормативно-правовой базы позволяет сделать движение к устойчивости более транспарентным; унификация нефинансовой отчетности все больше позволяет улучшить методологию составления рейтингов, объективно определять статистическими и эконометрическими методами влияние устойчивых проектов на финансовые результаты компаний, качество жизни населения.

Таким образом, несмотря на возможность торможения в отдельные периоды, устойчивое развитие является долгосрочным трендом функционирования нашей цивилизации, и наше дальнейшее исследование будет посвящено разработке управленческих решений для его поддержки в краткосрочной и долгосрочной перспективе.

Список литературы:

Бобылев С.Н., Соловьева С.В., Кирюшин П.А. Крах глобальной модели потребления: в поисках устойчивости // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 11. С. 92–100. DOI: [10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100)

Данилов-Данильян В.И. Глобальные климатические изменения и водные проблемы России и мира // Век глобализации. 2020. № 4(36). С. 65–78. DOI: [10.30884/vglob/2020.04.05](https://doi.org/10.30884/vglob/2020.04.05)

Институциональная трансформация экономики: человек и социум (ИТЭ-ЧС 2021): материалы VII Международной научной конференции / под общ. ред. Р.М. Нуреева, Е.В. Неходы (Чувакиной). Томск: Издательство Томского государственного университета, 2021.

Интеграция целей устойчивого развития в бизнес-стратегию компаний / под ред. А.З. Бобылевой. Москва: РУСАЙНС, 2023.

Макаров В.Л., Агеев А.И., Бахтизин А.Р., Логинов Е.Л., Хабриев Б.Р. Экономический фундамент победы: стратегический прогноз устойчивости экономики России в условиях санкционных атак // Экономические стратегии. 2023. № 3(189). С. 6–15. DOI: [10.33917/es-3.189.2023.6-15](https://doi.org/10.33917/es-3.189.2023.6-15)

Мальтус Т. Опыт о законе народонаселения // Антология экономической классики: в 2-х томах / под ред. И.А. Столярова. М.: Эконов, 1993. Т. 2. С. 5–136.

Медоуз Д.Х., Рандерс Й., Медоуз Д.Л. Пределы роста: 30 лет спустя. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014.

Международные отношения: грани настоящего и будущего / под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, К.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой. М.: НП РСМД, 2023.

Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 10. Часть 1 / под ред. Ю.С. Пивоварова. М.: ИНИОН РАН, 2015.

Сбережение населения России: проблемы, задачи, пути решения / под ред. академика РАН Б.Н. Порфирьева. М.: Арт-Принт, 2022.

Чэн Э. Мировая обстановка и китайская экономика в новую эпоху. М.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2023.

Юлкин М.А. Низкоуглеродное развитие: от теории к практике. М.: АНО «ЦЭИ», 2018.

- Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Koshkina N.R. Sustainable Development, ESG and the “price” of health // Population and Economics. 2023. Vol. 7. Is. 3. P. 124–135. DOI: [10.3897/popecon.7.e103302](https://doi.org/10.3897/popecon.7.e103302)
- Jensen M. Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function // Business Ethics Quarterly. 2002. Vol. 12. Is. 2. P. 235–256. DOI: [10.2307/3857812](https://doi.org/10.2307/3857812)
- Keynes J.M. The General Theory of Employment, Interest and Money. London: Palgrave Macmillan, 1936.
- Sheng C., Liu Y., Liu J. Multi-Level Governance and Competing Sustainability Aims: Politics of Renewable Energy Development and Nature Conservation in Changdao, China // Energy Research & Social Science. 2023. Vol. 97. DOI: [10.1016/j.erss.2023.103001](https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103001)
- Shumpeter J. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Berlin: Duncker & Humblot, 1911.
- Solow R.M. Growth Theory: An Exposition. Oxford: Oxford University Press, 1970.
- Xue L., Weng L., Yu. H. Addressing Policy Challenges in Implementing Sustainable Development Goals through an Adaptive Governance Approach: A View from Transitional China // Sustainable Development. 2018. Vol. 26. P. 150–158. DOI: [10.1002/sd.1726](https://doi.org/10.1002/sd.1726)
- References:**
- Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Kiryushin P.A. (2022) The Collapse of the Global Consumption Model: In Search of Sustainability. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Vol. 66. No. 11. P. 92–100. DOI: [10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100](https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-11-92-100)
- Bobylev S.N., Solovyeva S.V., Koshkina N.R. (2023) Sustainable Development, ESG and the “Price” of Health. *Population and Economics*. Vol. 7. Is. 3. P. 124–135. DOI: [10.3897/popecon.7.e103302](https://doi.org/10.3897/popecon.7.e103302)
- Bobyleva A.Z. (ed.) (2023) *Integratsiya tseley ustoychivogo razvitiya v biznes-strategiyu kompaniy* [Integration of sustainable development goals into the business strategy of companies]. Moscow: RUSAYNS.
- Cheng E. (2023) *Mirovaya obstanovka i kitayskaya ekonomika v novuyu epokhu* [The global situation and the Chinese economy in the new era]. Moscow: INIR im. S.YU. Vitte: Tsentrkatalog.
- Danilov-Danyl'yan V.I. (2020) Global Climate Changes and Water Problems in Russia and the Worlds. *Vek globalizatsii*. No. 4(36). P. 65–78. DOI: [10.30884/vglob/2020.04.05](https://doi.org/10.30884/vglob/2020.04.05)
- Ivanov I.S., Timofeyev I.N., Karpinskaya K.O., Solodukhina E.A., Gavrilova S.M. (eds.) (2023) *Mezhdunarodnyye otnosheniya: grani nastoyashchego i budushchego* [International relations: The edges of the present and the future] Moscow: NP RSMD.
- Jensen M. (2002) Value Maximization, Stakeholder Theory, and the Corporate Objective Function. *Business Ethics Quarterly*. Vol. 12. Is. 2. P. 235–256. DOI: [10.2307/3857812](https://doi.org/10.2307/3857812)
- Keynes J.M. (1936) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. London: Palgrave Macmillan.
- Makarov V.L., Ageev A.I., Bakhtizin A.R., Loginov E.L., Khabriev B.R. (2023) Economic Foundation of Victory: A Strategic Forecast for the Russian Economy Stability in the Face of Sanctions. *Ekonomicheskiye strategii*. No. 3(189). P. 6–15. DOI: [10.33917/es-3.189.2023.6-15](https://doi.org/10.33917/es-3.189.2023.6-15)
- Malthus T. (1993) An Essay on the Principle of Population. In: Stolyarov I.A. (ed.) *Antologiya ekonomicheskoy klassiki: v 2 tomakh*. Moscow: Ekonov. Vol. 2. P. 6–136.
- Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. (2014) *Limits to Growth: The 30-Year Update*. Moscow: BINOM. Laboratoriya znaniy.
- Nureyev R.M., Nekhoda (Chuvakina) E.V. (eds.) (2021) *Institutsional'naya transformatsiya ekonomiki: chelovek i sotsium (IT-E-ChS 2021): materialy VII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Institutional transformation of the economy: Man and society (ITE-HS 2021): Proceedings of the VII international scientific conference]. Tomsk: Izdatelstvo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.

Pivovarov Yu.S. (ed.) (2015) *Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya. Ezhegodnik. Vyp. 10. Chast' 1* [Russia: Trends and prospects of development. The yearbook. Is. 10. Part 1]. Moscow: INION RAN.

Porfiriev B.N. (ed.) (2022) *Sberezheniye naseleniya Rossii: problemy, zadachi, puti resheniya* [Saving the Russia population: Problems, tasks, ways of solution]. Moscow: Artik Print.

Sheng C., Liu Y., Liu J. (2023) Multi-Level Governance and Competing Sustainability Aims: Politics of Renewable Energy Development and Nature Conservation in Changdao, China. *Energy Research & Social Science*. Vol. 97. DOI: [10.1016/j.erss.2023.103001](https://doi.org/10.1016/j.erss.2023.103001)

Shumpeter J. (1911) *Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*. Berlin: Duncker & Humblot.

Solow R.M. (1970) *Growth Theory: An Exposition*. Oxford: Oxford University Press.

Xue L., Weng L., Yu. H. (2018) Addressing Policy Challenges in Implementing Sustainable Development Goals through an Adaptive Governance Approach: A View from Transitional China. *Sustainable Development*. Vol. 26. P. 150–158. DOI: [10.1002/sd.1726](https://doi.org/10.1002/sd.1726)

Yulkin M.A. (2018) *Nizkouglerodnoye razvitiye: ot teorii k praktike* [Low-carbon development: From theory to practice]. Moscow: ANO "TsEI".

Дата поступления/Received: 09.02.2024

Стратегическое планирование на федеральном уровне: основные элементы и структурно-логические связи

Шпакова Раиса Николаевна

Кандидат географических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [1931-4127](#), ORCID: [0000-0002-9916-0113](#), production2003@mail.ru

Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, РФ.

Аннотация

Существенной проблемой организации стратегического планирования является отсутствие единой методологии разработки документов стратегического планирования. При этом не достигается связность между принимаемыми документами по целевым установкам, задачам, временным рамкам. В исследовании находит подтверждение идея о необходимости принятия специального нормативного документа, снимающего указанные противоречия, и в качестве вклада в его разработку предложен ряд методических решений, без которых разработка единого методологического подхода представляется проблематичной. В статье обобщена практика федерального стратегического планирования (проанализированы 25 действующих и 5 прекративших свое действие федеральных стратегий). При разработке федеральных стратегий применяются самые разнообразные подходы установления последовательности и взаимосвязей между элементами стратегий. Взаимосвязь между элементами нечетко выражена или отсутствует совсем. Кроме этого, трактовки разных элементов (направлений, приоритетов, задач) зачастую не различаются, а также характеризуются несвойственными этим элементам признаками. В результате стратегия превращается в перечисление всевозможных общих намерений с нечетко выраженным и поэтому трудно контролируемым конечным результатом. Целесообразной представляется адаптация и интеграция концепции миссии из корпоративного стратегического менеджмента в государственный. В ходе анализа уточнена сущность отдельных элементов стратегического плана и сформулированы понятия, отсутствующие в федеральном законодательстве (такие как направление, приоритет). Предложена также структурно-логическая схема стратегического плана, связывающая все его элементы в единую систему — от миссии до задач, а также содержащая рекомендации о наиболее целесообразном размещении этих элементов в различных видах документов стратегического планирования. Внедрение предложенного подхода будет способствовать упорядочению разработки и изложения стратегий, сделает более обоснованным выбор стратегических целей и направлений.

Ключевые слова

Стратегическое планирование, стратегия, миссия, цель, направление, приоритет, задача.

Для цитирования

Шпакова Р.Н. Стратегическое планирование на федеральном уровне: основные элементы и структурно-логические связи // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 102–114. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-102-114

Strategic Planning at Federal Level: Main Elements and Structural and Logical Connections

Raisa N. Shpakova

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-9916-0113](#), production2003@mail.ru

MGIMO University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

A significant problem of the organization of strategic planning is the lack of a unified methodology for the development of strategic planning documents. At the same time, coherence is not achieved between the accepted documents on targets, tasks, and time frames. The author supports the view that it is necessary to adopt a special normative document that removes these contradictions, and, as a contribution to its development, a number of methodological solutions are proposed, without which the development of a unified methodological approach seems problematic. The article summarizes the practice of federal strategic planning (25 current and 5 discontinued federal strategies are analyzed). It has been established that when developing federal strategies, a wide variety of approaches are used to establish consistency and interrelationships between the elements of strategies. The relationship between the elements is unclear or completely absent. In addition, the interpretations of different elements (goals, directions, priorities, tasks) often do not differ, and are also characterized by features not peculiar to these elements. As a result, the strategy turns into an enumeration of all possible common intentions with an indistinctly expressed, and therefore difficult to control end result. The adaptation of the mission concept from corporate strategic management to state management is considered appropriate. The essence of individual elements of the strategic plan is clarified, and their concepts that are absent in federal legislation (such as direction, priority) are formulated. A structural and logical scheme of the strategic plan is proposed, linking all the elements of the plan into a single system — from the mission to the tasks, as well as containing recommendations on the most appropriate placement of these elements in various types of strategic planning documents. The implementation of the proposed approach will help streamline the development and presentation of strategies, make the choice of strategic goals and directions more reasonable.

Keywords

Strategic planning, strategy, mission, goals, direction, priority, task.

For citation

Shpakova R.N. (2024) Strategic Planning at Federal Level: Main Elements and Structural and Logical Connections. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 102–114. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-102-114

Введение

После вступления в силу Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О стратегическом планировании» или Федеральный закон)¹ в России был принят ряд нормативных и методических документов с целью укрепления организационных основ использования института стратегического планирования. Тем не менее на сегодняшний день можно констатировать, что стратегическое планирование пока не стало «концептуальной основой для формирования экономической политики государства и выстраивания системной работы органов государственной власти» [Ленчук 2021, 106]. При все возрастающем количестве принимаемых документов стратегического планирования их связность по целевым установкам, задачам, временным рамкам не достигается, не выработана единая методология разработки документов [Ленчук, Филатов 2023].

Кроме слабой взаимосвязи между документами по целям и задачам, отсутствия единой методологии их разработки, в научных публикациях отмечается и их недостаточная связь с понятийным аппаратом, установленным в законодательстве [Lenchuk et al. 2020, 625].

Стратегии зачастую представляют собой крайне объемные документы, в которых пользователю с большим трудом удастся вычленить требуемую информацию. При этом положение осложняется не вполне систематизированным изложением материала.

В научных публикациях обосновывается необходимость принятия специального нормативного документа, раскрывающего механизмы разработки документов стратегического планирования и устанавливающего процедуры их взаимного согласования в силу отсутствия таковых в Федеральном законе [Бухвальд 2022, 34]. Поддерживая данное мнение, можно отметить, что создание такого механизма неизбежно потребует совершенствования понятийного аппарата стратегического планирования, формирования единого подхода к формулированию основных элементов стратегических планов и логически непротиворечивой взаимосвязи между ними. В противном случае согласование разных стратегических планов представляется достаточно проблематичным.

В принятых в 2021 году Основах государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации (далее — Основы)² обеспечение согласованности и сбалансированности документов стратегического планирования по приоритетам, целям, задачам, показателям признано одним из необходимых элементов механизма реализации государственной политики в сфере стратегического планирования, а согласованность документов должна обеспечиваться за счет единого порядка их разработки. При этом необходимо обратить внимание, что и в Основах не обращено внимание на развитие понятийного аппарата процесса стратегического планирования и установление соотношений между его основными элементами.

Отдельные вопросы необходимости дополнительной методической разработки понятийного аппарата стратегического планирования уже поднимались в трудах ряда российских ученых [Козоногова и др. 2022; Mishin, Mishin 2021], но данные исследования имели фрагментарный характер. Поэтому представляется актуальной работа по дальнейшему совершенствованию понятийного аппарата и системы взаимосвязей между элементами стратегического плана, результаты которой приводятся в настоящей статье.

¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70684666/?ysclid=ltebdfitag192794599> (дата обращения: 19.02.2024).

² Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/403015816/> (дата обращения: 19.02.2024).

Материалы и методы

Предметом исследования в настоящей статье стали 30 федеральных стратегий — 25 действующих и 5 прекративших действие. Анализ проводился по следующим направлениям: проверялось наличие в стратегиях основных элементов стратегии: миссии, цели, приоритетов, направлений, задач; с помощью логико-лингвистического анализа оценивалось содержание данных элементов в аспекте «состояние или действие»; определялось соответствие содержания использованных понятий требованиям Федерального закона «О стратегическом планировании» и ряду федеральных методических рекомендаций по разработке стратегий.

С помощью методов формально-логического анализа удалось выстроить структурно-логическую схему стратегического плана с учетом практики федерального стратегического планирования и адаптации отдельных специализированных методических рекомендаций к общим условиям стратегического планирования, а также разработать формулировки элементов стратегического плана, отсутствующие в федеральном законе, — направление, приоритет.

Миссия и цель в государственном стратегическом планировании

Концепция миссии как элемента стратегического планирования применяется в стратегическом менеджменте не только коммерческих предприятий [Мирославская и др. 2018], но и государственных и некоммерческих организаций [Strategic Management for Public and Nonprofit Organizations 2003; Bordean et al. 2009]. И в том, и в другом случае миссия определяется как выражение предназначения, смысла существования организации. Миссия также формирует представление о ценностях и принципах, согласно которым она намеревается (или обязуется) вести свою деятельность [Strategic Management for Public and Nonprofit Organizations 2003, 62].

Несмотря на то, что формулирование миссии как обязательного элемента стратегии Федеральным законом «О стратегическом планировании» не предусмотрено, это осуществляется в ряде случаев в инициативном порядке. Из числа исследованных нами документов в трех действующих федеральных стратегиях миссия прямо обозначена в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации до 2030 года³, в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года⁴, в Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года⁵. Например, в последнем случае миссия заключается в «создании условий для повышения качества жизни и здоровья граждан, экономического роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики, укрепления безопасности и обороноспособности страны, реализации ее транспортного потенциала через опережающее развитие транспортной инфраструктуры и расширение доступа к безопасным и качественным транспортным услугам с минимальным воздействием на окружающую среду и климат, использование географических особенностей Российской Федерации в качестве ее конкурентного преимущества». В действовавшей ранее Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года⁶ миссия была сформулирована лаконичнее, но основные моменты были те же самые. Еще в двух стратегиях вводная часть (или раздел «Основные сведения») содержит положения, фактически определяющие миссию

³ Распоряжение Правительства РФ от 2 июня 2016 г. №1083-р «О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71318202/?ysclid=ltebjin8j7762748046> (дата обращения: 19.02.2024).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2030 года» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74866492/?ysclid=ltebm77i6c285885666> (дата обращения: 19.02.2024).

⁵ Распоряжение Правительства РФ от 27 ноября 2021 г. № 3363-р // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403056321/?ysclid=ltebogu3o7849917152> (дата обращения: 19.02.2024).

⁶ Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/188328/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?ysclid=ltebr5syvi81557416> (дата обращения: 19.02.2024).

государства в соответствующей сфере. В качестве примера можно привести следующий фрагмент из Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года: «Российская Федерация... исходит из необходимости создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие»⁷.

Наконец, в ряде стратегий в качестве миссии может быть принята цель стратегии. Это справедливо для тех случаев, когда цель сформулирована крайне общим образом и не сопровождается (и не может сопровождаться) каким-либо количественным или качественным показателем или показателями. Стратегий, в которых цель полностью или частично выражена как миссия, обнаружено 11. Такие цели-миссии могут формулироваться как «обеспечение комплексного развития профессиональной конкурентоспособной конгрессно-выставочной отрасли...»⁸, «достижение устойчивого лесопользования, инновационного и эффективного развития использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов...»⁹, «повышение безопасности дорожного движения...»¹⁰ и т.п. Очевидно, что подобного рода формулировки определяют не состояние отрасли экономики или социальной сферы (характеризуемое количественными или качественными показателями, как того требует законодательное определение цели), а рассчитаны на неопределенную перспективу деятельности, предположительно, ведущей к желаемому состоянию, причем характеристики этого желаемого состояния описываются не вполне определенными, по крайней мере в масштабах данной стратегии, категориями.

Таким образом, в более чем половине действующих стратегий (17 из 24) миссия явно или неявно сформулирована.

Как же можно определить миссию государственного управления при разработке стратегии? Прежде всего следует обратиться к основному закону страны — Конституции Российской Федерации. Нельзя не согласиться в этой связи с А.А. Сухановой, по мнению которой конституционные положения в полной мере исполняют свое ценностное предназначение только тогда, когда находят свое реальное воплощение в общественно-политических отношениях [Суханова 2022, 40].

Основные ценностные установки российского общества и, соответственно, российского государства как его главного политического института выражены в преамбуле к Конституции Российской Федерации. Согласно этим положениям, миссия российского государства может быть выражена следующими направлениями:

- утверждение прав и свобод человека, гражданского мира и согласия;
- сохранение исторически сложившегося государственного единства;
- воспитание любви и уважения к Отечеству, веры в добро и справедливости;
- сохранение суверенной государственности России и ее демократической основы;
- стремление к обеспечению благополучия и процветания России.

Развитие общества в указанных направлениях должно способствовать (при соблюдении принципов равноправия и самоопределения народов) появлению ответственности за страну перед

⁷ Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406788976/?ysclid=ltebt6kih163652097> (дата обращения: 19.02.2024).

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 13 сентября 2023 г. № 2461-п // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407556180/?ysclid=ltebugxxb0629294756> (дата обращения: 19.02.2024).

⁹ Распоряжение Правительства РФ от 11 февраля 2021 г. № 312-п // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400235155/?ysclid=ltebw8sf2n657034573> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 8 января 2018 г. № 1-п // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71760528/?ysclid=ltebxa434s638617755> (дата обращения: 19.02.2024).

нынешним и будущим поколениями и осознанию себя частью мирового сообщества. Источниками для определения миссий могут быть и другие конституционные нормы.

Указанные положения задают векторы развития страны по всем основным направлениям, характерным для современного общества. Далее необходима их декомпозиция в составе миссий отраслевых, институциональных, региональных стратегических документов.

Таким образом, кроме целевой составляющей, миссия должна содержать и ценностную, то есть включать основные принципы — определенные, обязательные, постоянно действующие правила, в соответствии с которыми требуется осуществлять деятельность. В ряде случаев такие принципы в действующих стратегиях сформулированы. Так, в Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 годы¹¹ принят основной принцип — принцип равных прав и свобод мужчин и женщин и равных возможностей для их реализации; в Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года — принципы соответствия национальным целям и стратегическим задачам развития Российской Федерации, обеспечения равных возможностей для занятий физической культурой и спортом для всех категорий и групп граждан; открытости и доступности информации в сфере физической культуры и спорта для граждан и т. д.

Разработка миссии и включение ее в стратегические планы представляются целесообразными по крайней мере по двум причинам. Во-первых, наличие миссии, включающей предназначение, глобальные стратегические направления деятельности, принципы, в соответствии с которыми предполагается эту деятельность осуществлять, позволяет определить единый для всех уровней управления характер функционирования данной отрасли государственного управления на всю обозримую перспективу и соотнести с этой миссией цели каждой стратегии, принимаемой в данной сфере. Во-вторых, четкое обозначение миссии должно предотвратить случаи постановки в стратегиях слишком общих, имеющих абстрактный характер целей (которые фактически дублируют миссию) и перейти к формулированию конкретных целей, исходя из горизонта планирования стратегии. В этой связи необходимо отметить, что разработка и публикация миссии целесообразны не в рамках стратегии, а в другом документе — в основах государственной политики. Само назначение такого рода стратегических документов, выраженное в их наименовании, свидетельствует о том, что миссия, фактически и выражающая основы государственной политики, должна здесь и публиковаться. В то же время фрагменты, посвященные изложению миссии, из стратегий необходимо извлечь, что приведет к сокращению объема и более предметному изложению стратегии.

Для перехода от общей формулировки миссии к конкретным планам работы необходима постановка целей. Цель представляет собой предметно-временную локализацию миссии, в соответствии с которой формируется содержание деятельности на период действия стратегии. «Цель — основа, ось, стержень, вокруг которого формируется вся управленческая деятельность»¹².

Цель выполняет функцию не только стратегического ориентира, но и показателя качества стратегического управления, если иметь в виду оценку отклонений фактически достигнутого результата от цели [Семидоцкий, Кутин 2010, 57]. Кроме того, цели могут играть и организационную роль. Так, в ряде исследований предлагается достаточно радикальный вариант увязки целей стратегий разного уровня по принципу «дерева целей», когда вершиной такого дерева является цель стратегии наивысшего уровня, цели стратегий следующей ступени являются ее подцелями и т. д. [Назаров 2022, 77].

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4356-р «Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023–2030 гг.» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405965441/?ysclid=ltcc1kwyh0239897944> (дата обращения: 19.02.2024).

¹² Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1998. С. 93.

Но, чтобы цели имели управленческую ценность, они должны быть определены в количественных и измеримых показателях и содержать предельные значения, которых необходимо добиться. Такое требование к цели предъявляется и Федеральным законом, в соответствии с положениями которого цель должна представлять собой состояние экономики или социальной сферы, и данное состояние, служащее ориентиром для деятельности, описывается количественными и (или) качественными показателями. Кроме того, цель должна устанавливаться с учетом принципов стратегического планирования. В частности, соблюдение принципа сбалансированности требует увязки целей в различных документах стратегического планирования, а принцип реалистичности указывает на необходимость назначения целей, исходя из возможности их достижения в установленные стратегией сроки.

Это подразумевает, что следует избегать таких формулировок, как «повышение эффективности», «увеличение объемов производства», которые не определяют ни количественных, ни временных границ¹³. К сожалению, такого рода ошибки характерны для действующих стратегий. Из 30 проанализированных документов только в 12 стратегиях формулировка цели (или целей) соответствует требованиям Федерального закона. Пример цели, сформулированной по правилам, — «создание условий для обеспечения устойчивых высоких темпов роста экспорта услуг для достижения к 2025 году его объема, превышающего 100 млрд долларов США» в Стратегии развития экспорта услуг до 2025 года¹⁴.

В 4 стратегиях имеет место неполная формулировка: при постановке в стратегии нескольких целей только часть из них подкреплена целевыми индикаторами. Так, в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года¹⁵ цель обозначена как «обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны». Сокращение межрегиональных различий измеряется величиной межрегиональной дифференциации индекса человеческого развития, ускорение темпов экономического роста — динамикой роста валового регионального продукта регионов, в которых располагаются перспективные центры экономического роста, в то же время ускорение темпов роста технологического развития и обеспечение национальной безопасности остались без количественной или качественной оценки.

Наконец, в 5 стратегиях цели не содержат такого необходимого признака, как целевые показатели, но показателями, имеющими характер целевых, сопровождаются задачи или направления, разработанные для достижения цели. В 9 стратегиях цели должным образом не сформулированы.

Таким образом, анализ стратегий показал, что подход к определению такого важнейшего в стратегическом планировании элемента, как цель, противоречив, а в ряде случаев не соответствует требованиям действующего законодательства.

Направления, приоритеты и задачи

Если исходить из определения целеполагания, данного в Федеральном законе, то стратегии как документы стратегического планирования, относящиеся именно к этому типу, должны, кроме

¹³ Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1998. С. 60.

¹⁴ Распоряжение Правительства РФ от 14 августа 2019 г. № 1797-п // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72522542/?ysclid=ltcc5nurcs621274133> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 г.» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72074066/?ysclid=ltcc7f9wh382376345> (дата обращения: 19.02.2024).

цели, содержать направления и приоритеты социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности.

Понятие «направление» в Федеральном законе не определено. Единственным методическим документом, в котором сделана попытка концептуально сформулировать данное понятие, являются Методические рекомендации по подготовке стратегий развития отраслей экономики¹⁶. Здесь под направлением предлагается понимать «принципиальный способ (концепцию) решения системной проблемы, определяющий перечень и порядок реализации задач, рамочный объем ресурсов, состав участников реализации стратегии». Необходимо отметить, что концепция «системной проблемы» является основным, ключевым положением, лежащим в основе выработки стратегии развития отраслей экономики. Под «системной проблемой» понимается ограничение, как правило, структурного характера, препятствующее расширению номенклатуры продуктов (или услуг) в сторону создания продуктов (услуг) с принципиально новыми характеристиками. Однако, полагаем, что такое понимание направления не может быть принято в качестве универсального. Кроме того, ряд признаков здесь (объем ресурсов, состав участников) характерны не столько для направления, сколько для программы или плана.

В Положении о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов¹⁷ рекомендуется при разработке основных направлений социально-экономического развития макрорегиона определять механизмы и инструменты их реализации. Такая трактовка представляется наиболее логичной. В самом деле, механизмы и инструменты государственной политики в той или иной сфере являются ее важными структурными элементами, но никакого отражения в Федеральном законе они не нашли.

Понятие направлений используется в подавляющем большинстве рассмотренных стратегий: в 22 из 25 действующих и в 4 из 5 недействующих. Подход к определению содержания направлений достаточно произвольный, чаще всего используются не менее общие положения, чем при определении цели (Стратегия комплексной безопасности детей, Национальная стратегия действий в интересах женщин до 2030 года и др.). Могут разрабатываться как по отношению к достижению целей (Стратегия безопасности дорожного движения, Стратегия развития малого и среднего предпринимательства), так и по отношению к решению задач, поставленных для достижения целей (Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2030 года¹⁸, предшествовавшая ей Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации¹⁹). Нередко наблюдается отсутствие прямой связи между направлениями и целями или между направлениями и задачами (Стратегия развития конгрессно-выставочной деятельности до 2030 года, Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года²⁰ и др.). Имеет место также введение для обозначения направлений новых терминов. Так, в одной из последних стратегий — Стратегии развития отрасли связи РФ на период

¹⁶ Приказ Министерства экономического развития РФ от 23 марта 2017 г. № 132 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации и плана мероприятий по ее реализации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71542236/?ysclid=ltedc9nger8356257750> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁷ Постановление Правительства РФ от 8 августа 2015 г. № 822 «Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разработки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов» (с изменениями и дополнениями) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71162862/?ysclid=ltedcb0kln8471414946> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁸ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/?ysclid=ltedjwaym9065958729> (дата обращения: 19.02.2024).

¹⁹ Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) (документ не действует) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/71551998/?ysclid=ltedcedz1ny290838445> (дата обращения: 19.02.2024).

²⁰ Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об Энергетической стратегии РФ на период до 2035 г.» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74148810/?ysclid=ltedcfk6q2494504280> (дата обращения: 19.02.2024).

до 2035 года²¹ — используется понятие ключевых инициатив, которые, судя по формулировкам («снижение издержек операторов связи и центров обработки данных при развертывании инфраструктуры...», «рациональное и экономически эффективное распределение ресурсов...», «расширение поддержки производства и внедрения российского телекоммуникационного оборудования...» и т.д.), представляют собой направления. Такой подход вряд ли можно считать оправданным.

Частично используя подходы, использованные в рассмотренных выше методических документах, можно дать определение стратегического направления как способа достижения стратегической цели, характеризующегося особым взаимосвязанным и упорядоченным набором механизмов и инструментов его реализации.

Понятие «приоритет» в Федеральном законе также не раскрывается. В общем случае это понятие (от лат. *prior* — первый, важнейший) используется в значениях: первенство во времени; первенствующее, преобладающее значение; то, что представляется наиболее важным, требует к себе первоочередного внимания²². В контексте стратегического планирования можно предположить, что под приоритетом можно понимать наиболее важные (из числа сформулированных в стратегии) цели и (или) направления, требующие первоочередной реализации, финансирования, администрирования и т.д. Ряд положений Федерального закона также позволяет предположить, что приоритет понимается как состояние объекта стратегического планирования, имеющее характер стратегической цели, но при этом в законе совершенно не объяснено, в чем состоит принципиальная разница между приоритетом и целью.

В Методических рекомендациях по подготовке стратегий развития отраслей экономики отмечается, что одна из важнейших задач при разработке стратегии — обеспечение системности планируемых мероприятий, их нацеленности на активизацию действий в приоритетных направлениях. Определение приоритета социально-экономического развития применительно к социально-экономическому развитию региона дано в Методических рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. Согласно этому определению, под приоритетами развития субъекта РФ следует понимать «направления социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, признанные наиболее важными, для достижения которых планируется сосредоточить усилия органов государственной власти субъекта Российской Федерации, включая обеспечение финансовыми ресурсами и организацию совместных действий федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления».

Но ниже в тех же Методических рекомендациях обнаруживается следующее: «Приоритеты могут характеризовать реалистичный образ желаемого будущего, которого может достичь субъект Российской Федерации, включая количественные и (или) качественные показатели, достижение плановых значений которых отражает реализацию целей». И, кроме того, обозначено, что «задачи должны содержать комплекс взаимоувязанных мер для достижения установленных приоритетов и целей». Здесь приоритет представляется как состояние объекта, что, очевидно, входит в противоречие с определением его как направления. На подобного рода несоответствие в трактовках понятия «приоритет» уже обращалось внимание в научных публикациях [Шпакова 2019, 319].

²¹ Распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2023 г. № 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи РФ на период до 2035 г.» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408020989/?yclid=ltfwo3lo3g799676456> (дата обращения: 19.02.2024).

²² Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2008.

Если говорить о практике, то из числа рассмотренных нами документов в 5 стратегиях, прекративших свое действие, понятие приоритета не использовалось. Из числа 25 действующих стратегий приоритеты упомянуты в 13. При этом трактовки приоритетов, их количество, связь с целями самые различные. Однако ни в одной стратегии приоритет не рассматривается как состояние объекта. В качестве приоритетов могут быть представлены: декомпозиция целей, сформулированных как миссии, или просто их дублирование (Стратегия государственной национальной политики²³, Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года²⁴); все направления, намеченные для достижения целей и решения задач (Стратегия развития здравоохранения до 2025 года²⁵, Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года); положения, по своим характеристикам не отличающиеся от задач (Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года). В любом случае формулировки приоритетов не позволяют представить их как состояние, желаемый образ будущего.

Таким образом, имеющаяся практика стратегического планирования указывает на предпочтительную трактовку приоритета как направления развития. Нормативно-методическое закрепление предложенного выше подхода к определению понятия «приоритет» как наиболее важного направления социально-экономического развития, на котором необходимо в первую очередь сосредоточить организационные усилия и финансовые ресурсы, позволит преодолеть противоречия нормативных, методических положений и управленческой практики. Исключив из вышеупомянутой трактовки понятия «направление», принятой в Методических указаниях рекомендациях по разработке и корректировке стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации, региональную специфику, можно предложить следующий вариант определения приоритетов: направления социально-экономического развития, которые признаны наиболее важными и для достижения которых планируется сосредоточить первоочередные усилия участников стратегического планирования, включая обеспечение финансовыми, организационными и иными ресурсами.

Последний структурный элемент стратегического плана, предусмотренный Федеральным законом, — это задачи. Задачи получили свое законодательное определение как комплекс взаимоувязанных мероприятий, которые должны быть проведены в определенный период времени и реализация которых обеспечивает достижение целей социально-экономического развития. Однако, на каком этапе стратегического планирования осуществляется разработка и реализация задач, законом не установлено. Процесс стратегического планирования, кроме целеполагания, содержит еще три вида деятельности его участников: прогнозирование, планирование и программирование. Но если мы проанализируем данные в Федеральном законе понятия этих видов деятельности, то выяснится, что постановления и решения каких-либо задач, как и вообще упоминания о задачах, в них не содержатся. Казалось бы, один из элементов, непосредственно предусматривающий конкретные действия по достижению стратегических целей, должен присутствовать обязательно хотя бы на последнем из этапов стратегического планирования, тем не менее он отсутствует и там. В то же время задачи присутствуют в описании содержания отдельных документов стратегического

²³ Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70284810/?ysclid=lteci5kbi7943616449> (дата обращения: 19.02.2024).

²⁴ Распоряжение Правительства РФ от 29 октября 2021 г. № 3052-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/402894476/?ysclid=ltectjn4szt665437637> (дата обращения: 19.02.2024).

²⁵ Указ Президента РФ от 6 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72264534/?ysclid=lteckmoqi1460891283> (дата обращения: 19.02.2024).

планирования, а именно в стратегиях социально-экономического развития Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования, стратегии пространственного развития Российской Федерации, отраслевых документах стратегического планирования. Правда, формулируются они не как задачи социально-экономического развития, а как задачи государственного управления или государственной политики.

Во всех рассмотренных нами стратегиях задачи в том или ином виде разработаны (иногда само название не фигурирует, и вместо задач используются понятия «меры» или «мероприятия»). В 12 случаях задачи сформулированы, как это предусмотрено Федеральным законом, в качестве мер, направленных на достижение целей. Еще в 10 случаях задачи представляют собой мероприятия, разработанные в рамках направлений, принятых для достижения целей. В 5 стратегиях задачи служат дополнением к целям. Наконец, в 3 случаях задачи в стратегиях определяются исходя из стоящих на пути достижения целей препятствий — проблем и вызовов. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации даже используется понятие «большие вызовы» — «объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения ресурсов». В качестве больших вызовов в стратегии обозначены: исчерпание возможностей экстенсивного экономического роста, демографический переход и связанное с ним старение населения, критическое возрастание антропогенных нагрузок на окружающую среду и др.

Если попытаться определить место задач в структуре стратегического плана, то следует обратить внимание на методические документы, в которых, в отличие от Федерального закона, эта структура прописывается более детально. Так, в упомянутых выше Методических рекомендациях по подготовке стратегий развития отраслей экономики определено, что последовательность задач, решение которых необходимо для достижения цели, следует представлять в рамках выбранного направления. Тем самым подчеркивается, что в иерархии элементов стратегического плана задача занимает следующую после направления ступень. Можно согласиться и с тем положением, что решение задач обеспечивается в рамках государственных программ Российской Федерации (можно добавить, что и в рамках различного рода планов и проектов). Таким образом, задачи вместе с содержащимся в них комплексом мероприятий должны размещаться в документах стратегического планирования, разрабатываемых в рамках планирования и программирования.

Подытоживая изложенное выше, представим общую схему содержания элементов стратегического плана и соотношений между ними, представляющую единую структурно-логическую схему стратегического плана (Таблица 1).

Таблица 1. Содержание элементов стратегического плана и структурные соотношения между ними²⁶

Последовательность элементов стратегического плана	Содержание элементов	Соотношение с вышестоящим элементом	Документ стратегического планирования, в котором целесообразно размещение элемента
Миссия	Предназначение, ценности, принципы политики	—	Основы государственной политики
Цель	Описание состояния объекта — ориентира для деятельности	Предметно-временная локализация миссии	Стратегия

²⁶ Составлено автором.

Приоритетные направления/направления	Взаимосвязанные и упорядоченные наборы механизмов и инструментов политики	Способы и пути достижения цели	Стратегия
Задачи	Комплекс взаимосвязанных конкретных мероприятий, направленных на достижение цели	Комплекс мероприятий формируется в рамках приоритетного направления/направления	План, программа, проект

В кратком изложении предлагаемая структурно-логическая схема стратегического плана выглядит следующим образом.

Миссия, являющаяся смысловым и ценностным ядром основ государственной политики в той или иной предметной области государственного управления, задает основное стратегическое направление на всю обозримую историческую перспективу, ценности и принципы, в соответствии с которыми должна строиться политика.

Цель конкретизирует требования миссии в рамках заданного временного периода с учетом сложившейся социально-экономической ситуации, вызовов и имеющихся возможностей, ожидаемых в пределах горизонта планирования стратегии.

Для достижения цели разрабатываются направления (среди которых могут при необходимости выделяться приоритетные направления или приоритеты) как способы и пути достижения цели. Для каждого направления должно быть определено его реальное влияние на конечную цель.

В рамках каждого разработанного направления формируется комплекс задач, состоящих из взаимосвязанных конкретных мероприятий.

В таком документе стратегического планирования, как стратегия, концентрируются цели и направления (включая приоритетные). Задачи включаются в планы или программы в качестве структурных элементов.

Заключение

В Федеральном законе «О стратегическом планировании» соотношения между понятиями «направление», «цели», «задачи», «приоритеты» не прописаны, логическая последовательность расположения их в пределах стратегического плана не разработана. В результате на практике при разработке федеральных стратегий применяются самые разнообразные подходы установления такой последовательности. При этом зачастую взаимосвязь элементов выражена нечетко или отсутствует совсем. Кроме этого, содержательные трактовки элементов (направлений, приоритетов, задач) во многих случаях не различаются и характеризуются несвойственными этим элементам признаками. В результате стратегия превращается в перечисление всевозможных общих намерений с нечетко выраженным и поэтому трудно контролируемым конечным результатом.

В статье сделана попытка адаптировать концепцию миссии, применяемую, как правило, в корпоративном стратегическом менеджменте, к государственному стратегическому менеджменту. Уточнена также сущность отдельных элементов стратегического плана (в Федеральном законе ряд элементов только упоминаются, а трактовки приоритета противоречивы), и сформулирован их содержание (направление, приоритет).

Предложена структурно-логическая схема стратегического плана, связывающая все элементы плана в единую систему — от миссии до задач, а также содержащая рекомендации о наиболее целесообразном размещении этих элементов в различных видах документов стратегического планирования.

Внедрение предложенного подхода поможет, по нашему мнению, упорядочить разработку и изложение стратегий, сделает более обоснованным выбор стратегических целей и направлений.

Список литературы:

- Бухвальд Е.М. «Основы государственной политики в сфере государственного планирования»: нерешенные проблемы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 1. С. 32–49. DOI: [10.52180/2073-6487_2022_1_32_49](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_32_49)
- Козоногова Е.В., Дубровская Ю.В., Русинова М.Р., Иванов П.В. Оценка соответствия приоритетов стратегического развития регионов их отраслевой специализации на основе Text Mining // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 106–133. DOI: [10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133)
- Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование как инструмент ускорения социально-экономического развития России // Планирование в рыночной экономике: воспоминание о будущем. СПб.: ИНИР им. С.Ю. Витте: Центркаталог, 2021. С. 105–111.
- Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование как инструмент снижения неопределенности в условиях глобальной экономической трансформации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 4. С. 7–24. DOI: [10.52180/2073-6487_2023_4_7_24](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24)
- Мирославская М.В., Кучина А.О., Хайрутдинова Л.И. Актуальные вопросы формирования миссии в рамках стратегического управления крупными промышленными компаниями // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 10–2. С. 100–104. DOI: [10.24411/2500-1000-2018-10123](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10123)
- Назаров И.И. Совершенствование системы стратегического планирования национального развития в Российской Федерации // Государственная служба. 2022. № 6. Р. 73–81. DOI: [10.22394/2070-8378-2022-24-6-73-81](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-6-73-81)
- Семидоцкий В.А., Кутин М.В. Технология целеполагания как элемент механизма стратегического планирования в условиях обострения конкурентной борьбы // Вестник Финансовой Академии. 2010. № 5. С. 57–60.
- Суханова А.А. Конституционные ценности в содержании государственных программ Российской Федерации // Сибирское юридическое обозрение. 2022. Т. 19. № 1. С. 39–53. DOI: [10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53](https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53)
- Шпакова Р.Н. Генеральные цели стратегического развития регионов Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 311–336. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10030](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10030)
- Bordean I., Răileanu A., Turtureanu A.G. Strategic Planning in Public Administration // Proceedings of the Fifth “Administration and Public Management” International Conference: “Public Institutions’ Capacity to Implement the Administrative Reform Process”. Bucharest: Research Centre in Public Administration and Public Services, 2009. № 14. P. 141–153.
- Lenchuk E.B., Voitlovskii F.G., Kuvalin D.B. Strategic Planning in Public Administration: Experience, Opportunities and Prospects // Studies on Russian Economic Development. 2020. Vol. 31. P. 621–628. DOI: [10.1134/S1075700720060106](https://doi.org/10.1134/S1075700720060106)
- Mishin Yu., Mishin A. Increasing the Level of Justification of State Strategic Planning // SHS Web of Conferences. 2021. Vol. 94. DOI: [10.1051/shsconf/20219401013](https://doi.org/10.1051/shsconf/20219401013)
- Strategic Management for Public and Nonprofit Organizations / ed. by A.W. Steiss. New York: Routledge, 2003.

References:

- Bordean I., Răileanu A., Turtureanu A.G. (2009) Strategic Planning in Public Administration. *Proceedings of the Fifth “Administration and Public Management” International Conference: “Public Institutions’ Capacity to Implement the Administrative Reform Process”*. Bucharest: Research Centre in Public Administration and Public Services. No. 14. P. 141–153.

- Buchwald E.M. (2022) Inresolved Issues of "Public Policy Framework for Strategic Planning". *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. No. 1. P. 32–49. DOI: [10.52180/2073-6487_2022_1_32_49](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2022_1_32_49)
- Kozonogova E.V., Dubrovskaya YU.V., Rusinova M.R., Ivanov P.V. (2022) Assessment of Compliance of Strategic Development Priorities of Regions with their Industry Specialization based on Text Mining. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 2. P. 106–133. DOI: [10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-2-106-133)
- Lenchuk E.B. (2021) *Strategic Planning as Tool of Acceleration of Socio-Economic Development of Russia*. Saint Petersburg: INIR im. S.Yu. Vitte: Tsentrkatalog. P. 105–111.
- Lenchuk E.B., Filatov V.I. (2023) Strategic Planning as a Tool for Reducing Uncertainty in Conditions of Global Economic Transformation. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossijskoj akademii nauk*. No. 4. P. 7–24. DOI: [10.52180/2073-6487_2023_4_7_24](https://doi.org/10.52180/2073-6487_2023_4_7_24)
- Miroslavskaya M.V., Kuchina A.O., Hajrutdinova L.I. (2018) Actual Issues of the Mission in the Strategic Management of Large Industrial Companies. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk*. No. 10–2. P. 100–104. DOI: [10.24411/2500-1000-2018-10123](https://doi.org/10.24411/2500-1000-2018-10123)
- Semidocky V.A., Kutin M.V. (2010) Technology of Formation of the Purposes as an Element of the Mechanism of Strategic Planning in the Conditions of an Aggravation of Competitive Struggle. *Vestnik Finansovoj Akademii*. No. 5. P. 57–60.
- Shpakova R.N. (2019) General Targets for Strategic Development Russian Federation Regions. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik*. No. 77. P. 311–336. DOI: [10.24411/2070-1381-2019-10030](https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10030)
- Suhanova A.A. (2022) Constitutional Values in the Content of State Programs of the Russian Federation. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*. Vol. 19. No. 1. P. 39–53. DOI: [10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53](https://doi.org/10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53)
- Lenchuk E.B., Voitolovskii F.G., Kuvalin D.B. (2020) Strategic Planning in Public Administration: Experience, Opportunities and Prospects. *Studies on Russian Economic Development*. Vol. 31. P. 621–628. DOI: [10.1134/S1075700720060106](https://doi.org/10.1134/S1075700720060106)
- Mishin Yu., Mishin A. (2021) Increasing the Level of Justification of State Strategic Planning. *SHS Web of Conferences*. Vol. 94. DOI: [10.1051/shsconf/20219401013](https://doi.org/10.1051/shsconf/20219401013)
- Nazarov I.I. (2022) Improving the System of Strategic Planning for National Development in the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhba*. No. 6. P. 73–81. DOI: [10.22394/2070-8378-2022-24-6-73-81](https://doi.org/10.22394/2070-8378-2022-24-6-73-81)
- Steiss A.W. (ed.) (2003) *Strategic Management for Public and Nonprofit Organizations*. New York: Routledge.

Дата поступления/Received: 09.03.2024

Социология управления
Management sociology

УДК 94 (41/99)

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-115-125

Трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг.

Лиходей Елена Максимовна

Старший преподаватель, SPIN-код РИНЦ: [5140-9358](#), ORCID: [0000-0002-8588-4938](#), Likhodey_EM@rsmu.ru

РНИМУ им. Н.И. Пирогова, Москва, РФ.

Аннотация

Научная актуальность статьи связана с важностью выявления предпосылок перехода от охраны материнства и детства к защите прав женщин и детей в политике страны в 1990-е гг. Подобные предпосылки носили социальный характер и положили начало трансформации еще советской государственной политики на рубеже 1980–1990-х гг. Соответственно, целью статьи является выделение социальных причин трансформации советской государственной политики в отношении охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. Для достижения цели в статье использованы исторический, логический и причинно-следственный методы. Научная новизна исследования обусловлена использованием ряда документов, не введенных в научный оборот ранее. К ним относятся документы делопроизводственной документации Верховного Совета РСФСР и документы, касающиеся реализации комплекса постановлений, которые находятся в Государственном архиве Российской Федерации. В исследовании задействованы также документы, отражающие статистические данные, такие как доклад СССР о выполнении Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и документы из коллекции современных политических документов Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ России). Использованы также данные периодической печати указанных лет. Исследование показывает, что социальный вопрос, ввиду многих политических и экономических причин, требовал нового решения в условиях политических перемен 1980–1990-х гг. В том числе это повлекло за собой изменение представлений в обществе о задачах государства в области охраны материнства и детства. В итоге назрела необходимость трансформации политики в этой сфере, наиболее полно выразившаяся в 1990-е гг.

Ключевые слова

Государственная политика, охрана материнства и детства, защита прав женщин и детей, внутренняя политика, социальная история.

Для цитирования

Лиходей Е.М. Трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 115–125. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-115-125

Transformation of Soviet State Policy in the Field of Motherhood and Childhood Protection at the Turn of 1980–1990s

Elena M. Likhodey

Senior Lecturer, ORCID: [0000-0002-8588-4938](#), Likhodey_EM@rsmu.ru

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The scientific relevance of the article is related to the importance of identifying the prerequisites for the transition from protecting motherhood and childhood to protecting the rights of women and children in the state policy in the 1990s. Such prerequisites were of a social nature and marked the beginning of the transformation of Soviet state policy at the turn of the 1980–1990s. Accordingly, the aim of the article is to highlight the social reasons for the transformation of Soviet state policy regarding the protection of motherhood and childhood at the turn of 1980–1990s. To achieve the aim, the article uses historical, logical and cause-and-effect methods. The scientific novelty of the research is defined by a number of documents that have not been previously introduced into scientific circulation. These include paperwork documents of the Supreme Council of the RSFSR and documents related to the implementation of a set of resolutions which are stored in the State Archive of the Russian Federation. The study also includes documents reflecting statistical data, such as report of the USSR on the implementation of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Discrimination against Women and documents from the collection of modern political documents of the State Public Historical Library of Russia (GPIB of Russia). Data from periodicals of the indicated years were also used. The study shows that in the context of political changes in 1980–1990s the social issue, due to many political and economic reasons, required a new solution. This entailed, among other things, a change in ideas in society about the tasks of the state in the field of motherhood and childhood. As a result, there was a need to transform policy regarding the protection of motherhood and childhood, which was most fully expressed in the 1990s.

Keywords

State policy, protection of motherhood and childhood, protection of the rights of women and children, domestic policy, social history.

For citation

Likhodey E.M. (2024) Transformation of Soviet State Policy in the Field of Motherhood and Childhood Protection at the Turn of 1980–1990s. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 115–125. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-115-125

Введение

Во второй половине 1980-х гг. в Советском Союзе начались политические, экономические и социальные перемены. Они стали следствием того, что в 1985 г. на Пленуме ЦК КПСС пошла речь о необходимости преобразовать общество и провести реформы во всех областях жизни, в том числе в экономике и вслед за ней в социальной сфере. В экономической сфере было решено встать на путь построения рыночной экономики. Но в последние годы существования СССР реформа не получила своего логического завершения, и потому положительные результаты отсутствовали как в экономической сфере, так и в зависимой от нее социальной. Общество испытывало на себе все последствия проводимых изменений. Самыми уязвимыми группами населения были женщины и дети. Во время реформ социально-экономическое пространство женщин и детей также менялось. Начала трансформироваться советская государственная политика в отношении охраны материнства и детства. Впоследствии, в 1990-х гг., был начат и продолжался переход от охраны материнства и детства к защите прав женщин и детей в государственной политике Российской Федерации. В настоящее время, несмотря на осуществленный переход, ситуация в сфере защиты прав женщин и детей остается сложной. Поэтому изучение данного процесса сохраняет актуальность и в наши дни.

Историографические исследования, посвященные политике в отношении детского и женского вопросов в СССР, можно разделить на исследования, появившиеся в советское время, и исследования новейшего времени. Подобное деление обусловлено разницей подхода к изучению института охраны материнства и детства в советский период.

В исследованиях, появившихся в советское время, государственная политика в отношении материнства и детства рассматривалась в историческом аспекте. Изучалось ее социальное направление, преимущественно в трудовой области [Николаева 1982, 5–67; Szymanski 1984, 112–117; Бирюкова 1985, 15–51], в области образования и здравоохранения [Бирюкова 1985, 52]. Детский вопрос в отрыве от женского не рассматривался, и наоборот. Таким образом, в советский период (1922–1991 гг.) женщины и дети в политике воспринимались в контексте термина «охрана материнства и детства».

Современные исследователи, рассматривая историю охраны материнства и детства в советское время, сосредотачиваются, так же как и советские исследователи, на исторической составляющей развития института охраны материнства и детства [Аракелова 1994; Пономарева, Руман 2023]¹. В данном случае они тоже изучают меры государственной политики в трудовой сфере: рассматривают наличие и степень вовлеченности женщин в производство, в руководящую работу, повышение их общественной активности. Но, в отличие от советских исследователей, данные меры изучаются с позиции политики равноправия [Weiler 2004, 55–63]². Другие современные исследователи изучают институт охраны материнства и детства либо через призму правовой охраны материнства и детства [Ростова 2009], либо через призму отдельно взятой проблемы данного института в различные периоды советского времени. Рассматривается высокий уровень младенческой смертности [Бурматов 2021; Бурдина 2022a], детская беспризорность [Бурдина 2022b], проблема и степень социального обеспечения в рамках института охраны материнства и детства [Наквасина 2023]. Отдельно стоит отметить работы современных исследователей, рассматривающих историю охраны материнства и детства с точки зрения развития здравоохранения [Батоев, Карпенко 2023; Горелова, Шелкова 2020; Бушмелева, Шубин 2021]. Появление данного направления исследований можно связать с тем, что по мере перехода в государственной политике 1990-х гг. от термина «охрана материнства и детства» к термину «защита прав женщин и детей» институт охраны материнства и детства не исчез, а стал элементом области здравоохранения.

¹ См. также: Балибалова Д.И. Социально-правовая защита прав и интересов женщин в России. СПб.: СПбГУП, 2013.

² См. также: Балибалова Д.И. Социально-правовая защита прав и интересов женщин в России. СПб.: СПбГУП, 2013. С. 21–31.

Вместе с тем в указанных работах не выявлены предпосылки изменения политики СССР в отношении материнства и детства, повлиявшего на появление данного перехода в политике страны в следующем десятилетии. В связи со степенью разработанности проблемы целью статьи является выделение социальных причин трансформации советской государственной политики в отношении охраны материнства и детства на рубеже 1980–1990-х гг. Для достижения цели были использованы следующие методы: исторический, логический и причинно-следственный. Данные методы позволили изучить положение женщин и детей в указанный период и выявить причины, которые стали предпосылками трансформации политики в женском и детском вопросах в 1990-е гг. Научная новизна исследования обусловлена использованием рядом документов, не введенных в научный оборот ранее. К ним относятся документы делопроизводственной документации Верховного Совета РСФСР и документы, касающиеся реализации комплекса постановлений. Указанные источники находятся в Государственном архиве Российской Федерации. В исследовании задействованы также документы, отражающие статистические данные, такие как доклад СССР о выполнении Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, и документы из коллекции современных политических документов Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИБ России). Использованы, кроме того, данные периодической печати указанных лет.

Проведенное исследование показывает, что социальный вопрос, ввиду многих политических и экономических причин, требовал нового решения в условиях политических перемен 1980–1990-х гг. В том числе это повлекло за собой изменение представлений в обществе о задачах государства в области охраны материнства и детства. В итоге назрела необходимость трансформации политики в отношении охраны материнства и детства, наиболее полно выразившаяся в 1990-е гг.

Причины трансформации советской государственной политики в отношении детей на рубеже 1980–1990-х гг.

В Советском Союзе на протяжении всей его истории вводили меры, позволявшие улучшить охрану материнства и детства³. Тем не менее на рубеже 1980–1990-х гг. в этой области присутствовал ряд проблем. К ним относится высокий уровень материнской и младенческой смертности, неудовлетворительная ситуация с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей, возрастающая заболеваемость детей и обострившаяся проблема с детским питанием.

Касательно высокого уровня материнской и младенческой смертности статистические данные показывают, что только в одном РСФСР в 1988 г. материнская смертность составляла 50 на 100 тыс. новорожденных, младенческая смертность в 1989 г. — 17,3 в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми. Главной причиной младенческой смертности были болезни дыхания (30%)⁴. С начала 1980-х гг. процент детей моложе 1 года, умерших по причине отдельных состояний, возникающих в перинатальном периоде, и врожденных пороков, составлял 42. К 1991 г. этот показатель вырос до 67% [Авдеев 2010, 58–59]. С 1980 по 1987 гг. был рост рождаемости, а начиная с 1987 г. происходило общее снижение уровня рождаемости [Там же]⁵. В периодической печати 1990 г. указывалось, что СССР по уровню детской смертности был на 40-м месте в мире⁶ среди 185 стран.

Для улучшения ситуации были открыты перинатальные центры, центры восстановительного лечения для детей, санатории для детей с родителями. Ранее подобных центров и санаториев

³ CEDAW/C/USR/3. С. 1, 2, 13–14, 24, 43–44, 50, 53 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 694. Л. 76, 79.

⁵ CEDAW/C/USR/3. С. 12–14, 17 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

⁶ Зеленская Т. Нам нечего терять, кроме своих детей // Комсомольская правда. 1990. № 241. С. 1.

не существовало. Помимо этого, росло количество различного рода консультаций: «Брак и семья», медико-генетические консультации, детские поликлиники, родильные дома и детские больницы, в которых мать и ребенок могли пребывать вместе.

В Минздраве СССР появилась новая концепция охраны материнства и детства. Она была разработана на основе региональных комплексных научно-практических программ. В ней были определены основные направления по охране здоровья матерей и детей, включающие меры по снижению материнской и младенческой смертности. Данные меры были разработаны для различных регионов страны⁷. Проблема, однако, оставалась актуальной.

Вторая проблема касалась неудовлетворительной ситуации с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей и заключалась в том, что дошкольных учреждений было меньше необходимого количества. В целом в СССР более 2 млн детей нуждалось в месте в детских садах и яслях. Помимо этого, группы в дошкольных учреждениях были переполнены на 600 тыс. детей в целом по стране. Хотя в СССР в 1989 г. существовало 151 тыс. детских садов и яслей, работавших на постоянной основе. Их посещало 17,2 млн детей, что составляло 57% детей соответствующего возраста. Тем не менее постоянных мест не хватало, и потому в сельской местности в летний сезон дополнительно развертывалась сеть детских садов и яслей. В них находилось около 1 млн детей⁸. Но данная мера не решала полностью ситуацию с нехваткой дошкольных учреждений.

Другая проблема была связана с детскими домами-интернатами. По данным на 1990 г., в стране было 160 детских домов-интернатов для детей-инвалидов. В них проживало 36,4 тыс. человек. Очередь в них составляла 3 тыс. человек⁹.

Отдельной проблемой стала заболеваемость детей. В 1990 г. впервые появились случаи детского заболевания сифилисом. Их количество составило 350¹⁰. В периодической печати также появились данные о том, что возникла негативная тенденция роста числа криминальных ситуаций, в которых были задействованы подростки, заманиваемые в преступные сети взрослыми людьми¹¹.

В конце 1980-х–начале 1990-х гг. начала активно обсуждаться проблема, связанная с недостатками в снабжении детей раннего возраста специальными продуктами питания. Она была поднята на заседании Комитета по делам женщин, семьи и демографической политике 19 апреля 1991 г.¹² В связи с этим Министерство здравоохранения СССР разработало три предложения: первое касалось создания Государственной программы развития производства продуктов питания для детей раннего возраста в 1991–1992 гг.; второе предложение касалось формирования раздела «Детское питание» Государственной программы улучшения положения женщин, укрепления семьи, охраны материнства и детства на период до 1995 г.; третье предложение было о необходимости создания Государственной союзно-республиканской программы по охране здоровья детей от воздействия последствий Чернобыльской катастрофы сроком на 1991–1995 гг.¹³

⁷ CEDAW/C/USR/3. С. 17 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Дети в жерновах реформ 10 лет спустя... // ГПИБ России. Коллекция совр. полит. док-тов. НП4/134, инв. 1012260.

¹⁰ Там же.

¹¹ Козлов А. Отцы и дети // Российская газета. 1990. № 43. С. 4.

¹² Протокол заседания Комитета по делам женщин, семьи и демографической политике № 41 // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 713. Л. 4–5.

¹³ Документ «О ходе реализации постановления Комитета по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства Верховного Совета СССР и Комитета народного контроля СССР от 25 мая 1990 г. «О серьезных недостатках в обеспечении детей раннего возраста специальными продуктами питания» от 25.03.1991 г. от первого заместителя министра Министерства здравоохранения СССР А.А. Баранова Председателю Комитета по делам женщин, семьи, материнства и детства Верховного Совета СССР В.И. Матвиенко; письмо от Б.С. Бедных («Всесоюзный научно-исследовательский институт детского питания (ВНИИДП) к Председателю Комитета по делам женщин, охраны семьи, материнства и детства М.Н. Рахмановой от 11 апреля 1991 г. «О результатах работ ВНИИДП за 1990 год» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 713. Л. 148, 172–173.

Таким образом, на рубеже 1980–1990-х гг. в сфере детства появились социальные проблемы, показывающие неудовлетворительное положение в этой области по ряду показателей (высокий уровень материнской и младенческой смертности, неудовлетворительная ситуация с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей, возрастающая заболеваемость детей и обострившаяся проблема с детским питанием). Данные проблемы возникли на фоне политических катаклизмов того времени. Тем не менее эти показатели находились под наблюдением на протяжении всего существования СССР. Поэтому, несмотря на политические реалии, со стороны государственной власти планировалось их исправление. В связи с чем и было инициировано изменение политики в отношении детей, что проявилось в первую очередь в разработке новой концепции охраны материнства и детства. Более того, позже появился принципиально новый проект закона об охране материнства и детства. В нем, помимо традиционных определений материнства и охраны материнства, вводился новый концепт — определение понятия «ребенок». Ребенком признавался каждый гражданин или гражданка СССР до 18 лет¹⁴. В этом же документе появились понятия «охрана детства» и «защита прав ребенка»¹⁵. Соответственно, данный проект стал предтечей перехода к защите прав женщин и детей в будущем, а границы института охраны материнства и детства в поздний период существования СССР стали размываться.

Затем внимание было направлено на практическое решение возникших проблем. Для этого была принята соответствующая законодательная база (Постановление ВС СССР от 10.04.1990 г. № 1420-1 «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи», Приказ Минздрава СССР от 5 июля 1988 г. № 528 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения и укреплению материально-технической базы здравоохранения»¹⁶). Более того, предложения Министерства здравоохранения СССР по решению проблемы, связанной с недостатками в снабжении детей раннего возраста специальными продуктами питания, можно назвать предвестником основной и крупнейшей детской программы 1990-х гг. — программы «Дети России».

Причины трансформации советской государственной политики в отношении женщин на рубеже 1980–1990-х гг.

В конце 1980-х гг., помимо проблем, связанных с институтом охраны материнства и детства, появились новые, выходящие за его рамки¹⁷. В первую очередь подобные проблемы касались необходимости повышения статуса женщины в обществе. В последние годы существования СССР данная проблема обсуждалась широко. На фоне всех политических и экономических изменений в стране у женщин появилось желание более активно участвовать в политической и общественной жизни. Они хотели изменить свое положение ввиду негативных тенденций в экономической и социальной жизни страны. Проблема повышения статуса женщины стала рассматриваться как составная часть вопроса прав человека. В политической сфере начали появляться женщины-лидеры. В органах законодательной власти среди них были заместители двух палат Совета Союза и Совета национальностей Верховного Совета СССР, председатель Комитета Верховного Совета СССР по делам женщин, семьи и демографической политике, председатель Верховного

¹⁴ Проект закона СССР «Об охране материнства и детства» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 689. Л. 173.

¹⁵ Проект закона СССР «Об охране материнства и детства» // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р9654. Оп. 7. Д. 689. Л. 182.

¹⁶ Постановление ВС СССР от 10.04.1990 г. № 1420-1 «О неотложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10633/ (дата обращения: 07.02.2024); Приказ Минздрава СССР от 5 июля 1988 г. № 528 «О мерах по дальнейшему улучшению охраны здоровья населения и укреплению материально-технической базы здравоохранения» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/4179278/> (дата обращения: 07.02.2024).

¹⁷ CEDAW/C/USR/3. С. 1 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

Совета Азербайджана, заместители председателя Верховного Совета РСФСР, Марийской автономной республики, Северной Осетии, Чувашии; на уровне исполнительной власти — заместитель премьер-министра Кабинета министров СССР, два министра Кабинета министров СССР, девять министров в республиках. В рядах ЦК КПСС женщины занимали должности секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС. Женщины присутствовали на руководящих должностях в профсоюзных, партийных и других общественных организациях. Причем в профсоюзных организациях их количество составляло более половины всех членов. Однако, в соответствии с докладом Организации Объединенных Наций, многие политические и управленческие структуры были не готовы допускать женщин в свои ряды на руководящие позиции¹⁸. К тому же вскоре последовала отмена квоты на выдвижение женщин в органы государственной власти, и это привело к снижению числа женщин в Советах народных депутатов всех уровней. Стала очевидной также психологическая неподготовленность существующих политических и управленческих структур к равноправному участию женщин в них¹⁹. Женщины могли принять участие в общественной жизни только через общественные организации и объединения трудящихся.

Вместе с тем формируемые общественные и неформальные организации испытывали дефицит женского представительства как в числе лидеров, так и в рядах обычных членов²⁰. Эта ситуация объясняется тем, что, несмотря на фактическое равенство образовательного уровня между мужчинами и женщинами, последние чаще сталкивались с дефицитом профессиональной подготовки. Существовавшие недочеты в организации образовательных программ профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации плохо сказывались на карьерном росте и повышении профессионального мастерства женщин. У многих женщин было желание улучшить свой профессиональный уровень, но они часто сталкивались с трудностями, обусловленными занятостью в домашних хозяйствах и нехваткой детских учреждений²¹. Следовательно, те женщины, которые не могли повысить квалификацию, также не могли обеспечить себе достойный уровень заработной платы, что, в свою очередь, способствовало тому, что они оставались на рабочих местах с более трудными условиями. Уйти с такой работы они часто не могли, потому что подобная работа оплачивалась выше, чем работа с более благоприятными условиями труда, либо там предоставлялись дополнительные отпуска, льготный выход на пенсию и др.²²

Несмотря на подобные условия, женское движение начало расширяться. К началу 1990-х гг. в СССР функционировало более 300 тыс. женских советов, объединенных под эгидой Комитета советских женщин. Существовали советы и комитеты солдатских матерей, союзы многодетных семей, ассоциации и союзы женщин по профессиональным и творческим интересам, женские секции в миротворческих, экологических, клерикальных и других движениях, клубы деловых женщин, а также организации коммерческого характера²³.

В экономической области после принятия закона «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» начали появляться женщины-предприниматели. Но с учетом того, что, как уже было сказано выше, женщины обладали меньшей квалификацией, среди них вероятность безработицы стала выше²⁴. Проблема женской занятости приобрела освещение в прессе. В периодической печати указывалось, что среди безработных женщин больше всего. Ввиду низкой квалификации их увольняют первыми, и в будущем тенденция только усилится. Отдельно указывалось, что в рамках

¹⁸ CEDAW/C/USR/3. С. 21 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

¹⁹ Там же. С. 3, 21, 30–31.

²⁰ Там же. С. 21, 31.

²¹ Там же. С. 16, 35.

²² Там же. С. 44.

²³ Там же. С. 31.

²⁴ Там же. С. 3, 31.

меняющихся реалий положение женщин становится хуже, потому что взятый курс на обновление общества сказывается на ней сильнее всего²⁵. Статистические данные подтверждают наличие проблемы женской занятости. В СССР 90% женщин трудоспособного возраста работали или учились. Это составляло 50,6% всех занятых в народном хозяйстве²⁶; при этом каждая шестая работающая в промышленности женщина работала в условиях, не отвечающих нормам и правилам охраны труда. Многие женщины в промышленности, строительстве и совхозах занимались тяжелым физическим трудом. Женщины часто работали на рабочих местах с вредными условиями. Многие трудились в ночных сменах. Однако, согласно докладу ООН, причиной этого была не дискриминация, а кризисные явления в экономике²⁷.

Если сравнивать, сколько людей становилось руководителями среди мужчин и женщин, то среди мужчин руководителем становился каждый третий, среди женщин — только каждая восьмая-девятая женщина. Причем первое затруднение в продвижении женщин на пост руководителя происходило на уровне предприятий и других первичных трудовых коллективов²⁸. Помимо этого, различался также уровень заработной платы: в 1990–1991 гг. фактическая заработная плата женщины в среднем была на одну треть ниже заработной платы мужчины²⁹. К тому же в социальной сфере начала происходить стратификация по признаку пола³⁰. В связи с происходившим в прессе констатировалось, что вопросы работы женщин, устройства быта, их соотношения между собой, а также вопрос социальной защиты женщин не были ни решены, ни поставлены в целом³¹.

В связи с данной ситуацией в обществе в самом начале 1990-х гг. возник вопрос, касающийся количества и места льгот, которые предоставляются государством женщинам. Данный вопрос стал дискуссионным и впоследствии обсуждался на протяжении большей части 1990-х гг. Отправной точкой дискуссии стал указ Съезда народных депутатов СССР от 1989 г. Согласно этому указу, Министерство труда и социальных вопросов СССР совместно с правительствами союзных республик, министерствами, ведомствами, научными и общественными организациями страны должно было начать разработку специальной государственной целевой программы по улучшению положения женщин во всех сферах их жизнедеятельности. Данная программа носила название «Основы государственной политики улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства». Она состояла из подпрограмм, каждая из которых была посвящена основным направлениям улучшения положения женщин и семьи в сфере труда, общественно-политической жизни и развитию семейной политики. В том же году Кабинет Министров СССР представил программу Президенту СССР³². Основные цели государственной политики в рамках программы соответствовали новым потребностям женщин. В них говорилось о необходимости формирования новой социальной атмосферы в обществе, которая была бы ориентирована на приоритет общечеловеческих ценностей. Затем говорилось о необходимости достижения реального социального равноправия женщин и о том, что нужно создать условия для работающих женщин. Для этого нужно было переориентировать социальную политику с наращивания льгот и привилегий для женщин, как было раньше, на повышение их социально-профессионального статуса. На основании этого из числа женщин должны были сформироваться работники современного типа с динамичными социальными характеристиками. В продолжение целей программы требовалось усилить социальную защищенность

²⁵ Лукьяненко Т. Драма обновления. Взгляд с точки зрения права // Москвичка. 1991. № 8. С. 6.

²⁶ CEDAW/C/USR/3. С. 18 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

²⁷ Там же. С. 19.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Там же. С. 20.

³⁰ Там же. С. 3.

³¹ Вьюницкий В. Есть ли будущее у женского движения // Москвичка. 1991. № 18. С. 7.

³² Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р5451. Оп. 81. Д. 71. Л. 1–2.

женщин в наиболее сложные периоды их жизни; способствовать укреплению семьи, повышению ее статуса в обществе, формированию отношений равноправного социального партнерства супругов в семье, усилению социальной поддержки малообеспеченных семей, содействию в планировании семьи, укреплению здоровья матери и ребенка³³. Впоследствии о программе в прессе говорилось, что общество воспринимало программу хорошо, что оно надеялось на позитивный результат, но вместе с тем были опасения (даже у самих авторов программы), что многие положения программы не будут реализованы³⁴. К тому же, как выяснилось позже, методы, которые планировалось использовать для достижения новых, отвечавших потребностям общества целей, были старые — в рамках института охраны материнства и детства, от которых женское население хотело отойти.

В начале 1990 г. журнал «Работница» предложил своим читательницам внести идеи в Государственную программу по улучшению положения женщин в СССР. В журнал поступили многочисленные предложения от женщин. Все предложения были направлены в основном на изменение трудового (более ранний выход на пенсию по желанию при наличии общего трудового стажа в 20–25 лет или в зависимости от количества детей, сокращение рабочего дня многодетным матерям с сохранением заработной платы и др.) и налогового законодательства (уменьшение или освобождение от подоходного налога женщин, имеющих детей, и др.) или принятие практических мер (увеличение пособия матерям, воспитывающим детей в одиночку, оплата больничного по уходу за ребенком в размере 100% за все время его болезни, учреждение женского фонда взаимопомощи, уменьшение числа детей в группах в яслях до 15–18 детей и др.). Льготы же было предложено, за исключением одного случая, основанного на физиологических особенностях женщин (декретный отпуск, кормление), предоставлять всей семье. Таким образом, можно сказать, что женщины не хотели быть объектом льгот³⁵. Они хотели расширить институт охраны материнства и детства, сделать его семейным институтом, отказаться от большей части льгот, положенных женщине в рамках института охраны материнства и детства.

Подобные предложения ранее не высказывались, и потому в политической сфере они обладали новизной. От разрешения этого вопроса зависело положение женщины в обществе и дальнейшее к ней отношение. Женщины страны и органы власти на протяжении длительного времени не могли прийти к согласию. Проблема заключалась в том, что, с одной стороны, как признавали сами женщины, увеличение льгот необходимо, но, с другой стороны, оно может привести к тому, что сузит возможности женщин для самореализации³⁶. Новый путь вне рамок института охраны материнства и детства, вне рамок льгот мог потребовать изменения трудового и налогового законодательства, изменения самой концепции института охраны материнства и детства и отношения к положению женщины в обществе. В последнем также обнаружились трудности, связанные с особенностями культурной сферы, с исторически сложившимся отношением к положению женщины в обществе. В частности, в обществе существовал психологический барьер, который не позволял признавать женщин полноценными участниками политической и общественной жизни. Данный барьер, соответственно, не позволял женщинам свободно продвигаться по карьерной лестнице в этих сферах³⁷.

Таким образом, основными причинами трансформации советской государственной политики в отношении женщин на рубеже 1980–1990-х гг., так же как и в отношении детей, стали

³³ CEDAW/C/USR/3. С. 3–5 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

³⁴ Юрьева М. Полцарства за пеленку // Российская газета. 1990. № 1. С. 4.

³⁵ Твоя строка в программе // Работница. 1990. № 1. С. 5, 14; Твоя строка в программе // Работница. 1990. № 3. С. 20.

³⁶ Проторская Н. Мы выигрываем, проявляя характер // Крестьянка. 1990. № 2. С. 11–12.

³⁷ См. об этом: CEDAW/C/USR/3 // База данных договорных органов [Электронный ресурс]. URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CEDAW%2FC%2FUSR%2F3&Lang=ru (дата обращения: 07.02.2024).

причины социального характера. В совокупности они заключались в недостаточно высоком статусе женщины, что не позволяло ей стать равноценным участником политической, общественной и экономической жизни страны. В отличие от детей, женщины ясно показывали, что ждут изменения государственной политики. Будучи в диалоге с органами государственной власти, они находились в начале пути изменения отношения к женскому вопросу. Главным вопросом, который мог повлиять на статус женщины, стал вопрос о количестве и месте льгот, которые предоставляются государством женщинам. Наиболее отчетливо он проявился во время разработки программы «Основы государственной политики улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства». Но, несмотря на то, что основные цели, заявленные в программе, соответствовали новым потребностям женщин, методы, которые планировалось использовать для их достижения, были в представлении женщин устаревшие, то есть в рамках института охраны материнства и детства. Тем не менее трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства началась, поскольку отношение к женским проблемам стало меняться. Впоследствии данное изменение отношения к женским проблемам вместе с вопросом о количестве и месте льгот в жизни женщины перешли к органам государственной власти Российской Федерации. Вопрос о количестве и месте льгот оставался актуальным в течение большей части 1990-х гг. Вместе данные причины определили вектор развития политики в отношении женщин в 1990-е гг. в Российской Федерации, завершившийся тем, что в новом тысячелетии была сформирована единая государственная политика по защите прав женщин.

Заключение

Таким образом, политические, экономические и социальные перемены в стране на рубеже 1980–1990-х гг. стали причиной того, что в положении женщин и детей происходили изменения. Изменения выражались в том, что наряду с теми проблемами, которые существовали ранее и лежали в рамках института охраны материнства и детства (высокий уровень материнской и младенческой смертности, неудовлетворительная ситуация с детскими садами и дошкольными учреждениями для различных категорий детей в СССР, возрастающая заболеваемость детей и обострившаяся проблема с детским питанием), появились новые, лежащие вне его. Последние были связаны с ограничениями и препятствиями в жизни женщины, прежде всего в трудовой и образовательной сфере, что не позволяло многим женщинам улучшить свое экономическое и социальное положение. На этом фоне женщины показали готовность изменить ситуацию, отказаться от льгот, положенных женщине в рамках института охраны материнства и детства, ради получения возможности самореализации. Они хотели расширить институт охраны материнства и детства, сделать его семейным институтом. Данный внутренний импульс со стороны женщин показал, что прежние методы решения проблем женщин в рамках института охраны материнства и детства несостоятельны. Именно социальные причины сыграли ключевую роль, и возникла необходимость трансформации советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства. Более того, трансформация советской государственной политики в сфере охраны материнства и детства оказала большое влияние на осуществившийся процесс перехода от охраны материнства и детства к защите прав женщин и детей в государственной политике Российской Федерации.

Список литературы:

Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: Сборник статей. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 13–72.

Аракелова М.П. Женщины России: страницы истории. М.: Ирис-пресс, 1994.

Батоев С.Д., Карпенко И.В. К истории развития советской системы охраны материнства и детства в Бурят-Монгольской АССР (1934–1940 гг.) // Историко-биологические исследования. 2023. Т. 15. № 2. С. 130–140. DOI: [10.24412/2076-8176-2023-2-130-140](https://doi.org/10.24412/2076-8176-2023-2-130-140)

Бирюкова А.П. Равные права — равные возможности: о равноправии женщин в СССР. М.: Профиздат, 1985.

Бурдина Д.А. Решение медико-социальных проблем материнства и детства в курсе социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Иркутской области и Бурят-Монгольской АССР) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2022а. № 41. С. 53–59. DOI: [10.26516/2222-9124.2022.41.53](https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.53)

Бурдина Д.А. Решение проблем безнадзорности и беспризорности в рамках реализации социальной политики СССР 1936–1953 гг. (на материалах Байкальского региона) // Исторический журнал: научные исследования. 2022b. № 4. С. 39–48. DOI: [10.7256/2454-0609.2022.4.38570](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.4.38570)

Бурматов А.А. Детская смертность в 1970-х годах в Западной Сибири // Исторический курьер. 2021. № 4. С. 174–185. DOI: [10.31518/2618-9100-2021-4-16](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-16)

Бушмелева Н.Н., Шубин Л.Л. Медицинская помощь и служба охраны материнства и детства Удмуртской АССР в послевоенные годы (1945-1950) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 13. № 4. С. 369–378. DOI: [10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378](https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378)

Горелова Л.Е., Шелкова В.Н. Охрана материнства и детства на завершающем этапе Великой отечественной войны и в первые послевоенные годы // Вопросы современной педиатрии. 2020. Т. 19. № 4. С. 268–271. DOI: [10.15690/vsp.v19i4.2113](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i4.2113)

Наквасина Ю.В. О некоторых особенностях реализации социальной политики в БУРАССР в 1980-х гг. // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2023. № 1. С. 44–48. DOI: [10.18101/2305-753X-2023-1-44-48](https://doi.org/10.18101/2305-753X-2023-1-44-48)

Николаева Л.А. Конституция СССР и трудовые права женщин. Алма-Ата: Казахстан, 1982.

Пономарева М.А., Руман А.С. Социальная политика государства в сфере охраны материнства и детства в 1950–1970-е годы (по материалам периодической печати Ростовской области) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2023. № 2. С. 105–112. DOI: [10.18522/2687-0770-2023-2-105-112](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-105-112)

Ростова О.С. Правовая охрана материнства и детства в России (советский период). М.: Спутник+, 2009.

Szymanski A. Human Rights in the Soviet Union. London: Zed books, 1984.

Weiler J. Human Rights in Russia: A Darker Side of Reform. London: Lynne Rienner Publishers, 2004.

References:

Arakelova M.P. (1994) *Zhenshchiny Rossii: stranitsy istorii* [Women of Russia: Pages of history.]. Moscow: Iris-press.

Avdeyev A. (2010) *Mladencheskaya smertnost' i istoriya okhrany materinstva i detstva v Rossii i SSSR* [Infant mortality and the history of maternal and child health in Russia and the USSR]. *Istoricheskaya demografiya: Sbornik statey*. Moscow: MAKSS Press. P. 13–72.

Batoyev S.D., Karpenko I.V. (2023) On the History of Development of the Soviet Maternity and Child Health Care in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic (1934–1940). *Istoriko-biologicheskiye issledovaniya*. Vol. 15. No. 2. P. 130–140. DOI: [10.24412/2076-8176-2023-2-130-140](https://doi.org/10.24412/2076-8176-2023-2-130-140)

Biryukova A.P. (1985) *Ravnyye prava — ravnyye vozmozhnosti: o ravnopravii zhenshchin v SSSR* [Equal rights — equal opportunities: On the equality of women in the USSR]. Moscow: Profizdat.

Burdina D.A. (2022a) Solving Medical and Social Problems of the Family, Motherhood and Childhood in the USSR 1936–1953 (Based on the Materials of the Irkutsk Region and the Buryat-Mongolian ASSR). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. No. 41. P. 53–59. DOI: [10.26516/2222-9124.2022.41.53](https://doi.org/10.26516/2222-9124.2022.41.53)

- Burdina D.A. (2022b) Solving the Problems of Neglect and Homelessness within the Framework of the Implementation of the Social Policy of the USSR 1936–1953 (Based on Materials from the Baikal Region). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya*. No. 4. P. 39–48. DOI: [10.7256/2454-0609.2022.4.38570](https://doi.org/10.7256/2454-0609.2022.4.38570)
- Burmatov A.A. (2021) Child Mortality in the 1970s in Western Siberia. *Istoricheskiy kur'yer*. No. 4. P. 174–185. DOI: [10.31518/2618-9100-2021-4-16](https://doi.org/10.31518/2618-9100-2021-4-16)
- Bushmeleva N.N., Shubin L.L. (2021) Medical Assistance, Maternal and Child Welfare Service of the Udmurt ASS during the Post-War Period (1945–1950). *Finno-ugorskiy mir*. Vol. 13. No. 4. P. 369–378. DOI: [10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378](https://doi.org/10.15507/2076-2577.013.2021.04.369-378)
- Gorelova L.E., Shelkova V.N. (2020) Maternity and Childhood Welfare on the Final Stage of World War II and during the Early Post-War Years. *Voprosy sovremennoy pediatrii*. Vol. 19. No. 4. P. 268–271. DOI: [10.15690/vsp.v19i4.2113](https://doi.org/10.15690/vsp.v19i4.2113)
- Nakvasina Yu.V. (2023) On Some Features of the Social Policy Implementation in the Buryat ASSR in the 1980s. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnyye issledovaniya Vnutrenney Azii*. No. 1. P. 44–48. DOI: [10.18101/2305-753X-2023-1-44-48](https://doi.org/10.18101/2305-753X-2023-1-44-48)
- Nikolayeva L.A. (1982) *Konstitutsiya SSSR i trudovyye prava zhenshchin* [The Constitution of the USSR and women's labor rights]. Alma-Ata: Kazakhstan.
- Ponomareva M.A., Ruman A.S. (2023) The Social Policy of the State in the Field of Protection of Childhood and Motherhood in 1950–1970 (On the Periodical Press Materials of the Rostov Region). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*. No. 2. P. 105–112. DOI: [10.18522/2687-0770-2023-2-105-112](https://doi.org/10.18522/2687-0770-2023-2-105-112)
- Rostova O.S. (2009) *Pravovaya okhrana materinstva i detstva v Rossii (sovetskiy period)* [Legal protection of motherhood and childhood in Russia (Soviet period)]. Moscow: Izd-vo Sputnik+.
- Szymanski A. (1984) *Human Rights in the Soviet Union*. London: Zed books.
- Weiler J. (2004) *Human Rights in Russia: A Darker Side of Reform*. London: Lynne Rienner Publishers.

Дата поступления/Received: 11.02.2024

Правовые и политические аспекты управления
Legal and political aspects of public administration

УДК 323.2:374.32

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-126-136

Государственная молодежная политика в системе рекрутирования политических лидеров¹

Палитай Иван Сергеевич

Кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, доцент, SPIN-код РИНЦ: [5182-4224](#),
ORCID: [0000-0001-9932-562X](#), 8321532@gmail.com

Государственный академический университет гуманитарных наук; факультет политологии,
МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Девочкина Арина Сергеевна

Студент магистратуры, SPIN-код РИНЦ: [1474-0699](#), a.devochkina00@bk.ru

Факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Статья содержит результаты исследования, целью которого являлось выявление роли молодежной политики в системе рекрутирования политических лидеров. В тексте анализируются особенности становления и этапы развития молодежной политики как части государственной политики, направленной на поддержку молодежи и реализацию ее интересов. В статье описываются существующие программы и проекты, призванные не только поддерживать молодых людей, но и способствовать выявлению, развитию и сопровождению их политического потенциала и, следовательно, формированию молодежного политического лидерства в России. В работе представлены результаты экспертного опроса, проведенного авторами в 2023 году, целью которого было определение особенностей государственной молодежной политики как инструмента формирования и выявления лидерского потенциала молодежи, а также встраивания ее представителей в политическую элиту страны через систему рекрутирования молодежных политических лидеров. В результате было выявлено, что в течение последнего времени наблюдается эволюция государственной молодежной политики в обозначенном ключе. Она выступает как первичный механизм социализации в области политического лидерства, предоставляя возможности для построения карьеры в различных сферах деятельности, в том числе и в области публичной политики и государственного управления. При этом исследование показало фрагментарный характер ее реализации, выраженный в различии между декларируемым и фактическим уровнями, что между тем позволяет выстраивать карьерные траектории и социальные лифты для определенной категории молодых людей, формируя первый уровень бассейна рекрутирования политических лидеров.

Ключевые слова

Молодежь, государственная молодежная политика, молодежное политическое лидерство, система рекрутирования, государственная политика, политическая элита.

Для цитирования

Палитай И.С., Девочкина А.С. Государственная молодежная политика в системе рекрутирования политических лидеров // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 126–136. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-126-136

State Youth Policy in Recruitment System of Political Leaders²

Ivan S. Palitay

PhD, Leading Researcher, Assistant Professor, ORCID: [0000-0001-9932-562X](#), 8321532@gmail.com

State Academic University for the Humanities; Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation.

Arina S. Devochkina

Master's degree student, a.devochkina00@bk.ru

Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The article contains the results of a study, the aim of which was to identify the role of youth policy in the system of recruiting political leaders. In the text, the authors analyze the features of the formation and stages of development of youth policy as a part

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, тема № 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории» (FZNF-2023-0003).

² The article was prepared within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, topic No. 1022040800353-4-6.1.1; 5.9.1 "Traditions and values of society: Mechanisms of formation and transformation in the context of global history" (FZNF-2023-0003).

of state policy aimed at supporting young people and realizing their interests. The article describes existing programs and projects designed not only to support young people, but also to help identify, develop and support their political potential and, consequently, the formation of youth political leadership in Russia. The paper presents the results of an expert survey conducted by the authors in 2023, the aim of which was to determine the features of state youth policy as a tool for the formation and identification of the leadership potential of youth, as well as the integration of its representatives into the country's political elite through the system of recruiting youth political leaders. As a result, the authors came to the conclusion that recently there has been an evolution of state youth policy in the indicated manner. It acts as the primary mechanism of socialization in the field of political leadership, providing opportunities for building a career in various fields of activity, including in the field of public policy and public administration. At the same time, as a result of the study, the authors came to the conclusion about the fragmented nature of its implementation, expressed in the difference between the declared and actual levels, which meanwhile makes it possible to build career trajectories and social elevators for a certain category of young people, forming the first level of the pool for recruiting political leaders.

Keywords

Youth, state youth policy, youth political leadership, recruitment system, state policy, political elite.

For citation

Palitay I.S., Devochkina A.S. (2024) Strategic State Youth Policy in Recruitment System of Political Leaders. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 126–136. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-126-136

Введение

Актуализация современных вызовов и угроз в российской действительности требует решения оперативных и тактических задач, среди которых отдельно выделяются стратегические решения в области государственного регулирования и управления. Стратегический ракурс рассмотрения будущего России напрямую зависит от молодежи как социально активного поколения, обладающего новаторским взглядом и нравом, а также такими уникальными характеристиками, как инновационность, гибкость и быстрая способность к адаптации [Горшков, Шреги 2010, 23–25].

В условиях ведущейся сегодня борьбы за сознание граждан необходимо, чтобы применение этих качеств имело конструктивный характер. Именно поэтому важно, чтобы у молодежи были свои лидеры, которые будут для нее ориентирами в период изменений в социальной, экономической, политической и иных сферах. Потребность в молодых лидерах обусловлена также и тем, что в системе государственного управления в России наблюдается дефицит кадров на всех уровнях власти, при этом требуются управленцы, обладающие стратегическим мышлением и способные работать в условиях постоянных изменений, склонность к чему в большей степени наблюдается именно у молодежи [Палитай и др. 2020, 68].

Процесс формирования лидерского потенциала молодежи, представляя собой фундаментальный аспект социального развития, должен носить системный характер и начинаться в жизни молодых людей как можно раньше. Одним из способов достижения этой цели является реализация российской государственной молодежной политики (ГМП), которая представляет собой «многомерную, сложную систему дискурсов, диспозиций, программ и проектов, деятельности социальных и политических структур, конкретных социальных практик работы с молодежью, ориентированных на управление транзитом молодежи и формирование у нее жизненных стратегий, ценностных ориентаций и повседневных практик» [Задонская 2016, 29]. Программы и проекты, осуществляемые в рамках ГМП не просто направлены на помощь в социализации молодых людей. Они реализуются таким образом, чтобы превратить институциональную структуру «молодежки» в пространство рекрутирования представителей этой прослойки общества в сферу «взрослой» политики [Селезнева и др. 2022]. Другими словами, ГМП становится неотъемлемой составляющей современных стратегий государственного управления, особенно в контексте формирования новой политической элиты и трансформации социальных лифтов в сфере политики. При этом приоритетной задачей государства становится не только обеспечение вовлеченности молодежи в жизнь общества, но и создание механизмов, способствующих выявлению и развитию лидерского потенциала среди представителей молодого поколения, который позволит им в дальнейшем встроиться во властную иерархию.

Краткая история становления ГМП в России

Активная реализация ГМП, как и ее исследование, началось относительно недавно. Однако оценить результаты этой деятельности, на наш взгляд, можно, используя своего рода ретроспективный анализ.

Истоки зарождения ГМП можно найти в дореволюционные годы, когда властью велась работа по созданию регулятивных мер как факторов поддержки социально-экономического и воспроизводственного развития общества, напрямую зависящего от молодежи [Ильинский 1987]. Основное внимание в то время уделялось общим вопросам по воспитанию поколений и регулированию их поведения, а также инициации деятельности детских и молодежных объединений. Так, в ноябре 1906 года было зарегистрировано московское общество «Сетлемент», а в 1908 году появилась первая молодежная организация «Потешные войска», что можно рассматривать как зарождение государственной политики, направленной на воспитание молодежи.

Российский коммунистический союз молодежи (РКСМ), образованный в 1918 году, а затем преобразованный в 1926 году во Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодежи (ВЛКСМ), обозначил начало второго этапа развития политики, направленной на молодежь [Смирнов 2008, 53]. Теперь на смену детским и юношеским движениям, сформированным в начале XX века, стали приходить организации, главенствующая роль в которых отводилась коммунистической идеологии, а основной задачей было патриотическое воспитание граждан. Развитие комплексной системы воспитания и идеологического просвещения молодежи в рамках движения октябрят и комсомольской организации стало фундаментом для развития работы с молодым поколением.

Третий этап, официально оформивший зарождение государственной молодежной политики, был ознаменован созданием нормативно-правовой базы регулирования ее деятельности: в 1991 году был издан закон «Об общих началах государственной молодежной политики», а в 1993 году принято Постановление Верховного Совета Российской Федерации «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации», которые позволили выделить молодежную политику как отдельное направление деятельности государства. Между тем работа в данном направлении в 90-х годах пришла в упадок [Палитай 2023].

Даже столь беглый обзор истории становления ГМП позволяет прийти к заключению о том, что на протяжении всего рассмотренного периода времени политика государства по отношению к молодежи фактически имела своей целью воспитание, социализацию, поддержку и патриотическое воспитание молодого поколения, в то время как вопросы встраивания молодежи в систему политики как отдельного актора социальных изменений, формирование кадрового потенциала страны и новой политической элиты были «пущены на самотек».

Начиная с 2017 года государственная молодежная политика претерпевает серьезные изменения — она становится важной составной частью социально-экономического, культурного и национального развития России, ориентированного на создание условий для самореализации молодежи, раскрытие ее потенциала, а также поддержку различных социальных групп.

Одним из ключевых событий, оформивших современный этап развития государственной молодежной политики как направления деятельности государственной политики стало создание по инициативе Президента РФ Владимира Путина автономной некоммерческой организации (АНО) «Россия — страна возможностей», призванной сформировать проектно-программный принцип воспитания молодежи и увеличить вовлеченность молодого поколения в жизнь общества и государства. Данная платформа объединяет 26 конкурсов, проектов и олимпиад, каждый из которых охватывает различные аудитории молодежи и помогает им найти механизмы для личностной и командной самореализации. За 7 лет работы этой организации (с 2018 по 2024 гг.) участниками

ее проектов стали более 20 миллионов человек из всех регионов России и 150 стран мира, а партнерами — более 1500 компаний, вузов, государственных и общественных организаций³.

Принятие в 2020 году Федерального закона «О молодежной политике в Российской Федерации», определяющего и регулирующего цели, направления деятельности и функционирование сферы молодежной политики, стало ключевым элементом закрепления ГМП как направления деятельности государственных программ и проектов. Согласно ему, современная молодежная политика представляет собой комплекс мер, «реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации»⁴, что подтверждает реализацию принципов сопричастности государства и его главенствующее право в инициации мер по поддержке молодежи. Причем стратегическим приоритетом ГМП становится не только воспитательная, адаптационная, идеологическая и демографическая функции, но и «создание условий для формирования личности гармоничной, постоянно совершенствующейся, эрудированной, конкурентоспособной, равнодушной, обладающей прочным нравственным стержнем, способной при этом адаптироваться к меняющимся условиям и восприимчивой к новым созидательным идеям»⁵, что рассматривается нами как основа лидерства. Так, молодежная политика применяет новые подходы к воспитанию гражданина, включая в него принципы социальной ответственности и служения, позволяя формировать социально активное поколение, готовое реализовывать свой потенциал на основе принципов субъектности в рамках существующих политико-правовых норм.

Основополагающим органом исполнительной власти, занимающимся реализацией ГМП в России, стало Федеральное агентство по делам молодежи (далее — Росмолодежь), определяющее направления и принципы осуществления молодежной политики в России. По данным «Отчета об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи» в 2022 году, каждый пятый гражданин России в возрасте 18–35 лет принимал участие в молодежных проектах, программах, конкурсах за последний год-два, а 35% из них считает, что участие в государственных программах и проектах помогло им применить свои способности, самореализоваться⁶. Проекты, проводимые Росмолодежью, охватывают практически все сферы интересов молодого человека и проводятся по следующим направлениям деятельности: воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций; организация досуга, отдыха, оздоровления молодежи; поддержка молодых семей и различных групп молодежи; развитие института наставничества; поддержка деятельности молодежных общественных объединений, обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи; предупреждение правонарушений и антиобщественных действий молодежи и др.

Теоретические основания исследования

Как уже было сказано, на современном этапе, начавшемся приблизительно десять лет назад, произошли серьезные изменения в политике государства по отношению к молодежи. Доказательством этому служит и большое количество работ, написанных на эту тему, в которых подчеркивается, что молодежная политика является одним из приоритетных направлений

³ О нас // Россия — страна возможностей [Электронный ресурс]. URL: <https://rsv.ru/about-us/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁴ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁵ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р) // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70713498/> (дата обращения: 05.12.2023).

⁶ Отчет об итогах деятельности Федерального агентства по делам молодежи в 2022 году. С. 7 // Росмолодежь [Электронный ресурс]. URL: https://fadm.gov.ru/documents/?filter_region=34&SECTION_ID=183 (дата обращения: 05.12.2023).

внутренней политики государства, играет ключевую роль в формировании будущего страны, обеспечивая развитие стратегического потенциала и реализацию национальных проектов. Многие исследователи в своих работах подчеркивают значимость молодежной политики, указывая на ее ресурсный потенциал для молодежи [Государственная молодежная политика в России 2019]. Ряд ученых выделяет некоторые особенности ГМП, позволяющие рассматривать ее как механизм формирования ценностных ориентаций и создания возможностей для профессионального роста молодых людей. В этих работах подчеркивается, что основной целью молодежной политики должно стать формирование условий, способствующих выбору молодыми людьми своего жизненного пути и профессии, а также развитию профессиональных навыков, карьерного роста и личностного развития молодежи [Гречихин 2021; Девочкина, Палачева 2021].

Используемый сегодня программно-проектный принцип реализации молодежной политики предполагает применение разнообразных образовательных и социальных технологий, которые позволяют эффективно выполнять важнейшие функции ГМП: мобилизационную (привлечение молодежи к участию в общественно значимых проектах), социализирующую (обеспечение адаптации молодежи к социальной среде), а также особенно важную для нашего исследования управленческую (развитие лидерских качеств и навыков управления у молодого поколения) [Karagianni, Montgomery, 2018; Post 2003].

Ряд исследователей рассматривает ГМП как институциональный механизм, который позволяет определить направление взаимодействия молодого поколения с органами власти и социально-политическое настроение общества. В работах выявляются траектории взаимодействия молодого поколения с органами государственной власти, а также роль государственной молодежной политики в формировании общественного мнения и участия молодежи в политической жизни страны [Бааль 2021; Попова, Нергов 2019; Short 2014; Winter 2013]. Данные исследования всероссийского и регионального уровня помогают понять, как государственная молодежная политика может быть использована для улучшения социально-политической ситуации в обществе и создания благоприятных условий для развития молодежи.

В контексте обозначенной цели исследования нужно отметить, что потребности в становлении и развитии института молодежных политических элит, который помог бы обновить политическую систему России и приблизить рассмотрение молодежи как кадрового потенциала государства, актуализируются во многих исследованиях [Мясоедова 2016; Палитай и др. 2020; Гаман-Голутвина 2006; Абрамов 2023; Селезнева и др. 2023; Асеева, Шашкова 2021; Молодежное политическое лидерство в российских регионах 2020]. В данном контексте ГМП выступает как связующий механизм между политической элитой и молодежью, имеющей запрос на политическую самореализацию, выраженный в систематическом участии в политических программах и проектах. Помимо этого, в обозначенном ключе ГМП необходимо рассматривать как способ формирования так называемых бассейнов рекрутирования [Палитай, Сокрюкин 2023, 9] будущей политической элиты России.

Практики ГМП, направленные на формирование молодежных лидеров

Тенденцию к формированию системы рекрутирования молодежных политических лидеров в современной России определили государственные программы и проекты, нацеленные на выявление и отбор перспективных лидеров среди молодежи, готовых применить свой потенциал на государственной службе [Redmond, Dolan 2014; Roberts 2015]. Данные инициативы, осуществляемые в рамках государственной молодежной политики, направлены на поощрение активного участия молодежи в политической сфере и формирование нового поколения лидеров, способных эффективно реагировать на вызовы современного общества [Молодежное политическое

лидерство в современной России 2023].

В качестве примеров можно привести флагманские проекты президентской платформы «Россия — страна возможностей»: «Лидеры России», «Лидеры России. Политика», «Лидеры интернет-коммуникаций», «Конкурс политологов» и региональные проекты «Лидеры Ярославии», «Лидеры Карелии», «Лидеры Кубани» и др., которые показали себя как эффективный канал формирования управленческого резерва для органов, занимающихся государственной политикой и ее информационным обеспечением на региональном и федеральном уровне.

В практическом аспекте рассмотрения роли молодежной политики в системе рекрутирования можно привести примеры лидеров, вышедших из сферы молодежной политики, которые успешно продолжили свой карьерный путь в органах государственной власти: Артем Метелев, ранее возглавлявший Ассоциацию волонтерских центров, стал председателем Комитета Государственной думы по молодежной политике; Мария Воропаева стала председателем Молодежного парламента при Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, ранее занимала должность регионального координатора молодежного объединения; Ольга Занко (Амельченкова), представляющая молодежное движение «Волонтеры Победы», стала заместителем председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений [Там же]. Каждый из них ранее был лидером молодежного общественного объединения, а уже после проведения успешных программ и проектов в сфере молодежной политики стал управленцем на государственном уровне.

В контексте изучения роли молодежной политики в системе рекрутирования политических лидеров мы можем говорить о том, что она является одной из составляющих процесса рекрутирования политических лидеров, но не является единственным механизмом его обеспечения. Система поиска, отбора и встраивания молодежных лидеров в систему государственного управления на данном этапе можно оценить как по декларируемым показателям, содержащимся в официальных отчетах органов государственной власти, так и по фактическим, полученным по результатам проведения исследований.

Результаты исследования

В 2023 г. нами было проведено исследование, направленное на изучение роли молодежной политики в системе рекрутирования политических лидеров в современной России, в рамках которого было взято 20 экспертных интервью, а также проведен анализ каналов, механизмов и технологий системы рекрутирования.

Гайд интервью был разработан на основе политико-психологического подхода с применением ассоциативных техник. Основной гипотезой выступил тезис о том, что молодежная политика выступает как эффективный механизм формирования лидеров для дальнейшего встраивания в политическую систему России, то есть победа молодежных лидеров в конкурсах и проектах, направленных на выявление лидерского потенциала, вносит весомый вклад в профессиональное становление и является инструментом самореализации личности.

Всех опрошенных нами экспертов мы разделили на три категории: (1) эксперты-исследователи, которые изучают молодежь и процесс рекрутирования молодежных политических лидеров; (2) практикующие специалисты в области политики, непосредственно принимающие решения при отборе молодежных политических лидеров; (3) представители органов власти, эксперты, работающие в органах по реализации молодежной политики как на региональном, так и на федеральном уровнях.

Результаты исследования показали, что эксперты рассматривают сферу молодежной политики как бассейн формирования политических лидеров, поскольку она направлена в том числе на комплексный отбор талантливых управленцев из среды молодежных проектов в крупные государственные структуры и организации. Большинство экспертов отмечают необходимость системного формирования молодежного политического лидерства в современной России в целях обновления управленческих кадров, вовлечения молодежи в общественные процессы, хотя подчеркивают, что работа по данному направлению проводилась и ранее: *«Молодежная политика существовала на протяжении всего XX века в нашей стране. Она начала обретать более-менее внятные формы после 20-х годов XX века, когда появлялись пионеры. Собственно, с этого момента молодежная политика постоянно ставляет то, что называется молодежными политическими лидерами. Всё. И она это делает без каких-то серьезных трансформаций всё это время, почти сто лет»* (муж., эксперт из сферы МП); *«Он [институт молодежного политического лидерства] был и на рубеже смены эпох, и на рубеже смены страны — советской власти и новой России»* (жен., эксперт-исследователь МП). Однако эксперты также подчеркивают, что, несмотря на проводимую ранее кадровую политику, роли молодежной политики как направления государственной деятельности стало уделяться больше внимания: *«То есть такого допуска молодых людей к решению социально-политических, социально-экономических вопросов, на мой взгляд, не было до последних, может быть, лет трех даже, я не говорю про пять лет»* (жен., эксперт из сферы МП).

Большинство экспертов отмечают осознание российской элитой того факта, что молодежь должна «возглавляться» лидерами именно молодыми: *«Элиты понимают, что современная молодежь должна возглавляться такими же лидерами, выходцами из этой среды, пусть немного, но под контролем действующих элит. Но обязательно, чтобы этот лидер был лидером мнений. Который может и мобилизовать при нужной ситуации, к которому будут прислушиваться, кто на себя ответственность может взять и так далее»* (муж., эксперт из сферы МП); *«Органы власти осознали потребность, и власть начинает смотреть в сторону поддержки молодежи, выстраивания различных социальных лифтов и т. д.»* (муж., эксперт-исследователь МП). Но, несмотря на проявление данного запроса, часть опрошенных отмечает превалирующее влияние бюрократического аппарата на выстраивание процесса рекрутирования политических лидеров, а проведение соответствующей молодежной политики рассматривает как фиктивный инструмент демонстрации возможностей: *«...создаются новые организации, крупные с большим бюджетом, якобы общественные или общественно-государственные. Но молодежных лидеров во главе этих организаций нет и быть не может. Ставят туда, да, по другому принципу ... ярких представителей общественных организаций, еще чего-то, я бы не сказал, что поддерживают»* (муж., эксперт-исследователь МП).

Некоторые из экспертов, говоря о реализации молодежной политики на федеральном и региональном уровне как элементе системы рекрутирования политических лидеров, отмечают ее мотивационную функцию: *«Молодежные политические лидеры выступают как символы развития карьерных траекторий молодежи в политике, примеры успеха»* (муж., эксперт из сферы МП).

Победу в конкурсах и проектах, направленных на выявление лидеров из сферы молодежной политики, большинство экспертов рассматривают как трамплин для будущей карьеры, где лидеры сначала смогут попасть в бассейн рекрутирования, а уже затем проявить свой потенциал на ступенях высшей иерархии: *«Большинство, попадая в эту систему, быстро понимают, что из молодежной нужно быстро перебираться в обычную, «взрослую» политику»* (муж., эксперт из сферы МП); *«Все-таки люди из молодежи — это люди, имеющие вот этот социальный капитал и мотив двигаться вверх, ну, в этой системе»* (жен., эксперт из сферы МП). Однако значительная часть экспертов отмечает, что такие конкурсы, например, как «Лидеры России. Политика», не могут выполнять рекрутинговую и

отборочную функцию политических лидеров: «Подобные конкурсы могут считаться трамплином, но мне кажется, что они не выявляют и не отбирают политических лидеров. Туда изначально приходят люди, которые уже чего-то достигли» (муж., эксперт из сферы МП); «Они [подобные конкурсы] уже нацелены на ребят с определенным опытом, даже политическим весом, я бы сказала. На тех, у кого уже репутация наработана, кто уже чего-то добился» (жен., эксперт из сферы МП).

На основе проведенного опроса экспертов были выделены следующие основные каналы рекрутирования политических лидеров из сферы молодежной политики: молодежные крылья политических партий, молодежные некоммерческие организации, молодежные парламенты и правительства, всероссийские проекты неполитической направленности. Исходя из анализа интервью экспертов, можно заключить, что не существует единого института, который бы способствовал гарантированному выявлению политических лидеров и становлению института молодежного политического лидерства в системе государственного управления. Пути к достижению высших ступеней карьерной иерархии носят индивидуальный характер и напрямую зависят от ранее полученных лидером компетенций и управленческого опыта.

Интересно, что у экспертов не было единства в ответах на вопросы о деятельности платформы «Россия — страна возможностей» и ее флагманских лидерских проектов, а также деятельности Росмолодежи. Так, специалисты, работающие в органах, реализующих государственную молодежную политику и принимающие участие в отборе молодежных лидеров, придерживаются мнения, что они являются формирующими как в реализации молодежной политики, так и в процессе рекрутирования политических лидеров: «Я думаю, что эти проекты — один из ключевых, наверное, каналов для формирования института молодежного политического лидерства. Поскольку аккумулируют значительные ресурсы, интеллектуальный потенциал» (жен., эксперт из сферы МП). Эксперты, занимающиеся исследованием молодежи и молодежной политики, уверены, что данные программы и проекты не являются ключевым структурным элементом формирования политического лидерства, они предоставляют возможности для получения жизненного опыта, улучшения профессиональных компетенций и, в основном, являются механизмом увеличения социальной активности молодежи.

Эксперты оценивают существующую систему рекрутирования молодежных политических лидеров как предоставляющую личностные и профессиональные возможности для развития лидерского потенциала молодежи в современной политической системе, но в то же время отмечают несистематическую работу молодежной политики как механизма встраивания молодого поколения в будущую элиту России. Необходимость в формировании единого института политического лидерства многократно подчеркивается экспертами при анализе роли молодежной политики в системе рекрутирования политических лидеров.

Заключение

В ходе исторического развития и соответствующих трансформаций для государственной молодежной политики сегодня характерны разносторонность направлений и проектно-программный принцип реализации. Ее можно назвать одним из элементов системы рекрутирования политических лидеров, охватывающим немалый процент социально активной молодежи. При этом мы можем говорить о фрагментарном характере ее реализации, выраженном в различии между декларируемым и фактическим уровнями, что позволяет выстраивать карьерные траектории и социальные лифты для определенной категории молодых людей, формируя первый уровень бассейна рекрутирования политических лидеров.

Молодежная политика выступает как первичный механизм социализации в области политического лидерства, предоставляя возможности для построения карьеры в различных сферах деятельности, в том числе и в области публичной политики и государственного управления.

Многоступенчатость ее реализации на местном, региональном и федеральном уровне позволяет подготавливать высококвалифицированные кадры и способствовать выявлению политических лидеров через существующие в ее рамках проекты и программы.

Проведенный экспертный опрос свидетельствует об эволюции государственной молодежной политики как механизма выявления и подготовки лидеров, но для ее дальнейшего развития необходим институциональный уровень поддержки молодежного политического лидерства, а также развитие государственной молодежной политики как единой, целостной системы на местном, региональном и федеральном уровне.

Список литературы:

Абрамов Г.А. Основные каналы рекрутирования молодёжи в политическую элиту современной России: возможности и пределы // Международное сотрудничество в целях устойчивого развития: Сборник статей Международной научной ассамблеи. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д.Кондратьева, 2023. С. 9–14. DOI: [10.46865/978-5-901640-39-5-2023-9-14](https://doi.org/10.46865/978-5-901640-39-5-2023-9-14)

Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Особенности реализации молодежного политического лидерства в регионах РФ (на примере Алтайского края) // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3. № 1. С. 94–99. DOI: [10.333693/2658-4654-2021-3-1-94-99](https://doi.org/10.333693/2658-4654-2021-3-1-94-99)

Бааль Н.Б. Государственная молодежная политика как инструмент профилактики политического экстремизма в молодежной среде // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2021. № 2(56). С. 121–130. DOI: [10.26456/vtphilos/2021.2.121](https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.2.121)

Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006.

Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСПИМ, 2010.

Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / под ред. С.Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019.

Гречихин В.Г. Современная молодежная политика в России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 5. С. 18–21.

Девочкина А.С., Палачева Ю.А. Государственная молодежная политика как инструмент формирования и развития профессиональной карьеры молодежи // Государственная молодежная политика: вызовы и современные технологии работы с молодежью: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2021. С. 39–43.

Ильинский И.М. Проблемы молодежи и молодежной политики в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества // Молодежь-86: сборник статей. М.: Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ, 1987. С. 18–34.

Молодежное политическое лидерство в современной России / под общ. ред. А.В. Селезневой. М.: Аквилон, 2023.

Молодежное политическое лидерство в российских регионах / под ред. О.В. Поповой, Я.Ю. Шашковой. СПб.: Скифия-принт, 2020.

Мясоедова В.А. Формирование института молодежных политических элит в контексте политических преобразований в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2016. № 4. С. 19–27.

Палитай И.С., Попова С.Ю., Селезнева А.В. Рекрутирование молодых политических лидеров в современной России: каналы, формы, технологии // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 68–77. DOI: [10.17223/15617793/455/10](https://doi.org/10.17223/15617793/455/10)

Палитай И.С., Сокрюкин А.В. Формирование молодежных политических лидеров в современной России: проблемы и возможности // Южно-российский журнал социальных наук. 2023. Т. 24. № 1. С. 6–16. DOI: [10.31429/26190567-24-1-6-16](https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-6-16)

Попова О.В., Негров Е.О. Молодёжная политика глазами самой молодежи: проблема в PR? // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 6. С. 37–58. DOI: [10.22394/2071-2367-2019-14-6-37-58](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-6-37-58)

Селезнева А.В., Хаткевич А.А., Баранова Т.В. Молодежное политическое лидерство в современной России: определение теоретических оснований и концептуальной рамки исследования // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 2. С. 283–297. DOI: [10.21638/spbu23.2023.209](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.209)

Смирнов В.А. Основные этапы формирования и реализации государственной молодежной политики в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 4. С. 51–62.

Karagianni D., Montgomery A.J. Developing Leadership Skills among Adolescents and Young Adults: A Review of Leadership Programmes // International Journal of Adolescence and Youth. 2018. Vol. 23. Is. 1. P. 86–98. DOI: [10.1080/02673843.2017.1292928](https://doi.org/10.1080/02673843.2017.1292928)

Post J. Psychological Assessment of Political Leaders: Psychological Profiles of Saddam Hussein and William Jefferson Clinton. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003.

Redmond S., Dolan P. Towards a Conceptual Model of Youth Leadership Development // Child & Family Social Work. 2014. Vol. 21. Is. 3. P. 261–271. DOI: [10.1111/cfs.12146](https://doi.org/10.1111/cfs.12146)

Roberts K. Youth, Political Socialisation and Political Generations // Handbuch Kindheits-und Jugendsoziologie/ ed by A. Lange, H. Reiter, S. Schutter, C. Steiner. Wiesbaden: Springer VS, 2015. P. 1–12. DOI: [10.1007/978-3-658-05676-6_66-1](https://doi.org/10.1007/978-3-658-05676-6_66-1)

Short T. Workplace Mentoring: An Old Idea with New Meaning (Part 1) // Development and Learning in Organizations. 2014. Vol. 28. Is. 1. P. 8–11. DOI: [10.1108/DLO-09-2013-0077](https://doi.org/10.1108/DLO-09-2013-0077)

Winter D. Personality Profiles of Political Elites // Oxford Handbook of Political Psychology/ ed. by N. Huddy, D.O. Sears, J.S. Levy. Oxford: Oxford University Press Inc., 2013. P. 423–458. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0014](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0014)

References:

Abramov G.A. (2023) The Main Channels for Recruiting Youth into the Political Elite of Modern Russia: Opportunities and Limits. *Mezhdunarodnoye sotrudnichestvo v tselyakh ustoychivogo razvitiya: Sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchnoy assamblei*. Moscow: Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya sodeystviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'yeva. P. 9–14. DOI: [10.46865/978-5-901640-39-5-2023-9-14](https://doi.org/10.46865/978-5-901640-39-5-2023-9-14)

Aseyeva T.A., Shashkova Ya.Yu. (2021) Features of the Implementation of Youth Political Leadership in the Regions of the Russian Federation (the Case of the Altai Krai). *Istoriya i sovremennoye mirovozzreniye*. Vol. 3. No. 1. P. 94–99. DOI: [10.33693/2658-4654-2021-3-1-94-99](https://doi.org/10.33693/2658-4654-2021-3-1-94-99)

Baal N.B. (2021) State Youth Policy as a Tool for Preventing Political Extremism in Youth Environment. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*. No. 2(56). P. 121–130. DOI: [10.26456/vtphilos/2021.2.121](https://doi.org/10.26456/vtphilos/2021.2.121)

Devochkina A.S., Palacheva Yu.A. (2021) State Youth Policy as a Tool for the Formation and Development of Professional Careers of Young People. *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika: vyzovy i sovremennyye tekhnologii raboty s molodezh'yu: materialy Mezhdunarodnoy molodezhnoy nauchno-issledovatel'skoy konferentsii*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. P. 39–43.

Gaman-Golutvina O.V. (2006) *Politicheskiye elity Rossii: vekhi istoricheskoy evolyutsii* [Political elites of Russia: Milestones of historical evolution]. Moscow: ROSSPEN.

Gorshkov M.K., Sheregi F.E. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskiy portret* [Youth of Russia: A sociological portrait]. Moscow: TsSPiM.

- Grechikhin V.G. (2021) Modern Youth Policy in Russia. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*. No. 5. P. 18–21.
- Il'inskiy I.M. (1987) Problemy molodezhi i molodezhnoy politiki v usloviyakh uskoreniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya sovetskogo obshchestva [Problems of youth and youth policy in the context of accelerating socio-economic development of Soviet society]. *Molodezh'-86: sbornik statey*. Moscow: Vysshaya komsomol'skaya shkola pri TsK VLKSM.
- Karagianni D., Montgomery A.J. (2018) Developing Leadership Skills among Adolescents and Young Adults: A Review of Leadership Programmes. *International Journal of Adolescence and Youth*. Vol. 23. Is. 1. P. 86–98. DOI: [10.1080/02673843.2017.1292928](https://doi.org/10.1080/02673843.2017.1292928)
- Myasoedova V.A. (2016) Formation of the Institution of Youth Political Elites in the Context of Political Transformations in the Russian Federation. *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya*. No. 4. P. 19–27.
- Palitay I.S., Popova S.Yu., Selezneva A.V. (2020) Recruiting Young Political Leaders in Modern Russia: Channels, Forms, Technologies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 455. P. 68–77. DOI: [10.17223/15617793/455/10](https://doi.org/10.17223/15617793/455/10)
- Palitay I.S., Sokryukin A.V. (2023) Formation of Youth Political Leaders in Present-Day Russia: Challenges and Prospects. *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk*. Vol. 24. No. 1. P. 6–16. DOI: [10.31429/26190567-24-1-6-16](https://doi.org/10.31429/26190567-24-1-6-16)
- Popova O.V., Negrov E.O. (2019) Youth Policy through the Eyes of Youth: Is the Problem in PR? *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk*. Vol. 14. No. 6. P. 37–58. DOI: [10.22394/2071-2367-2019-14-6-37-58](https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-6-37-58)
- Popova O.V., Shashkova Ya.Yu. (eds.) (2020) *Molodezhnoye politicheskoye liderstvo v rossiyskikh regionakh* [Youth political leadership in Russian regions]. Saint Petersburg: Skifiya-print.
- Popova S.Yu. (ed.) (2019) *Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: sotsial'no-psikhologicheskiye osnovaniya i tekhnologii realizatsii* [State youth policy in Russia: Socio-psychological foundations and implementation technologies]. Moscow: Akvilon.
- Post J. (2003) *Psychological Assessment of Political Leaders: Psychological Profiles of Saddam Hussein and William Jefferson Clinton*. Ann-Arbor: University of Michigan Press.
- Redmond S., Dolan P. (2014) Towards a Conceptual Model of Youth Leadership Development. *Child & Family Social Work*. Vol. 21. Is. 3. P. 261–271. DOI: [10.1111/cfs.12146](https://doi.org/10.1111/cfs.12146)
- Roberts K. (2015) Youth, Political Socialisation and Political Generations. In: Lange A., Reiter H., Schutter S., Steiner C. (eds.) *Handbuch Kindheits-und Jugendsoziologie*. Wiesbaden: Springer VS. P. 1–12. DOI: [10.1007/978-3-658-05676-6_66-1](https://doi.org/10.1007/978-3-658-05676-6_66-1)
- Selezneva A.V. (ed.) (2023) *Molodezhnoye politicheskoye liderstvo v sovremennoy Rossii* [Youth political leadership in modern Russia]. Moscow: Akvilon.
- Selezneva A.V., Khatkevich A.A., Baranova T.V. (2023) Youth Political Leadership in Modern Russia: Determination of the Theoretical Foundations and Conceptual Framework of the Study. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. Vol. 19. No. 2. P. 283–297. DOI: [10.21638/spbu23.2023.209](https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.209)
- Short T. (2014) Workplace Mentoring: An Old Idea with New Meaning (Part 1). *Development and Learning in Organizations*. Vol. 28. Is. 1. P. 8–11. DOI: [10.1108/DLO-09-2013-0077](https://doi.org/10.1108/DLO-09-2013-0077)
- Smirnov V.A. (2008) The Main Stages of the Formation and Realization of State Youth Policy. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki*. No. 4. P. 51–62.
- Winter D. (2013) Personality Profiles of Political Elites. In: Huddy N., Sears D.O., Levy J.S. (eds.) *Oxford Handbook of Political Psychology*. Oxford: Oxford University Press Inc. P. 423–458. DOI: [10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0014](https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199760107.013.0014)

Региональная экономика
Regional economy

УДК 332.143

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151

Взаимосвязь научно-технологических достижений университетов и региональной инновационной системы в обеспечении устойчивого экономического развития мезоуровня

Воронов Александр Сергеевич

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [4606-5045](#), ORCID: [0000-0003-0058-9217](#), voronov@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Цзоу Синьюй

Аспирант, lenazxy@yandex.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Трансформация научно-технических достижений университетов имеет огромное значение для регионального экономического развития и развития научно-технических инноваций. Основываясь на трех аспектах — вводе инновационных ресурсов, выходе научно-технических достижений и трансформации научно-технических достижений, в данном исследовании авторы выбрали 13 показателей, такие как научно-технические расходы, численность научно-технического персонала, результаты публикационной деятельности и интеллектуальной деятельности, патенты, контракты и доходы от трансформации научно-технических достижений, для построения системы показателей трансформации научно-технических достижений колледжей и университетов; в то же время выбраны 7 показателей, а именно: численность научно-технического персонала, финансирование, количество патентов и научно-технических бизнес-инкубаторов, для построения региональной системы оценки научно-технического потенциала, системы оценки регионального научно-технического инновационного потенциала. На основе метода факторного анализа были рассчитаны баллы трансформации научно-технических достижений университетов и региональных научно-технических инноваций в каждом регионе Китая в 2019–2021 годах; с помощью модели Coupling coordination degree была рассчитана степень взаимосвязи и координации между университетской системой трансформации научно-технических достижений и региональной научно-технической инновационной системой в разных регионах Китая. Исследование показало, что уровень научно-технических достижений неравномерен и невысок, определены точки инновационного развития регионов Китая. Таким образом, преобразование научно-технических достижений университетов — это необходимый путь для научно-технического и экономического развития регионов, когда необходимо сочетать потребности регионального развития, принимать меры по усилению поддержки научно-технологических кадров, создавать платформы для совместного использования ресурсов, а также совершенствовать политику в области интеллектуальной собственности в целях содействия индустриализации научно-технических достижений, продвижения региональных научно-технических инноваций и развития региональной промышленности.

Ключевые слова

Трансформация научно-технических достижений, университеты, региональное инновационное развитие, трансфер университетских технологий, мезоуровень.

Для цитирования

Воронов А.С., Цзоу С. Взаимосвязь научно-технологических достижений университетов и региональной инновационной системы в обеспечении устойчивого экономического развития мезоуровня. // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 137–151. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151

Correlation between Scientific and Technological Achievements of Universities and Regional Innovation System in Ensuring Sustainable Economic Development at the Meso Level

Aleksandr S. Voronov

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0003-0058-9217](#), voronov@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Zou Xinyu

Postgraduate student, lenazxy@yandex.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The transformation of scientific and technological achievements of universities is of great importance for regional economic development and the development of scientific and technological innovation. Based on three aspects — the input of innovative resources, the output of scientific and technological achievements and the transformation of scientific and technological achievements — this study selected 13 indicators, such as scientific and technical expenditures, the number of scientific and technical personnel, the results of publication activities, intellectual activity, patents, contracts and income from the transformation of scientific and technological achievements, to build an indicator system for the transformation of scientific and technological achievements of colleges and universities; at the same time 7 indicators were selected, such as the number of scientific and technological personnel, funding, the number of patents and scientific and technological business-incubators, to build a regional system for assessing scientific and technical potential, a system for assessing regional scientific and technical innovation potential. Based on the factor analysis method, the transformation scores of scientific and technological achievements of universities and regional scientific and technological innovations in each region of China in 2019–2021 were calculated; secondly, using the Coupling coordination degree model, the degree of relationship and coordination between the university system of transformation of scientific and technological achievements and the regional scientific and technological innovation system in different regions of China was calculated. The study showed that the level of scientific and technological achievements is uneven and not high; points of innovative development of Chinese regions have been identified. Thus, the transformation of scientific and technological achievements of universities is a necessary path for the scientific, technological and economic development of regions, when it is necessary to combine the needs of regional development, take measures to strengthen support for scientific and technological personnel, create platforms for sharing resources, and improve policies in the field of intellectual property in order to promote the industrialization of scientific and technological achievements, promote regional scientific and technological innovations and develop regional industry.

Keywords

Transformation of scientific and technological achievements, universities, regional innovative development, transfer of university technologies, meso level.

For citation

Voronov A.S., Zou X. (2024) Correlation between Scientific and Technological Achievements of Universities and Regional Innovation System in Ensuring Sustainable Economic Development at the Meso Level. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 137–151. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-137-151

Введение

В современном мире страны все чаще вступают в экономическую конкуренцию с помощью науки и технологий. Научно-технические инновации составляют основу общего национального прогресса, а научно-техническая конкуренция приобретает специфическую форму конкуренции в области научно-технических преобразований. Наиболее важным аспектом научно-технических инноваций является преобразование научно-технических достижений. Трансформация научно-технического прогресса — это задача университетов и важнейшее средство развития общества и экономики [常旭华 et al. 2018]. Существует достаточно много работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных трансформации научно-технических достижений университетов и результатам исследований региональных научно-технических инноваций, и в основном они рассматривают три аспекта: во-первых, создание системы трансформации научно-технических достижений университетов или системы оценки регионального научно-технического инновационного потенциала, использование данных о трансформации научно-технических достижений университетов или состоянии региональных научно-технических инноваций для эмпирических измерений [董晔璐 2015; 吴建国 et al. 2016; 郭俊华 et al. 2016; 杨国如 2019; 余艺帆 et al. 2022; 童爱香 et al. 2018; Miyata 2022]; во-вторых, важную роль университетов в интеграции в систему научно-технических инноваций и обслуживании региональных научно-технических инноваций и местного экономического развития [Zhao et al. 2022]. Некоторые ученые считают, что университеты являются источником научно-технических инноваций, выстраивают новый путь сотрудничества между промышленностью, научными кругами и исследованиями, совершенствуют механизм трансформации научно-технических достижений правительства, школы, учебного заведения и предприятия, чтобы реализовать предназначение научно-технических ресурсов университетов для обслуживания местного экономического развития [彭新, 王春梅 2018]. Другие авторы [张曼平, 和俊民 2013] отметили, что колледжи и университеты должны играть роль интеллектуального культивирования, заниматься созданием команды, выращивать инновационные таланты высокого уровня и вносить свой вклад в реализацию инновационной страны. Ряд ученых

[张海戈 et al. 2011] выступают за создание режима сотрудничества между провинциями и университетами, что будет способствовать трансформации научно-технических достижений университетов и индустриализации, эффективной интеграции научно-технических ресурсов, чтобы содействовать региональным промышленным технологическим инновациям. Некоторые авторы [Thursby, Kemp 2002] используют сочетание анализа огибающей данных (DEA, Data Envelopment Analysis) и регрессионного анализа для количественного анализа влияния научно-исследовательской деятельности университетов на пути научно-технических инноваций. В-третьих, ускорение трансформации университетских научно-технических достижений для содействия развитию региональных научно-технических инноваций. Ряд исследователей [蒋洪新, 孙雄辉 2018] предлагают использовать успешный опыт Кембриджского университета для содействия трансформации научно-технических достижений, опираясь на Кембриджский научно-технологический парк, и сосредоточиться на улучшении системы передачи научно-технических достижений университетов, совершенствовании механизма инноваций и мобильности талантов, активном развитии инновационного и предпринимательского образования и других аспектах [Цзоу 2023b]. Другие авторы [徐哲根 et al. 2019], исходя из перспективы ретрансляции инноваций «университет — предприятие», предложили ряд путей оптимизации, таких как реконструкция системы общественных инновационных платформ, эффективное распределение рассредоточенных научно-технических ресурсов, стимулирование предприятий к участию в различных мероприятиях и повышение готовности предприятий к такому участию. Некоторые ученые [刘朝晖 et al. 2012] подчеркивают необходимость создания специализированного агентства для координации отношений между правительством, предприятиями и университетами, совершенствования соответствующих законов и нормативных актов, разработки разумного механизма распределения доходов, создания условий для защиты прав интеллектуальной собственности, усиления защиты прав интеллектуальной собственности, содействия объединению промышленности, научных кругов, исследований и использования и ускорения трансформации научно-технических достижений [Цзоу 2023b]. В работе [叶松, 孙林 2017] говорится о необходимости усилить агломерацию ресурсов между колледжами и университетами, правительством и предприятиями, увеличить интеграцию факторов, способствовать свободному перетоку инновационных ресурсов между различными субъектами инновационной деятельности и обеспечить прочную материальную основу для научно-технических инноваций.

Университеты катализируют технологические изменения в промышленности и инновационный рост. Они играют решающую роль в содействии трансформации научно-технических достижений, поддержке крупных региональных стратегий национального развития, удовлетворении потребностей современного экономического и социального развития и повышении местного научно-технического инновационного потенциала и уровня.

Таблица 1 показывает, что в последнее время наблюдается последовательный рост уровня научно-технических инноваций в регионах Китая. Таким образом, восток страны больше не является единственным регионом, инвестирующим ресурсы в инновации и научно-технические преобразования, сформировалась четкая и многоуровневая модель региональных инноваций.

Таблица 1. Уровень комплексности науки, технологий и инноваций¹

Район	2020	2021	2022
Шанхай	84,04	86,36	87,14
Пекин	85,36	84,58	86,22
Тяньцзинь	80,55	80,88	83,5
Гуандун	77,39	81,55	82,12
Цзянсу	76,84	79,69	80,36
Чжэцзян	71,38	76,76	78,48
Чунцин	65,67	70,48	74,72
Хубэй	65,75	69,33	72,15
Шэньси	65,66	67,86	71,6
Аньхой	58,24	66,66	70,44
Шаньдун	64,83	66,98	70,14
Сычуань	61,85	66,43	69,19
Хунань	55,65	65,35	67,23
Ляонин	59,86	66,32	67,22
Фуцзянь	60,17	66,38	66,54
Цзянси	50,05	61,11	63,36
Хэнань	48,21	57,58	62,31
Нинся	46,24	56,83	61,4
Цзилинь	50,29	60,90	61,34
Хэбэй	46,06	58,26	60,97
Хэйлунцзян	58,42	56,32	57,91
Шаньси	51,8	53,75	55,15
Ганьсу	50,63	53,71	54,92
Гуанси	43,76	53,51	54,82
Гуйчжоу	40,83	49,05	53,82
Хайнань	43,61	48,98	53,36
Внутренняя Монголия	46,08	47,63	51,1
Цинхай	42,25	44,17	49,09
Юньнань	41,35	47,47	48,84
Синьцзян	40,75	37,61	43,66
Тибет	31,23	32,89	33,44

Анализ трансформации научно-технических достижений и региональных инноваций в университетах

В данный момент Китай находится на этапе ускоренной реализации стратегии инновационного развития, стремится к созданию высококласных университетов и дисциплин, и ему необходимо сосредоточиться на решении ключевых проблем трансформации научно-технических достижений университетов, стимулировании взаимодействия университетских дисциплин, талантов и отраслей, открытии звена научно-технических исследований и разработок, реализации трансфера достижений в индустриализацию, рациональном совершенствовании оригинального механизма трансформации научно-технических достижений. Поэтому представляется необходимым создать комплексную систему показателей для измерения уровня трансформации научно-технических

¹ Составлено по: 年高等学校科技统计资料汇编 // Ministry of Education of People's Republic of China [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/s78/A16/A16_tjdc/202307/W020230703504481842474.pdf (дата обращения: 20.12.2023).

достижений и региональных инноваций китайских университетов в разных провинциях и городах, а также изучить взаимосвязь и координацию между этими двумя системами, чтобы заложить основу для дальнейшего повышения эффективности трансформации университетских достижений.

Анализ главных компонент (PCA). Весь процесс преобразования научно-технических достижений в университетах проявляется как цепочка «входы ресурсов — выходы результатов — преобразование результатов», которая представляет собой взаимосвязанный процесс. На трансформацию университетских научно-технических достижений и региональных научно-технических инноваций влияет множество факторов. Основываясь на результатах последних исследований, в данной работе в качестве образцов авторы используют статистические данные за 2019–2021 гг. по 31 провинции Китая, а все данные взяты из сборника научно-технической статистики высших учебных заведений и Китайского научно-технического статистического ежегодника. В итоге построена система индексов оценки трансформации научно-технических достижений университетов и региональных научно-технических инноваций (Таблицы 2 и 3). Для оценки трансформации научно-технических достижений китайских университетов и способности к региональным научно-техническим инновациям использовалась программа анализа данных SPSS.

Таблица 2. Система индикаторов оценки трансформации научно-технических достижений университетов²

Индикаторы первого уровня	Индикаторы второго уровня
Фонд трансформации	Численность персонала, занятого исследованиями и разработками
	Численность персонала по внедрению результатов и научно-технических услуг
	Финансирование исследований и разработок/тыс. юаней
	Расходы на применение результатов и научно-технические услуги/тыс. юаней
Поддержка трансформации	Количество научно-исследовательских учреждений
	Количество научных и технологических проектов
Научно-исследовательские достижения	Количество монографий
	Количество научных работ
	Количество разрешений на патент
Эффект трансформации	Количество договоров на продажу патентов
	Фактические доходы от продажи патентов
	Количество договоров о передаче технологий
	Фактические доходы от передачи технологий

Таблица 3. Система показателей оценки регионального научно-технического инновационного потенциала³

Индикаторы первого уровня	Индикаторы второго уровня
Инновационные входы	Эквивалент полной занятости персонала НИОКР
	Внутренние расходы средств на НИОКР / млн юаней
	Интенсивность инвестиций в НИОКР/%

² Составлено по: 《中国区域科技创新评价报告2021》发布 // Chinese Academy of Science and Technology for Development [Электронный ресурс] URL: <http://www.casted.org.cn/channel/newsinfo/8483> (дата обращения: 20.12.2023).

³ Составлено по: 《中国区域科技创新评价报告2021》发布 // Chinese Academy of Science and Technology for Development [Электронный ресурс] URL: <http://www.casted.org.cn/channel/newsinfo/8483> (дата обращения: 20.12.2023).

Инновационные выходы	Эффективные патенты на 10 тыс. человек
	Доход от продаж новых продуктов в высокотехнологичной отрасли / млн юаней
	Доход от основной деятельности в высокотехнологичной отрасли/млрд юаней
Инновационная база	Количество научно-технических бизнес-инкубаторов

На базе вышеуказанной системы и на основе анализа главных компонент системы индексов трансформации университетских достижений и системы индексов региональных научно-технических инноваций с помощью метода факторного анализа были получены комплексные показатели научно-технической трансформации университетов и региональных научно-технических инноваций в провинциях и городах Китая в 2019–2021 гг. (Таблица 4).

Таблица 4. Комплексная оценка трансформации научно-технических достижений и регионального потенциала научно-технических инноваций университетов в провинциях Китая⁴

Район	Трансформация научно-технических достижений университетов				Региональный научный потенциал			
	2019 г.	2020 г.	2021 г.	рейтинги	2019 г.	2020 г.	2021 г.	рейтинги
Пекин	0,14	1,76	2,45	2	0,83	0,84	0,91	4
Тяньцзинь	-0,26	-0,18	-0,41	18	-0,14	-0,16	-0,14	14
Хэбэй	-0,03	-0,36	-0,21	16	-0,15	-0,15	-0,15	15
Шаньси	-0,42	-0,46	-0,52	21	-0,47	-0,49	-0,51	20
Внутренняя Монголия	-0,56	-0,57	-1,07	26	-0,56	-0,57	-0,6	26
Ляонин	-0,17	0,08	0,56	11	-0,27	-0,27	-0,29	18
Цилинь	-0,33	-0,12	-0,58	19	-0,47	-0,5	-0,51	22
Хэйлунцзян	-0,05	0,07	-0,43	15	-0,42	-0,43	-0,46	19
Шанхай	-0,06	0,93	1,01	7	0,42	0,37	0,36	6
Цзянсу	3,57	0,5	4,82	1	1,99	2,07	2,16	2
Чжэцзян	0,83	0,13	0,91	8	0,99	1,07	1,09	3
Аньхой	-0,02	-0,05	-0,3	14	0,03	0,07	0,09	9
Фуцзянь	-0,17	-0,09	-0,46	17	0,05	0,01	0,07	11
Цзянси	-0,24	-0,43	-0,42	20	-0,22	-0,2	-0,19	17
Шаньдун	0,24	0,6	1,19	6	0,46	0,46	0,57	5
Хэнань	0,15	0,15	0,08	12	0,04	0,04	0,06	10
Хубэй	0,83	0,51	0,97	4	0,09	0,07	0,11	8
Хунань	0,17	0,26	0,37	10	-0,09	-0,09	-0,06	12
Гуандун	0,25	1,68	1,18	3	3,31	3,28	3,22	1
Гуанси	-0,31	-0,47	-0,7	22	-0,47	-0,5	-0,51	21
Хайнань	-0,61	-0,85	-1,2	29	-0,64	-0,66	-0,67	30
Чунцин	0,04	-0,22	0,08	13	-0,18	-0,17	-0,14	16
Сычуань	0,35	0,51	0,36	9	0,08	0,11	0,12	7
Гуйчжоу	-0,5	-0,54	-1	24	-0,52	-0,54	-0,57	25
Юньнань	-0,4	-0,39	-0,91	23	-0,5	-0,5	-0,54	23
Тибет	-0,63	-0,95	-1,27	31	-0,68	-0,71	-0,73	31

⁴ Составлено авторами.

Шэньси	0,53	0,53	1,11	5	-0,17	-0,03	-0,2	13
Ганьсу	-0,5	-0,64	-0,94	25	-0,51	-0,54	-0,56	24
Цинхай	-0,62	-0,93	-1,22	30	-0,64	-0,66	-0,67	29
Нинся	-0,62	-0,84	-1,18	28	-0,57	-0,58	-0,6	27
Синьцзян	-0,6	-0,78	-1,11	27	-0,62	-0,64	-0,66	28

Столбцы 1–7 Таблицы 4 показывают, что большинство возможностей преобразования научно-технических достижений китайских университетов во всех регионах демонстрируют устойчивую тенденцию к росту в 2019–2021 годах, но региональные различия все еще очевидны. Цзянсу занимает второе место, а средние показатели Пекина, Гуандуна, Шанхая и восточного побережья Шань превышают индекс 0,6, что говорит о том, что эти города являются важными факторами в трансформации научных достижений университетов. Хунань, Хэйлунцзян, Аньхой, Хэнань и другие города в центральной части страны имеют средний уровень способности к трансформации университетских достижений. Западные города, такие как Синьцзян, Нинся, Цинхай и Тибет, демонстрируют более низкие комплексные показатели [Zhao et al. 2022].

Столбцы 8–13 Таблицы 4 показывают, что уровень научно-технических инноваций в подавляющем большинстве китайских провинций, автономных районов и городов демонстрирует тенденцию устойчивого улучшения в 2019–2021 годах, что свидетельствует о том, что реализация национальной стратегии развития научно-технической самодостаточности и самосовершенствования в различных регионах достигла значительных результатов, однако региональные различия все еще существенны. Среднее значение комплексного показателя развития научно-технических инноваций в провинции Гуандун выше 3, что делает ее главной в стране по развитию научно-технических инноваций. Цзянсу, Пекин, Чжэцзян, Шанхай и другие регионы следуют вплотную за ней со средним значением комплексного балла более 1, находясь во второй лидирующей группе. Западные регионы, такие как Синьцзян, Цинхай и Тибет, отстают по уровню развития технологий и инноваций.

Анализ степени координации сцепления. На основе комплексных показателей трансформации научно-технических достижений университетов в каждом регионе и региональных научно-технических инноваций для дальнейшего изучения отношений координации связи между системой трансформации научно-технических достижений университетов и региональной научно-технической инновационной системой в различных регионах используется модель Coupling coordination degree; результаты расчетов приведены в Таблице 5.

Таблице 5. Степень взаимосвязи и координации трансформации научно-технических достижений университетов и региональной научно-технической инновационной системы в различных регионах, 2019–2021 гг.⁵

Район	2019 г.	2020 г.	2021 г.	Рейтинги
Пекин	0,518	0,765	0,789	3
Тяньцзинь	0,342	0,415	0,428	16
Хэбэй	0,381	0,39	0,404	17
Шаньси	0,246	0,306	0,314	23
Внутренняя Монголия	0,18	0,261	0,27	26
Ляонин	0,338	0,464	0,479	14
Цзилинь	0,265	0,344	0,352	20
Хэйлунцзян	0,322	0,382	0,393	18
Шанхай	0,447	0,606	0,624	6
Цзянсу	0,701	0,717	0,738	2

⁵ Составлено авторами.

Чжэцзян	0,62	0,587	0,616	4
Аньхой	0,409	0,469	0,483	12
Фуцзянь	0,386	0,454	0,469	13
Цзянси	0,334	0,375	0,383	19
Шаньдун	0,499	0,584	0,607	5
Хэнань	0,435	0,485	0,502	10
Хубэй	0,514	0,532	0,543	7
Хунань	0,418	0,48	0,491	11
Гуандун	0,679	0,934	0,934	1
Гуанси	0,269	0,298	0,309	21
Хайнань	0,131	0,171	0,171	29
Чунцин	0,386	0,41	0,421	15
Сычуань	0,465	0,536	0,549	8
Гуйчжоу	0,211	0,277	0,285	24
Юньнань	0,242	0,309	0,321	22
Тибет	0,1	0,1	0,1	31
Шэньси	0,441	0,518	0,527	9
Ганьсу	0,214	0,26	0,268	25
Цинхай	0,125	0,137	0,137	30
Нинся	0,146	0,201	0,204	27
Синьцзян	0,143	0,19	0,2	28

Как показали результаты исследования Ляо Чонгбина [廖重斌 1999], степень координации связи может значительно отличаться. Для того, чтобы отразить состояние координации связи между двумя анализируемыми системами, необходимо классифицировать критерии разделения (Таблица 6).

Таблица 6. Классификация критериев степени координации взаимосвязи системы трансформации научно-технических достижений университетов и региональной научно-технической инновационной системы в Китае

Интервал степени координации взаимосвязи	Уровень координации	Степень координации взаимосвязи
[0,0~0,2]	1	Тяжелое расстройство
[0,2~0,3]	2	Умеренное расстройство
[0,3~0,4]	3	Умеренно дисфункциональная
[0,4~0,5]	4	Почти дисфункциональная
[0,5~0,6]	5	Слабая координация
[0,6~0,7]	6	Начальная координация
[0,7~0,8]	7	Промежуточная координация
[0,8~1,0]	8	Хорошая координация

Таблица 5 показывает, что степень координации между преобразованием научно-технических достижений университетов Гуандуна и региональными научно-техническими инновациями остается высокой — выше 0,8, что говорит о высоком уровне координации. Среднее значение степени координации связей в развитых прибрежных регионах, таких как Пекин, Цзянсу, Шанхай, Чжэцзян и Шаньдун, превышает 0,6, что относится к промежуточному среднему уровню координации. Хубэй, Шэньси, Сычуань и другие более развитые внутренние регионы находятся на начальном уровне координации систем, в то время как другие провинции и города находятся в разной степени дисфункции. В целом восточный регион имеет самую высокую степень координации связи

между анализируемыми системами, за ним следует центральный регион, в то время как западный регион имеет относительно низкую степень координации связи [Zhao et al. 2022].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Во-первых, способность университетов преобразовывать научно-технические достижения неуклонно повышается, но региональные разрывы все еще значительны. Поскольку Пекин является ядром восточных развитых регионов, эффект концентрации талантов сохраняется; интенсивность инвестиций в НИОКР в университетах высока, а огромный разрыв с центральными и западными регионами, кадровые и финансовые преимущества НИОКР университетов оказывают мощную поддержку; богатые научно-технические ресурсы, мощная промышленная база и совершенная система научно-технических инноваций создают хорошие условия для эффективной трансформации научно-технических достижений колледжей и университетов. В последние годы инвестиции в НИОКР университетов центрального региона значительно увеличились, а результаты научных исследований ускорились, что создает базовые предпосылки для трансформации научно-технических достижений [Ibid.]. Хотя потенциал преобразования научно-технических достижений университетов западного региона в определенной степени улучшился, он подвержен ограничениям со стороны условий преобразования и окружающей среды, и существует серьезная нехватка талантов, средств и других инновационных факторов, что приводит к тому, что общий уровень не является высоким.

Во-вторых, подобно способности университетов к трансформации научно-технических достижений уровень региональных научно-технических инноваций постоянно повышается, при этом очевидны региональные различия. Восточный регион собрал большое количество предприятий, колледжей и университетов, а также сформировал множество моделей совместных исследований и разработок в рамках сотрудничества между промышленностью и университетом, а быстрое развитие научно-технических бизнес-инкубаторов обеспечило хорошую инновационную среду и внешнюю поддержку для развития региональных высокотехнологичных отраслей с высокой мотивацией к инновациям и сильными инновационными результатами, с преимуществом, значительно превосходящим другие регионы. Уровень научно-технических инноваций в центральном регионе в целом находится между восточным и западным регионами.

В-третьих, связь и координация двух систем — научно-технических достижений университетов и региональных научно-технических инноваций в провинциях, автономных районах и муниципалитетах Китая — растут год от года, но общий уровень в целом невысок, и еще есть куда стремиться. Регионов, относящихся к высокому уровню координации, гораздо меньше, чем провинций и городов, относящихся к «опасному диссонансу». Пространственное распределение степени координации связей от высокого к низкому происходит в следующем порядке: восточный регион, центральный регион и западный регион Китая [Баженова 2015].

Меры по совершенствованию трансформации научно-технических достижений

Усиление поддержки человеческого капитала. Человеческий капитал является важным ресурсом в новую эпоху, а научно-технические инновационные таланты в университетах — это ключевые элементы, способствующие развитию научно-технических инноваций, для чего необходимо стимулировать энтузиазм и творческий потенциал научно-технических работников и обеспечить мощную поддержку системы подготовки кадров. Чтобы создать профессиональную, инновационную и динамичную команду талантов, необходимо изучить вопрос о создании механизма стимулирования талантов и системы обучения, адаптированной к требованиям времени [Цзоу 2023b]. Научно-технические таланты высокого уровня — это первый элемент научно-технических инноваций в университетах. Университеты должны сочетать свои собственные

дисциплинарные преимущества и региональные тенденции промышленного развития для выращивания кадров в области научных исследований и специалистов по трансферу результатов инновационной и научно-исследовательской деятельности, а также постоянно повышать уровень научно-технических инноваций и потенциал социальных услуг самих университетов. Во-первых, следует сочетать внедрение внешних талантов и внутреннего обучения, не только улучшать способности и уровень существующей команды научно-исследовательских талантов, но и энергично внедрять профессионалов высокого уровня в соответствии с потребностями регионального развития [林青宁, 毛世平 2019]. Во-вторых, стоит разработать более эффективную политику поощрения трансформации научно-технических достижений, чтобы открыть канал карьерного роста и продвижения талантов, усилить ощущение доступности и мотивацию талантов в области трансформации научно-технических достижений, а также постоянно стимулировать университетских ученых к трансформации научно-технических достижений с целью осуществления технологических прорывов и к проведению соответствующих исследований [Волков, Шепелев 2023]. В-третьих, университетам рекомендуется обращать внимание на направление развития развивающихся отраслей, активно стыковать высокотехнологичные отрасли; при этом открывать соответствующие дисциплины не только в соответствии с потребностями регионального развития, но и с учетом насущных потребностей региона в высокотехнологичных кадрах; необходимо стимулировать колледжи и университеты открывать специальности в соответствии с планом промышленного развития, уделяя особое внимание подготовке и развитию талантов, закладывая хорошую основу для будущего развития каждого конкретного региона.

Создание совместной инновационной платформы. Прежде всего университеты с уникальными преимуществами по подготовке кадров научно-технологического развития и сильным потенциалом фундаментальных исследований должны постоянно рационализировать систему и механизм управления исследованиями, формулировать необходимость анализа оценки приоритетов и политику стимулирования кадров, активно участвовать в строительстве региональных связей научно-технических достижений и местного потенциала сотрудничества и производства инноваций, университетских научно-технологических парков и центров трансфера технологий [张晓月 et al. 2019]; кроме того, совместно с местными органами власти университеты должны увеличивать финансирование научных исследований и разработок проектов, активизировать привлечение талантов. При этом, с одной стороны, необходимо усилить выстраивание системы преобразований научно-технических достижений и усовершенствовать соответствующую нормативную правовую базу; с другой стороны, следует приложить усилия для улучшения системы научно-технических посреднических учреждений и содействовать их укрупнению и развитию. Предприятия как субъекты реализации ценности научно-технических достижений должны играть роль основного органа, усиливать ориентацию на спрос, играть ведущую роль в обеспечении связей с университетами, укреплять взаимодействие между государственными и муниципальными органами власти, обеспечивать своевременную обратную связь с рынком и собственными потребностями предприятия, обеспечивать соответствие научных исследований потребностям предприятия, направлять научно-технические исследования и разработки на тесную интеграцию с рынком.

Содействие трансформации ценностей знаний. В первую очередь необходимо постоянно оптимизировать политическую среду, подчеркивать ценность знаний, проанализировать ранние научные достижения, которые в первую очередь основывались на результатах НИОКР вне университетской среды, и сосредоточиться на социальной ценности преобразования и продвижения результатов. В то же время стоит придерживаться стратегии инновационного развития, а также внедрять в образовательный процесс дисциплины, связанные с изучением инноваций и

предпринимательства в университетах. Кроме того, следует усовершенствовать систему управления интеллектуальной собственностью и ее защиты, усилить работу по развитию патентов и сохранению достижений интеллектуальной собственности, а также сформировать эффективную комплексную систему правовой защиты интеллектуальной собственности. Необходимо также активизировать жизнеспособность региональных научно-технических инноваций путем преобразования стоимости достижений интеллектуальной собственности, содействовать развитию промышленных инноваций, реализовать совместное развитие научно-технических инноваций и промышленного развития, а также обеспечить региональное высококачественное развитие [Zhao et al. 2022].

Заключение

Инвестиции университетов в научно-технические ресурсы оказывают значительное влияние на то, насколько хорошо научно-технические достижения трансформируются в местные инновации в области науки и техники. Повышению уровня региональных научно-технических инноваций в значительной степени способствовало увеличение инвестиций в научно-технические ресурсы и усиление распределения и использования ресурсов. Однако стимулирующий эффект от вложения университетских научно-технических ресурсов в развитие региональных инноваций не является постоянным, что отражает качество и масштаб таких вложений и в определенной степени влияет на их роль в развитии региональных научно-технических инноваций. Сегодня необходимо развивать механизмы влияния научно-технических достижений в университетах на рост региональных научно-технических инноваций за счет усиления поддержки научно-технических кадров, их мотивации, интеграции задач регионального развития в университетскую практику, консолидации имеющихся ресурсов и потенциала их реализации. Создание платформы для реализации совместных инноваций, стимулирование роста совместных инноваций между государством, университетами и бизнесом, создание механизма обмена ресурсами и устранения институциональных барьеров обеспечат значительную поддержку в вопросе трансформации научно-технического прогресса и позволит успешно решать задачи регионального развития [Цзоу 2023a].

Список литературы:

- Баженова Е.С. Демографическая ситуация: региональное измерение // КНР: экономика регионов. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2015. С. 460–476.
- Волков А.Т., Шепелев Р.Е. Обеспечение технологической независимости компаний нефтегазовой отрасли с использованием патентной аналитики на примере компаний-производителей сжиженного природного газа // Вестник университета. 2023. № 9. С. 113–122. DOI: [10.26425/1816-4277-2023-9-113-122](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-113-122)
- Цзоу С. Влияние трансфера университетских технологий на региональное инновационное развитие // Материалы Международного молодежного научного форума «Ломоносов-2023». М.: МАКС Пресс, 2023a. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/28399/154253_uid659404_report.pdf
- Цзоу С. Проблемы и меры режима трансформации научно-технических достижений в университетах // Инновации и инвестиции. 2023b. № 8. С. 176–181.
- Miyata Y. An Empirical Analysis of Innovative Activity of Universities in the United States // Technology Innovation. 2000. Vol. 20. Is. 8. P. 413–425. DOI: [10.1016/S0166-4972\(00\)00024-9](https://doi.org/10.1016/S0166-4972(00)00024-9)
- Thursby J.G., Kemp S. Growth and Productive Efficiency of University Intellectual Property Licensing // Research Policy. 2002. Vol. 31. P. 109–124. DOI: [10.1016/S0048-7333\(00\)00160-8](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(00)00160-8)
- Zhao H.-h., Liu Y., Li J., Guo X.-ge, Gui H.-jin. Chinese Provincial Difference in the Efficiency of Universities' Scientific and Technological Activities Based on DEA with Shared Input // Mathematical Problems in Engineering. 2022. Vol. 2022. DOI: [10.1155/2022/8319498](https://doi.org/10.1155/2022/8319498)

常旭华,刘永千,刘笑,陈强.区域科技成果转化政策目标体系与评估 —基于上海数据的研究 // 中国科技论坛. 2018. No. 9. P. 58–68 [Чан Сюхуа, Лю Юнцян, Лю Сяо, Чэнь Цян. Целевая система и оценка политики трансформации региональных достижений в области науки и техники — исследование, основанное на данных Шанхая // Китайский научно-технический форум. 2018. № 9. С. 58–68]. DOI: [10.13580/j.cnki.fstc.2018.09.013](https://doi.org/10.13580/j.cnki.fstc.2018.09.013)

董晔璐.基于因子分析的我国高校科技创新能力评价 // 科学管理研究. 2015. No. 06. P. 32–34. [Донг Е. Оценка способности китайских университетов к научно-техническим инновациям на основе факторного анализа // Исследования в области научного менеджмента. 2015. № 6. С. 32–34]. DOI: [10.19445/j.cnki.15-1103/g3.2015.06.009](https://doi.org/10.19445/j.cnki.15-1103/g3.2015.06.009)

郭俊华,徐倪妮.中国高校科技成果转化能力评价及聚类分析 // 情报杂志. 2016. No. 12. P. 155–161+168 [Го Ц., Сюй Н. Оценка и кластерный анализ способности китайских университетов к трансформации научно-технических достижений // Журнал «Интеллект». 2016. № 12. С. 155–161+168].

蒋洪新,孙雄辉.大学科技园视阈下高校科技成果转化路径探索 —来自英国剑桥科技园的经验 // 现代大学教育.2018. No. 06. P. 53–57 [Цзян Х., Сунь С. Исследование пути трансформации научно-технических достижений университетов под порогом университетского научно-технологического парка — опыт Кембриджского научно-технологического парка, Великобритания // Современное университетское образование. 2018. № 6. С. 53–57].

廖重斌.环境与经济协调发展的定量评判及其分类体系 —以珠江三角洲城市群为例 // 热带地理. 1999. No. 02. P. 76–82 [Ляо Ч. Количественное суждение о согласованном развитии окружающей среды и экономики и его система классификации — исследование на примере городского кластера дельты Жемчужной реки // Тропическая география. 1999. № 2. С. 76–82].

林青宁,毛世平.高校科技成果转化效率研究 // 中国科技论坛.2019. No. 05. P. 144–151, 162 [Лин Ц., Мао Ш. Исследование эффективности трансформации научно-технических достижений в университетах // Китайский научно-технический форум. 2019. № 5. С. 144–151,162].

刘朝晖,常思亮,胡洁.国外高校科技成果转化的成功经验及其启示 // 科技管理研究. 2012. No. 20. P. 108–111 [Лю Ч., Чан С., Ху Ц. Успешный опыт трансформации научно-технических достижений в зарубежных университетах и его последствия // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2012. № 20. С. 108–111].

彭新一,王春梅.区域高校科技创新能力与经济发展水平耦合协调研究 // 科技管理研究. 2018. No. 03. P. 148–155 [Пенг С., Ванг Ч. Исследование связи и координации научно-технического инновационного потенциала региональных университетов и уровня экономического развития // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2018. № 3. С. 148–155].

童爱香,张敏,张红.城市科技创新能力比较研究 —2016年北上广深科技创新能力实证研究 // 北京科学技术情报学会. 2018. No. 11. P. 225–235 [Тун А., Чжан М., Чжан Х. Сравнительное исследование научно-технического инновационного потенциала городов — Эмпирическое исследование научно-технического инновационного потенциала городов Бэйцзян, Гуанчжоу и Шэньчжэнь в 2016 г. // Пекинское общество научно-технической информации. 2018. № 11. С. 225–235].

吴建国,张经强,王娇.我国高校科技创新能力比较分析:基于因子分析法的实证研究 // 科技进步与对策. 2016. No. 15. P. 151–155 [У Ц., Чжан Ц., Ван Ц. Сравнительный анализ научно-технического инновационного потенциала китайских университетов: эмпирическое исследование на основе факторного анализа // Научно-технический прогресс и меры противодействия. 2016. № 15. С. 151–155].

徐哲根,杨璐,栾绍娇.基于接力创新的高校科技成果转化能力与效率评价研究 // 科技管理研究. 2019. No. 24. P. 8–14 [Сюй Ч., Лу, Луань Ш. Исследование оценки способности к трансформации научно-технических достижений и эффективности университетов на основе эстафеты инноваций // Исследования в области управления наукой и технологиями. 2019. № 24. С. 8–14].

杨国如.区域高校科技成果转化能力测度研究.河北:河北经贸大学, 2019 [Янг Г. Исследование измерения способности региональных университетов к трансформации научно-технических достижений. Хэбэй: Хэбэйский университет экономики и бизнеса, 2019].

叶松,孙林.长江经济带科技资源集聚与协同创新研究 // 经济体制改革. 2017. No. 01. P. 57–61 [Йе С., Сунь Л. Исследование агломерации научно-технических ресурсов и совместных инноваций в Экономическом поясе реки Янцзы // Реформа экономической системы. 2017. № 1. С. 57–61].

余艺帆,曾梓茵,李雄英,柴啸龙.我国区域科技产出水平差异的成因探究——基于稳健主成分分析及空间计量模型 // 科技视界. 2022. No. 17. P. 8–10 [Юй И., Цзэн Ц., Ли С., Чай С. Исследование причин региональных различий в уровне научно-технической продукции в Китае — на основе робастного анализа главных компонент и пространственного эконометрического моделирования // Перспективы науки и техники. 2022. № 17. С. 8–10].

张海戈,胡伟,周立.创新科技载体服务地方经济社会发展模式的探讨——以浙江为例 // 经济问题. 2011. No. 09. P. 127–129 [Чжан Х., Ху В., Чжоу Л. Обсуждение режима работы носителей инновационной науки и технологий, служащих местному экономическому и социальному развитию — на примере Чжэцзяна // Вопросы экономики. 2011. № 9. С. 127–128].

张曼平,和俊民.高等学校在创新型河南建设中的地位与作用研究 // 河南社会科学. 2013. No. 21. P. 82–83 [Чжан М., Хэ Ц. Исследование статуса и роли высших учебных заведений в строительстве инновационной Хэнани // Социальные науки Хэнани. 2013. № 21. С. 82–83].

张晓月,安秋凡,甄伟军.转化视角下的高校专利价值研究——基于“一流大学”建设高校发明授权专利的数据 // 中国高校科技. 2019. No. 3. P. 69–73 [Чжан С., Ань Ц., Чжэнь В. Исследование ценности университетских патентов с точки зрения трансформации — на основе данных об авторизованных патентах на изобретения университетов в строительстве «первоклассных университетов» // Китайский университет науки и технологий. 2019. № 3. С. 69–73].

References:

Bazhenova E.S. (2015) Demograficheskaya situatsiya: regional'noye izmereniye [Demographic situation: Regional dimension]. *KNR: ekonomika regionov*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. P. 460–476.

Miyata Y. (2000) An Empirical Analysis of Innovative Activity of Universities in the United States. *Technology Innovation*. Vol. 20. Is. 8. P. 413–425. DOI: [10.1016/S0166-4972\(00\)00024-9](https://doi.org/10.1016/S0166-4972(00)00024-9)

Thursby J.G., Kemp S. (2002) Growth and Productive Efficiency of University Intellectual Property Licensing. *Research Policy*. Vol. 31. P. 109–124. DOI: [10.1016/S0048-7333\(00\)00160-8](https://doi.org/10.1016/S0048-7333(00)00160-8)

Volkov A.T., Shepelev R.E. (2023) Ensuring the Technological Independence of Oil and Gas Companies Using Patent Analytics on the Example of Companies Producing Liquefied Natural Gas. *Vestnik universiteta*. No. 9. P. 113–122. DOI: [10.26425/1816-4277-2023-9-113-122](https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-9-113-122)

Zhao H.-h., Liu Y., Li J., Guo X.-ge, Gui H.-jin. (2022) Chinese Provincial Difference in the Efficiency of Universities' Scientific and Technological Activities Based on DEA with Shared Input. *Mathematical Problems in Engineering*. Vol. 2022. DOI: [10.1155/2022/8319498](https://doi.org/10.1155/2022/8319498)

Zou X. (2023a) Vliyaniye transfera universitetskikh tekhnologiy na regional'noye innovatsionnoye razvitiye [The impact of university technology transfer on regional innovation development]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov-2023"*. Moscow: MAKSS Press. Available at: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/28399/154253_uid659404_report.pdf

Zou X. (2023b) Problems and Measures of the Regime for Transforming Scientific and Technological Achievements in Universities. *Innovatsii i investitsii*. No. 8. P. 176–181.

常旭华,刘永千,刘笑,陈强 (2018) 区域科技成果转化政策目标体系与评估——基于上海数据的研究. 中国科技论坛. No. 09. P. 58–68 [Chang Xuhua, Liu Yongqian, Liu Xiao, Chen Qiang. Policy orientation and evaluation of regional technology transfer: Evidence from Shanghai. *Forum on Science and Technology in China*. No. 09. P. 58–68]. DOI: [10.13580/j.cnki.fstc.2018.09.013](https://doi.org/10.13580/j.cnki.fstc.2018.09.013)

董晔璐 (2015) 基于因子分析的我国高校科技创新能力评价. 科学管理研究. No. 06. P. 32–34. [Dong Y. (2015) An evaluation research on the science and technology innovation capacity of Chinese universities based on the method of factor analysis. *Scientific management Research*. No. 06. P. 32–34]. DOI: [10.19445/j.cnki.15-1103/g3.2015.06.009](https://doi.org/10.19445/j.cnki.15-1103/g3.2015.06.009)

- 郭俊华,徐倪妮 (2016) 中国高校科技成果转化能力评价及聚类分析.情报杂志. No. 12. P. 155-161+168 [Guo Junhua, Xu Nini (2016) Evaluation and cluster analysis of universities' transformation ability of scientific and technological achievements in China. *Journal of Intelligence*. No. 12. P. 155-161+168].
- 蒋洪新,孙雄辉 (2018) 大学科技园视阈下高校科技成果转化路径探索 —来自英国剑桥科技园的经验.现代大学教育. No. 06. P. 53-57 [Цзян Хунсинь, Сунь Сюньхуэй (2018) Exploring the path of scientific and technological achievement transformation of universities under the threshold of university science and technology parks — experience from Cambridge Science and Technology Park, UK. *Modern University Education*. No. 06. P. 53-57].
- 廖重斌 (1999) 环境与经济协调发展的定量评判及其分类体系 —以珠江三角洲城市群为例.热带地理. No. 02. P. 76-82 [Liao Chongbin (1999) Quantitative evaluation of harmonized development of environment and economy and its classification system: A case study of pearl River Delta urban agglomeration. *Tropical Geography*. No. 02. P. 76-82].
- 林青宁, 毛世平 (2019) 高校科技成果转化效率研究. 中国科技论坛. No. 05. P. 144-162 [Lin Qingning, Mao Shiping (2019) Research on transformation efficiency of Chinese universities. *Forum on Science and Technology in China*. No. 05. P. 144-162].
- 刘朝晖,常思亮,胡洁 (2012) 国外高校科技成果转化的成功经验及其启示.科技管理研究. No. 20. P. 108-111 [Liu Zhaohui, Chang Siliang, Hu Jie (2012) Successful experience and enlightenment of transformation of SciTech achievements in colleges overseas. *Scientific Management Research*. No. 20. P. 108-111].
- 彭新一,王春梅 (2018) 区域高校科技创新能力与经济发展水平耦合协调研究. 科技管理研究. No. 03. P. 148-155 [Peng Xinyi, Wang Chunmei (2018) research on the coupling coordination of scientific and technological innovation ability in regional universities and economic development level. *Scientific Management Research*. No. 03. P. 148-155].
- 童爱香,张敏,张红 (2018) 城市科技创新能力比较研究 —2016年北上广深科技创新能力实证研究.北京科学技术情报学会. No. 11. P. 225-235 [Tong Aixiang, Zhang Min, Zhang Hong (2018) comparative study on the science and technology innovation capability of cities--an empirical study on the science and technology innovation capability of Beijing, Guangzhou and Shenzhen in 2016. *Beijing Science and Technology Intelligence Society*. No. 11. P. 225-235].
- 吴建国,张经强,王娇 (2016) 我国高校科技创新能力比较分析:基于因子分析法的实证研究.科技进步与对策. No. 15. P. 151-155 [Wu Jianguo, Zhang Jingqiang, Wang Jiao (2016) A comparative analysis of science and technology innovation ability in universities and colleges: An empirical study based on factor analysis. *Science and Technology Progress and Countermeasures*. No. 15. P. 151-155].
- 徐哲根,杨璐,栾绍娇 (2019) 基于接力创新的高校科技成果转化能力与效率评价研究.科技管理研究. No. 24. P. 8-14 [Xu Zhegen, Yang Lu, Luan Shaojiao (2019) Research on evaluation of transformation ability and efficiency of scientific and technological achievements in universities based on relay innovation. *Scientific Management Research*. No. 24. P. 8-14].
- 杨国如 (2019) 区域高校科技成果转化能力测度研究,河北经贸大学. 河北:河北经贸大学[Yang Guoru (2019) *Research on the measurement of scientific and technological achievement transformation capability of regional universities*. Hebei: Hebei University of Economics and Business].
- 叶松,孙林 (2017) 长江经济带科技资源集聚与协同创新研究.经济体制改革. No. 01. P. 57-61 [Ye Song, Sun Lin (2017) research on clustering of scientific and technological resources and collaborative innovation in the Yangtze River economic belt. *Economic system reform*. No. 01. P. 57-61].
- 余艺帆,曾梓茵,李雄英,柴啸龙 (2022) 我国区域科技产出水平差异的成因探究 —基于稳健主成分分析及空间计量模型.科技视界. No. 17. P. 8-10 [Yu Yifan, Zeng Ziyin, Li Xiongying, Chai Xiaolong (2022) exploring the causes of differences in China's regional scientific and technological output levels — based on robust principal component analysis and spatial econometric modeling. *Science & Technology Vision*. No. 17. P. 8-10].
- 张海戈,胡伟,周立 (2011) 创新科技载体服务地方经济社会发展模式的探讨 —以浙江为例.经济问题. No. 09. P. 127-129 [Zhang Haige, Hu Wei, Zhou Li (2011) Discussion on the mode of innovative science and technology carriers serving local economic and social development — taking Zhejiang as an example. *On Economic Problems*. No. 09. P. 127-129].

张曼平,和俊民 (2013) 高等学校在创新型河南建设中的地位与作用研究.河南社会科学. No. 21. P. 82–83 [Чжан Мэнпин, Хэ Цзюньмин (2013) Research on the status and role of higher education institutions in the construction of innovative Henan Province. *Henan Social Sciences*. No. 21. P. 82–83].

张晓月,安秋凡,甄伟军 (2019) 转化视角下的高校专利价值研究 — 基于 “一流大学” 建设高校发明授权专利的数据.中国高校科技. No. 03. P. 69–73 [Zhang Xiaoyue, An Qiufan, Zhen Weijun (2019) Research on the patent value of universities under the perspective of transformation — based on the data of patents authorized by universities in the construction of “First-class Universities”. *Chinese University Technology Transfer*. No. 03. P. 69–73].

Дата поступления/Received: 05.01.2024

Комплекс управленческих инструментов для преодоления дифференциации пространственного развития региона

Леонтьева Лидия Сергеевна

Доктор экономических наук, профессор, SPIN-код РИНЦ: [6508-6503](#), ORCID: [0000-0001-8504-0148](#), leontieva@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Копуш Дан-Хаяа Мергеновна

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [8532-7085](#), ORCID: [0009-0000-5824-6861](#), kopushdm@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Одним из ключевых направлений государственной региональной политики является сбалансированное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации. Однако решение данного вопроса значительно усложняется рядом проблем, связанных с пространственной неоднородностью страны и дальнейшим неравенством в уровне социально-экономического развития регионов России. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью решения проблемы систематизации теоретических подходов к описанию механизмов социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, направленных на преодоление пространственной дифференциации территорий по базовым показателям. Объект исследования — регионы Дальневосточного и Сибирского федеральных округов. Цель работы заключается в разработке принципов систематизации инструментов пространственного развития субъектов Российской Федерации в зависимости от уровня дифференциации регионов по базовым принципам. Для достижения указанной цели использовались следующие методы исследования: сравнительный анализ, эмпирический анализ, синтез, статистический метод, графические методы исследования. На основе сравнительного анализа существующих причин дифференциации пространственного развития субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов были выявлены объективные и субъективные факторы регионального неравенства. Анализ существующих механизмов пространственного развития регионов анализируемых округов выявил их недостаточную эффективность при решении проблемы сглаживания регионального социально-экономического неравенства. В результате предложен авторский подход к формированию комплекса управленческих инструментов для преодоления дифференциации пространственного развития регионов на примере Сибирского и Дальневосточного федеральных округов на основе группирования субъектов по исследованным группам базовых показателей. Предлагается определение индивидуальных характеристик каждого субъекта Российской Федерации как основы при формировании инструментов пространственного развития региона.

Ключевые слова

Пространственное развитие регионов, управленческие инструменты, дифференциация пространственного развития, Сибирский федеральный округ, Дальневосточный федеральный округ.

Для цитирования

Леонтьева Л.С., Копуш Д.-Х.М. Комплекс управленческих инструментов для преодоления дифференциации пространственного развития региона // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 152–163. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-152-163

A Complex of Management Tools to Overcome Differentiation of Region's Spatial Development

Lidia S. Leontieva

DSc (Economics), Professor, ORCID: [0000-0001-8504-0148](#), leontieva@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Dan-Khayaa M. Kopush

Postgraduate student, ORCID: [0009-0000-5824-6861](#), kopushdm@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

A key direction of the state regional policy is sustainable socio-economic development of the regions of the Russian Federation. However, the solution of this issue is significantly complicated by a number of problems associated with the spatial heterogeneity of the country and further inequality in the level of socio-economic development of Russian regions. The relevance of this study is determined by the necessity to solve the problem of systematization of theoretical approaches to the description of mechanisms of socio-economic development of the subjects of the Russian Federation, aimed to overcome the spatial differentiation of territories by basic indicators. The object of the study is the regions of the Far Eastern and Siberian Federal Districts. The aim of the study is to develop the principles of systematization of tools for spatial development of the subjects of the Russian Federation depending on the level of differentiation of regions by basic principles. To achieve the aim, the authors used the following research methods: comparative analysis, empirical analysis, synthesis, statistical method, graphic research methods. Based on the comparative analysis of the existing causes of differentiation of spatial development of the subjects of the Siberian and Far Eastern Federal Districts,

the objective and subjective factors of regional inequality were identified. The analysis of existing mechanisms of spatial development of the regions of the Siberian and Far Eastern Federal Districts revealed their insufficient efficiency in solving the problem of smoothing regional socio-economic inequality. The author's approach to the formation of a set of management tools to overcome the differentiation of spatial development of regions on the example of the Siberian and Far Eastern Federal Districts on the basis of grouping the subjects according to the studied groups of basic indicators is proposed. The paper proposes the definition of individual characteristics of each subject of the Russian Federation as a basis for the formation of tools for spatial development of the region.

Keywords

Spatial development of regions, management tools, differentiation of spatial development, Siberian Federal District, Far Eastern Federal District.

For citation

Leontieva L.S., Kopush D-Kh.M. (2024) A Complex of Management Tools to Overcome Differentiation of Region's Spatial Development. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 152–163. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-152-163

Введение

Процессы изменения структуры экономики России определяют необходимость достижения сбалансированного и устойчивого развития регионов и страны в целом. Неоднородность пространственного развития страны обусловлена историческими, географическими, естественно-физическими и иными причинами. Регионы России в рамках федеральных округов значительно различаются по своим социально-экономическим, демографическим, природным, отраслевым и иным характеристикам, что является объективной причиной для дифференциации уровня социально-экономического развития как отдельных регионов России, так и макрорегионов. В целях создания устойчивой сбалансированной системы социально-экономического развития была принята Стратегия пространственного развития, которая обозначила, что существующая пространственная неравномерность регионального развития создает угрозу экономической безопасности страны¹.

Существуют различные подходы к организации и развитию системы регионального управления, использующего комплексные инструменты для повышения уровня социально-экономического развития региона. Однако возникают проблемы, связанные с уточнением факторов, влияющих на возможность использования комплекса управленческих инструментов по преодолению пространственной дифференциации регионов в соответствии с уровнем существующего регионального неравенства по базовым показателям. В связи с этим авторы считают необходимым развить и дополнить принципы оценки необходимости применения комплекса управленческих инструментов для преодолению дифференциации пространственного развития регионов. При достижении задач исследования были получены следующие результаты, которые определяют научную новизну: разработаны принципы систематизации управленческих инструментов пространственного развития; оценен уровень пространственной дифференциации Сибирского и Дальневосточного федеральных округов по базовым показателям; определены возможные механизмы по преодолению пространственной дифференциации.

Согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, существенной проблемой пространственного развития страны является высокий уровень межрегионального социально-экономического развития² (Рисунок 1). Долгосрочная диспропорция социально-экономических показателей негативно отражается на обеспечении национальной экономики, на уровне и качестве жизни населения.

Рост неравенства в пространственном развитии регионов России вызывает дальнейшее перераспределение материальных и нематериальных ресурсов, ограничивая развитие депрессивных регионов [Булочников, Смирнов 2019]. Тем самым создается тенденция к концентрации капитала, ресурсов и инфраструктуры в крупнейших центрах страны. Исследователи отмечают, что сегодня дифференциация пространственного развития переносится в цифровую среду — от использования сети Интернет до развития цифровых компетенций [Леонтьева и др. 2021].

¹ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 30 сентября 2022 года)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.02.2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.

² Там же.

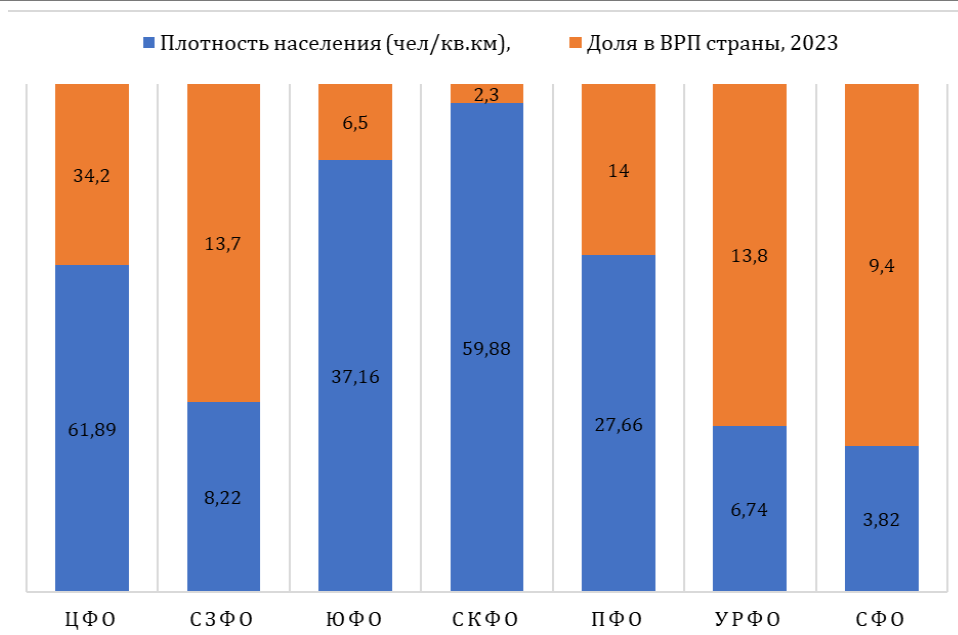

Рисунок 1. Соотношение ВРП и плотности населения в федеральных округах России, 2023 г.³

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года указано, что целью пространственного развития России является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития страны, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны⁴. Подобная трактовка целеполагания отразилась на отсутствии прямой связи между задачами и инструментами государственной пространственной политики. А поставленная цель предопределила существующий широкий набор инструментов территориального развития [Домнина 2022]. Кроме того, указанные инструменты оцениваются некоторыми учеными как спорные, существенной проблемой является ограниченный перечень используемых показателей и недостоверность муниципальной статистики [Зубаревич 2019].

Принципы систематизации управленческих инструментов пространственного развития

Пространственное развитие территорий основывается на инструментах, целями которых является достижение устойчивого социально-экономического развития регионов и повышение качества жизни населения. Инструменты пространственного развития представляют собой средства практической реализации управленческих решений по достижению целей территориального развития. В зависимости от поставленных задач инструменты государственного регулирования могут варьироваться: они могут быть направлены как на преодоление кризисных ситуаций, так и на стимулирование развития территорий.

Структура инструментов пространственного развития отражена в исследованиях отечественных ученых [Домнина 2022; Бухвальд 2020; Коваленко и др. 2021]. Так, А.Н. Швецов относит к элементам инструментов пространственного развития следующие пункты: 1) механизмы финансовых трансфертов регионам; 2) федеральные целевые программы; 3) институты развития; 4) особые правовые режимы для экономической и инвестиционной деятельности [Швецов 2018].

³ Составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М.: Росстат, 2023.

⁴ Распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (с изменениями на 30 сентября 2022 года)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.02.2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.

Подобного подхода к определению инструментов пространственного развития придерживается Е.М. Бухвальд, относя к инструментам государственной политики регионального развития государственные и региональные программы, национальные проекты, систему межбюджетных отношений и инвестиционные проекты [Бухвальд 2020]. Весьма распространено мнение о том, что основными механизмами пространственного развития являются государственные, региональные и ведомственные программы [Коваленко и др. 2021].

По мнению ряда исследователей, институты пространственного развития могут использоваться для преодоления барьеров и рисков в развитии территорий за счет следующих факторов устойчивого роста: усилия федеральных органов власти и органов местного самоуправления, развития человеческого капитала, государственно-частного партнерства, финансового регулирования в части государственной поддержки предприятий [Клевцова и др. 2018]. В работе В.А. Ильина и Т.В. Усковой выделено шесть ключевых групп инструментов развития региона: 1) административно-управленческие; 2) сдерживание перенаселенных районов; 3) распределение экономической деятельности в пространстве; 4) финансовое стимулирование компаний; 5) создание инженерной инфраструктуры; 6) «мягкие» меры стимулирования развития. При этом авторы полагают, что наиболее эффективными и быстрыми методами являются городские агломерации и кластеры [Ильин, Ускова 2012].

Другие ученые отмечают, что существующие подходы государственного регулирования являются унифицированными и не учитывают особенности территорий и их потенциала, также существует проблема несогласованности действий органов власти на разных уровнях. Среди них выделяют три ключевых направления: 1) народосбережение — разработка программ по стабилизации численности населения; 2) акселерация малого бизнеса за счет снятия административных барьеров и повышения предпринимательской квалификации; 3) развитие социальной сферы — разработка социальных стандартов, мониторинг уровня жизни, расширение социальных контрактов [Коваленко и др. 2021].

Однако комплекс управленческих инструментов пространственного развития на федеральном и региональном уровне описан у разных авторов фрагментарно, с разных позиций и ракурсов. Актуальной проблемой пространственного развития является дублирование и размытие инструментов, имело место распределение схожих по целям и задачам мероприятий и проектов по разным направлениям [Молчанов 2023].

На основе анализа работ отечественных ученых мы можем определить структуру инструментов пространственного развития регионов России (Рисунок 2). Систематизация инструментов пространственного развития может быть основана на следующих принципах:

- 1) объект управления — инструменты могут быть разработаны как федеральными органами власти, так и региональными или муниципальными властями;
- 2) место в структуре государственного стратегического планирования — наиболее распространенными формами инструментов пространственного развития в государственном управлении являются национальные проекты, государственные программы, приоритетные программы и проекты, особые экономические зоны, территории опережающего социально-экономического развития;
- 3) цель инструмента пространственного развития — они могут быть направлены на оперативное и точечное решение проблемы или же на повышение уровня социально-экономического развития в целом.

Рисунок 2. Комплекс управленческих инструментов по преодолению дифференциации пространственного развития региона⁵

Существует мнение, что решение проблемы пространственного развития можно решить с помощью создания единого инструмента развития территорий с особым режимом поддержки предпринимателей [Зубаревич 2019]. Однако с учетом разных характеристик российских регионов подобный универсалистский подход не сможет обеспечить решение всех вопросов пространственного развития территорий. В качестве решения проблемы систематизации Е.М. Бухвальд предлагает принятие законодательного акта, отражающего принципы пространственного развития [Бухвальд 2020]. Важно отметить, что решение проблемы инструментария пространственного развития регионов Российской Федерации не должно ограничиваться лишь принятием нормативно-правовых актов.

Инструменты пространственного развития регионов России должны соответствовать принципам системности и комплексности. Стоит согласиться с позицией И.Н. Молчанова о том, что в будущем будет превалировать «ориентирное» планирование, основанное на человеческом потенциале и неколичественных смысловых признаках [Молчанов 2023]. Так, Н.Е. Лактаева и И.В. Купцова отмечают актуальную тенденцию распространения экономики счастья как современного научного направления при исследовании макрорегиональных систем [Лактаева, Купцова 2023]. Кроме того, вопрос разработки инструментов регионального управления должен основываться на использовании современных экономических механизмов с использованием обработки данных и цифровых моделей [Журавлев 2020].

Оценка уровня пространственной дифференциации Сибирского и Дальневосточного федеральных округов по базовым показателям

В российской литературе существует множество подходов к оценке уровня пространственного развития регионов. Так, А.С. Воронов в целях оценки неоднородности развития регионов рассматривал показатели валового регионального продукта, денежных доходов, уровни заработной платы сотрудников организаций, объем и структуру государственного долга

⁵ Составлено авторами.

субъектов РФ [Воронов 2019]. П.А. Булочников и К.Б. Смирнов для оценки пространственной дифференциации российских регионов использовали показатели валового регионального продукта, уровня качества жизни и среднемесячной номинальной заработной платы [Булочников, Смирнов 2019]. Л.С. Архипова и Г.Ю. Гагарина при анализе пространственной дифференциации регионов Сибири оценили производительность труда и фондоотдачу, экологичность экономики регионов, факторы инновационной активности [Архипова, Гагарина 2019]. Зарубежные исследователи при оценке степени региональной пространственной дифференциации также учитывают развитие цифровой экономики [Shang et al. 2024], степень имплементации технологий «умного города» [Nurbatsin et al. 2023; Shang et al. 2024], точечное наличие невозобновляемых источников энергии [Song et al. 2024; Liu et al. 2024]. Существует также подход к оценке пространственного развития региона на основе показателей устойчивого развития: действующие предприятия, строительство в городских районах, количество распределенного газа и питьевой воды, площадь дорог общего пользования, ВВП, количество больничных коек, площадь лесов, возможности трудоустройства [Matei 2023].

Проблема дифференциации пространственного развития представляет собой угрозу не только экономической безопасности на национальном уровне, но и на уровне федеральных округов. М.В. Фомин и О.О. Смирнов отмечают, что восточные территории России характеризуются депопуляцией населения, низким уровнем экономической активности и слабой конкурентоспособностью [Фомин, Смирнов 2022]. Существенной проблемой пространственного развития регионов является замедленная динамика диверсификации экономики, недостаточная инфраструктурная обеспеченность и транспортная недоступность ряда сибирских территорий [Копуш, Леонтьева 2022].

Пространственное развитие регионов должно основываться на человеко-ориентированном подходе (human-centred economics) [Насырова 2022]. По этой причине при оценке пространственной межрегиональной дифференциации следует учитывать показатели, отражающие уровень и качество жизни населения. В целях оценки уровня пространственной дифференциации субъектов Сибирского федерального округа (СФО) и Дальневосточного федерального округа (ДВФО) были выбраны 9 субъектов с численностью населения до 1 миллиона человек. Для определения оценки пространственной дифференциации регионов была разработана методика, основанная на двух группах базовых показателей. Первая компонента — оценка человеческих ресурсов региона: плотность населения в расчете 1 чел. на кв. км, численность населения на 1 января 2023 г., место в рейтинге качества жизни российских регионов издания «РИА Рейтинг» (2023), доля занятого населения, % (Таблица 1).

**Таблица 1. Основные показатели степени пространственного развития регионов
Сибирского и Дальневосточного федеральных округов⁶**

№	Субъект/ показатель	Плотность населения, чел./ кв. км	Численность населения на 1 января 2023 г.	Место в рейтинге регионов по качеству жизни	Доля занятого населения
<i>Сибирский федеральный округ</i>					
1	Республика Алтай	2,26	210,8	79	39,3
2	Республика Тыва	2	337,3	85	32,9
3	Республика Хакасия	1,6	530,2	61	44
4	Томская область	3,34	1 052,1	49	47,3
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>					
5	Камчатский край	0,6	288,7	40	56,9
6	Амурская область	2,08	756,2	72	50,6
7	Магаданская область	0,29	134,3	51	64,5
8	Сахалинская область	5,28	460,6	31	59,8
9	Еврейская автономная область	4,06	147,5	83	42,5

Вторая группа базовых показателей отражает экономическую эффективность на основе валового регионального продукта в млрд руб., инвестиций в основной капитал в млрд руб., а также ввода в действие жилых домов в тыс. кв. м (Таблица 2).

Таблица 2. Экономические показатели субъектов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов⁷

№	Субъект/ показатель	ВРП в 2021 г., млрд руб.	Инвестиции в основной капитал, млрд руб.	Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м
<i>Сибирский федеральный округ</i>				
1	Республика Алтай	71	31,1	164,7
2	Республика Тыва	89	17,3	139,7
3	Республика Хакасия	308	48,2	321,0
4	Томская область	706	119,8	364,1
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>				
5	Камчатский край	338	90,9	67,4
6	Амурская область	531	464,1	378,6
7	Магаданская область	315	89,6	11,5
8	Сахалинская область	1 234	269,3	504,1
9	Еврейская автономная область	79	20,1	25,3

В целях обработки полученных данных был разработан рейтинговый индекс пространственного развития регионов на основе способа учета разнородных данных, используемых в машинном обучении:

$$R_j = C_1 A_1 + C_2 A_2 + C_3 A_3 + C_4 A_4 + C_5 A_5,$$

где C_j — коэффициент значимости; A_j — параметр, нормированный на 1.

Проведенный анализ позволил сформировать следующие индексные значения показателей пространственного развития регионов СФО и ДВФО (Таблица 3).

⁶ Составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М.: Росстат, 2023; Рейтинг регионов по качеству жизни — 2023 // РИА Рейтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20240212/630257500.html> (дата обращения: 24.02.2024)

⁷ Составлено авторами по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023. М.: Росстат, 2023.

**Таблица 3. Индексные значения показателей пространственного развития регионов
СФО и ДВФО⁸**

Параметр	Плотность	Численность	Место в рейтинге	Доля занятого населения	ВРП в 2021	Инвестиции в основной капитал	Ввод в действие жилых домов	
Значимость (C _j)	1	1	2	2	3	3	2	
<i>Сибирский федеральный округ</i>								
Субъект	Плотность	Численность	Место в рейтинге	Доля занятого населения	ВРП в 2021	Инвестиции в основной капитал	Ввод в действие жилых домов	Взвешенная сумма (R _j)
Республика Алтай	0,68	0,20	0,07	0,83	0,10	0,26	0,45	4,67
Республика Тыва	0,60	0,32	0,00	0,70	0,13	0,14	0,38	3,89
Республика Хакасия	0,48	0,50	0,28	0,93	0,44	0,40	0,88	7,69
Томская область	1,00	1,00	0,42	1,00	1,00	1,00	1,00	12,85
<i>Дальневосточный федеральный округ</i>								
Субъект	Плотность	Численность	Место в рейтинге	Доля занятого населения	ВРП в 2021	Инвестиции в основной капитал	Ввод в действие жилых домов	Взвешенная сумма (R _j)
Камчатский край	0,11	0,38	0,52	0,88	0,27	0,20	0,13	4,97
Амурская область	0,39	1,00	0,13	0,78	0,43	1,00	0,75	9,02
Магаданская область	0,05	0,18	0,39	1,00	0,26	0,19	0,02	4,39
Сахалинская область	1,00	0,61	0,63	0,93	1,00	0,58	1,00	11,46
Еврейская автономная область	0,77	0,20	0,00	0,66	0,06	0,04	0,05	2,70

На основе структурирования базовых показателей пространственного развития было произведено группирование регионов по полученным рейтинговым значениям (Рисунок 3).

⁸ Составлено авторами по Таблице 1, 2.

Рисунок 3. Распределение регионов Сибирского и Дальневосточного федерального округов по уровню индекса пространственного развития⁹

В первую группу (А) входят регионы с устойчивым состоянием пространственного развития: Томская область, Сахалинская область, Амурская область. Во вторую группу (В) стабильных регионов входит Республика Хакасия. Третья группа (С) относительно устойчивых регионов включает Камчатский край, Магаданскую область, Республику Алтай. В четвертую группу (D) нестабильных регионов входит Республика Тыва и Еврейская автономная область.

Распределение выбранных регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов по базовым показателям показало, что даже близрасположенные регионы в одном федеральном округе могут быть значительно дифференцированы по уровню социально-экономического развития, что потребует разработки индивидуальных управленческих инструментов, направленных на преодоление асимметрии развития территорий.

Заключение

Анализ показал, что необходимо совершенствование управленческих подходов к формированию инструментов пространственного развития с учетом реального уровня социально-экономического состояния территорий. Инструменты, реализуемые в регионах высокого уровня социально-экономического развития, должны отличаться от механизмов, используемых в регионах с низким или депрессивным уровнем развития. К примеру, депрессивные регионы России при отсутствии необходимых интеллектуальных или кадровых ресурсов даже при вливании средств федерального бюджета не смогут в полной мере разработать и использовать адекватные и долгосрочные инструменты преодоления пространственной дифференциации.

Решением проблемы пространственной дифференциации для регионов с низким или депрессивным уровнем развития может быть создание межрегиональных и межмуниципальных институтов взаимодействия. К примеру, полный цикл создания продукции может происходить на территории двух регионов: от добычи и обработки сырья до выпуска готовой продукции. Аккумуляция ресурсов регионов, как материальных, так и нематериальных, следует направить на разработку товаров и услуг, основанных на межрегиональном сотрудничестве.

⁹ Составлено авторами по Таблице 3.

Список литературы:

- Архипова Л.С., Гагарина Г.Ю. Пространственная дифференциация регионов РФ и их конкурентоспособность // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2015. № 4. С. 22–27.
- Булочников П.А., Смирнов К.Б. Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. 2019. № 4. С. 68–75. DOI: [10.25631/PEJ.2019.4.68.75](https://doi.org/10.25631/PEJ.2019.4.68.75)
- Бухвальд Е.М. Управление пространственным развитием российской экономики: цели и инструменты // Управленец. 2020. Т. 11. № 6. С. 2–14. DOI: [10.29141/2218-5003-2020-11-6-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-1)
- Воронов А.С. Пространственный подход в развитии социально-экономических систем регионов // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 75. С. 249–267.
- Домнина И.Н. Инструментарий пространственного стратегирования экономики: правовая база и практика применения // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12. № 6А. С. 133–145. DOI: [10.34670/AR.2022.71.64.016](https://doi.org/10.34670/AR.2022.71.64.016)
- Журавлев Д.М. Экономический механизм управления развитием региона // Вестник Московского Университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. № 1. С. 43–56.
- Зубаревич Н.В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. DOI: [10.32609/0042-8736-2019-1-135-145](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145)
- Ильин В.А., Ускова Т.В. Методы преодоления пространственной социально-экономической дифференциации // Федерализм. 2012. № 3(67). С. 7–18.
- Клевцова М.Г., Положенцева Ю.С., Степанова А.Р. Институциональные инструменты преодоления дифференциации экономического пространства в условиях глобализации // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. № 8(34). С. 148–155.
- Коваленко Е.Г., Полушкина Т.М., Якимова О.Ю., Акимова Ю.А. Инструменты преодоления внутреннего социально-экономического неравенства // Регионоведение. 2021. Т. 29. № 3. С. 611–641. DOI: [10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641)
- Копуш Д.-Х.М., Леонтьева Л.С. Актуальные тенденции пространственного развития регионов сибирского федерального округа // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 95. С. 161–174. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-95-161-174](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-161-174)
- Лактаева Н.Е., Купцова И.В. Перспективы использования концепции экономики счастья в оценке социально-экономического развития макрорегиона // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 101. С. 120–133. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-101-120-133](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-101-120-133)
- Леонтьева Л.С., Кудина М.В., Воронов А.С., Сергеев С.С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277–299. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-84-277-299](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-277-299)
- Молчанов И.Н. Страновое стратегическое планирование в контексте укрепления экономической безопасности // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2023. № 2. С. 141–159. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-141-159](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-141-159)
- Насырова С.И. Экономика, ориентированная на человека: разработка дефиниции // Russian Journal of Economics and Law. 2022. № 2. С. 258–274. DOI: [10.21202/2782-2923.2022.2.258-274](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.258-274)
- Фомин М.В., Смирнов О.О. Устойчивость пространственного развития регионов Сибири и Дальнего Востока России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 124–147. DOI: [10.17323/1999-5431-2022-0-1-124-147](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-124-147)
- Швецов А.Н. Инструменты политики поляризованного пространственного развития // Федерализм. 2018. № 1. С. 82–103.

Liu Yi., Yigitcanlar T., Guaralda M., Degirmenci K., Liu A. Spatial Modelling of Urban Wind Characteristics: Review of Contributions to Sustainable Urban Development // Buildings. 2024. Vol. 14. Is. 3. DOI: [10.3390/buildings14030737](https://doi.org/10.3390/buildings14030737)

Matei G. Spatial Efficiency of Romania's Development Regions from the Perspective of Sustainable Development // Management of Sustainable Development. 2023. Vol. 15. Is. 2. P. 19–27. DOI: [10.54989/msd-2023-0013](https://doi.org/10.54989/msd-2023-0013)

Nurbatsin A., Kireyeva A., Gamidullaeva L., Abdykadyr T. Spatial Analysis and Technological Influences on Smart City Development in Kazakhstan // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2023. Vol. 8. Is. 2. DOI: [10.24294/jipd.v8i2.3012](https://doi.org/10.24294/jipd.v8i2.3012)

Shang M., Zhang Sh., Yang Q. The Spatial Role and Influencing Mechanism of the Digital Economy in Empowering High-Quality Economic Development // Sustainability. 2024. Vol. 16. Is. 4. DOI: [10.3390/su16041425](https://doi.org/10.3390/su16041425)

Song S., Fang L., Yang J., Zhou R., Bai G., Qiu Y. The Spatial-Temporal Matching Characteristics of Water Resources and Socio-Economic Development Factors: A Case Study of Guangdong Province // Water. 2024. Vol. 16. Is. 2. DOI: [10.3390/w16020362](https://doi.org/10.3390/w16020362)

References:

Arkhipova L.S., Gagarina G.Yu. (2015) Spatial Differentiation of Russian Regions and Their Competitiveness. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya "Ekonomika i pravo"*. No. 4. P. 22–27.

Bukhvald E.M. (2020) Managing the Spatial Development of the Russian Economy: Goals and Tools. *Upravlenets*. Vol. 11. No. 6. P. 2–14. DOI: [10.29141/2218-5003-2020-11-6-1](https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-6-1)

Bulochnikov P.A., Smirnov K.B. (2019) Interregional Differentiation of Spatial Development of Regions of the Russian Federation. *Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal*. No. 4. P. 68–75. DOI: [10.25631/PEJ.2019.4.68.75](https://doi.org/10.25631/PEJ.2019.4.68.75)

Domnina I.N. (2022) Tools of Spatial Strategizing of the Economy: Legal Framework and Practice of Application. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra*. Vol. 12. No. 6A. P. 133–145. DOI: [10.34670/AR.2022.71.64.016](https://doi.org/10.34670/AR.2022.71.64.016)

Fomin M.V., Smirnov O.O. (2022) Spatial Development Sustainability of Siberia and the Russian Far East Regions. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. No. 1. P. 124–147. DOI: [10.17323/1999-5431-2022-0-1-124-147](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2022-0-1-124-147)

Ilyin V.A., Uskova T.V. (2012) Methods of Overcoming the Spatial Socio-Economic Differentiation. *Federalism*. No. 3(67). P. 7–18.

Klevtsova M.G., Polozhentseva Yu.S., Stepanova A.R. (2018) Institutional Instruments to Overcome Differentiation of Economic Space in the Conditions of Globalization. *Innovatsionnaya ekonomika: Perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya*. No. 8(34). P. 148–155.

Kopush D-Kh.M., Leontieva L.S. (2022) Current Trends in the Spatial Development of Siberian Federal District Regions. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 95. P. 161–174. DOI: [10.24412/2070-1381-2022-95-161-174](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-95-161-174)

Kovalenko E.G., Polushkina T.M., Yakimova O.Yu., Akimova Yu.A. (2021) Tools to Overcome Internal Socio-Economic Inequality. *Regionologiya*. Vol. 29. No. 3. P. 611–641. DOI: [10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641](https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.611-641)

Laktaeva N.E., Kuptsova I.V. (2023) Prospects of Using Happiness Economics Concept in Assessing a Macroregion Socio-Economic Development. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 101. P. 120–133. DOI: [10.24412/2070-1381-2023-101-120-133](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2023-101-120-133)

Leontieva L.S., Kudina M.V., Voronov A.S., Sergeev S.S. (2021) Creating National Digital Sovereignty in the Context of Spatial Development Differentiation. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 84. P. 277–299. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-84-277-299](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-277-299)

- Liu Yi., Yigitcanlar T., Guaralda M., Degirmenci K., Liu A. (2024) Spatial Modelling of Urban Wind Characteristics: Review of Contributions to Sustainable Urban Development. *Buildings*. Vol. 14. Is. 3. DOI: [10.3390/buildings14030737](https://doi.org/10.3390/buildings14030737)
- Matei G. (2023) Spatial Efficiency of Romania's Development Regions from the Perspective of Sustainable Development. *Management of Sustainable Development*. Vol. 15. Is. 2. P. 19–27. DOI: [10.54989/msd-2023-0013](https://doi.org/10.54989/msd-2023-0013)
- Molchanov I.N. (2023) Country Strategic Planning in the Context of Strengthening Economic Security. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 2. P. 141–159. DOI: [10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-141-159](https://doi.org/10.55959/MSU2073-2643-21-2023-2-141-159)
- Nasyrova S.I. (2022) Human-Oriented Economy: Elaborating a Definition. *Russian Journal of Economics and Law*. No. 2. P. 258–274. DOI: [10.21202/2782-2923.2022.2.258-274](https://doi.org/10.21202/2782-2923.2022.2.258-274)
- Nurbatsin A., Kireyeva A., Gamidullaeva L., Abdykadyr T. (2023) Spatial Analysis and Technological Influences on Smart City Development in Kazakhstan. *Journal of Infrastructure, Policy and Development*. Vol. 8. Is. 2. DOI: [10.24294/jipd.v8i2.3012](https://doi.org/10.24294/jipd.v8i2.3012)
- Shang M., Zhang Sh., Yang Q. (2024) The Spatial Role and Influencing Mechanism of the Digital Economy in Empowering High-Quality Economic Development. *Sustainability*. Vol. 16. Is. 4. DOI: [10.3390/su16041425](https://doi.org/10.3390/su16041425)
- Shvetsov A.N. (2018) The Instruments of Polarized Spatial Development Policy. *Federalism*. No. 1. P. 82–103.
- Song S., Fang L., Yang J., Zhou R., Bai G., Qiu Y. (2024) The Spatial-Temporal Matching Characteristics of Water Resources and Socio-Economic Development Factors: A Case Study of Guangdong Province. *Water*. Vol. 16. Is. 2. DOI: [10.3390/w16020362](https://doi.org/10.3390/w16020362)
- Voronov A.S. (2019) Spatial Approach in the Development of Regions' Socio-Economic Systems. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 75. P. 249–267.
- Zhuravlev D.M. (2020) The Economic Mechanism of Regional Development Management. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 1. P. 43–56.
- Zubarevich N.V. (2019) Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments. *Voprosy ekonomiki*. No. 1. P. 135–145. DOI: [10.32609/0042-8736-2019-1-135-145](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145)

Дата поступления/Received: 31.01.2024

Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ

Логунцова Ирина Вячеславовна

Кандидат экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [8414-0525](#), ORCID: [0000-0002-1131-0878](#), loguntsova@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Зайцева Александра Сергеевна

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [4085-8187](#), ORCID: [0009-0000-8386-5074](#), alexandrazaytseva01@gmail.com

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Применение маркетинговых инструментов в государственном и муниципальном управлении, одним из которых является геобрендинг, становится все более распространенной практикой. Многие города нашей страны стремятся создать свои уникальные геобренды, основанные на конкурентных преимуществах, чтобы продвигать собственные ценности и интересы на высококонкурентном «рынке территорий», а также привлекать необходимые ресурсы, в том числе туристов, инвесторов, жителей и т.д., в зависимости от поставленных задач. Стратегия геобрендинга города направлена не только на внешнюю, но и на внутреннюю аудиторию (население, местный бизнес, органы власти и пр.), что помогает повышать лояльность горожан к месту их проживания. Более того, местные жители в процессе взаимодействия с внешним миром сами по себе становятся носителями бренда своего города. Статья посвящена исследованию актуального состояния геобрендинга в России на примере административных центров субъектов РФ. Исследование проводилось посредством контент-анализа коммуникационной сети Интернет в ноябре–декабре 2023 года. В результате составлена классификация, в которой города были распределены по трем группам: города, имеющие документально оформленные концепции брендинга и иные признаки системной маркетинговой активности; города с признаками системного геобрендинга, но являющиеся лишь частью регионального бренда или туристического маршрута (без самостоятельного бренда); города без признаков системного геобрендинга. На основе проведенного анализа были также выявлены общие тренды в сфере российского геобрендинга городов и составлены рекомендации для каждой из групп городов полученной классификации.

Ключевые слова

Геобренд, геобрендинг, бренд территории, территориальный бренд, брендинг территории, территориальный брендинг, маркетинг территории, территориальный маркетинг, бренд города, городской брендинг, туристический бренд, туристический брендинг, «столицы» регионов России, брендинг российских городов, маркетинг российских городов

Для цитирования

Логунцова И.В., Зайцева А.С. Брендинг российских городов: обзор практики региональных «столиц» РФ // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 164–176. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-164-176

Branding of Russian Cities: Practice Review of Russian Federation Regional “Capitals”

Irina V. Loguntsova

PhD, Associate Professor, ORCID: [0000-0002-1131-0878](#), loguntsova@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alexandra S. Zaytseva

Postgraduate student, ORCID: [0009-0000-8386-5074](#), alexandrazaytseva01@gmail.com

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The use of marketing tools in state and municipal management, one of which is geo-branding, is becoming an increasingly common practice. Many cities in our country strive to create their own unique geo-brands based on their competitive advantages in order to promote their own values and interests in the highly competitive “territory market”, as well as attract the necessary resources, including tourists, investors, residents, etc., depending on the tasks set. The city’s geo-branding strategy is aimed not only at external, but also at internal audiences (the population, local businesses, authorities, etc.), which helps to increase the loyalty of citizens to their place of residence. Moreover, in the process of interacting with the outside world, local residents themselves become bearers of their city’s brand. The article is devoted to the study of the current state of geo-branding in Russia on the example of the administrative centers of the subjects of the Russian Federation. The study was conducted through content analysis of the Internet communication network in November–December 2023. As a result, a classification was compiled in which cities were divided into three groups: cities with documented branding concepts and other signs of systemic marketing activity; cities with signs of systemic geo-branding, but being only part of a regional brand or tourist route (without an independent brand); cities without signs of systemic geo-branding. Based on the analysis, general trends in the field of Russian city geo-branding were also identified and recommendations were made for each of the groups of cities of the received classification.

Keywords

Geo-brand, geo-branding, territory brand, territorial brand, territory branding, territory marketing, territorial marketing, city brand, urban branding, tourist brand, tourist branding, “capitals” of Russian regions, branding of Russian cities, marketing of Russian cities.

For citation

Loguntsova I.V., Zaytseva A.S. (2024) Branding of Russian Cities: Practice Review of Russian Federation Regional "Capitals". *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 164–176. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-164-176

Введение. Что такое геобренд и геобрендинг?

Сегодня в России более тысячи городов, и каждый из них не похож на другой. Современный город — полноправный субъект экономики, и поэтому важнейшими задачами его развития являются быстрое реагирование на изменения, адаптация к внешним угрозам, использование имеющихся возможностей роста, а иногда «изобретение себя заново». Глобализация, а также конкуренция за ресурсы стали главными предпосылками появления такой концепции, как брендинг городов (геобрендинг), развивающейся в контексте более широкой проблематики — маркетинга территорий. Успешный брендинг городов позволяет привлекать инвесторов, туристов, квалифицированные кадры, создавать условия для развития инноваций и повышения благосостояния горожан, увеличивать лояльность к местным брендам, экспортировать товары и многое другое. Последние десятилетия многие города мира ставят перед собой задачу создать уникальный и конкурентоспособный геобренд¹.

На рубеже XX и XXI века практика городского брендинга становится общепринятой как за рубежом, так и в нашей стране. Об актуальности данного направления сказано в том числе и в одном из важнейших документов стратегического планирования в России — Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, где «продвижение уникальных локальных брендов» указано в перечне основных направлений пространственного развития России².

Современные города производят различные товары и услуги, но усилия производителей (бизнеса, власти и пр.) по их сбыту чаще всего не согласованы друг с другом, а иногда конфликтуют между собой. Отсюда возникает необходимость создания единого положительного образа, бренда, подобно тому, как это происходит в корпоративной среде, через который можно транслировать конкурентные преимущества городских товаров и услуг. Ключевым моментом здесь является то, что главную идею бренда нужно искать не где-то во внешнем мире, а внутри, то есть она должна отражать уже существующую городскую идентичность (представление самих жителей об уникальности и отличительных характеристиках их города) [Визгалов 2011, 11].

Процесс формирования бренда города (брендинг) имеет прежде всего социальную направленность, его результатом должно стать позитивное воздействие на развитие всего городского сообщества. Важным принципом городского брендинга является постоянное взаимодействие с целевыми аудиториями.

Примечательно, что иногда бренд города формируется «стихийно», в результате исторического стечения обстоятельств, без каких-либо специальных усилий заинтересованных сторон (стейкхолдеров). Однако это больше исключение, чем правило. Например, образ Санкт-Петербурга как достояния Российской Империи и Советского Союза, как культурной столицы сложился исторически. Впервые культурной столицей этот город назвал первый президент РФ Борис Ельцин. Данное выражение стало крылатым и закрепилось как одно из обозначений Санкт-Петербурга³. На наш взгляд, в условиях усиливающейся конкуренции за ресурсы не стоит уповать на счастливый случай. Большинство успешных геобрендов сегодня — результат целенаправленной работы органов власти, представителей бизнеса и местного сообщества.

¹ В настоящей работе термины «бренд территории» и «геобренд» используются в качестве синонимов.

² Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития на период до 2025 г.» // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/72174066/> (дата обращения: 11.01.2024).

³ Почему Санкт-Петербург «культурная столица России»? // Культура.РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/sankt-peterburg/?ysclid=lowvk42loh309433701> (дата обращения: 11.01.2024).

Например, можно вспомнить такие бренды, как Урюпинск — столица российской провинции, Добрая — столица доброты, Великий Устюг — родина Деда Мороза и пр.

Брендинг города предполагает долговременную и системную работу с использованием междисциплинарного и стратегического подходов, результаты которой, как правило, можно ощутить не в одночасье, а лишь спустя какое-то время. Между тем эффективный брендинг способен создать привлекательный имидж города, который будет способствовать тому, чтобы на него обратили внимание потребители, что, в свою очередь, обеспечит спрос на сам город. Другими словами, благодаря брендингу город может стать уникальным «продуктом», имеющим отличительные и неповторимые свойства, то есть обладать высокой потребительской ценностью.

Восприятие города, с одной стороны, как производителя, а с другой стороны, как продукта на современном рынке обосновывает необходимость использования в практике городского управления инструментов маркетинга, в частности брендинга (в качестве его составной части).

Таким образом, бренд города — сложный комплекс уникальных свойств конкретного города, сформированных стихийно или целенаправленно, которые выделяют его среди других городов, привлекают необходимые ресурсы и определяют конкурентные позиции данного города. Кроме того, бренд города должен быть запоминающимся и узнаваемым.

На наш взгляд, концепция брендинга города играет большую роль в системе государственного и муниципального управления, поскольку помогает достичь поставленных целей, связанных с устойчивым развитием, экономическим ростом и качеством жизни населения.

Городской брендинг — часть системы управления территориями, представляющая собой одну из технологий маркетинга, направленную на формирование положительного и привлекательного образа города для внутренних и внешних целевых аудиторий с целью достижения сбалансированного, комплексного и устойчивого развития города и повышения качества жизни местных жителей.

В последние годы глобальным трендом геобрендинга становится использование современных технологий и инноваций [Ропомарев, Ivshin 2020]. Появляется все больше случаев нестандартного, креативного продвижения брендов городов. В качестве примера можно назвать использование анимации и сторителлинга как элементов маркетинговой коммуникации геобренда [Багреева 2023].

Активное развитие интернет-коммуникаций и социальных сетей в последние годы расширяет возможности городского брендинга, позволяя эффективно распространять информацию, придавая ему все большую значимость, поскольку бренды существуют только в пространстве коммуникаций. Нет коммуникаций, нет и брендов.

Целью данной статьи является оценка актуального состояния геобрендинга административных центров («столиц») субъектов РФ (за исключением четырех новых регионов — Донецкой Народной Республики (ДНР), Луганской Народной Республики (ЛНР), Запорожской и Херсонской областей, присоединившихся к Российской Федерации в 2022 г., потенциал брендинга которых еще предстоит оценить по завершении периода интеграции). Кроме того, было принято решение исключить из списка исследуемых регионов Ленинградскую область (г. Гатчина стала официальным административным центром Ленинградской области недавно, только в 2023 г.), а также Московскую область (согласно Уставу Московской области, административный центр области не определен⁴).

⁴ Однако фактически это город Москва, а также г. Красногорск, в котором расположена часть органов государственной власти (в том числе Правительство области). Очень вероятно, что в ближайшем будущем г. Красногорск станет официальным административным центром Московской области.

Задачи исследования состояли в проведении контент-анализа информационных интернет-ресурсов по каждой региональной «столице», в обобщении информации и формировании классификации городов по уровню развития их геобрендов с дальнейшим формулированием рекомендаций по позиционированию и продвижению городов. Подобное исследование проводилось впервые.

Авторы не претендуют на наличие всесторонних результатов исследования в силу ограниченности ресурсов для его проведения. Более того, для максимально объективной оценки текущего состояния брендинга городов в РФ необходимо будет в дальнейшем рассмотреть не только имеющийся массив интернет-источников, но также и другие переменные, в том числе изучить сложившееся восприятие исследуемых городов со стороны внутренних и внешних целевых аудиторий. Другими словами, авторы всего лишь приглашают своих читателей к размышлению над актуальной и весьма интересной, на наш взгляд, темой.

Проблематика брендинга городов в российской и зарубежной научной литературе

Брендинг городов как часть маркетинга территорий — сравнительно молодая концепция, возникшая в постиндустриальную эпоху и продолжающая развиваться сегодня. Первые авторитетные научные работы по маркетингу и брендингу территорий появляются в конце XX столетия. Прежде всего стоит выделить книгу известного маркетинголога Ф. Котлера и его коллег, в которой авторы одними из первых утверждают, что современным территориям, подобно коммерческим товарам и услугам, следует использовать инструменты маркетинга для привлечения необходимых ресурсов [Котлер и др. 2005].

К числу основоположников концепции брендинга территорий принято относить независимого политического консультанта по вопросам национального имиджа С. Анхольта, который одним из первых стал использовать термин «брендинг мест» и является автором концепции конкурентной идентичности, согласно которой бренд территории формируют шесть элементов: население, туризм, экспорт, культура, инвестиции и политика [Anholt 2007, 2].

Известным специалистом по брендингу городов является К. Динни, научный редактор ведущего международного журнала «Брендинг территорий и общественная дипломатия». В книге под его редакцией исследуются особенности брендинга различных городов мира: Барселоны, Парижа, Нью-Йорка, Монтевидео, Аккры и многих других. В работе отмечается связь имиджа и репутации города с его привлекательностью с точки зрения жизни, туризма и инвестирования [City Branding 2011].

На сегодняшний день библиография по проблематике маркетинга территорий, и в частности брендинга городов, насчитывает большое количество книг и статей разных авторов из многих стран. Так, например, о возрастающем интересе к данной теме в научном сообществе говорится в статье латиноамериканских авторов, в которой рассматриваются все научные публикации по теме городского брендинга в базах Web of Science и Scopus с 1987 г. по 2021 г. Авторы отмечают, что создание бренда города — сложный процесс, который не стоит полностью отождествлять с формированием бренда в коммерческом секторе и в который должны быть включены все заинтересованные стороны городского сообщества. Авторы определяют четыре направления перспективных исследований по брендингу современных городов: бренд города как элемент маркетинга территорий, анализ заинтересованных сторон в брендинге города, управление брендом города, социальное и экономическое влияние бренда города [Duque Oliva et al. 2022, 4–6].

Одной из первых теоретических работ в РФ, посвященной маркетингу территорий, стала книга А.П. Панкрухина, в которой рассматривается три уровня маркетинга территорий: уровень страны, уровень региона, уровень города. Автор затрагивает и вопросы брендинга мест [Панкрухин 2006].

Значимый вклад не только в теорию, но и в практику маркетинга и брендинга российских территорий внес Д.В. Визгалов. Его работы, в том числе книга «Брендинг города», отличается большая практикоориентированность. Они не теряют своей актуальности и сегодня. Так, например, Д.В. Визгалов подчеркивает, что ключевой аудиторией в маркетинге и брендинге мест являются местные жители [Визгалов 2011].

Еще один видный специалист в сфере брендинга российских территорий (в том числе городов) — П.Е. Родькин, в сферу его научных интересов входят прежде всего вопросы визуальной айдентики мест, ключевым элементом которой являются логотипы городов, регионов и стран. Территориальные ассоциации, по мнению П.Е. Родькина, со временем приобретают множественный характер и формируют «стабильную смысловую и знаковую матрицу восприятия территории» ее целевыми аудиториями. К своеобразным «маркерам территорий» он относит архитектуру, природу, продукты, персоналии, мифологию и историю (для г. Вологды, например, такими маркерами являются молочные продукты и кружево) [Родькин 2021, 22].

В.А. Дубейковский обобщает практику брендинга прежде всего малых городов России, формулирует проблемное поле в данной сфере, а также полагает, что кажущиеся на первый взгляд конкурентные недостатки провинциальных городов при помощи инструментов маркетинга можно превратить в конкурентные преимущества [Дубейковский 2014].

Одной из последних интересных работ по брендингу городов в РФ можно считать статью П.Ю. Макарова, М.В. Соколовой, А.Е. Илларионова. По мнению авторов, в российских малых городах по большей части практика брендинга имеет краткосрочный горизонт реализации и не всегда связана с задачами развития городов. Кроме того, отмечаются ресурсные ограничения городского брендинга [Макаров и др. 2023].

О сложностях в реализации городского брендинга в РФ говорится также в работе Г.Г. Павловой, В.А. Корбут, в которой авторы справедливо указывают на то, что городские власти нередко относятся к брендингу не как к стратегии, а как к созданию «красивой картинки», логотипа, после чего дальнейшего развития не наблюдается [Павлова, Корбут 2023].

При всем тематическом многообразии и большом количестве научных работ по маркетингу и брендингу мест в России ощущается недостаток обзорных исследований в масштабах всего государства.

Геобренды «столиц» субъектов РФ: актуальное состояние (результаты исследования)

Чтобы понять современное состояние брендинга российских городов, авторы статьи провели исследование, включавшее в себя анализ административных центров субъектов РФ. Как правило, такие центры являются крупнейшими городами по населению и бюджету в регионе. Кроме того, в большинстве этих городов наблюдается консолидация инвестиционных и человеческих ресурсов, а также культурных и социально значимых объектов региона, которые формируют конкурентные преимущества и расширяют возможности продвижения не только самого города, но и региона в целом. Региональные «столицы» также являются транспортными узлами регионов — иногда с единственным в субъекте пассажирским аэропортом, крупным ж/д вокзалом, портом и т.п.

На наш взгляд, наличие яркой локальной идентичности города, выраженной в концепции его геобренда, помогает развиваться как самому городу, так и остальной территории субъекта.

Анализ административных центров субъектов РФ проводился по состоянию на ноябрь–декабрь 2023 года. Исследовалось 83 субъекта РФ, за исключением четырех новых регионов, присоединившихся к России в 2022 г., а также Ленинградской и Московской областей.

В числе составляющих геобренда авторами настоящей работы были определены следующие элементы:

- документально оформленная концепция брендинга города;
- разработанная визуальная айдентика города;
- кобрендинг с другими территориями⁵;
- иные виды маркетинговой активности (наличие брендированного информационного портала, брендированной сувенирной продукции, брендированных товаров и услуг местного производства, продвижение в соцсетях и на других площадках и пр.).

Важно заметить, что в фокусе нашего исследования были только формальные признаки создания геобренда в коммуникационной сети Интернет. Как было отмечено выше, для оценки «силы» или «слабости» того или иного бренда города необходим более комплексный подход, включающий, в частности, определение уровня реализации принятых концепций и стратегий, а также изучение сложившегося восприятия имиджей городов у внешних и внутренних аудиторий как онлайн, так и офлайн. При условии наличия необходимых ресурсов авторы планируют осуществить подобный комплексный подход к анализу геобрендинга в российских городах в своих дальнейших исследованиях.

Методологию настоящего исследования составлял контент-анализ в интернет-среде с использованием ключевых слов по теме геобрендинга (бренд города, геобренд, позиционирование города, продвижение бренда, логотип, бренд-бук, туристический портал, инвестиционный портал, официальный сайт, городской сайт и др.) с упоминанием каждого конкретного города. Исследование проводилось отдельно по каждой региональной «столице». Подборка ключевых слов создавалась с использованием сервиса «[ЯндексВордстат](#)», который позволяет отображать самые популярные формулировки поисковых запросов по каждой конкретной теме или территории. Таким образом, был получен перечень самых релевантных формулировок, то есть те слова и словосочетания, которые используются интернет-пользователями для поиска информации о городе и его бренде.

Стоит заметить, что полученные результаты поисковой выдачи являлись свидетельством доступности информации о городе и его бренде в коммуникационной сети Интернет, простоты поиска информации через популярные поисковые сервисы («Яндекс»). Используемые ключевые слова, указанные выше, отображали релевантные интернет-ресурсы по каждому конкретному городу, а отсутствие искомых ссылок говорило о том, что территория слабо продвигается в интернете, так как по самым используемым поисковым запросам информация не была предоставлена.

В число используемых для анализа релевантных интернет-ресурсов чаще всего попадали официальные интернет-порталы администраций городов, их туристические и инвестиционные интернет-площадки, региональные средства массовой информации, включая социальные сети.

Помимо этого, в исследовании анализировались государственные закупки через единую информационную систему в сфере закупок (ЕИС) по указанным видам деятельности, а именно маркетинг, брендинг территории и его составляющие (разработка мастер-плана, визуальной айдентики и др.), в отношении того или иного города.

⁵ Объединение нескольких брендов, предполагающее комплексное предложение для целевых аудиторий.

В результате проведенного исследования административные центры субъектов РФ были условно распределены по трем группам (Таблица 1):

- города, имеющие документально оформленные концепции брендинга и иные признаки системной маркетинговой активности;
- города с признаками системного геобрендинга, но являющиеся лишь частью регионального бренда или туристического маршрута (без самостоятельного бренда);
- города без признаков системного геобрендинга.

Таблица 1. Классификация городов РФ по уровню развития геобрендинга⁶

Города, имеющие документально оформленные концепции брендинга и иные признаки системной маркетинговой активности	Города с признаками системного геобрендинга, но являющиеся лишь частью регионального бренда или туристического маршрута (без самостоятельного бренда)	Города без признаков системного геобрендинга
Абакан, Астрахань, Барнаул, Белгород, Благовещенск, Брянск, Великий Новгород, Владивосток, Владимир, Вологда, Грозный, Екатеринбург, Иваново, Ижевск, Иркутск, Йошкар-Ола, Казань, Кемерово, Киров, Кострома, Красноярск, Магадан, Москва, Мурманск, Нарьян-Мар, Нижний Новгород, Омск, Псков, Орел, Пенза, Петрозаводск, Петропавловск-Камчатский, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Санкт-Петербург, Самара, Саратов, Севастополь, Смоленск, Ставрополь, Сыктывкар, Тверь, Томск, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Уфа, Хабаровск, Ханты-Мансийск, Чебоксары, Челябинск, Южно-Сахалинск, Якутск, Ярославль.	Анадырь, Архангельск, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Горно-Алтайск, Калининград, Калуга, Краснодар, Курган, Курск, Кызыл, Магас, Махачкала, Нальчик, Новосибирск, Оренбург, Салехард, Саранск, Тамбов.	Биробиджан, Липецк, Майкоп, Симферополь, Черкесск, Чита, Элиста.

Таким образом, признаки самостоятельного систематического геобрендинга имеют 56 административных «столиц» (67,5% от общего количества), 20 городов (24%) являются частью общего регионального бренда (или туристического маршрута), а 7 (8,4%) не имеют убедительных элементов системного геобрендинга.

Одна из ключевых тенденций развития всех исследуемых городов — преобладание туристической составляющей в существующих геобрендах, то есть их целью является увеличение турпотока. Данная тенденция отражает актуальную внутреннюю политику государства, связанную с активным развитием внутреннего туризма, о чем, в частности, говорится в Государственной программе «Развитие туризма»: «Росту конкурентоспособности и раскрытию потенциала туристского продукта Российской Федерации будут способствовать ... достижение уровня мировых лидеров в развитии цифровой инфраструктуры и бесконтактных сервисов, развитие цифровых платформ продвижения туристских продуктов и брендов, цифровых средств навигации и формирования туристского продукта»⁷.

Большая часть административных центров субъектов РФ (67,5%) имеет документально оформленные концепции брендинга (самостоятельные, отличные от региональных брендов) и иные признаки маркетинговой активности. Это означает, что данные города стремятся сформулировать свое уникальное позиционирование, которое направлено на повышение их узнаваемости, а также на формирование позитивных ассоциаций, возникающих при упоминании этих городов. В данной группе больше всего геобрендов, ориентированных на повышение туристической привлекательности городов. В большинстве из них разработаны концепции брендинга, реализация которых, в частности,

⁶ Составлено авторами.

⁷ Постановление Правительства РФ от 24.12.21 № 2439 «Об утверждении Государственной программы Российской Федерации «Развитие туризма». С. 7 // Министерство экономического развития РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/048e1f4ad124e712d8773d0a5fdb8006/gos_programma_rf_razvitie_turizma_13022024.pdf (дата обращения: 14.02.2024).

выражена в едином визуальном стиле оформления официальных городских интернет-ресурсов, включая туристические порталы и сувенирную продукцию.

Проведенный анализ также показал, что в первой группе городов инициатива по брендингу и продвижению принадлежит не только местным властям. Например, в г. Улан-Удэ значительную роль в создании геобренда сыграли местные лидеры общественного мнения и городские активисты. В городе существует центр креативных индустрий «Хэб-Хаб», который совместно с администрацией города участвовал в конкурсе на получение финансирования деятельности по брендингу территории⁸. Примечательно, что во многих городах первой группы в соответствующих концепциях бренд города рассматривается в качестве важнейшего компонента жизни местного населения, направленного на повышение лояльности горожан и укрепление всего городского сообщества, а также на продвижение локальной идентичности. Концепция и практика брендинга включает в себя организацию различных событийных мероприятий, досуговых и просветительских, вовлечение горожан в волонтерскую деятельность и общественную жизнь города.

В первую группу городов также вошли города, которые имеют принадлежность к общим с другими городами и регионами территориальным брендам. В отличие от второй группы, в таких кобрендинговых проектах отдельно акцентируется локальная идентичность каждого города-участника. Так, например, города Иваново, Тверь, Ярославль, Белгород позиционируются и как самостоятельные бренды, и как части региональных брендов.

Существуют и межрегиональные бренды, такие как «Южный Урал», «Енисейская Сибирь», «Arctic Russia» и другие, в концепциях которых выделяется каждый отдельный город-участник. Важной целью создания данных брендов является стимулирование туризма и инвестиций.

Геобренды городов первой группы нашей классификации также отличает наличие доступных и современных информационных ресурсов. Стоит отметить возможность быстрого поиска необходимой информации, включая информацию о локальной идентичности. Соответствующие интернет-порталы созданы в соответствии с целями продвижения и с учетом потребностей целевых аудиторий. Например, туристический портал Нижнего Новгорода имеет привлекательное оформление в единой стилистике и логотип, включает в себя информацию для туристов с различными запросами (разнообразные событийные мероприятия и достопримечательности, а также отдельный детский путеводитель), содержит подборки мест размещения и досуга, а также предусматривает опцию поиска авиа- и ж/д билетов (перенаправляя на сайт партнеров).

В ряде городов, например в Москве и Казани, формирование геобренда основывается на четком разделении ключевых целевых аудиторий, для каждой из которых предусмотрены отдельные интернет-площадки, в результате чего можно выделить своего рода «суббренды»: инвестиционный, туристический и бренд, направленный на взаимодействие с местными жителями. Каждый из соответствующих интернет-ресурсов содержит актуальное информационное наполнение, которое регулярно обновляется, обладает уникальной визуальной айдентикой и собственными принципами продвижения. Подобная ситуация характерна для крупнейших городов (в первую очередь для городов-миллионников), которым сложнее сконцентрироваться на какой-то одной «универсальной» идее бренда, которая смогла бы удовлетворить все заинтересованные стороны. Вопрос о том, на какой составляющей общего бренда делать акцент в системе маркетинговых коммуникаций города, каждый из этих городов должен решить для себя самостоятельно, в зависимости от поставленных задач, иначе имидж города будет «размываться», то есть его позиционирование будет не очень четким.

⁸ В Улан-Удэ проект «Сайнуу» создает локальный бренд города // Вести Бурятия [Электронный ресурс]. URL: <https://bgtrk.ru/news/society/236807/> (дата обращения: 15.01.2024).

Первая группа региональных центров субъектов РФ, выделенная в ходе исследования, условно представляет собой лучшие практики по созданию геобрендов российских городов и их дальнейшему продвижению⁹. Города первой группы характеризует высокая доступность информации о них, использование инструментов интернет-коммуникаций, наличие оформленных концепции брендинга.

Дальнейшее развитие геобрендов городов первой группы целесообразно осуществлять на основе профессиональных маркетинговых исследований, направленных на выявление и согласование актуальных интересов заинтересованных сторон в привлечении ресурсов, а также на процветание города. Работа по развитию геобрендов должна проводиться системно и на постоянной стратегической основе, при условии постоянного контакта с целевыми аудиториями и с использованием современных инструментов коммуникации. Смена городских властей не должна приводить к кардинальным изменениям в стратегиях брендинга.

Вторая группа, выделенная в ходе исследования, состоит из городов, чьи бренды отождествляются по большей части с локальной идентичностью их регионов, то есть самостоятельные уникальные идеи брендов «столиц» этих регионов не сформулированы.

Информация о городах из второй группы, как правило, включена в общий туристический, инвестиционный и прочие интернет-порталы субъекта. Объектами продвижения могут являться, например, региональные туристические маршруты, в которых «столица» региона служит лишь транспортно-пересадочным пунктом. Примечательно, что во второй группе оказалось сразу несколько административных «столиц» из Северо-Кавказского федерального округа: г. Махачкала, г. Магас, г. Нальчик. Локальная идентичность регионов этого округа представлена в основном горным туризмом, кавказскими природными и культурными памятниками, гастрономическими продуктами кавказской кухни. Другими словами, продвигается бренд всего региона, а его административный центр является «воротами» на пути к знакомству с региональными туристическими и иными продуктами субъекта. В данном случае бренд административного центра неотделим от бренда региона. С одной стороны, это является плюсом и интегрирует большую территорию в городской бренд, но, с другой стороны, такая ситуация не дает возможности раскрыть в полной мере конкурентные преимущества города, чтобы привлечь больше внимания со стороны туристов, инвесторов и других целевых аудиторий. «Столицы» регионов, представленных во второй группе нашей классификации, не имеют самостоятельного бренда, отдельных туристических и/или инвестиционных порталов.

Приведем еще один пример из второй группы городов нашей классификации — г. Архангельск, «столица» Архангельской области.

С одной стороны, с городом связан ряд устоявшихся в общественном сознании ассоциаций: начало Арктики, первый морской порт России, место рождения М.В. Ломоносова, родина снеговика. С другой стороны, бренд этого северного города развивается не сам по себе, а как часть бренда Архангельской области. Ключевая идея бренда Архангельской области — территория максимальных проявлений природы, техники и силы духа. Похожая ситуация сложилась и у многих других городов второй группы нашего исследования.

В данной группе также есть города, которые принадлежат субъектам, в которых имеется официально зарегистрированный региональный бренд (товарный знак, знак обслуживания). Например, товарный знак «Горный Алтай»¹⁰ предназначен для продвижения продуктов (товаров

⁹ Повторимся, что оценивались только формальные признаки маркетинговой активности городов в коммуникационной сети Интернет.

¹⁰ Бренд «Горный Алтай» // Правительство Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <https://минэко04.рф/activity/razvitiye-predprinimatelstva-v-respublike-altay/brend-gornyy-altay/> (дата обращения: 11.01.2024).

и услуг), произведенных в Республике Алтай, на внутреннем и внешнем рынках, а также в целях повышения узнаваемости Республики.

Помимо особенностей второй группы городов, указанных выше, стоит отметить, что совмещение образа города с брендом всего региона иногда является целенаправленной стратегией. Например, позиционирование Курганской области, отраженное в промо-видеоролике региона, сформулировано следующим образом: «Курган — это не вся Курганская область»¹¹, то есть региональные власти намеренно не выделяют г. Курган как отдельный, самодостаточный бренд, а представляют его в привязке к другим достопримечательностям субъекта (Курганское озеро, Далматовский монастырь, святылище Савин, г. Шадринск и др.).

Стоит отметить, что во вторую группу попали также и те города, которые в настоящий момент являются частью общего регионального бренда, но планируют заняться деятельностью по созданию собственного геобренда в ближайшем будущем. Так, например, контент-анализ показал нарастающую потребность среди жителей города Новосибирска в собственном геобренде (на сегодняшний день разработан региональный бренд «Новосибирь»). Городские активисты и лидеры общественного мнения иницируют деятельность по обсуждению, разработке и дизайну самостоятельного бренда города¹².

Итак, изучение второй группы городов нашей классификации позволило определить тренд, связанный с позиционированием и продвижением комплексных региональных геобрендов. Административный центр в данном случае представлен лишь элементом бренда субъекта и продвигается в общем региональном контексте. По мнению авторов, такой подход к территориальному брендингу имеет как преимущества, так и недостатки. К преимуществам можно отнести синергетический эффект при возникновении многосоставного геобренда (когда отдельные его элементы увеличивают ценность данного бренда, если позиционируются и продвигаются все вместе). Кроме того, подобная ситуация становится выгодной для тех территорий, которые не могут похвастаться большим количеством конкурентных преимуществ на данный момент. Вместе с тем многосоставной бренд может сдерживать всестороннее и полноценное раскрытие потенциала отдельных территорий, в том числе административных центров субъектов, являющихся только частью общего бренда.

Дальнейшие пути развития брендов городов второй группы целесообразно связать с аудитом текущего состояния идентичности этих городов. При необходимости стоит сформулировать или пересмотреть существующую концепцию позиционирования данных городов и основать ее на самостоятельной и уникальной идее.

Третья группа городов включает в себя административные центры субъектов РФ, не имеющие убедительных элементов системного геобрендинга ни на уровне субъектов, ни на местном уровне. Анализ открытых источников в коммуникационной сети Интернет по ключевым словам, связанным с тематикой территориального брендинга, показал незначительные релевантные результаты поисковой выдачи. Некоторые города из третьей группы имеют, например, информационно-туристические интернет-порталы, однако без признаков общего брендинга. С одной стороны, это может говорить об отсутствии системной деятельности по позиционированию и продвижению того или иного города, с другой стороны, о низкой доступности информации о городе.

¹¹ Встречаемся в Курганской области // Курганская область: туризм и отдых [Электронный ресурс]. URL: <https://tourism-kurgan.ru/vstrechaemsja-v-kurganskoj-oblasti/> (дата обращения: 11.01.2024).

¹² «У Новосибирска нет лица»: что такое бренд города и зачем он нужен // NSK.DK [Электронный ресурс]. URL: <https://nsk.dk.ru/news/237183050> (дата обращения: 11.01.2024).

В контексте нашей темы позитивными примерами стоит считать те города из третьей группы, которые хотя и не имеют общей актуальной концепции геобрендинга, однако их имидж можно связать с отдельными региональными товарными брендами (в том числе гастрономическими), хорошо известными за их пределами. Так, например, с г. Майкопом («столицей» Республики Адыгея) ассоциируются знаменитые адыгейский сыр и адыгейская соль. Наличия лишь успешных товаров местного или регионального производства, конечно, недостаточно для формирования полноценного бренда того или иного города, но и без них его трудно себе представить.

Если говорить о рекомендациях, которые можно было бы предложить городам, попавшим в третью группу нашей классификации, то прежде всего необходимо определить, а нужен ли этим городам брендинг. Преимущества обладания сильным брендом для города не вызывают сомнений, и об этом уже говорилось выше. Однако бренд — это, на наш взгляд, лишь один из инструментов конкурентной борьбы, который может существенно усилить конкурентоспособность города, но при этом он отнюдь не гарантирует победы в конкурентной борьбе на «рынке территорий». С одной стороны, брендинг может быть очень эффективным и способствовать процветанию города, с другой — это не панацея от проблем городского развития. Поэтому, прежде чем инициировать маркетинговую активность в общей системе управления городом, стоит оценить, готовы ли власти, а также бизнес и местное сообщество выдвинуть и поддержать ту или иную идею бренда города и внести свой вклад в общее дело. Если ответ положительный, то необходимо изучить уже имеющийся опыт городского брендинга в других регионах, выявить локальную идентичность, на основе которой можно будет построить собственный уникальный геобренд, привлекательный для внутренних и внешних аудиторий.

Учитывая, что третья группа городов представлена самым маленьким составом административных «столиц», можно сделать вывод о том, что геобрендинг является трендом в современном государственном и муниципальном управлении и все большее количество территорий прибегает к инструментам маркетинга для того, чтобы продвигать свои интересы и показать всему миру свои конкурентные преимущества.

Заключение

Исследование актуального состояния геобрендинга городов в России, проведенное среди административных центров субъектов РФ, позволило сделать ряд выводов.

Коммуникационная сеть Интернет, включая социальные сети, в силу своего активного распространения и развития во всех регионах нашей страны, с одной стороны, расширяет его возможности, с другой — становится одним из ключевых каналов коммуникации современных геобрендов.

В лучших практиках российских городов концепция брендинга, как правило, включает в себя формулирование уникальной позиционирующей идеи города, основанной на локальной идентичности, а также составление плана мероприятий по ее продвижению во внутренней и внешней среде; разработку фирменного стиля и логотипа города; продвижение сувенирной и местной продукции; организацию различных событийных мероприятий, досуговых и просветительских, вовлечение горожан в волонтерскую деятельность и общественную жизнь города и прочее.

Городской брендинг способствует формированию уникального образа того или иного города; усилению конкурентных преимуществ; расширению позитивных ассоциаций и нивелированию негативных стереотипов, связанных с ним; популяризации местной продукции; объединению горожан; привлечению необходимых ресурсов, в том числе инвестиций и т.д., с одной стороны; с другой — это не единственный инструмент конкурентной борьбы на «рынке территорий».

На наш взгляд, городской брендинг необходим только тем территориям, которые на самом деле ставят своей целью повышение качества жизни местных жителей и которые готовы к нестандартным и креативным управленческим решениям.

При этом важно, что городской брендинг — системная и долгосрочная деятельность. Смена городских властей не должна приводить к существенным изменениям в стратегиях брендинга.

Большая часть административных центров субъектов РФ (67,5%) имеет формальные признаки проводимой работы по созданию собственных геобрендов, основанных прежде всего на наличии соответствующих разработанных бренд-концепций и выделении локальной идентичности (в том числе выраженных в визуальной айдентике городов, предназначенной для оформления онлайн-сервисов, городской среды, сувенирной продукции и т.д.) и других видах маркетинговой активности. Важной характеристикой является то, что информация о подобной деятельности региональных «столиц» без труда доступна любому интернет-пользователю.

Вторая группа городов классификации настоящего исследования включает в себя административные центры субъектов РФ, чьи бренды не являются самостоятельными, а представляют собой часть региональных геобрендов и туристических маршрутов (24%). В данных городах может использоваться общая с регионом визуальная айдентика, концепция продвижения и другие атрибуты общего бренда. В ряде случаев такой подход является осознанной стратегией, предполагающей совместное позиционирование и продвижение и ожидаемый от этого синергетический эффект (в частности, когда город пока не определил свои собственные ключевые конкурентные преимущества, которые могли бы быть положены в основу самостоятельного бренда).

Третья группа городов (8,4%) включает в себя административные центры субъектов РФ, которые на момент проведения настоящего исследования не заявили о себе как об уникальных геобрендах.

Итак, данное исследование выявило рост интереса российских городов к разработке и продвижению собственных геобрендов. Каждый из административных центров субъектов РФ является «лицом» своего региона. От того, насколько профессиональной и системной будет работа в этом направлении, будет зависеть и общий облик нашей огромной и многонациональной страны как на внутреннем, так и на внешнем рынке.

Список литературы:

Багреева А.Е. Изображение городского пространства в мультипликации как элемент брендинга территорий // PR и реклама: традиции и инновации. Связи с общественностью: смыслы и технологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Красноярск: Издательство Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева, 2023. С. 150–155.

Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011.

Дубейковский В.А. Вовлечение жителей в разработку бренда города: классификация механизмов и методы оценки // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 4. С. 153–178.

Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны и регионы и страны Европы. СПб: Стокгольмская школа экономики, 2005.

Макаров П.Ю., Соколова М.В., Илларионов А.Е. Исследование практик брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1. С. 66–68. DOI: [10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88)

Павлова Г.Г., Корбут В.А. Брендинг города: проблема регионального развития в России // Общество, экономика, управление. 2023. Т. 8. № 2. С. 19–23.

Панкрухин А.П. Маркетинг территорий. СПб: Питер, 2006.

Родькин П.Е. Универсальная модель территориального бренда в контексте проблемы его репрезентации // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2021. № 4–2. С. 20–29. DOI: [10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29](https://doi.org/10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29)

Anholt S. Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. London: Palgrave Macmillan, 2007.

City Branding. Theory and Cases / ed. by Dinnie K. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

Duque Oliva E.J., Sánchez-Torrez J.A., Sanabria Niño J.S. City Brand Evolution Research and Future Agenda: Bibliometric and Science Mapping Analysis // Heliyon. 2022. Vol. 8. Is. 8. DOI: [10.1016/j.heliyon.2022.e10031](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10031)

Ponomarev E., Ivshin K. Territorial (Re)Branding as a Factor in the Sustainable Development of the City // IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering. 2020. Vol. 890. DOI: [10.1088/1757-899X/890/1/012184](https://doi.org/10.1088/1757-899X/890/1/012184)

References:

Anholt S. (2007) *Competitive Identity. The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. London: Palgrave Macmillan.

Bagreeva A.E. (2023) The Image of Urban Space in Animation as an Element of Branding Territories. *PR i reklama: traditsii i innovatsii. Svyazi s obshchestvennost'yu: smysly i tekhnologii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem*. Krasnoyarsk: Izdatel'stvo Sibirskogo gosudarstvennogo universiteta nauki i tekhnologii imeni akademika M.F. Reshetneva. P. 150–155.

Dinnie K. (ed.) (2011) *City Branding. Theory and Cases*. New York: Palgrave Macmillan.

Dubeykovskiy V.A. (2014). Stakeholders' Engagement in City Brand Development: Mechanisms Classification and Methods of Estimation. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*. No. 4. P. 153–178.

Duque Oliva E.J., Sánchez-Torrez J.A., Sanabria Niño J.S. (2022) City Brand Evolution Research and Future Agenda: Bibliometric and Science Mapping Analysis. *Heliyon*. Vol. 8. Is. 8. DOI: [10.1016/j.heliyon.2022.e10031](https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2022.e10031)

Kotler P., Asplund C., Rein I., Haider D. (2005). *Marketing Places: How to Attract Investments, Industries, Residents and Visitors to Cities, Communities, Regions and Nations in Europe*. Saint Petersburg: Stokgol'mskaya shkola ekonomiki.

Makarov P.Yu., Sokolova M.V., Illarionov A.E. (2023) An Investigation of Small Cities and Towns Branding Practice: A Survey of City Administration Heads. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya*. No. 1. P. 66–68. DOI: [10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88](https://doi.org/10.17323/1999-5431-2023-0-1-66-88)

Pankrukhin A.P. (2006) *Marketing territoriy* [Place Marketing]. Saint Petersburg: Piter.

Pavlova G.G., Korbut V.A. (2023) City Branding: The Problem of Regional Development in Russia. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*. Vol. 8. No. 2. P. 19–23.

Ponomarev E., Ivshin K. (2020) Territorial (Re)Branding as a Factor in the Sustainable Development of the City. *IOP Conf. Series: Materials Science and Engineering*. Vol. 890. DOI: [10.1088/1757-899X/890/1/012184](https://doi.org/10.1088/1757-899X/890/1/012184)

Rodkin P.E. (2021) A Universal Model of a Territorial Brand in the Context of the Problem of Its Representation. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaya sreda. Vestnik MGHPA*. No. 4–2. P. 20–29. DOI: [10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29](https://doi.org/10.37485/1997-4663_2021_4_2_20_29)

Vizgalov D. (2011) *City Branding*. Moscow: Fond "Institut ekonomiki goroda".

Дата поступления/Received: 15.01.2024

Инструментарий комплексной оценки масштаба социально-экономического развития городских агломераций

Соболев Сергей Андреевич

Аспирант, SPIN-код РИНЦ: [2260-0013](#), ORCID: [0000-0002-9432-2507](#), SobolevSA@spa.msu.ru

Факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Формирование городских агломераций в Российской Федерации в настоящее время представляет собой одну из значимых форм пространственного развития как на национальном, так и на региональном уровне. Необходимость усиления агломерационных процессов продиктована обеспечением поляризованного социально-экономического развития различных территорий страны. Городские агломерации в Российской Федерации получают правовой статус на федеральном и региональном уровне. Институциональная поддержка агломераций представляет собой разработку соответствующей нормативно-правовой базы и финансовых механизмов, направленных на инфраструктурное развитие территорий, повышение качества человеческого капитала, научно-технологическое развитие и т.д. При этом в последнее время органами публичной власти федерального и регионального уровня стало уделяться внимание не только крупным и крупнейшим городским агломерациям, определенным в Стратегии пространственного развития РФ, но и городским агломерациям меньшего масштаба. Особая активизация институционализации статуса городских агломераций наблюдается в нормативных правовых актах многих субъектов РФ. Однако методологические аспекты формирования и развития городских агломераций в регионах не проработаны. Проведенный анализ существующих теоретико-методологических подходов исследования агломерационных процессов также выявил отсутствие методик анализа масштаба комплексных социально-экономических процессов городских агломераций. Поэтому необходимость формирования методики оценки масштабов агломерационного развития в регионах Российской Федерации определила актуальность исследования. Цель исследования, таким образом, заключается в разработке показателя масштаба социально-экономических процессов российских городских агломераций. Для достижения поставленной цели проведен анализ существующих методик исследования городских агломераций, представленных в подходах российских и зарубежных ученых. Анализ позволил разделить существующие методологические подходы на две группы: те, которые рассматривают особенности пространственного развития агломерированных систем, и те, которые учитывают характеристику их экономического состояния. Представлены достоинства и недостатки существующих методик, на основе которых разработан методический инструментарий масштаба агломерированных систем. В заключение сделан вывод о возможности применения предложенного показателя органами публичного управления при разработке нормативных правовых актов стратегического планирования в области пространственного и социально-экономического развития регионов, в научно-аналитических исследованиях в области региональной экономики. Для решения задач исследования применялись методы контент- и компаративного анализа, математической формализации, экспертных оценок, моделирования, наблюдения и синтеза.

Ключевые слова

Городские агломерации, социально-экономическое развитие, пространственное развитие, методики анализа агломерационных процессов, масштаб городских агломераций, совокупный показатель оценки масштаба городских агломераций, TISUA.

Для цитирования

Соболев С.А. Инструментарий комплексной оценки масштаба социально-экономического развития городских агломераций // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 177–195. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-177-195

Toolkit for Integrated Assessment of Socio-Economic Development Scale of Urban Agglomerations

Sergey A. Sobolev

Postgraduate student, ORCID: [0000-0002-9432-2507](#), SobolevSA@spa.msu.ru

School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The formation of urban agglomerations in the Russian Federation is currently one of the most significant forms of spatial development both at the national and regional levels. The need to strengthen agglomeration processes is dictated by the provision of polarised socio-economic development of different territories of the country. Urban agglomerations in the Russian Federation receive legal status at the federal and regional levels. Institutional support for agglomerations is the development of an appropriate legal framework and financial mechanisms aimed at the infrastructural development of territories, improving the quality of human capital, scientific and technological development, etc. At the same time, recently the public authorities at the federal and regional levels have started to pay attention not only to large and largest urban agglomerations defined in the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation, but also to smaller urban agglomerations. A special intensification of institutionalisation of the status of urban agglomerations is observed in the normative legal acts of many constituent entities of the Russian Federation. However, the methodological aspects of formation and development of urban agglomerations in the regions are not elaborated. The analysis of existing theoretical and methodological approaches to the study of agglomeration processes also revealed the lack of methods for

analysing the scale of complex socio-economic processes of urban agglomerations. Therefore, the need to form a methodology for assessing the scale of agglomeration development in the regions of the Russian Federation determined the relevance of the study. The aim of the study is to develop an indicator of the scale of socio-economic processes of Russian urban agglomerations. To achieve this aim, the existing methodologies of urban agglomerations research, presented in the approaches of Russian and foreign scientists, were analysed. The analysis allowed us to systematise the existing methodological approaches into two groups: the features of spatial development of agglomerated systems and the characteristics of their economic condition. The advantages and disadvantages of the existing methodologies are presented, on the basis of which a methodological toolkit for the scale of agglomerated systems is developed. The conclusion is made about the possibility of using the proposed indicator by public administration authorities in the development of normative legal acts of strategic planning in the field of spatial and socio-economic development of regions, in scientific and analytical research in the field of regional economy. The methods of content and comparative analysis, mathematical formalisation, expert assessments, modelling, observation and synthesis were used to solve the research problems.

Keywords

Urban agglomerations, socio-economic development, spatial development, methodologies for analysing agglomeration processes, scale of urban agglomerations, aggregate indicator for assessing the scale of urban agglomerations, TISUA.

For citation

Sobolev S.A. (2024) Toolkit for Integrated Assessment of Socio-Economic Development Scale of Urban Agglomerations. Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik. No. 103. P. 177–195. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-177-195

Введение

В Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года (далее — Стратегия) законодательно утверждено более 70 городов — центров экономического роста, формирующих городские агломерации с численностью населения не менее 250 тыс. человек (см. Таблицу 1). При этом в Стратегии утверждается о сформированности более 40 крупных и крупнейших городских агломераций, аккумулирующих научный, научно-технический и инновационный потенциал государства¹.

Таблица 1. Перспективные центры экономического роста Российской Федерации, формирующие городские агломерации²

Города, образующие крупные и крупнейшие городские агломерации, обеспечивающие ежегодный рост национальной экономики более 1%	Москва и города Московской области, Санкт-Петербург и города Ленинградской области, Владивосток, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иркутск, Казань, Краснодар, Красноярск, Набережные Челны и Нижнекамск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара и Тольятти, Тюмень, Челябинск, Уфа.
Города, образующие городские агломерации с численностью населения более 500 тыс. человек	Астрахань, Барнаул, Ижевск, Калининград, Кемерово, Липецк, Махачкала, Новокузнецк, Оренбург, Пенза, Рязань, Саратов, Сочи, Ставрополь и Михайловск, Томск, Тула и Новомосковск, Ульяновск, Хабаровск, Чебоксары и Новочебоксарск, Улан-Удэ, Ярославль, Пятигорск — Кисловодск — Ессентуки — Минеральные Воды — Георгиевск.
Города, образующие городские агломерации с численностью населения менее 500 тыс. человек	Белгород, Архангельск, Великий Новгород, Владимир, Вологда, Калуга, Комсомольск-на-Амуре, Магнитогорск, Мурманск, Нижний Тагил, Норильск, Петрозаводск, портовые города Ленинградской области (Выборг, Усть-Луга, Высоцк), портовые города Краснодарского края (Тамань, Новороссийск), Псков, Саранск и Рузаевка, Сургут, Сыктывкар, Тамбов, Тверь, Ханты-Мансийск, Череповец, Южно-Сахалинск.

По мнению ряда ученых, выделение крупных и крупнейших городских агломераций как приоритетных направлений пространственного развития России может привести к возникновению проблем диспропорциональности социально-экономического развития территорий (муниципальных образований и регионов), расположенных как внутри, так и вне границ городских агломераций. К таким проблемам относятся: концентрация в крупных агломерациях бюджетных средств, социальной инфраструктуры [Кузнецова 2019, 111, 114] и наиболее высокого уровня душевых денежных доходов населения [Кузнецова 2022, 137–138], снижение финансовой доступности по приобретению жилья в более крупных городских агломерациях [Ноздрина, Шнейдерман

¹ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 17.02.2024).

² Составлено автором на основе: Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 17.02.2024).

2022, 8], усиление центростремительных процессов в крупные города и окружающие их спутники [Мкртчян, Гильманов 2023, 54], низкие темпы субурбанизации [Митрофанова, Митрофанов 2024, 80] и т. д. Кумулятивный эффект, формируемый за счет сосредоточения человеческого капитала и инфраструктуры в крупных и крупнейших российских городских агломерациях, проявляется в виде концентрации экономической активности. По данным на 2023 г., 48% ВВП российской экономики и 47% инвестиций в основной капитал приходятся на крупнейшие городские агломерации страны³.

Следует отметить, что в Стратегии допускается формирование в субъектах РФ новых центров экономического развития — городских агломераций меньшего масштаба, представляющих собой региональные столицы либо отдельные городские населенные пункты, ресурсные, туристические и агропромышленные центры⁴. В последнее время федеральными органами государственной власти Российской Федерации стало уделяться особое внимание вопросам сбалансированного поляризованного развития страны, связанного с развитием потенциала отдаленных территорий, малых городов и сельских населенных пунктов. На необходимость равномерного пространственного развития России с целью недопущения депопуляции отдельных территорий регионов указывал Президент Российской Федерации В.В. Путин⁵. Правительством Российской Федерации принят ряд мер, регулирующих вопросы социально-экономического развития городских агломераций. Так, в 2021 году разработана стратегическая инициатива Правительства РФ «Города больших возможностей и возрождение малых форм расселения», предполагающая развитие не менее 40 крупных агломераций, опорных населенных пунктов и сельских территорий. Инструментами реализации стратегической инициативы являются инфраструктурные бюджетные кредиты и инфраструктурная поддержка новых региональных инвестиционных проектов, финансируемых за счет высвобожденных средств при реструктуризации бюджетных кредитов субъектов РФ⁶. Данный комплекс мероприятий предусматривается в рамках выполнения федерального проекта «Инфраструктурное меню»⁷. 31 июля 2023 года вступило в силу Распоряжение Правительства Российской Федерации № 2058-р, утвердившее долгосрочные планы комплексного социально-экономического развития Улан-Удэнской, Якутской, Анадырской, Владивостокской, Нерюнгринской и Хабаровской городских агломераций⁸. Правительственная комиссия по региональному развитию Российской Федерации утвердила долгосрочный план развития Краснодарской городской агломерации⁹. Реализация долгосрочных планов предусматривает выполнение следующих мероприятий:

1) разработка и корректировка соответствующего федерального и регионального законодательства (корректировка федеральных целевых программ, разработка нормативной документации о передаче земель и инфраструктуры из федеральной собственности в региональную,

³ Перспективное слияние: южные агломерации в поиске новых решений // РБК [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.rbc.ru/kavkaz/08/09/2023/64fb40ea9a7947272712fd40?ysclid=lueh7idpb4207246656> (дата обращения: 17.02.2024).

⁴ Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р (ред. от 30.09.2022) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552378463> (дата обращения: 17.02.2024).

⁵ Путин: Важно развивать территории, чтобы регионы страны не обезлюдели // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2023/09/01/putin-vazhno-razvivat-territorii-chtoby-regiony-strany-ne-obeziudeli.html?ysclid=luctnrhnb696583828> (дата обращения: 17.02.2024).

⁶ Минэкономразвития займется агломерациями и опорными пунктами на селе // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/10/12/minekonomrazvitiia-zajmetsia-aglomeraciami-i-opornymi-punktami-na-sele.html?ysclid=luegnl3twe196837023> (дата обращения: 17.02.2024).

⁷ Паспорт федерального проекта «Инфраструктурное меню» // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.minstroyrf.gov.ru/upload/iblock/d07/FP_Infrastrukturnoe_menyu-01.02.2022.pdf (дата обращения: 17.02.2024).

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2023 № 2058-р (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2030 года» // Справочно-правовая система КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=8292470&req=doc&rnd=e1hbbQQ&base=EXP&n=839794#iQk8R8UvFajkozW9> (дата обращения: 17.02.2024).

⁹ Утвержден план социально-экономического развития Краснодарской агломерации // Коммерсантъ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6441235?ysclid=luehksas27933953124> (дата обращения: 17.02.2024).

о предоставлении средств федерального бюджета для реализации инфраструктурных проектов, корректировка региональных документов стратегического планирования, территориального планирования и градостроительного зонирования, разработка мастер-планов городских агломераций, проектной документации по реставрации объектов культурного наследия, утверждение планов-графиков развития инфраструктурных объектов и реализации комплекса мер, направленных на повышение доступности инфраструктуры для населения городских агломераций, и т. д.);

2) реализация мероприятий по строительству и реконструкции инфраструктурных объектов городских агломераций (транспортных, жилищно-коммунальных, туристско-рекреационных, объектов здравоохранения, образования, науки, культуры, спорта, благоустройство населенных пунктов, обеспечение высокоскоростного доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в отдаленных населенных пунктах и т.д.)¹⁰.

В субъектах РФ региональные органы государственной власти также активизируют процессы по институционализации статуса городских агломераций как перспективных точек экономического роста и особых форм пространственного развития регионов. Данные справочно-правовой системы «Гарант» свидетельствуют об увеличении количества принимаемых региональных нормативных правовых актов по вопросам регулирования агломерационных процессов за различные периоды (см. Рисунок 1). Если в 2000 году было зарегистрировано 13 нормативных правовых актов, то в 2024 году — 9514 действующих актов. Нормативно-правовая база в области регулирования городских агломераций представлена региональными стратегиями социально-экономического развития, региональными государственными программами, бюджетами, схемами территориального планирования и т. д.

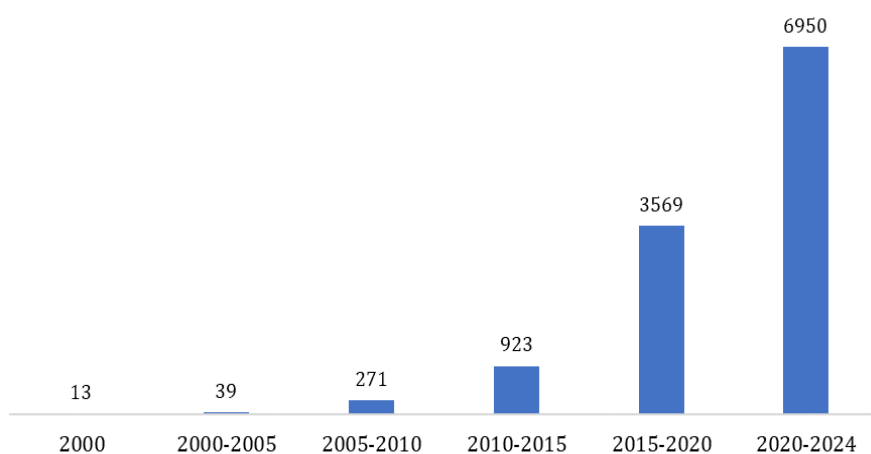

Рисунок 1. Динамика количества принятых региональных нормативных правовых актов в области регулирования агломерационных процессов¹¹

Научным сообществом [Метелева 2021; Казакова, Климанов 2017; Новосёлова, Кутовой 2014] представленные процессы названы агломерационной политикой. Ее теоретическое обоснование представлено в подходах Ю.В. Павлова и Г.А. Хмелевой, где агломерационная политика рассматривается как механизм институционального регулирования социально-экономических процессов и взаимодействий в рамках агломерации в субъектах РФ, целью которой является получение положительного агломерационного эффекта от концентрации экономических агентов

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 31.07.2023 № 2058-р (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития ряда агломераций на период до 2030 года» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?from=8292470&req=doc&rnd=eLhbQQ&base=EXP&n=839794#iQk8R8UVfAjkozW9> (дата обращения: 17.02.2024).

¹¹ Городские агломерации в региональном законодательстве // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://ivo.garant.ru/#/doclist/8123:1> (дата обращения: 17.02.2024).

и ресурсов в масштабе всей региональной экономической системы [Павлов, Хмелева 2023, 307]. В то же время следует отметить, что методологические аспекты формирования и развития городских агломераций в субъектах РФ не проработаны. Регионы стремятся законодательно утвердить городские агломерации с целью развития инфраструктуры, привлечения инвестиций, обеспечения научно-технологического и инновационного развития. Усиленная заинтересованность региональных органов публичной власти в институционализации городских агломераций может привести к рискам некорректной оценки объективности формирования агломераций, основанных на функциональной связанности населенных пунктов и ядер городских агломераций, социально-экономической природе развития агломерированных систем. В научной литературе единого теоретико-методологического подхода по определению масштаба социально-экономических процессов городских агломераций в настоящее время не представлено. Можно отметить замечание академика А.И. Татаркина о том, что «... каждая агломерация уникальна и ее нельзя формировать “под копирку” без серьезной научной проработки...» [Татаркин 2013, 11].

Таким образом, необходимость формирования методик оценки комплексных социально-экономических процессов для российских городских агломераций разного масштаба определила актуальность исследования.

Цель исследования — разработать методику оценки масштаба социально-экономических процессов российских городских агломераций. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: систематизированы существующие методы оценки социально-экономических процессов городских агломераций, выявлены проблемы представленных методов и разработан методический инструментарий масштаба агломерированных систем.

Методология исследования

Для систематизации теоретических исследований, посвященных вопросам методического обеспечения анализа социально-экономических процессов городских агломераций, применялся контент-анализ российских и зарубежных исследований. Сравнение существующих методик и выявление сходных принципов их аналитической базы происходило на основе метода компаративного анализа. Применение контент- и компаративного анализа теоретических исследований позволило выявить два подхода к оценке социально-экономического состояния агломерационных процессов, представленных в подходах ученых:

- подход, учитывающий особенности пространственного развития агломерированных систем;
- подход, учитывающий характеристику экономического состояния агломерированных систем.

Предложенные подходы позволили разработать классификацию методик с выделением на группы, оценить достоинства и недостатки разработанных методических принципов и сформировать собственный диагностический инструментарий исследования городских агломерационных пространственных образований как межмуниципальных и межрегиональных социально-экономических систем.

Наряду с представленными выше методами для разработки собственного диагностического инструментария агломерационных процессов в исследовании применялись также методы математической формализации, экспертных оценок, моделирования, наблюдения и синтеза.

Методический инструментарий оценки пространственного развития городских агломераций

Развитость городских агломераций. Для определения степени развития городской агломерации с точки зрения концентрации городского населения и локализации городских поселений применяется методика Института географии РАН (коэффициент развитости агломерации):

$$K_{\text{разв}} = P(Mm + Nn), \quad (1)$$

где P — численность городского населения агломерации, млн чел.; M и N — количество городских поселений (M — количество городов; N — количество поселков городского типа); m и n — доли городского населения в агломерации (в городах и поселках городского типа).

Градация по классам развитости определяется на основе следующих условий:

- более 50 — наиболее развитые;
- от 10 до 50 — сильно развитые;
- от 5 до 10 — развитые;
- от 2,5 до 5 — слаборазвитые;
- менее 2,5 — наименее развитые;
- 1 — сформировавшиеся агломерации;
- городские агломерации, не отвечающие ни одному из критериев, — потенциальные [Политковская, Суповская 2021, 14–15].

Коэффициент агломеративности (K_a) ЦНИИПград применяется с целью выявления плотности пространственного расположения сети городских населенных пунктов в агломерации, определяемой по следующей формуле:

$$K_a = \frac{N}{S} L, \quad (2)$$

где N — число городских населенных пунктов, входящих в состав городской агломерации; S — общая площадь городской агломерации, в км²; L — наименьшее расстояние между городами агломерации [Волчкова 2013, 46].

Индекс агломеративности (I_a) ЦНИИПград используется для определения сформированности спутниковой зоны городской агломерации:

$$I_a = \frac{P}{P_a}, \quad (3)$$

где P — численность городского населения, проживающего во внешней зоне (зоне спутников); P_a — численность населения всей агломерации [Там же].

Городская агломерация считается развитой и сформированной, если результаты K_a и I_a будут составлять не менее 0,1.

В качестве достоинств данной группы методик пространственного развития следует отметить доступность сбора эмпирической базы, простоту расчетов, возможность проведения сравнительного анализа городских агломерированных систем между собой, определение объективности сформированности городских агломераций с точки зрения локализации городских поселений и концентрации высокой плотности городского населения. Однако существуют проблемы практического применения представленных методик для оценки комплексного состояния пространственного развития городских агломераций. В частности, на примере Московской агломерации автором определена развитость городской агломерации с использованием методик Института географии РАН и ЦНИИПград. Коэффициент развитости Московской агломерации

составил 1373, что характеризует ее, в соответствии с градацией, как наиболее развитую. Индекс агломеративности равен 0,3, что означает устойчивую сформированность спутниковой зоны агломерации. Однако коэффициент агломеративности равен 0,06 — результат ниже установленного предела. С учетом высокой развитости и сформированности Московской агломерации возникает противоречивый результат коэффициента агломеративности, ориентированный на близкое расположение городских населенных пунктов. Таким образом, на результаты групп методик оценки развитости городских агломераций влияет расположение населенных пунктов, площадь агломерации и численность городского населения.

Связанность территорий в рамках городских агломераций. В социально-экономических исследованиях часто применяются методы гравитационного взаимодействия между населенными пунктами. Так, определение силы взаимодействия (например, численности населения в городах, регулярных поездок между городами и т.д.) зависит от величины городских систем и расстояния между ними [Козлова и др. 2014, 313]. Гравитационная модель городов агломерации (G_{ij}) имеет следующий вид:

$$G_{ij} = \sqrt{\frac{p_i p_j}{d_{ij}^2}}, \quad (4)$$

где p — некоторая мера значимости объекта (например, численность населения города i и j); d_{ij} — расстояние между городами [Там же].

Неравномерность пространственного размещения населенных пунктов в рамках городской агломерации определяется на основе индекса ближайшего соседства (R):

$$R = \frac{D}{0,5\sqrt{\frac{S}{N}}}, \quad (5)$$

где D — среднее расстояние между ближайшими поселениями; S — площадь изучаемой территории; N — количество поселений [Соколов 2016, 142].

Если значение R превышает 1, это означает, что населенные пункты размещены рассеянно, если R меньше 1, поселения плотно расположены друг к другу [Там же].

К достоинствам представленных методик связанности территорий в рамках городской агломерации следует отнести возможности определения устойчивости городских агломераций как сложившихся пространственных форм расселения населения, эконометрического определения силы взаимодействия между территориями агломерации, простоту расчета и сбора статистических данных. Между тем недостатками данных показателей является невозможность всестороннего анализа внутреннего состояния населенных пунктов агломерации и формирования базы для разработки принятия управленческих решений по развитию агломерации [Уляева 2016, 22], концентрация на демографических и географических показателях [Ворошилов 2019, 44], статичность рассматриваемых в методиках пространственных и социально-экономических явлений.

Применение представленных методик считаем целесообразным для выявления социально-экономического потенциала городских агломераций вместе с комплексом методик анализа экономического состояния агломерированных систем.

Методический инструментарий экономического состояния агломерированных систем

Совокупные методики оценки экономического потенциала городских агломераций.

Институт экономики города разработал агрегированный показатель, определяющий рыночную стоимость всех произведенных товаров и услуг за год в агломерации, названный валовым городским продуктом (ВГП) [Косарева, Полиди 2017, 8–11]:

$$\text{ВГП} = \frac{\text{ОТ}_A^4}{\left(\frac{\text{ОТ}_j^2}{\text{ВРП}_j}\right)}, \quad (6)$$

где ОТ_A^4 — оценка оплаты труда наемных работников в ВРП в агломерации; ОТ_j^2 — оплата труда наемных работников в ВРП в j-ом субъекте РФ; ВРП_j — валовой региональный продукт в j-ом субъекте РФ¹².

В.О. Шалимов и К.В. Янков инкорпорировали ВГП на основе расчета суммы кадастровых стоимостей объектов недвижимости:

$$\text{ВГП} = \text{ВРП} \cdot \frac{\text{КС}_{\text{гор}}}{\text{КС}_{\text{рег}}}, \quad (7)$$

где ВРП — валовой региональный продукт; $\text{КС}_{\text{гор}}$ — сумма кадастровых стоимостей объектов недвижимости в городе; $\text{КС}_{\text{рег}}$ — сумма кадастровых стоимостей объектов недвижимости в регионе [Шалимов, Янков 2022, 10,18].

Н.Р. Ижгузина на основе агломерационных эффектов локализации, диверсификации и масштаба разработала новый показатель — валовой агломерационный продукт (ВАП), рассчитываемый на основе стоимости основных фондов и затрат труда муниципальных образований, входящих в агломерацию (в руб.)¹³:

$$Q_{\text{ВАП усл.исчисл.}} = A \left(\frac{\sum_{j=1}^n K_M}{K_P} \right)^\alpha \cdot \left(\frac{\sum_{j=1}^n L_M}{L_P} \right)^\beta \cdot Q_{\text{ВРП}}, \quad (8)'$$

где K_M — стоимость основных фондов муниципального образования, K_P — стоимость основных фондов региона, L_M — затраты труда в муниципальном образовании, L_P — затраты труда в регионе, $Q_{\text{ВРП}}$ — валовой региональный продукт, A — коэффициент пропорциональности промышленного выпуска и ВРП, при этом $A > 0$, α, β — степенные коэффициенты, зависящие от предельной производительности фактора, отвечающие следующим условиям: 1) $0 \leq \alpha \leq 1$; 2) $0 \leq \beta \leq 1$; 3) $\alpha + \beta = 1$; n — число муниципальных образований [Ижгузина 2015, 60–61].

Агрегированные экономические показатели агломерационных процессов инкорпорированы из опыта методологических исследований зарубежных ученых. В зарубежных исследованиях активно применяются такие агрегированные экономические показатели, как ВВП городских агломераций [Han et al. 2019; Ahmad et al. 2021; Asogwa et al. 2022; Brühlhart, Sbergami 2009], агломерационные индексы урбанизации [Lemelin et al. 2016], плотности населения [Duranton, Puga 2020; Henderson et al. 2021], показатели объема рынка труда [Combes, Gobillon 2015] и т.д. Достоинствами данных показателей является возможность объективной оценки и сравнения городских агломераций по масштабу определенных элементов экономического потенциала, доступность данных для расчетов,

¹² Экономика российских городов и городских агломераций. Выпуск 7: Методика оценки валового городского продукта городов и городских агломераций. С. 15 // Фонд «Институт экономики города». [Электронный ресурс]. URL: https://www.urbanecconomics.ru/sites/default/files/ekonomika_gorodov_i_gorodskih_aglomeracii_vypusk_7_metodika.pdf (дата обращения: 19.02.2024).

¹³ Ижгузина Н.Р. Формирование и развитие крупнейшей городской агломерации в экономическом пространстве региона: дисс... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2018. С. 75–77.

практическая применимость для городских агломераций разного масштаба (крупнейших, крупных, средних, малых) и типов пространственной структуры (моноцентричные и полицентричные). К недостаткам следует отнести мононаправленность исследовательских элементов некоторых методик, что не позволяет в комплексе оценить объем экономического состояния агломераций. Городская агломерация представляет собой совокупность множества элементов социально-экономических процессов (миграционные процессы, концентрация населения, локализация производственных мощностей, инфраструктурная обеспеченность пространственного развития и т. д.).

Методики измерения экономической активности городских агломераций. Степень концентрации экономической активности на территориях, в том числе в городских агломерациях, измеряется с помощью индекса Херфиндала — Хиршмана, адаптированного для эконометрического измерения агломерационных процессов. Разработаны индексы географической концентрации (HHI_j^c) и региональной специализации (HHI_i^s) [Растворцева 2018, 89], рассчитываемые по следующим формулам:

$$HHI_j^c = \sum_{i=1}^n \left(\frac{E_{ij}}{E_j} \right)^2, \quad (9)$$

где j — сектор экономики; E_{ij} — численность занятых в секторе экономики j в регионе i ; E_j — численность занятых в секторе экономики j .

$$HHI_i^s = \sum_{j=1}^m \left(\frac{E_{ij}}{E_i} \right)^2, \quad (10)$$

где E_i — численность занятых в регионе i .

Несмотря на высокую практическую полезность индексов HHI , отмечаются такие проблемы их применения, как возникновение неточностей при расчете индексов в сравнении с крупными городами, монополизирующих географическое расположение предприятий различных отраслей, и чувствительность нижнего предела к числу исследуемых параметров в случаях концентрации в регионах равных долей отрасли [Там же].

Для определения основных и второстепенных секторов экономики применяется индекс (коэффициент) локализации (LQ_{ir}), адаптированный автором для агломераций:

$$LQ_{ir} = \frac{X_{ir}/X_{iR}}{X_{Ir}/X_{IR}}, \quad (9)$$

где X_{ir} — параметр отрасли в i -ой агломерации $г$; X_{iR} — параметр отрасли i в регионе; X_{Ir} — параметр всей экономики агломерации $г$; X_{IR} — параметр по всей экономике региона R в целом [Гайнанов и др. 2019, 68].

Параметрами X могут быть различные экономические показатели отраслей — численность работников отрасли, объем инвестиций в основной капитал в соответствующей отрасли, объем отгруженных товаров отрасли и т.д. Применение LQ_{ir} в качестве показателя наличия сравнительных преимуществ может быть целесообразным для секторов экономики, которые развиваются в течение длительного времени, однако для новых или растущих секторов практическая применимость LQ_{ir} становится низкой [Naryono et al. 2022, 13].

Наиболее частым показателем определения концентрации отраслей в агломерациях является индекс Кругмана (KD), вычисляемый по следующей формуле:

$$KD = \sum_j KD_j = \sum_j \left| \frac{x_{ij}}{\sum_j x_{ij}} - \frac{x_j}{\sum_i \sum_j x_{ij}} \right|, \quad (11)$$

где x_{ij} — количество единиц площади i , при $i = 1, \dots, R$, для j -го сектора, при $j = 1, \dots, S$; следовательно, KD_j можно рассматривать как индекс различия в специализации Кругмана для каждой отрасли [Bernini et al. 2021, 773].

Недостатком индекса Кругмана является то, что эмпирической базой служат показатели занятости отраслей экономики, которые часто не являются доступными [Пятков 2016, 70].

Анализ существующих методик оценки социально-экономических процессов городских агломераций показал отсутствие единого комплексного подхода к оценке масштабов развития городских агломераций как уникальных территориальных социально-экономических систем. Вместе с тем следует отметить, что практическая полезность методик пространственного развития и экономического состояния городских агломераций возникает в случае их комплексного применения. Методики пространственного развития позволяют определить устойчивую сформированность городских агломераций как сложившихся пространственных образований, с одной стороны, а методики оценки качества экономического состояния позволяют выявить степень концентрации экономической активности в агломерациях, с другой стороны. Такой синергический эффект позволяет оценить городские агломерации как уникальные пространственные социально-экономические системы.

На основе выделенных достоинств и недостатков существующих групп методического инструментария оценки пространственного развития и экономического состояния агломерированных систем автором разработан единый мезоэкономический показатель масштаба агломерационного развития.

Показатель оценки масштаба городских агломераций

С целью определения масштаба развития городских агломераций автором предлагается создать новый агрегированный мезоэкономический показатель — совокупный показатель оценки масштаба городских агломераций (Total Indicator of the Scale of Urban Agglomerations — TISUA) — индикатор масштаба агломерационного развития, определяемый на основе показателей социально-экономических компонент городских агломераций (см. Рисунок 2).

Рисунок 2. Социально-экономические компоненты анализа масштаба городских агломераций¹⁴

Особенностью формирования российских городских агломераций является то, что они представляют собой пространственные образования регионального масштаба. Исключение составляют только две крупнейшие российские агломерации: Московская, включающая два субъекта РФ — город федерального значения Москву и Московскую область, и Санкт-Петербургская агломерация, включающая город федерального значения Санкт-Петербург и часть Ленинградской области. Поэтому масштаб агломерационного развития для российских агломераций предлагается оценивать на основе региональных социально-экономических показателей.

Для определения доли площади городской агломерации в общерегиональном территориальном масштабе разработан показатель масштаба пространственного развития городских агломераций (ScS_{agg}), рассчитываемый по следующей формуле:

$$ScS_{agg} = \frac{\sum_{l=1}^m S_l}{S_{reg}}, \quad (12)$$

где l — муниципальное образование, входящее в состав городской агломерации; m — количество муниципалитетов, входящих в состав городской агломерации; S_l — объем площади муниципального образования, входящего в состав городской агломерации (в км²); S_{reg} — площадь региона, в котором расположена городская агломерация (в км²).

Масштаб численности населения городской агломерации (ScP_{agg}) разработан с целью определения уровня концентрации населения региона в городской агломерации. Показатель ScP_{agg} рассчитывается следующим образом:

¹⁴ Разработано автором.

$$ScPagg = \frac{\sum_{l=1}^m P_l}{P_{reg}}, \quad (13)$$

где P_l — численность населения муниципального образования, входящего в состав городской агломерации (в тыс. чел); P_{reg} — численность населения региона, в котором расположена городская агломерация (в тыс. чел).

Городские агломерации характеризуются высоким уровнем урбанизации. Масштаб урбанизации агломерации ($ScPt_{agg}$) предлагается определять следующим образом:

$$ScPt_{agg} = \frac{\sum_{i=1}^n P_i}{\sum_{l=1}^m P_l}, \quad (14)$$

где i — город; P_i — численность городского населения агломерации; n — количество городов, входящих в состав городской агломерации.

Усилению агломерационных процессов способствует высокая концентрация трудовых ресурсов в агломерациях [Соболев 2022, 63–64]. Масштаб концентрации трудовых ресурсов в городской агломерации ($ScPw_{agg}$) представлен в виде следующей формулы:

$$ScPw_{agg} = \frac{\sum_{l=1}^m Pw_l}{\sum_{l=1}^m P_l}, \quad (15)$$

где Pw_l — численность работников организаций муниципального образования, входящего в состав городской агломерации (в тыс. чел.).

Для выявления промышленного потенциала агломерации и доли вклада производства городской агломерации в совокупный объем промышленного производства региона разработан показатель масштаба промышленного производства ($ScVi_{agg}$):

$$ScVi_{agg} = \frac{\sum_{l=1}^m Vi_l}{Vi_{reg}}, \quad (16)$$

где Vi_l — объем промышленного производства (объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами) муниципального образования, входящего в состав городской агломерации (в млн руб.) в соответствующий период; Vi_{reg} — совокупный объем промышленного производства (объем отгруженных товаров собственного производства, работ и услуг, выполненных собственными силами) региона, в котором расположена городская агломерация (в млн руб.) в соответствующий период.

Основой инфраструктурного обеспечения пространственного развития городских агломераций являются показатели объема ввода жилья. Масштаб ввода жилья в городской агломерации ($ScVh_{agg}$) определяется следующим образом:

$$ScVhagg = \frac{\sum_{l=1}^m Vh_l}{Vh_{reg}}, \quad (17)$$

где Vh_l — объем ввода жилья муниципального образования, входящего в состав городской агломерации (в m^2) в соответствующий период; Vh_{FD} — объем ввода жилья в целом по региону, в котором расположена городская агломерация (в m^2), в соответствующий период.

Показатель масштаба инвестиционных ресурсов городской агломерации ($ScIfa_{agg}$) разработан автором с целью оценки масштаба инвестиционных ресурсов городской агломерации в региональном масштабе:

$$ScIfaagg = \frac{\sum_{l=1}^m VIfa_l}{VIfa_{reg}}, \quad (18)$$

где $VIfa_l$ — объем инвестиций в основной капитал по крупным и средним организациям (за счет всех источников финансирования) в соответствующий период в муниципальном образовании, входящем в состав городской агломерации; $VIfa_{reg}$ — объем инвестиций в основной капитал по крупным и средним организациям (за счет всех источников финансирования) в соответствующий период субъекта РФ, в котором расположена городская агломерация.

Таким образом, формализация совокупного показателя оценки масштаба городских агломераций (TISUA) выглядит следующим образом:

$$TISUA = \frac{\sum_{l=1}^m S_l}{S_{reg}} \cdot \frac{\sum_{l=1}^m P_l}{P_{reg}} \cdot \frac{\sum_{i=1}^n t_i}{\sum_{l=1}^m P_l} \cdot \frac{\sum_{l=1}^m Pw_l}{\sum_{l=1}^m P_l} \cdot \frac{\sum_{l=1}^m Vi_l}{Vi_{reg}} \cdot \frac{\sum_{l=1}^m Vh_l}{Vh_{reg}} \cdot \frac{\sum_{l=1}^m VIfa_l}{VIfa_{reg}}. \quad (19)$$

Алгоритм расчета показателя TISUA многокомпонентный, состоит из последовательного анализа шести элементов пространственных и социально-экономических процессов городских агломераций. Алгоритм расчета TISUA представлен на Рисунке 3.

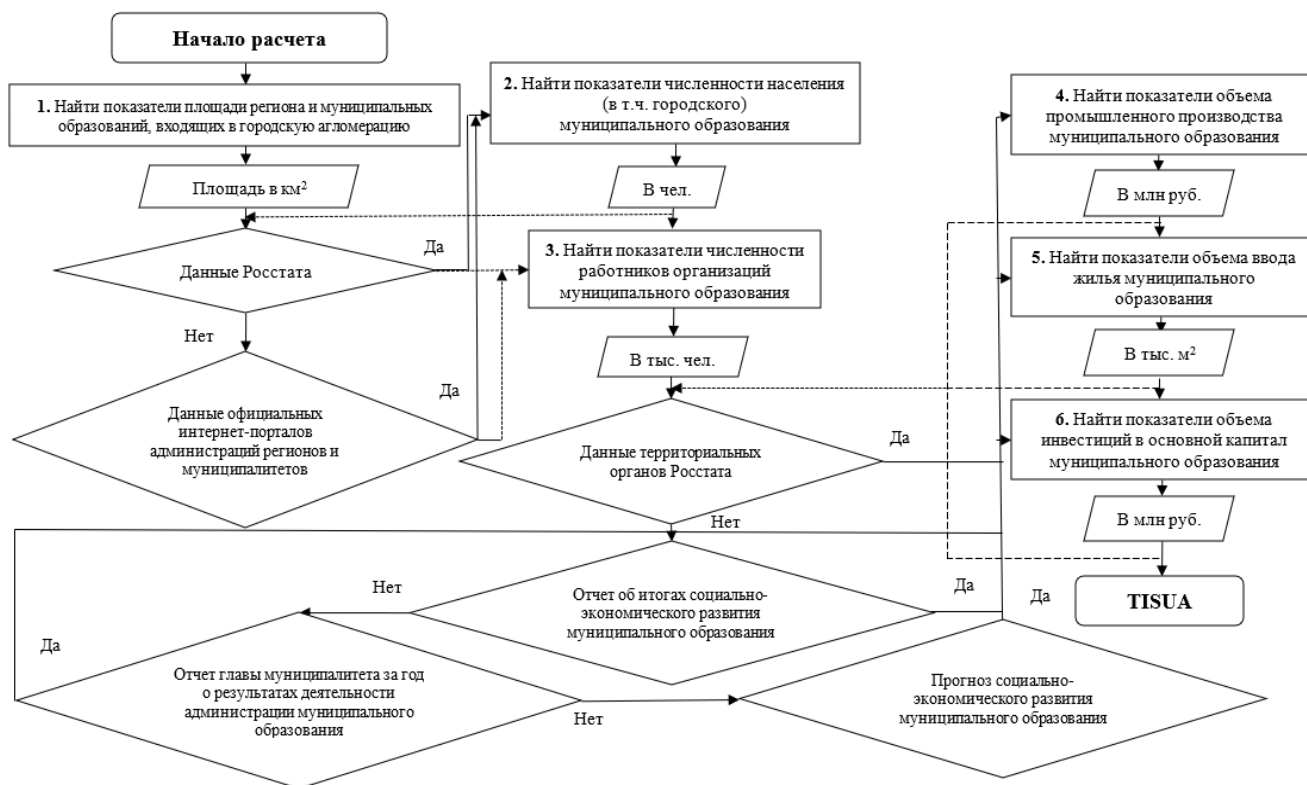

Рисунок 3. Алгоритм расчета совокупного показателя оценки масштаба городских агломераций (TISUA)¹⁵

Эмпирической базой показателя являются данные о социально-экономическом положении регионов и их муниципальных образований, сведения с официальных интернет-порталов администраций муниципальных образований об итогах социально-экономического развития, отчеты глав администраций муниципальных образований и прогнозы социально-экономического развития муниципальных образований.

Предлагаемый агрегированный мезоэкономический показатель масштаба агломерационного развития может быть применен при разработке долгосрочных планов комплексного социально-экономического развития городских агломераций, стратегий социально-экономического развития регионов, иных нормативных актов, регулирующих долгосрочное управление развитием агломерационных процессов в Российской Федерации, и для проведения аналитических исследований в области социально-экономического и пространственного развития регионов. Результаты TISUA позволят выявить инфраструктурный, производственный, инвестиционный, трудовой и пространственный потенциал городских агломераций в российских регионах, определить основные проблемы агломерационных процессов.

Заключение

В настоящее время уделяется особое внимание вопросам формирования, функционирования и развития городских агломераций в Российской Федерации как со стороны федеральных и региональных органов публичного управления, так и со стороны научно-экспертного сообщества. Однако, несмотря на наличие стратегических нормативных документов социально-экономического развития городских агломераций, формирование теоретико-методологических подходов к оценке агломерационных процессов, не разработаны единые критерии оценки масштаба городских агломераций с точки зрения их социально-экономического потенциала как комплекса элементов, состоящего из качества человеческого капитала, уровня урбанизации, маятниковой миграции,

¹⁵ Разработано автором.

инфраструктурного развития и экономического состояния агломераций. Возникают трудности межрегиональных сопоставлений агломерационных процессов, не позволяющие выявить тенденции пространственного и социально-экономического развития агломераций как на региональном, так и на федеральном уровне.

Проведенное исследование позволило выявить достоинства и недостатки существующих методических подходов к анализу развития городских агломераций, на основе которых разработан совокупный показатель оценки масштаба городских агломераций (TISUA). Эмпирической базой TISUA являются социально-экономические показатели регионов, в которых расположены городские агломерации, и муниципальных образований, включенных в состав городской агломерации, на основе федеральных и региональных нормативных правовых актов. Результаты показателя TISUA могут применяться органами публичного управления при разработке планов долгосрочного социально-экономического развития городских агломераций, принятии управленческих решений, оценке эффективности деятельности региональных органов государственной власти регионов и органов местного самоуправления, в научно-аналитических исследованиях в области региональной экономики.

Список литературы:

Волчкова И.В. Теоретические и практические подходы к исследованию процессов формирования городских агломераций // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 29. С. 42–49.

Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4(102). С. 40–54. DOI: [10.15838/ptd.2019.4.102.2](https://doi.org/10.15838/ptd.2019.4.102.2)

Гайнанов Д.А., Гатауллин Р.Ф., Аслаева С.Ш. Локализация и эффективность видов экономической деятельности в Республике Башкортостан // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 47. С. 67–79. DOI: [10.17223/19988648/47/5](https://doi.org/10.17223/19988648/47/5)

Ижгузина Н.Р. Расчет условно исчисленного валового агломерационного продукта (на примере крупных агломераций Свердловской области) // Журнал экономической теории. 2015. № 2. С. 59–65.

Казакова С.М., Климанов В.В. Агломерационная политика в стратегиях столичных городов России // Общественные финансы. 2017. № 35. С. 49–60.

Козлова О.А., Макарова М.Н., Третьяк А.Н. Методический инструментарий оценки влияния пространственной локализации на миграционные процессы в регионе // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14513>

Косарева Н.Б., Полиди Т.Д. Оценка валового городского продукта в российских городах и его вклада в ВВП России в 2000–2015 гг. // Вопросы экономики. 2017. № 7. С. 5–23. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-7-5-23](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-5-23)

Кузнецова О.В. Стратегия пространственного развития Российской Федерации: иллюзия решений и реальность проблем // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 107–125. DOI: [10.14530/se.2019.4.107-125](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125)

Кузнецова О.В. «Вторые» города в государственном регулировании пространственного развития // Terra Economicus. 2022. Т. 20. № 4. С. 129–140. DOI: [10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140)

Метелева Е.Р. Феномен глобальных городов и агломерационная политика Российской Федерации // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230. № 4. С. 356–362. DOI: [10.38197/2072-2060-2021-230-4-356-362](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-356-362)

Митрофанова Т.Ю., Митрофанов Н.М. Развитие городов и агломерационных процессов в современной России. Использование российского урбанистического опыта для развития Кыргызстана // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1–1. С. 79–83. DOI: [10.24412/2500-1000-2024-1-1-79-83](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-1-1-79-83)

Мкртчян Н.В., Гильманов Р.И. Крупные города России и их пригороды как центры притяжения внутренних мигрантов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2023. Т. 68. № 1. С. 44–63. DOI: [10.21638/spbu07.2023.103](https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103)

Новосёлова Н.Н., Кутовой С.И. Приоритетные направления агломерационной политики развития регионов // Проблемы экономики и юридической практики. 2014. № 5. С. 303–305.

Ноздрина Н.Н., Шнейдерман И.М. Качество жизни и жилищные условия населения в крупнейших агломерациях и городах-миллионниках России // Народонаселение. 2022. Т. 25. № 1. С. 4–17. DOI: [10.19181/population.2022.25.1.1](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1)

Павлов Ю.В., Хмелева Г.А. Концепция региональной агломерационной политики // Экономика, предпринимательство и право. 2023. Т. 13. № 2. С. 297–316. DOI: [10.18334/epp.13.2.117169](https://doi.org/10.18334/epp.13.2.117169)

Политковская И.В., Суповская В.В. Подходы к оценке социально-экономической и финансовой развитости агломераций // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12–3(82). С. 13–20. DOI: [10.24412/2411-0450-2021-12-3-13-20](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-3-13-20)

Пятков М.В. Влияние промышленного доминирования на предприятия отрасли. Омск: Изд-во ОмГА, 2016.

Растворцева С.Н. Экономическая активность регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 84–99. DOI: [10.15838/esc.2018.1.55.6](https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6)

Соболев С.А. Усиление агломерационных процессов в пространственном развитии: теория и практика // Вестник Московского Университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2022. № 4. С. 61–85.

Соколов С.Н. Оценка потенциала экономико-географического положения городов и агломераций Ханты-Мансийского автономного округа — Югры // Мозаика городских пространств: экономические, социальные, культурные и экологические процессы: сборник материалов Всероссийской научной конференции, Москва, 27–29 ноября 2015 года. М.: Географический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 138–144.

Татаркин А.И. Инновационные источники пространственного развития Российской Федерации // Инновации. 2013. № 3(173). С. 10–17.

Уляева А.Г. Анализ методических подходов к выделению агломерационных образований // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 12(435). С. 17–27.

Шалимов В.О., Янков К.В. Использование результатов государственной кадастровой оценки для экономического анализа // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26. № 4. С. 10–26. DOI: [10.15838/ptd.2022.4.120.2](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.2)

Ahmad M., Akram W., Ikram M., Shah A.A., Rehman A., Chandio A.A., Jabeen G. Estimating Dynamic Interactive Linkages Among Urban Agglomeration, Economic Performance, Carbon Emissions, and Health Expenditures across Developmental Disparities // Sustainable Production and Consumption. 2021. Vol. 26. P. 239–255. DOI: [10.1016/j.spc.2020.10.006](https://doi.org/10.1016/j.spc.2020.10.006)

Asogwa F.O., Amuka J.I., Igwe A.A., Nkalu C.N. Dynamics of Population, Urban Agglomeration, and Economic Growths in Sub-Saharan Africa: Evidence from Panel Data // Journal of Public Affairs. 2022. Vol. 22. Is. 2. DOI: [10.1002/pa.2447](https://doi.org/10.1002/pa.2447)

Bernini C., Emili S., Medei R. The Spatial Agglomeration of the MICE Industry // International Journal of Tourism Research. 2021. Vol. 23. Is. 5. P. 770–780. DOI: [10.1002/jtr.2440](https://doi.org/10.1002/jtr.2440)

Brühlhart M., Sbergami F. Agglomeration and Growth: Cross-Country Evidence // Journal of Urban Economics. 2009. Vol. 65. Is. 1. P. 48–63. DOI: [10.1016/j.jue.2008.08.003](https://doi.org/10.1016/j.jue.2008.08.003)

Combes P.P., Gobillon L. The Empirics of Agglomeration Economies // Handbook of Regional and Urban Economics / ed. by G. Duranton, J.V. Henderson, W. Strange. Amsterdam: Elsevier, 2015. Vol. 5. P. 247–348. DOI: [10.1016/B978-0-444-59517-1.00005-2](https://doi.org/10.1016/B978-0-444-59517-1.00005-2)

- Duranton G., Puga D. The Economics of Urban Density // *Journal of Economic Perspectives*. 2020. Vol. 34. Is. 3. P. 3–26. DOI: [10.1257/jep.34.3.3](https://doi.org/10.1257/jep.34.3.3)
- Han J., Gao M., Sun Y. Research on the Measurement and Path of Urban Agglomeration Growth Effect // *Sustainability*. 2019. Vol. 11. Is. 19. DOI: [10.3390/su11195179](https://doi.org/10.3390/su11195179)
- Haryono A.T., Muaziz M.H., Jaelani A.K. Analysis of Urban Agglomeration in Economic and Legal Perspectives (A Study on the Development of Industrial Agglomeration Areas in Semarang City) // *Pena Justisia: Media Komunikasi dan Kajian Hukum*. 2022. Vol. 20. Is. 1. DOI: [10.31941/pj.v20i1.1714](https://doi.org/10.31941/pj.v20i1.1714)
- Henderson J.V., Nigmatulina D., Kriticos S. Measuring Urban Economic Density // *Journal of Urban Economics*. 2021. Vol. 125. DOI: [10.1016/j.jue.2019.103188](https://doi.org/10.1016/j.jue.2019.103188)
- Lemelin A., Rubiera-Morollón F., Gómez-Loscos A. Measuring Urban Agglomeration: A Refoundation of the Mean City-Population Size Index // *Social Indicators Research*. 2016. Vol. 125. P. 589–612. DOI: [10.1007/s11205-014-0846-9](https://doi.org/10.1007/s11205-014-0846-9)

References:

- Ahmad M., Akram W., Ikram M., Shah A.A., Rehman A., Chandio A.A., Jabeen G. (2021) Estimating Dynamic Interactive Linkages Among Urban Agglomeration, Economic Performance, Carbon Emissions, and Health Expenditures across Developmental Disparities. *Sustainable Production and Consumption*. Vol. 26. P. 239–255. DOI: [10.1016/j.spc.2020.10.006](https://doi.org/10.1016/j.spc.2020.10.006)
- Asogwa F.O., Amuka J.I., Igwe A.A., Nkalu C.N. (2022) Dynamics of Population, Urban Agglomeration, and Economic Growths in Sub-Saharan Africa: Evidence from Panel Data. *Journal of Public Affairs*. Vol. 22. Is. 2. DOI: [10.1002/pa.2447](https://doi.org/10.1002/pa.2447)
- Bernini C., Emili S., Medei R. (2021) The Spatial Agglomeration of the MICE Industry. *International Journal of Tourism Research*. Vol. 23. Is. 5. P. 770–780. DOI: [10.1002/jtr.2440](https://doi.org/10.1002/jtr.2440)
- Brühlhart M., Sbergami F. (2009) Agglomeration and Growth: Cross-Country Evidence. *Journal of Urban Economics*. Vol. 65. Is. 1. P. 48–63. DOI: [10.1016/j.jue.2008.08.003](https://doi.org/10.1016/j.jue.2008.08.003)
- Combes P.P., Gobillon L. (2015) The Empirics of Agglomeration Economies. In: Duranton G., Henderson J.V., Strange W. (eds.) *Handbook of regional and urban economics*. Amsterdam: Elsevier. Vol. 5. P. 247–348. DOI: [10.1016/B978-0-444-59517-1.00005-2](https://doi.org/10.1016/B978-0-444-59517-1.00005-2)
- Duranton G., Puga D. (2020) The Economics of Urban Density. *Journal of Economic Perspectives*. Vol. 34. Is. 3. P. 3–26. DOI: [10.1257/jep.34.3.3](https://doi.org/10.1257/jep.34.3.3)
- Gaynanov D.A., Gataullin R.F., Aslayeva S.S. (2019) Localization and Efficiency of Economic Activities in the Republic of Bashkortostan. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika*. No. 47. P. 67–79. DOI: [10.17223/19988648/47/5](https://doi.org/10.17223/19988648/47/5)
- Han J., Gao M., Sun Y. (2019) Research on the Measurement and Path of Urban Agglomeration Growth Effect. *Sustainability*. Vol. 11. Is. 19. DOI: [10.3390/su11195179](https://doi.org/10.3390/su11195179)
- Haryono A.T., Muaziz M.H., Jaelani A.K. (2022) Analysis of Urban Agglomeration in Economic and Legal Perspectives (A Study on the Development of Industrial Agglomeration Areas in Semarang City). *Pena Justisia: Media Komunikasi dan Kajian Hukum*. Vol. 20. Is. 1. DOI: [10.31941/pj.v20i1.1714](https://doi.org/10.31941/pj.v20i1.1714)
- Henderson J.V., Nigmatulina D., Kriticos S. (2021) Measuring Urban Economic Density. *Journal of Urban Economics*. Vol. 125. DOI: [10.1016/j.jue.2019.103188](https://doi.org/10.1016/j.jue.2019.103188)
- Izhguzina N.R. (2015) The Computation of Conditionally Calculated Gross Agglomeration Product (Exemplified by the Large Agglomerations of the Sverdlovsk Region). *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*. No. 2. P. 59–65.
- Kazakova S.M., Klimanov V.V. (2017) Agglomeratsionnaya politika v strategiyakh stolichnykh gorodov Rossii [Agglomeration policy in strategies of capital cities of Russia]. *Obshchestvennyye finansy*. No. 35. P. 49–60.

- Kosareva N.B., Polidi T.D. (2017) Assessment of the Gross Urban Product in Russian Cities and Its Contribution to Russian GDP in 2000–2015. *Voprosy ekonomiki*. No. 7. P. 5–23. DOI: [10.32609/0042-8736-2017-7-5-23](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-7-5-23)
- Kozlova O.A., Makarova M.N., Tretyak A.N. (2014) Methodological Tools to Assess the Impact of Spatial Localization on the Migration Process in the Region. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 5. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14513>
- Kuznetsova O.V. (2019) Problems of Elaboration of Spatial Development Strategy of the Russian Federation. *Prostranstvennaya ekonomika*. Vol. 15. No. 4. P. 107–125. DOI: [10.14530/se.2019.4.107-125](https://doi.org/10.14530/se.2019.4.107-125)
- Kuznetsova O.V. (2022) Second-Tier Cities in the State Regulation of Spatial Development. *Terra Economicus*. Vol. 20. No. 4. P. 129–140. DOI: [10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-129-140)
- Lemelin A., Rubiera-Morollón F., Gómez-Loscos A. (2016) Measuring Urban Agglomeration: A Refoundation of the Mean City-Population Size Index. *Social Indicators Research*. Vol. 125. P. 589–612. DOI: [10.1007/s11205-014-0846-9](https://doi.org/10.1007/s11205-014-0846-9)
- Meteleva E.R. (2021) The Phenomenon of Global Cities and the Agglomeration Policy of the Russian Federation. *Nauchnyye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii*. Vol. 230. No. 4. P. 356–362. DOI: [10.38197/2072-2060-2021-230-4-356-362](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-356-362)
- Mitrofanova T.Yu., Mitrofanov N.M. (2024) The Development of Cities and Agglomeration Processes in Modern Russia. Using the Russian Urban Experience for the Development of Kyrgyzstan. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 1–1(88). P. 79–83. DOI: [10.24412/2500-1000-2024-1-1-79-83](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-1-1-79-83)
- Mkrtchyan N.V., Gilmanov R.I. (2023) Big cities of Russia and Their Suburbs as Centers of Attraction of Internal Migrants. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Nauki o Zemle*. Vol. 68. No. 1. P. 44–63. DOI: [10.21638/spbu07.2023.103](https://doi.org/10.21638/spbu07.2023.103)
- Novosyolova N.N., Kutovoy S.I. (2014) Priority Areas of Agglomeration Policy Development Regions. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki*. No. 5. P. 303–305.
- Nozdrina N.N., Schneiderman I.M. (2022) Quality of Life and Housing Conditions of the Population in the Largest Agglomerations and Million-Plus Cities of Russia. *Narodonaseleniye*. Vol. 25. No. 1. P. 4–17. DOI: [10.19181/population.2022.25.1.1](https://doi.org/10.19181/population.2022.25.1.1)
- Pavlov Yu.V., Khmeleva G.A. (2023) Concept of Regional Agglomeration Policy. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. Vol. 13. No. 2. P. 297–316. DOI: [10.18334/epp.13.2.117169](https://doi.org/10.18334/epp.13.2.117169)
- Politkovskaya I.V., Supovskaya V.V. (2021) Approaches to Assessment of Socio-Economic and Financial Development of Agglomerations. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*. No. 12–3(82). P. 13–20. DOI: [10.24412/2411-0450-2021-12-3-13-20](https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-3-13-20)
- Pyatkov M.V. (2016) *Vliyaniye promyshlennogo dominirovaniya na predpriyatiya otrasli* [The influence of industrial dominance on the enterprises of the industry]. Omsk: Izdatel'stvo OmGA.
- Rastvortseva S.N. (2018) Economic activity in Russian regions. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*. Vol. 11. No. 1. P. 84–99. DOI: [10.15838/esc.2018.1.55.6](https://doi.org/10.15838/esc.2018.1.55.6)
- Shalimov V.O., Yankov K.V. (2022) Using the Results of the State Cadastral Assessment for Economic Analysis. *Problemy razvitiya territorii*. Vol. 26. No. 4. P. 10–26. DOI: [10.15838/ptd.2022.4.120.2](https://doi.org/10.15838/ptd.2022.4.120.2)
- Sobolev S.A. (2022) Strengthening of Agglomeration Processes in Spatial Development: Theory and Practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravleniye (gosudarstvo i obshchestvo)*. No. 4. P. 61–85.
- Sokolov S.N. (2016) Otsenka potentsiala ekonomiko-geograficheskogo polozheniya gorodov i aglomeratsiy Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga — Yugry [Assessment of the potential of the economic and geographical location of cities and agglomerations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra]. *Mozaika gorodskikh prostranstv: ekonomicheskiye, sotsial'nyye, kul'turnyye i ekologicheskiye protsessy: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*. Moscow, November 27–29, 2015. Moscow: Geograficheskiy fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.V. Lomonosova. P. 138–144.

- Tatarkin A.I. (2013) Innovative Sources of Spatial Development of the Russian Federation. *Innovatsii*. No. 3(173). P. 10–17.
- Ulyaeva A.G. (2016) An Analysis of Methodological Approaches to the Determination of Agglomerations. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 12(435). P. 17–27.
- Volchkova I.V. (2013) Teoreticheskiye i prakticheskiye podkhody k issledovaniyu protsessov formirovaniya gorodskikh aglomeratsiy [Theoretical and practical approaches to the study of the processes of formation of urban agglomerations]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika*. No. 29. P. 42–49.
- Voroshilov N.V. (2019) Approaches to Assessing the Development of Agglomerations in Russia. *Problemy razvitiya territorii*. No. 4(102). P. 40–54. DOI: [10.15838/ptd.2019.4.102.2](https://doi.org/10.15838/ptd.2019.4.102.2)

Дата поступления/Received: 18.02.2024

Политика и управление в сфере здравоохранения
Health policy and management

УДК 338.24

DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207

Государственная поддержка коммерциализации результатов интеллектуальной
деятельности в социально значимых отраслях

Кононкова Наталья Петровна

Доктор экономических наук, доцент, SPIN-код РИНЦ: [7032-5210](#), ORCID: [0000-0002-6415-0863](#),
npkononkova@econ.msu.ru

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Полавская Наталия Вадимовна

Соискатель, SPIN-код РИНЦ: [4266-1483](#), ORCID: [0009-0004-2745-2514](#), polavskayanv@gmail.com

Экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

Аннотация

Фармацевтическая отрасль (ФО) — одна из лидирующих по интенсивности коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности (РИД). Ее развитие как социально значимой отрасли является приоритетным в государственной политике стран с развивающейся экономикой, в частности стран латиноамериканского региона (ЛА). Ряд экономических условий развития коммерциализации РИД в этих странах схож с российской экономикой. К общим барьерам развития можно отнести зависимость от импортных субстанций, недостаточно эффективное взаимодействие науки и бизнеса, дефицит государственных и частных инвестиций в НИОКР, недостаточное развитие института интеллектуальной собственности (ИС). В то же время можно выделить общие драйверы роста: потенциал роста потребительского рынка, уникальные природные ресурсы, сравнительно высокий научный потенциал, концентрация НИОКР в научно-исследовательских институтах и университетах. Схожесть условий позволяет предположить, что в российской ФО можно эффективно адаптировать лучшие практики коммерциализации РИД, сформированные в ЛА. Метод исследования, используемый в настоящей статье, заключается в проведении анализа опубликованных законодательных и статистических материалов по ФО стран ЛА с целью выявления проблем и опыта их преодоления в области коммерциализации РИД. Анализ государственной поддержки имитационной, закрытой и открытой моделей коммерциализации РИД, используемых фармкомпаниями в развивающихся экономиках, позволил выявить успешные механизмы поддержки, а также положительные и негативные результаты применения каждой модели. На этой основе в результате исследования сформулированы рекомендации по государственной поддержке коммерциализации РИД в социально значимых отраслях российской экономики.

Ключевые слова

Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности, государственная поддержка коммерциализации в социально значимых отраслях, барьеры и драйверы коммерциализации в фармацевтической отрасли, управление интеллектуальной собственностью, открытые модели коммерциализации.

Для цитирования

Кононкова Н.П., Полавская Н.В. Государственная поддержка коммерциализации результатов интеллектуальной деятельности в социально значимых отраслях // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 196–207. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207

State Support for Commercialization of Intellectual Activity Results in Socially
Significant Industries

Natalia P. Kononkova

DSc (Economics), Associate Professor, ORCID: [0000-0002-6415-0863](#), npkononkova@econ.msu.ru

Faculty of Economics, Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Natalia V. Polavskaya

PhD applicant, ORCID: [0009-0004-2745-2514](#), polavskayanv@gmail.com

Faculty of Economics, Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Abstract

The pharmaceutical industry is one of the leaders in terms of the intensity of commercialization of the intellectual activity results (IAR). Its development as a socially significant industry is a priority in the state policy of countries with developing economies, in particular, the countries of the Latin American region (LA). A number of economic conditions for the development of commercialization of the IAR in these countries are similar to the Russian economy. Common barriers to development include dependence on imported substances, inefficient interaction between science and business, lack of public and private investment in R&D, and insufficient development of the intellectual property (IP) institution. At the same time, it is possible to identify common growth drivers: the growth potential of the consumer market, unique natural resources, relatively high scientific potential, and the concentration of R&D in research institutes and universities. The similarity of the conditions helps to suggest that it is possible to adapt the best

practices of IAR commercialization formed in the LA, to the Russian economy. The research method used in this article include analyzing published legislative and statistical materials on financial institutions of the LA countries in order to identify problems and experience in overcoming them in the field of commercialization of intellectual property. The analysis of state support for imitation, closed and open models of commercialization of IAR used by pharmaceutical companies in developing economies made it possible to identify successful support mechanisms, as well as positive and negative results of the application of each model. On this basis, as the results of the research recommendations for state support for the commercialization in socially significant industries of the Russian economy are suggested.

Keywords

Commercialization of intellectual property results, state support for commercialization in socially significant industries, barriers and drivers of commercialization in the pharmaceutical industry, intellectual property management, open models of commercialization.

For citation

Kononkova N.P., Polavskaya N.V. (2024) State Support for Commercialization of Intellectual Activity Results in Socially Significant Industries. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 196–207. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-196-207

Введение

Коммерциализация результатов интеллектуальной деятельности (РИД) становится важным условием инновационного развития компаний, особенно в интеллектоемких отраслях. Об этом свидетельствует практика передовых стран, где на фоне роста разнообразия и количества рыночных операций с РИД наблюдается усиление мер защиты прав на РИД, а также формирование новых способов взаимодействия при их получении и использовании.

Для российской экономики актуальными проблемами инновационного развития являются как дефицит РИД у бизнеса в интеллектоемких социально значимых отраслях, так и наличие невостребованных бизнесом РИД, полученных в сфере науки. По данным авторитетного справочного издания Global Innovation Index, доходы от интеллектуальной собственности в 2022 г. в РФ составили 0,3% от всего оборота, а индекс взаимодействия науки и бизнеса находится на низком уровне, не превышая значения 46,5, в то время как в США эти показатели равны 4,3% и 79,6 соответственно¹. Для эффективного решения обозначенных проблем следует сформировать механизмы коммерциализации РИД, которые обеспечат разностороннее и интенсивное вовлечение РИД в экономические отношения, а также повышение коллаборации разных экономических субъектов.

В этой связи особенно важно проанализировать опыт развивающихся стран, имеющих схожие с российской экономикой драйверы и барьеры роста, но при этом получивших успешный опыт коммерциализации РИД, ускоряющий инновационное развитие социально значимых отраслей. Анализ механизмов государственной поддержки коммерциализации и оценка их результативности позволяет разработать меры, применимые для российских социально значимых отраслей. Текущие вызовы делают эту задачу особенно актуальной в связи с необходимостью усиления импортнезависимости российских социально значимых отраслей, таких как фармацевтическая отрасль (ФО).

Коммерциализация РИД в российской фармацевтической отрасли

Один из ведущих зарубежных исследователей истории российской науки Л. Грэхэм говорит о том, что исторически в России многие изобретения не получают должный коммерческий успех [Грэхэм 2014, 133]. Это утверждение справедливо в отношении российской ФО, которая по основным показателям уступает передовым экономикам, а также некоторым развивающимся, несмотря на сравнительно высокий научный потенциал России.

Так, средний годовой рост российского фармацевтического рынка в денежном выражении за период с 2015 по 2022 гг. составил 9%², а в Бразилии — 13%³. По доле коммерческого

¹ Global Innovation Index 2022. P. 193, 217 // WIPO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 29.01.2024).

² Фармацевтический рынок России (отчеты за 2015–2022 гг.) // DSM Group [Электронный ресурс]. URL: <https://dsm.ru/news-reports/?category=13> (дата обращения: 10.01.2024).

³ Profile of the pharmaceutical industry and relevant sector aspects // Sindusfarma [Электронный ресурс]. URL: https://sindusfarma.org.br/uploads/Publicacoes/Perfil_IF2020_ING.pdf (дата обращения: 20.01.2024); CFA Institute Research Challenge // CFA Society [Электронный ресурс]. URL: https://cfasociety.org.br/wp-content/uploads/2020/08/report_poli_usp.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

фармацевтического рынка в ВВП страны (0,66%⁴) на 2022 г. Россия занимает 13-е место в мире, уступая Бразилии и Аргентине. Среди десяти лидеров российского рынка по стоимостному объему продаж в 2022 г. можно отметить лишь одну отечественную компанию — «Отисифарм», остальные девять — зарубежные. При этом по натуральному объему продукции в топ-10 входит шесть отечественных компаний⁵. Соотношение долей стоимостного и натурального объема свидетельствует о том, что сегменты с высокой добавленной стоимостью заняты преимущественно импортной продукцией.

Следует заметить, что структура российского рынка свидетельствует о применении фармацевтическими компаниями имитационной модели коммерциализации РИД, которая реализуется посредством разработки дженериков. Это видно на Рисунке 1, согласно которому доля дженериков в среднем за пять лет до 2020 г. достигла 60% и 86% в денежном и натуральном выражении соответственно.

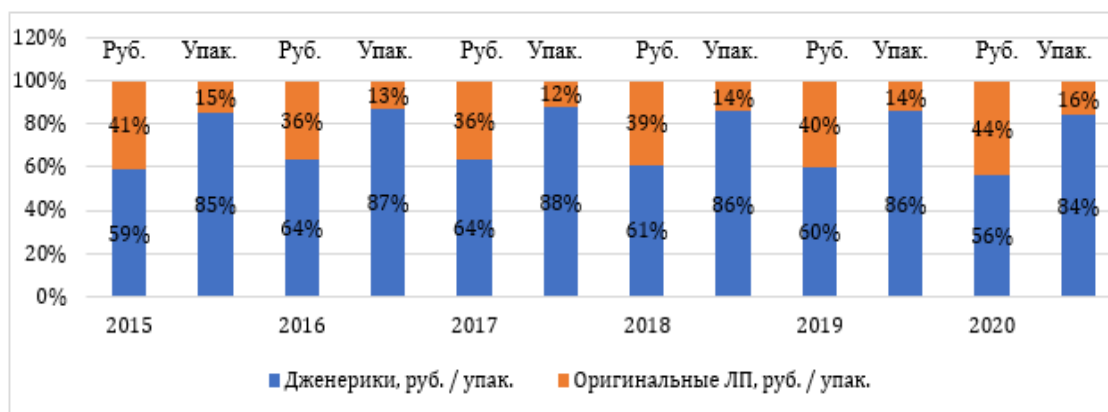

Рисунок 1. Структура российского рынка с 2015 по 2020 гг. в денежном и натуральном выражении⁶

Применение закрытой модели коммерциализации, целью которой является получение прорывного оригинального лекарственного препарата (ЛП) внутри организации без вовлечения сторонних партнеров, в отечественной ФО представлено единичными примерами. Закрытая разработка ЛП требует по времени от десяти до пятнадцати лет⁷, а по затратам — около 1 млрд долл. США.⁸ Количество российских фармацевтических оригинальных ЛП, выведенных на рынок с 2010 по 2020 гг., составило всего 48 наименований [Чапленко и др. 2020]. Это связано главным образом с дефицитом инвестиций в НИОКР и сравнительно недолгим сроком существования компаний с вытекающим из этого отсутствием накопленного интеллектуального капитала.

Опыт внедрения открытых моделей коммерциализации РИД в российской ФО также не является обширным. Большинство выявленных примеров — это совместная разработка ЛП фармацевтическими компаниями и научными учреждениями. При этом разработка велась не с нуля, а с использованием уже имеющихся в научных учреждениях наработок.

Анализ российского фармацевтического рынка выявил сравнительно низкий масштаб коммерциализации РИД и несистематическое применение разных моделей коммерциализации. В то время как опыт других развивающихся экономик демонстрирует повышение результативности

⁴ Фармацевтический рынок России. Годовой отчет. 2022 // ДСМ Группа [Электронный ресурс]. URL: https://dsm.ru/docs/analytics/Annual_report_2023_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

⁵ Там же. С. 27.

⁶ Составлено авторами по: Фармацевтический рынок России (отчеты за 2015–2022 гг.) // DSM Group [Электронный ресурс]. URL: <https://dsm.ru/news-reports/?category=13> (дата обращения: 10.01.2024).

⁷ Intellectual property trends: Average royalty rates, most active industries, and more // BVR [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bvresources.com/blogs/intellectual-property-news/2018/04/18/intellectual-property-trends-average-royalty-rates-most-active-industries-and-more> (дата обращения: 20.12.2023).

⁸ Brazilian Technological Trajectory in the Pharmaceutical Industry 2016 // WEF [Электронный ресурс]. URL: https://www3.weforum.org/docs/Manufacturing_Our_Future_2016/Case_Study_3.pdf (дата обращения: 28.01.2024).

коммерциализации РИД благодаря мерам государственной поддержки, стимулирующим использование как имитационной, так и закрытой моделей коммерциализации.

Драйверы и барьеры коммерциализации РИД в ФО развивающихся экономик

В развивающихся экономиках стран Латинской Америки (ЛА) и России можно выделить ряд схожих факторов, влияющих на коммерциализацию РИД в ФО. Они представлены в Таблице 1 в виде драйверов и барьеров.

Таблица 1. Драйверы и барьеры коммерциализации РИД в ФО развивающихся экономик стран Латинской Америки и России⁹

Драйверы	Барьеры
– потенциал роста потребительского рынка; – социальная направленность государственной политики; – уникальные природные ресурсы; – сравнительно высокий научный потенциал; – концентрация НИОКР в научно-исследовательских институтах.	– отсутствие систематического взаимодействия науки и бизнеса; – дефицит инвестиций в НИОКР; – недостаточно развитые институты интеллектуальной собственности (ИС); – зависимость от импортных субстанций.

Одним из ведущих драйверов коммерциализации РИД является нереализованный потенциал насыщения потребительского рынка. Он обусловлен высокой численностью населения и прогнозируемым долгосрочным увеличением потребления лекарственных препаратов на душу населения. По данным аналитической компании в области здравоохранения IQVIA¹⁰ и Росстата, в странах ЛА и в России прогнозируется увеличение численности населения старше 65 лет в ближайшие 30 лет, рост средней продолжительности жизни и, соответственно, рост потребности в лекарственных средствах. Кроме того, повышение доходов на душу населения, характерное для развивающихся экономик, ведет к увеличению расходов на лекарства.

В качестве драйвера коммерциализации в рассматриваемых странах также стоит выделить социальную направленность государственной политики, которая обеспечивает поддержку здравоохранения и фармацевтики как социально значимой отрасли. В период с 2005 по 2020 гг. государственные расходы на здравоохранение на душу населения в крупнейших странах ЛА и России выросли примерно в три раза и составили в среднем 488 и 546 долл. США в год соответственно¹¹.

Перспективы получения новых РИД в ФО рассматриваемых стран связаны с уникальным ресурсным потенциалом. Латиноамериканский регион богат растениями и микроорганизмами, содержащими ценные биологически активные вещества. На базе природных ресурсов в Бразилии активно развивается отрасль биотехнологий, демонстрируя средний годовой рост 4,7% с 2016 по 2020 гг.¹² Российская природа также обладает ценной для ФО флорой и фауной, в частности лекарственными растениями, морскими ресурсами, микроэлементами и минералами, используемыми в производстве лекарственных средств. Ресурсный потенциал может быть мощнейшим драйвером коммерциализации РИД в совокупности с другими факторами, среди которых важное место занимает научный потенциал.

Научный потенциал определяет качество и количество РИД в интеллектоемких отраслях. Согласно Таблице 2, основные показатели научного потенциала России и ряда стран ЛА имеют

⁹ Составлено авторами.

¹⁰ Valuing the Research-based Pharmaceutical Industry in Latin America // IQVIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iqvia.com/insights/the-iqvia-institute/reports-and-publications/reports/valuing-the-research-based-pharmaceutical-industry-in-latin-america> (дата обращения: 20.01.2024).

¹¹ Current health expenditure per capita, PPP (current international \$) // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SH.XPD.CHEX.PP.CD?view=chart> (дата обращения: 08.01.2024).

¹² Brazil Biotechnology Market Summary, Competitive Analysis and Forecast to 2027 // Market Research [Электронный ресурс]. URL: <https://www.marketresearch.com/MarketLine-v3883/Brazil-Biotechnology-Summary-Competitive-Forecast-35232645/> (дата обращения: 20.01.2024).

сравнительно высокие значения, несмотря на то что отстают от лидирующих стран, в частности США. Количество исследователей на млн чел. населения в 2020 г. в Аргентине и Бразилии составило 1192 и 888 соответственно, а в России — 2784 по всем отраслям науки, включая 99 в медицинских науках¹³. Количество научных публикаций также относительно высокое в России и некоторых странах ЛА, однако снова оказывается ниже, чем в США, что говорит о необходимости государственной поддержки науки в России и ЛА.

Таблица 2. Основные показатели научного потенциала некоторых стран мира по состоянию на 2020 год¹⁴

	Количество исследователей на млн чел. нас.	Количество научных публикаций на млн чел. нас.	Степень взаимодействия университетов и бизнеса	Средние ежегодные расходы на НИОКР за 10 лет, % от ВВП
Россия	2784	565	46,8	1,1
Бразилия	888	285	40	1,2
Мексика	315	128	42,1	0,4
Аргентина	1192	196	37,4	0,6
Колумбия	88	143	42,6	0,2
Чили	376	493	41,2	0,4
Уругвай	246	696	36,2	0,4
США	1294	4412	75,7	2,8

В отличие от США, особенностью России и большинства стран ЛА является концентрация НИОКР в научно-исследовательских институтах. Многие американские компании «большой фармы», такие как Pfizer, Merck, существуют более 150 лет, в течение которых сформировали достаточный финансовый и интеллектуальный капитал, чтобы вести длительные дорогостоящие научные исследования в собственных лабораториях. В России и ЛА срок существования подавляющего большинства фармацевтических компаний значительно меньше, а финансового и интеллектуального капитала недостаточно для проведения собственных НИОКР. В то же время в этих странах существуют научно-исследовательские институты, занимающиеся исследованиями в сфере фармацевтики, использование интеллектуального капитала которых может стать мощнейшим драйвером коммерциализации.

Выявленные драйверы положительно влияют на коммерциализацию, между тем имеющиеся барьеры снижают ее результативность. Отсутствие систематического взаимодействия науки и бизнеса выступает сдерживающим фактором в реализации научного потенциала. Согласно данным Таблицы 2, степень взаимодействия университетов и бизнеса в России и ряде стран ЛА примерно в два раза отстает от ведущих экономик.

В то же время в ЛА и России серьезным фактором, сдерживающим коммерциализацию РИД, является дефицит инвестиций в НИОКР. По данным Таблицы 2, средние ежегодные расходы на НИОКР в России составили 1,1% от ВВП, а в представленных странах ЛА — от 0,2 до 1,2%. Между тем НИОКР в ФО требуют существенных инвестиций, без которых нет возможности получить инновационные уникальные ЛП.

Недостаточное развитие институтов ИС также является барьером. Защита прав ИС — краеугольный камень развития ФО в условиях значительных интеллектуальных, финансовых и временных затрат на создание ЛП. Общей особенностью стран ЛА и России стала слабая система

¹³ Рассчитано авторами на основе: Индикаторы науки 2022: статистический сборник. М.: НИУ ВШЭ, 2022. С. 55.

¹⁴ Составлено авторами на основе: Global Innovation Index 2020 // WIPO [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo-pub-2000-2022-en-main-report-global-innovation-index-2022-15th-edition.pdf> (дата обращения: 29.01.2024); Research and development expenditure (% of GDP) // The World Bank [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS?view=chart> (дата обращения: 25.01.2024).

защиты прав ИС, обладающая теми или иными «пробелами», отличающимися по странам: беспрецедентно длительный срок от подачи заявки на патент до начала ее рассмотрения в Бразилии (95,4 месяцев¹⁵), сложность предварительного судебного запрета в Аргентине, отсутствие эффективных методов экспертизы патентных заявок и нехватка квалифицированных специалистов во всех странах ЛА¹⁶, отсутствие механизмов предварительной патентной заявки в России.

Кроме того, исследователи обращают внимание на то, что суды в России и странах ЛА преимущественно встают на сторону местных производителей, допуская случаи, квалифицируемые в развитых экономиках как нарушение прав ИС. Аргентина, Бразилия, Колумбия, Мексика, Россия включены в список надзора США как страны, нарушающие права на ИС¹⁷. Приведенные примеры говорят о необходимости реформирования системы защиты прав ИС для успешной коммерциализации РИД.

Не последний по значимости барьер развития коммерциализации РИД в ФО России и стран ЛА, а также одна из основных проблем лекарственной безопасности — это преобладание импортных субстанций. По данным DSM Group, авторитетного аналитика ФО, по состоянию на 2019 г. в России локально производилось около 15% субстанций, остальное ввезено из-за рубежа — Китая (20% поставок), Франции (17%), Индии (10,5%) и других стран¹⁸. В 2021 и 2022 гг. объем импорта субстанций не уменьшился¹⁹. По данным аналитиков компании Atradius, фармотрасль одной из ведущих стран ЛА, Бразилии, также в значительной степени зависит от импортного сырья из Индии и Китая (около 90%)²⁰.

Выявленные драйверы и барьеры необходимо учитывать при управлении развитием ФО в контексте инновационной экономики. Повышение эффективности системы коммерциализации РИД затрагивает фундаментальные отношения в системе «государство — бизнес — общество». Именно государство обладает необходимым ресурсом для стимулирования научных разработок и контроля за ними, использования уникальных природных ресурсов, поддержки социальной направленности политики, а также преодоления дефицита инвестиций в НИОКР, «пробелов» в системе защиты прав ИС и прочих барьеров, что в конечном итоге помогает фармкомпаниям создавать инновационный продукт, работающий на улучшение здоровья нации.

Опыт государственной поддержки коммерциализации РИД в странах ЛА

Ряд мер государственной поддержки коммерциализации РИД в фармотрасли в странах Латинской Америки за последние 20 лет привел к впечатляющим результатам: в 2021 г. в ЛА темп роста рынка лекарственных препаратов составил 15,6%, что стало самым высоким показателем среди всех регионов мира²¹. Инновации в ФО оказывают положительное социальное влияние:

¹⁵ World Intellectual Property Indicators 2017. P. 18 // WIPO [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_941_2017.pdf (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁶ Haar J. Ecosystems of Innovation: The Case of Biotechnology in Argentina. // Wilson Center [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wilsoncenter.org/publication/ecosystems-innovation-the-case-biotechnology-argentina> (дата обращения: 30.01.2024).

¹⁷ EE UU señala a cuatro países latinoamericanos por violar la propiedad intelectual // El Pais [Электронный ресурс]. URL: https://elpais.com/economia/2018/04/27/actualidad/1524846144_547689.html (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁸ Фармацевтический рынок России. 2019. С. 100 // DSM Group [Электронный ресурс]. URL: <https://dsm.ru/upload/iblock/49f/49f7ed2a3388c9a0620137da15c1f69a.pdf> (дата обращения: 25.01.2024).

¹⁹ Ввоз субстанций для лекарств в Россию рекордно вырос в 2022 году // ФармМедПром [Электронный ресурс]. URL: <https://pharmmedprom.ru/news/vvoz-sutstantsii-dlya-lekarstv-v-rossiyu-rekordno-viros-v-2022-godu/> (дата обращения: 25.01.2024).

²⁰ Pharmaceuticals Industry Trends Brazil — 2022 // Atradius [Электронный ресурс]. URL: <https://atradiuscollections.com/global/reports/pharmaceuticals-industry-trends-brazil-2022.html#:~:text=In%202022%20and%202023%2C%20demand,constraints%20in%20public%20sector%20spending,&text=Brazil%20has%20the%20sixth%20largest,the%20biggest%20in%20Latin%20America> (дата обращения: 01.01.2024).

²¹ A Guide to the Key Pharma Markets in Latin America. P. 3 // Tanner Pharma [Электронный ресурс]. URL: <https://tannerpharma.com/wp-content/uploads/2022/10/LAC-A-Guide-to-the-Key-Pharma-Markets-in-LATAM.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

за последние несколько десятилетий средняя продолжительность жизни в ЛА резко возросла, что, по мнению аналитиков в области здравоохранения из IQVIA, частично связано с внедрением новых ЛП²².

С 2000 г. в странах ЛА государственная поддержка была направлена на поддержание имитационной модели. В условиях дефицита инвестиций в НИОКР, фрагментарности базы собственных разработок, а также высокой стоимости оригинальных лекарств имитационная модель стала приемлемым решением для коммерциализации РИД в ФО развивающихся экономик ЛА [Tigre et al. 2016].

В рамках мер, институализирующих имитационную модель, были приняты специальные законы о дженериках, регулирующие производство, клинические испытания, процедуру исследования эквивалентности и получение допуска препаратов на рынок. Государством применяются механизмы принудительного лицензирования для жизненно необходимых и важнейших лекарственных препаратов (ЖВЛП), разрешающие локальным компаниям воспроизводить запатентованные ЛП для снижения их стоимости в рамках обеспечения права на здоровье [Kononkova, Polávkaya 2021]. Действуют также госпрограммы по продвижению дженериков отечественного производства. В качестве примера можно привести программу «Народная аптека Бразилии», в рамках которой в стране создана аптечная сеть из 300 частных аптек, которой управляет специальный фонд, поставляющий в аптеки дженерики бразильского производства и продвигающий их среди работников системы здравоохранения. Все ЛП в них продаются только по рецепту, но их цена на 30–90% ниже, чем в других частных аптеках²³.

Доля дженериков на фармрынке ЛА в настоящее время составляет около 80% в количественном и 65% в денежном выражении. За десять лет, начиная с 2006 г., она увеличилась на 15% и 20% соответственно²⁴, что является результатом предпринимаемых правительством мер. Часть дженериков составляют копии биопрепаратов — биоаналоги, процесс разработки и получения которых сложнее, чем «синтетических» дженериков.

Последствия расширения производства дженериков оказались неоднозначными. К положительным можно отнести поддержку национального фармпроизводства, ежегодный стабильный рост рынка, обеспечение населения жизненно важными лекарствами, повышение качества отечественной продукции и создание фундамента для формирования других моделей коммерциализации; к негативным — развитие практики слабой защиты прав ИС, а также низкий уровень мотивации компаний к собственным инвестициям в НИОКР для прорывных инноваций.

Для развития закрытой модели коммерциализации РИД, как известно, необходимы специальные меры по стимулированию инвестиций в НИОКР. В целях финансирования НИОКР Мексика, Аргентина, Колумбия и Бразилия, например, ввели специальные налоги на табак, алкоголь, импортные ЛП и азартные игры, средства от уплаты которых направлялись в фонды финансирования инноваций в ФО²⁵, активно подключая к инновационному процессу государственные лаборатории и университеты.

Для стимулирования НИОКР в коммерческих фармацевтических компаниях некоторые страны приняли дополнительные меры. В частности, в Бразилии в 2010 г. был принят закон,

²² Valuing the Research-based Pharmaceutical Industry in Latin America // IQVIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iqvia.com/insights/the-iqvia-institute/reports-and-publications/reports/valuing-the-research-based-pharmaceutical-industry-in-latin-america> (дата обращения: 20.01.2024).

²³ Фармрынок Бразилии: курс на дженерики // Лекобоз [Электронный ресурс]. URL: <https://lekoboz.ru/farmrynok/braziliya-kurs-na-dzheneriki> (дата обращения: 10.02.2024).

²⁴ Global/US Generics and Biosimilars: Trends, Issues and Outlook // AAM [Электронный ресурс]. URL: <https://accessiblemeds.org/sites/default/files/2019-02/Doug-Long-Access2019.pdf> (дата обращения: 20.01.2024).

²⁵ Innovative Funding for Medicines in Latin America 2020 // IQVIA [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iqvia.com/insights/the-iqvia-institute/reports-and-publications/reports/innovative-funding-for-medicines-in-latin-america> (дата обращения: 08.02.2024).

закрепляющий при госзакупках обязательную маржу в 25% на ЛП, являющиеся результатом внутренних инноваций²⁶.

Однако закрытая модель не получила широкого распространения в регионе. Более эффективной в странах ЛА оказалась открытая модель коммерциализации, обладающая рядом положительных эффектов. Она позволила снизить внутренние затраты компании, повысить интенсификацию НИОКР и сократить время выхода продукта на рынок. Важным положительным эффектом открытой модели стал запуск таких актуальных для ФО драйверов развития коммерциализации РИД, как уникальные природные ресурсы и высокий научный потенциал.

Внедрение открытой модели предполагает формирование институтов, поддерживающих инфраструктуру устойчивой сети взаимодействия участников коммерциализации и культуру обмена РИД. Для комплексного решения этих задач также необходимо государственное участие.

Наиболее показательным является опыт внедрения открытой модели в Бразилии. Успех данной модели обеспечили найденные механизмы, важнейшими из которых стали партнерства по разработке продукта (ПРП), отраслевые кластеры и спин-оффы университетов.

ПРП введены в Бразилии в 2008 г. после публикации закона об инновациях. Закон был разработан с целью поощрения сотрудничества между научными учреждениями и национальной промышленностью для коммерциализации РИД. Механизм ПРП является разновидностью государственно-частного партнерства (ГЧП) в отрасли. Агрегатором ПРП выступает некоммерческая организация, которая выстраивает партнерские отношения между частным сектором, государством, научными институтами и некоммерческим сектором для разработки ЛП. Как правило, деятельность ПРП фокусируется на одном целевом заболевании и направлена на организацию проекта по разработке необходимого ЛП.

Одна из действующих в Бразилии форм ПРП — партнерство между коммерческой организацией, бразильской государственной лабораторией и Министерством здравоохранения. Первая разрабатывает и производит ЛП, используя ресурсы бразильской лаборатории, с последующей передачей (через 10 лет) прав ИС. Существует также договоренность о гарантированном объеме закупок выпускаемого препарата Министерством здравоохранения. Примером ПРП является [BioNovis](#), в составе которого четыре бразильские фармацевтические компании, которые инвестировали более 130 млн долл. США в научные проекты лаборатории биологических препаратов, и основная часть продукции продана Министерству здравоохранения Бразилии.

По данным бразильских аналитиков, за семь лет после вступления в силу закона в фармацевтическом, медицинском и биотехнологическом секторах были организованы и действовали 104 партнерства²⁷. По многим проектам ПРП ведутся клинические исследования, разработка продуктов и строительство новых промышленных мощностей.

Государственная поддержка партнерств также проводится в Чили. За последнее десятилетие местные научные учреждения получили 259 патентов, однако нехватка отечественных фармацевтических компаний препятствует коммерциализации этих разработок. Для коммерциализации Чили развивает партнерские отношения за пределами своих границ, такие как сотрудничество научно-исследовательского центра Ciencia y Vida и Калифорнийского университета [Vargas, Darrow 2023].

Очевидными результатами внедрения практики партнерств в Бразилии и Чили стали активное развитие биотехнологического сектора, использование ранее не реализованного

²⁶ Lei № 12.349, De 15 De Dezembro De 2010 // Presidência da República [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2010/lei/l12349.htm (дата обращения: 17.01.2024).

²⁷ Public-private partnerships and pharmaceutical social innovation in Brazil // Social pharmaceutical innovation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.socialpharmaceuticalinnovation.org/> (дата обращения: 20.01.2024).

научного и ресурсного потенциала, повышение результативности НИОКР, а также снижение общего объема инвестиций.

Государственная поддержка открытых инноваций в странах ЛА осуществляется посредством организации отраслевых кластеров. Между компаниями кластера происходит постоянный обмен знаниями, что способствует акселерации развития технологий в отрасли. Среди кластеров одним из наиболее успешных примеров является кластер в Сан-Паулу в Бразилии за счет эффективного сочетания взаимодополняющих компетенций, таких как производственные мощности, государственные лаборатории и научная база, сформированная ведущими университетами.

В качестве одного из драйверов развития рассматриваемых экономик отметим концентрацию научных исследований и разработок в государственных научных учреждениях, включая университеты. Коммерциализация РИД университетов в ЛА организована путем привлечения их ресурсов к разработке фармацевтической продукции через образование спин-оффов, которые коммерциализируют разработки, полученные в ходе университетских исследований. Исследования университетов Бразилии ведут к выделению биотехнологических спин-оффов, специализирующихся на продуктах, основанных на богатых ресурсах региона Амазонки²⁸. Связь с университетом обеспечивает спин-оффам не только научную базу, но и узнаваемость, которая открывает финансовые и сетевые возможности. В Бразилии спин-оффы университетов начали появляться с 2004 г., когда правительством был принят закон об инновациях. Он обеспечил финансовые и правовые механизмы поддержки создаваемых университетами инновационных подразделений. Руководствуясь принципами этого закона, крупные университеты разработали свои политики спин-оффов. По мнению специалистов, именно это стало стартовым фактором появления и дальнейшего развития спин-оффов [Botelho, Almeida 2011].

Результаты государственной поддержки внедрения моделей коммерциализации в ФО стран Латинской Америки обобщены в Таблице 3.

Таблица 3. Результаты государственного стимулирования моделей коммерциализации РИД в ФО стран с развивающейся экономикой²⁹

Модель	Положительные результаты	Негативные результаты
Имитационная	– стабильный рост фармрынка; – обеспечение населения жизненно важными ЛП; – повышение качества отечественной продукции.	– формирование практики слабой защиты прав ИС; – снижение привлекательности отрасли для иностранных инвесторов; – снижение мотивации компаний к собственным прорывным инновациям.
Закрытая	– сохранение конкурентоспособности крупных отечественных компаний на фоне ТНК; – расширение инновационного портфеля производителей.	– ограничение доступа малых и средних предприятий к инновациям.
Открытая	– развитие сектора биотехнологий; – повышение инвестиционной привлекательности региона; – преодоление дефицита импортных поставок.	– потеря автономности в формировании стратегии коммерциализации РИД у компаний-участников открытых моделей, так как они ограничены соглашениями с другими участниками.

В целом исследование опыта государственной поддержки разных моделей коммерциализации в странах ЛА дает ценный практический материал регионам, имеющим сходные проблемы развития, который целесообразно использовать для выявления эффективных механизмов коммерциализации РИД.

²⁸ Lehman B. The Pharmaceutical Industry and the Patent System // WFU [Электронный ресурс]. URL: https://users.wfu.edu/mcfallta/DIR0/pharma_patents.pdf (дата обращения: 10.02.2024).

²⁹ Составлено авторами на основе: [Avila-Lopez et al. 2019; Bertoldi et al. 2019; Paranhos et al. 2023; Wilsdon et al. 2020].

Рекомендуемые меры государственной поддержки коммерциализации РИД в российской фармацевтической отрасли

Сочетание драйверов и барьеров коммерциализации определяет применение механизмов разных моделей коммерциализации РИД. Так, через имитационную модель возможно реализовать потенциал роста потребительского рынка за сравнительно короткий период. Ее внедрение позволило странам ЛА решить социально значимые задачи государственной политики, обеспечив доступ населения к жизненно важным препаратам и поддержав позиции отечественных производителей на внутреннем рынке. Закрытая модель способна реализовать высокий научный потенциал и обеспечить прорывные инновации, но в силу дефицита инвестиций в НИОКР в странах ЛА не получила масштабного распространения. Реализовать драйверы научного потенциала и уникальной ресурсной базы, а также преодолеть барьер отсутствия систематического взаимодействия науки и бизнеса способны механизмы открытой модели. Поэтому крайне важны комплексные меры государственной поддержки разных моделей коммерциализации РИД в социально значимых отраслях.

На основе проведенного анализа в рамках государственной поддержки ФО можно выделить три направления, каждое из которых соответствует модели коммерциализации РИД. В рамках каждого направления сформулированы рекомендации для повышения эффективности коммерциализации РИД в российской экономике.

Стимулирование имитационной модели. Ключевыми предложениями для поддержки производства дженериков на государственном уровне являются:

- сокращение сроков выдачи разрешения на проведения клинических исследований;
- возможность проведения контроля качества параллельно с подачей на регистрацию ЛП;
- распространение порядка ускоренной регистрации ЛП для более широкого перечня случаев;
- устранение барьеров для участия в госзакупках ЛП.

Целесообразно также ввести государственные программы по продвижению дженериков отечественного производства, адаптировав программу «Народная аптека Бразилии» для распространения жизненно важных лекарственных препаратов отечественного производства среди населения.

Стимулирование закрытой модели. Для получения и коммерциализации прорывных инноваций в российской ФО по закрытой модели рекомендуется в качестве меры государственной поддержки внутренних НИОКР адаптировать бразильское законодательство о государственных закупках, устанавливающее фиксированную маржу на лекарственные препараты, являющиеся результатами отечественных инноваций.

В условиях ограниченных государственных инвестиций в НИОКР рекомендуется направить их преимущественно на фундаментальные научные исследования, которые ведут университеты и научные учреждения, по поиску ЛП и вакцин, направленных на борьбу с социально значимыми заболеваниями.

Необходимой мерой со стороны государства является модернизация институтов ИС. В частности, эффективными мерами могут быть сокращение сроков экспертизы заявок на выдачу патента и механизм предварительной патентной заявки.

Стимулирование открытой модели. Для распространения лучших практик открытых моделей коммерциализации РИД рекомендуется выстраивать систему взаимодействия бизнеса с научными учреждениями для эффективного использования их ресурсов при создании инновационных продуктов. В качестве важного механизма открытой модели для интеллектоемких

отраслей российской экономики стоит рассматривать ПРП. Как было выявлено, ПРП способствует более эффективному использованию имеющейся научно-технической базы и оптимизации процесса финансирования инноваций.

Внедрение открытой модели также необходимо осуществлять через государственную поддержку фармацевтических кластеров. Результаты развития инновационных кластеров в российской ФО пока скромные. Для повышения эффективности функционирования кластеров рекомендуется формировать долгосрочные государственные заказы на ЛП для резидентов кластеров, а также инициировать участие в кластере компаний — участников производственной цепочки, а не компаний-конкурентов.

В целях повышения коммерциализации РИД университетов необходимо разработать финансовые и правовые механизмы поддержки создаваемых спин-оффов, а также инициировать разработку собственных политик по созданию спин-оффов внутри крупных университетов и научно-исследовательских центров. В качестве основы этой инициативы рекомендуется использовать механизмы, сформулированные в бразильском законе об инновациях.

Заключение

Анализ экономических условий коммерциализации РИД в фармакологической отрасли стран ЛА и в России помог выявить схожие драйверы и барьеры развития. При этом результаты коммерциализации РИД ряда стран ЛА на данный момент успешнее, чем в России. В связи с этим механизмы государственной поддержки коммерциализации РИД в ЛА вызывают интерес с точки зрения их адаптации к российским условиям.

Ключевые механизмы государственной поддержки, реализуемые в странах ЛА, классифицированы по трем направлениям, соответствующим моделям коммерциализации — имитационной, закрытой и открытой. Успешное внедрение сначала имитационной модели позволило решить социально значимые задачи государственной политики, обеспечив стабильный рост рынка ЛП, доступ населения к жизненно важным лекарственным средствам и поддержку отечественных производителей. Механизмы поддержки закрытой модели были направлены на сохранение конкурентоспособности крупных отечественных компаний, финансовую поддержку фундаментальных научных исследований университетов и государственных лабораторий, нацеленных на специфические локализованные в регионе заболевания, а также расширение инновационного портфеля производителей ЛП. Открытая модель позволяет снять ресурсные ограничения посредством коллаборации бизнеса, науки и государства. Результатами внедрения государством таких механизмов, как ПРП, фармкластеры и спин-оффы университетов, стали активный рост сектора биотехнологий, эффективное использование научно-технической и ресурсной базы, а также финансовых ресурсов.

Для повышения результативности коммерциализации РИД в российской ФО рекомендуется адаптировать успешные механизмы государственной поддержки, агрегированные по выделенным направлениям, формирующим развитие трех основных моделей коммерциализации РИД.

Список литературы:

Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

Чапленко А.А., Власов В.В., Гильдеева Г.Н. Инновационные лекарственные препараты на российском фармацевтическом рынке: ключевые игроки и основные направления разработок // Ремедиум. 2020. № 10. С. 4–9. DOI: [10.21518/1561-5936-2020-10-4-9](https://doi.org/10.21518/1561-5936-2020-10-4-9)

Avila-Lopez L., Lyu Ch., Lopez-Leyva S. Innovation and Growth: Evidence from Latin American Countries // Journal of Applied Economics. 2019. Vol. 22. Is. 1. P. 287–303. DOI: [10.1080/02102412.2019.1610624](https://doi.org/10.1080/02102412.2019.1610624)

Bertoldi A., Wagner A.K., Emmerick I.C., Arueira Chaves L., Stephens P., Ross-Degnan D. The Brazilian Private Pharmaceutical Market after the First Ten Years of the Generics Law // *Journal of Pharmaceutical Policy and Practice*. 2019. Vol. 12. DOI: [10.1186/s40545-019-0179-9](https://doi.org/10.1186/s40545-019-0179-9)

Botelho A., Almeida M. Overcoming Institutional Shortcomings for Academic Spin-Off Policies in Brazil // *International Journal of Technology Management and Sustainable Development*. 2011. Vol. 9. Is. 3. P. 175–193. DOI: [10.1386/tmsd.9.3.175_1](https://doi.org/10.1386/tmsd.9.3.175_1)

Kononkova N.P., Polávkaya N.V. Comercialización de los resultados de actividad intelectual como factor del desarrollo de la industria farmacéutica en América Latina // *Iberoamérica*. 2021. Is. 2. P. 60–85. DOI: [10.37656/s20768400-2021-2-03](https://doi.org/10.37656/s20768400-2021-2-03)

Paranhos J., Hasenclever L., Perin F. The Brazilian Pharmaceutical Industry: Actors, Institutions, and Policies // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2023. Vol. 51. Is. S1. P. 126–135. DOI: [10.1017/jme.2023.118](https://doi.org/10.1017/jme.2023.118)

Tigre P.B., Nascimento C.V., Costa L.S. Windows of Opportunities and Technological Innovation in the Brazilian Pharmaceutical Industry // *Cadernos de Saúde Pública*. 2016. Vol. 32. Is. 2. URL: <https://www.scielo.br/j/csp/a/kcwsv6PzjDVBBHdwPPCd4R>

Vargas V., Darrow J. Pharmaceutical Innovation in Latin America and the Caribbean // *Journal of Law, Medicine & Ethics*. 2023. Vol. 51. Is. S1. P. 148–162. DOI: [10.1017/jme.2023.120](https://doi.org/10.1017/jme.2023.120)

Wilsdon T., Haderi A., Dobрева Z., Ricciardi G. The Economic Impact of Changing the Environment for Innovation in Argentina — Applying the Lessons of Asia to Latin America // *The Journal of World Intellectual Property*. 2020. Vol. 23. Is. 5–6. P. 609–631. DOI: [10.1111/jwip.12165](https://doi.org/10.1111/jwip.12165)

References:

Avila-Lopez L., Lyu Ch., Lopez-Leyva S. (2019) Innovation and Growth: Evidence from Latin American Countries. *Journal of Applied Economics*. Vol. 22. Is. 1. P. 287–303. DOI: [10.1080/02102412.2019.1610624](https://doi.org/10.1080/02102412.2019.1610624)

Bertoldi A., Wagner A.K., Emmerick I.C., Arueira Chaves L., Stephens P., Ross-Degnan D. (2019) The Brazilian Private Pharmaceutical Market after the First Ten Years of the Generics Law. *Journal of Pharmaceutical Policy and Practice*. Vol. 12. DOI: [10.1186/s40545-019-0179-9](https://doi.org/10.1186/s40545-019-0179-9)

Botelho A., Almeida M. (2011) Overcoming Institutional Shortcomings for Academic Spin-Off Policies in Brazil. *International Journal of Technology Management and Sustainable Development*. Vol. 9. Is. 3. P. 175–193. DOI: [10.1386/tmsd.9.3.175_1](https://doi.org/10.1386/tmsd.9.3.175_1)

Chaplenko A.A., Vlasov V.V., Gildeeva G.N. (2020) Innovative Medicines on the Russian Pharmaceutical Market: Key Players and Main Directions of Development. *Remedium*. No. 10. P. 4–9. DOI: [10.21518/1561-5936-2020-10-4-9](https://doi.org/10.21518/1561-5936-2020-10-4-9)

Graham L. (2014) *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Moscow: Mann, Ivanov and Ferber.

Kononkova N.P., Polávkaya N.V. (2021) Comercialización de los resultados de actividad intelectual como factor del desarrollo de la industria farmacéutica en América Latina. *Iberoamérica*. No. 2. P. 60–85. DOI: [10.37656/s20768400-2021-2-03](https://doi.org/10.37656/s20768400-2021-2-03)

Paranhos J., Hasenclever L., Perin F. (2023) The Brazilian Pharmaceutical Industry: Actors, Institutions, and Policies. *Journal of Law, Medicine & Ethics*. Vol. 51. Is. S1. P. 126–135. DOI: [10.1017/jme.2023.118](https://doi.org/10.1017/jme.2023.118)

Tigre P.B., Nascimento C.V., Costa L.S. (2016) Windows of Opportunities and Technological Innovation in the Brazilian Pharmaceutical Industry. *Cadernos de Saúde Pública*. Vol. 32. Is. 2. Available at: <https://www.scielo.br/j/csp/a/kcwsv6PzjDVBBHdwPPCd4R>

Vargas V., Darrow J. (2023) Pharmaceutical Innovation in Latin America and the Caribbean. *Journal of Law, Medicine & Ethics*. Vol. 51. Is. S1. P. 148–162. DOI: [10.1017/jme.2023.120](https://doi.org/10.1017/jme.2023.120)

Wilsdon T., Haderi A., Dobрева Z., Ricciardi G. (2020) The Economic Impact of Changing the Environment for Innovation in Argentina — Applying the Lessons of Asia to Latin America. *The Journal of World Intellectual Property*. Vol. 23. Is. 5–6. P. 609–631. DOI: [10.1111/jwip.12165](https://doi.org/10.1111/jwip.12165)

Дата поступления/Received: 21.02.2024

Создание центров дистанционного мониторинга пациентов с повреждением структур спинного мозга на принципах ценностно ориентированной модели реабилитации: актуальность и принципы организации

Пушкина Анастасия Владимировна¹

Врач-невролог, SPIN-код РИНЦ: [3748-5506](#), ORCID: [0009-0002-2919-0795](#), doc@avpushkina.ru

Санкт-Петербургское государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Городская больница № 40 Курортного района», Санкт-Петербург, РФ.

Владимирова Оксана Николаевна

Доктор медицинских наук, SPIN-код РИНЦ: [6405-4757](#), ORCID: [0000-0001-6692-2882](#), vladox1204@yandex.ru

Российский государственный социальный университет, Медицинская Высшая школа (институт), Москва;
Санкт-Петербургский государственный педиатрический медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации, Санкт-Петербург, РФ.

Аннотация

В связи с повсеместным внедрением в практику российского здравоохранения Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ), развитие цифровой медицины требует реорганизации реабилитационной помощи в системе здравоохранения России. Особое внимание уделяется моделям медицины 5П и тринитарности. Поэтому представляется актуальным сформировать основные принципы построения модели центра дистанционного мониторинга для пациентов с повреждением структур спинного мозга. С этой целью авторы провели поиск публикаций в базах данных PubMed, e-Library (рубрикатор клинических рекомендаций и нормативно-правовых актов), а также дополнительных источников в пристатейных списках литературы. В результате были выявлены, проанализированы и систематизированы 86 публикаций и источников литературы, 25 из которых включены в настоящий обзор. В качестве методов исследования использованы: аналитический метод, метод выкопировки данных, проведен SWOT-анализ. В результате с позиции ценностно ориентированной модели реабилитации, медицины 5П, тринитарности была обоснована потребность в создании региональных центров дистанционного мониторинга пациентов с повреждением спинного мозга для оказания им необходимой помощи, а также и другим пациентам, передвигающимся на креслах-колясках. Обоснованы принципы, а также показаны возможности и угрозы формирования региональных центров дистанционного мониторинга. Создание подобных центров дистанционного мониторинга за маломобильными пациентами на основе МКФ в России будет способствовать оптимизации ресурсов, оптимальной маршрутизации и доступности медицинской реабилитационной помощи.

Ключевые слова

Дистанционный мониторинг, телемедицина, травма спинного мозга, медицина 5П, тринитарность, реабилитация, ценностно-ориентированная модель, МКФ.

Для цитирования

Пушкина А.В., Владимирова О.Н. Создание центров дистанционного мониторинга пациентов с повреждением структур спинного мозга на принципах ценностно ориентированной модели реабилитации: актуальность и принципы организации // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 103. С. 208-220. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-208-220

Creation of Remote Monitoring Centers for Patients with Spinal Cord Injury Based on the Principles of Value-Oriented Rehabilitation Model: Relevance and Organization Principles

Anastasiia V. Pushkina²

Neurologist, ORCID: [0009-0002-2919-0795](#), doc@avpushkina.ru

St. Petersburg State Budgetary Healthcare Institution "City Hospital No. 40 of the Kurortny district", Saint Petersburg, Russian Federation.

Oksana N. Vladimirova

DSc (Medical Sciences), ORCID: [0000-0001-6692-2882](#), vladox1204@yandex.ru

Russian State Social University, Medical Higher School (Institute), Moscow; St. Petersburg State Pediatric Medical University of Ministry of Health of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russian Federation.

¹ Корреспондирующий автор.

² Corresponding author.

Abstract

Due to the widespread introduction into the practice of Russian healthcare of the International Classification of Functioning, Disability and Health (ICF), the development of digital medicine requires the reorganization of rehabilitation care in the Russian healthcare system. Special attention is paid to the models of 5P medicine and trinitarianism. In this regard, it seems relevant to form the basic principles of building a remote monitoring center model for patients with spinal cord injury. To this end, the authors conducted a search for publications in the PubMed databases, e-Library (the rubricator of clinical recommendations and regulatory legal acts), as well as additional sources in the reference lists. As a result, 86 publications and literature sources were identified, analyzed and systematized, 25 of which are included in this review. The following research methods were used: analytical method, data copying, SWOT analysis. As a result, from the perspective of a value-oriented model of rehabilitation, 5P medicine, and trinitarianism, the need for creating regional remote monitoring centers for patients with spinal cord injury to provide them with the necessary assistance, as well as other patients traveling in wheelchairs, was justified. The principles are substantiated, as well as the possibilities and threats of the formation of regional remote monitoring centers are shown. In conclusion, it is emphasized that the creation of such centers for remote monitoring of low-mobility patients based on ICF in Russia will contribute to optimizing resources, optimal routing and accessibility of medical rehabilitation care.

Keywords

Remote monitoring, telemedicine, spinal cord injury, 5P medicine, trinitarianism, rehabilitation, value-oriented model, ICF.

For citation

Pushkina A.V., Vladimirova O.N. (2024) Creation of Remote Monitoring Centers for Patients with Spinal Cord Injury Based on the Principles of Value-Oriented Rehabilitation Model: Relevance and Organization Principles. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 103. P. 208–220. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-103-2024-208-220

Введение

Распространенность позвоночной спинномозговой травмы в Санкт-Петербурге составляет 17 случаев на 1 млн в год [Лобзин и др. 2019]. По данным Всемирной организации здравоохранения, частота встречаемости травмы позвоночника и спинного мозга среди взрослого населения составляет 0,6 на 1000 человек [Толкачев и др. 2018, 592]. Частота спинального инсульта составляет около 1% от всех инсультов, а ежегодная заболеваемость в мире — 12 случаев на 100 000 населения [Осиков и др. 2019]. Коэффициент заболеваемости доброкачественными первичными опухолями спинного мозга (ПОСМ) составляет 0,76 на 100 000 населения и значительно превышает показатели для злокачественных ПОСМ (0,22 на 100 000 населения) [Козубаев и др. 2020, 55].

В структуре общего травматизма травматическое повреждение спинного мозга встречается в 0,7–8% случаев. В крупных промышленных российских городах частота таких повреждений составляет 0,58–0,6 случая на 10 000 населения. Более чем в 80% случаев позвоночно-спинномозговая травма (ПСМТ) встречается у лиц в возрасте от 17 до 45 лет. Мужчины страдают чаще — от 62,5 до 76,5% от числа пострадавших. Летальность при ПСМТ достигает 37% на догоспитальном этапе, в стационаре этот показатель колеблется от 8 до 58,3%. Инвалидность в результате повреждений позвоночника и спинного мозга устанавливается от 57,5 до 96 и даже 100% случаев, что составляет 0,7% в структуре общего контингента инвалидов³.

Данные статистики показывают своевременность постановки вопроса о необходимости реорганизации реабилитационной помощи лицам с повреждением структур спинного мозга. Существует необходимость использования Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) для постановки цели реабилитации, осуществления вмешательств, обеспечения техническими средствами, рационального трудоустройства, оценки эффективности программ реабилитации. В связи с этим актуальным является:

- изучение модели функционирования и жизнедеятельности пациентов с нарушениями структур спинного мозга вследствие травм и заболеваний спинного мозга;
- разработка алгоритма дистанционного наблюдения пациентов с повреждением структур спинного мозга с применением телемедицинских технологий.

³ Ведение больных с последствиями позвоночно-спинномозговой травмы на втором и третьем этапах медицинской и медико-социальной реабилитации. Клинические рекомендации. М., 2017. С. 7.

Основные проблемы, с которыми сталкиваются пациенты с повреждением спинного мозга

При нарушении структур спинного мозга пациент сталкивается со стойким неврологическим дефицитом в виде парапареза или тетрапареза, а также осложнениями в виде нарушений функций тазовых органов, формирования контрактур и оссификатов, образованием пролежней и гиподинамией. Часть этих осложнений можно предотвратить при активном самоконтроле и надлежащей поддержке, в том числе при использовании телемедицинских технологий [Kryger et al. 2019]. Реабилитация является основным средством адаптации таких пациентов к новым условиям.

Ключевой задачей динамического диспансерного наблюдения пациентов с повреждением спинного мозга является мониторинг течения заболевания в восстановительном периоде, выявление осложнений на ранних стадиях и оптимизация маршрутизации пациентов.

Приказы Минздрава России № 965н от 30.11.2017 г.⁴, № 788н от 31 июля 2020 г.⁵ и № 168н от 15 марта 2022 г.⁶ регламентируют возможность проведения дистанционного динамического наблюдения за данной категорией пациентов.

С учетом недостаточной доступности информации по исследуемой патологии пациенты с повреждением спинного мозга обладают высокой приверженностью к соблюдению рекомендаций лечащего врача, но отмечается истощаемость мотивации к занятиям из-за отсутствия быстрого выраженного эффекта и регулярного контроля врача.

Согласно данным Таблицы 1, количество инвалидов, которым выдана индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА) и которые нуждаются в медицинской реабилитации, увеличивается год от года: за 2022 год ее получили 2754117 человек [Дымочка и др. 2023].

Таблица 1. Потребность инвалидов из числа взрослого населения Российской Федерации в мероприятиях по реабилитации и абилитации, согласно данным ИПРА за период 2018–2022 гг. (абс. число, %)⁷

Реабилитационные мероприятия	2018		2019		2020		2021		2022	
	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
Всего выдано ИПРА	1 987 680	100,0	1 836 232	100,0	2 083 545	100,0	2 666 886	100,0	2 758 554	100,0
Медицинская реабилитация	1 982 606	99,7	1 834 090	99,9	2 081 461	99,9	2 663 442	99,9	2 754 117	99,8
из них мероприятия медицинской реабилитации	1 981 608	99,9	1 833 347	100,0	2 080 947	99,9	2 662 670	100,0	2 753 277	100,0
реконструктивная хирургия	35 843	1,8	34 432	1,9	45 624	2,2	70 412	2,6	69 956	2,5
протезирование и ортезирование	158 411	8,0	163 225	8,9	186 069	8,9	254 728	9,6	289 357	10,5
санаторно-курортное лечение	253 087	12,8	278 887	15,2	358 002	17,2	517 537	19,4	501 905	18,2

⁴ Приказ Минздрава России от 30.11.2017 № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» (Зарегистрировано в Минюсте России 09.01.2018 № 49577) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_287515/ (дата обращения: 13.01.2024).

⁵ Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 788н (ред. от 07.11.2022) «Об утверждении Порядка организации медицинской реабилитации взрослых» (Зарегистрировано в Минюсте России 25.09.2020 № 60039) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363102/ (дата обращения: 13.01.2024).

⁶ Приказ Минздрава России от 15.03.2022 № 168н «Об утверждении порядка проведения диспансерного наблюдения за взрослыми» (Зарегистрировано в Минюсте России 21.04.2022 № 68288) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_415432/ (дата обращения: 13.01.2024).

⁷ Источник: [Дымочка и др. 2023, 68–76, 71].

По данным Таблицы 2, количество нуждающихся в комнатных креслах-колясках с ручным приводом составляет 7,2% от всех получивших ИПРА — 199843 человека. Но, согласно приказу Минтруда России N 107н⁸, срок использования кресла-коляски с ручным приводом комнатной составляет не менее 6 лет, прогулочной — не менее 4 лет, активного типа — не менее 4 лет, с электроприводом — не менее 5 лет, малогабаритной — не менее 1,5 лет. Учитывая эти данные, рассчитывать количество инвалидов, нуждающихся в креслах-колясках, следует за несколько лет, а не за один год.

Таким образом, мы получаем следующие данные: количество человек, пользующихся кресло-коляской с ручным приводом комнатной, — более 767386 человек (это данные за 5 лет, а срок пользования — не менее 6 лет), прогулочной — 510759 человек, активного типа — 6549, с электроприводом — 9296 человек.

Таблица 2. Потребность инвалидов из числа взрослого населения Российской Федерации в технических средствах реабилитации, согласно данным ИПРА за период 2018–2022 гг. (абс. число, %)⁹

Виды ТСР	2018		2019		2020		2021		2022	
	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%	абс. число	%
Выдано ИПРА	1 987 680	100,0	1 836 232	100,0	2 083 545	100,0	2 666 886	100,0	2 758 554	100,0
ИПРА с заключениями о нуждаемости в ТСР из средств федерального бюджета	739 370	37,2	709 193	38,6	778 170	37,3	984 996	36,9	1 090 630	39,5
Трости опорные	201 613	10,1	191 652	10,4	238 699	11,5	332 087	12,5	393 528	14,3
Трости тактильные	25 134	1,3	24 505	1,3	23 806	1,1	30 322	1,1	37 112	1,3
Трости опорно-тактильные	4365	0,2	4284	0,2	3937	0,2	4664	0,2	5157	0,2
Костыли	51 394	2,6	49 483	2,7	56 371	2,7	73 588	2,8	79 012	2,9
Опоры	3024	0,2	3655	0,2	4783	0,2	6725	0,3	9549	0,3
Ходунки	40 583	2,0	43 255	2,4	52 432	2,5	64 205	2,4	75 459	2,7
Поручни	18 428	0,9	23 965	1,3	32 360	1,6	44 448	1,7	59 293	2,1
Кресла-коляски с ручным приводом комнатные	114 181	5,7	131 130	7,1	147 251	7,1	174 711	6,6	199 843	7,2
с ручным приводом прогулочные	64 158	3,2	87 033	4,7	108 833	5,2	140 038	5,3	174 855	6,3
активного типа	1593	0,08	1569	0,1	1177	0,06	1632	0,06	2171	0,08
с электроприводом	1367	0,07	1764	0,1	1553	0,07	2141	0,08	2471	0,09
малогабаритные	136	0,007	103	0,01	60	0,003	64	0,002	69	0,006

Проблемы, с которыми сталкиваются пациенты с повреждением спинного мозга, — это неосведомленность медицинского персонала об особенностях патологии, недостаточное кадровое обеспечение медицинским персоналом по месту проживания, отсутствие безбарьерной среды, неочевидность маршрутизации, транспортная недоступность, низкая мотивация. Эффективным решением обозначенных проблем может стать дистанционный мониторинг с применением телемедицинских технологий.

В национальном здравоохранении ведется комплексная работа по созданию ИТ-инфраструктуры федеральной четырехуровневой телемедицинской системы Министерства здравоохранения России. Инфраструктура российской национальной телемедицины обеспечивается федеральными телемедицинскими консультационными центрами, созданными на базе национальных медицинских исследовательских центров, которые обеспечивают телемедицинские консультации в формате «врач – врач» [Пахуридзе и др. 2022]. Для эффективного оказания медицинской помощи

⁸ Приказ Минтруда России от 05.03.2021 № 107н (ред. от 21.06.2023) «Об утверждении Сроков пользования техническими средствами реабилитации, протезами и протезно-ортопедическими изделиями» (Зарегистрировано в Минюсте России 08.04.2021 № 63022) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381756/ (дата обращения: 13.01.2024).

⁹ Источник: [Дымочка и др. 2023, 68–76, 73].

актуален не только формат межврачебного консультирования и проведения дистанционных консилиумов, но и формат «врач – пациент», как для телемедицинских консультаций, так и для дистанционного мониторинга. Согласно Федеральному закону РФ № 323-ФЗ¹⁰, телемедицина относится к медицинским технологиям и определена как телемедицинская технология.

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на изменение форм медицинской помощи как в России, так и в мире в сторону активизации цифровой трансформации, дистанционных методов работы и внедрения технологий в рутинную практику.

В последнее десятилетие в системе здравоохранения Российской Федерации идет активная реорганизация медицинской реабилитации: появилась новая специальность «врач физической и реабилитационной медицины», выстроена четкая трехэтапная система маршрутизации пациентов реабилитационного профиля, сформирована соответствующая нормативно-правовая база. Однако одной из проблем является потеря результатов, достигнутых на различных этапах медицинской реабилитации. Данная проблема связана со значительной нагрузкой на систему реабилитационной помощи из-за совокупности проблем:

- 1) большого числа нуждающихся в медицинской реабилитации в России;
- 2) уровня первичной инвалидности среди взрослого населения Российской Федерации, который за 2021 г. составляет 46,3 на 10 тыс. взрослого населения. Уровень I группы инвалидности за 2021 — 10,2 на 10 тыс. взрослого населения. В структуре общей накопленной инвалидности за 2022 год доля последствий травм, отравлений и других внешних воздействий — 4,3–4,5%; болезни нервной системы — 4,1–5,4% [Состояние и динамика инвалидности... 2022, 48];
- 3) кадрового дефицита в здравоохранении: так, по данным Федеральной службы государственной статистики, динамика обеспеченности врачами в РФ характеризуется отрицательным трендом: с 2009 по 2018 г. наблюдается снижение на 3,8% (с 49,8 до 47,9 на 10 тыс. населения). Темпы снижения обеспеченности населения врачами в целом по России характеризуются умеренной устойчивой тенденцией к снижению: темп среднегодовой убыли — 0,87% ($r = -0,77$), $-2,02\%$ ($r = -0,9$) [Медведева и др. 2021, 7];
- 4) различной степени доступности реабилитационной помощи в зависимости от региона, географических и территориальных особенностей, мобильности пациента, наличия узких специалистов и/или специализированных центров в регионе;
- 5) прекращения пациентами занятий в домашних условиях после выписки из лечебного учреждения.

Существенно влияние на развитие реабилитации и абилитации оказывают международные принципы (Конвенция о правах инвалидов¹¹, ООН), дополненные отечественной практикой¹².

За десятилетие после ратификации Конвенции о правах инвалидов в России разработана концепция развития комплексной реабилитации, проходит законодательная реформа: Федеральный закон от 01.12.2014 № 419-ФЗ¹³, Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 651-ФЗ¹⁴.

¹⁰ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://static-0.minzdrav.gov.ru/system/attachments/attaches/000/064/911/original/Федеральный_закон_от_21.11.2011_N_323-ФЗ.pdf?1702469292 (дата обращения: 13.01.2024).

¹¹ Конвенция о правах инвалидов // Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2565085/> (дата обращения: 13.01.2024).

¹² Владимирова О.Н. Система комплексной реабилитации инвалидов с ограничением мобильности: дисс... д. мед. наук. М., 2020.

¹³ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов» от 01.12.2014 № 419-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171577/ (дата обращения: 13.01.2024).

¹⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 25.12.2023 № 651-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465514/ (дата обращения: 13.01.2024).

Современная биопсихосоциальная модель инвалидности рассматривает человека в конкретной окружающей среде и систематизирует факторы, которые создают физическую и социальную обстановку, среду отношений и установок, где люди живут и проводят свое время [Пономаренко, Владимирова 2019]. Использование МКФ в определении ограничений жизнедеятельности и основных барьеров на этапах проведения медико-социальной экспертизы позволяет выявить имеющиеся у инвалидов барьеры и более точно и объективно определить потребность в реабилитационных мероприятиях [Поворинский и др. 2023]. Использование МКФ дает также возможность систематизировать эти данные наравне с медицинскими и выстраивать персональную траекторию реабилитации, что и является целью ценностно ориентированной модели.

Медицина 5П

Если рассматривать центры дистанционного мониторинга с позиции концепции медицины 5П применительно к пациентам с повреждением структур спинного мозга, выстраивается логичный конструкт взаимодействия «врач – пациент». Медицина 5П — это:

- 1 — предиктивная (предсказательная) медицина;
- 2 — превентивная медицина;
- 3 — партисипативная медицина;
- 4 — персонализированная (претизионная) медицина;
- 5 — позитивная медицина (Рисунок 1).

Рисунок 1. Принципы медицины 5П при взаимодействии «врач – пациент» в центре дистанционного мониторинга пациентов с повреждением структур спинного мозга¹⁵

¹⁵ Составлено авторами.

Предиктивная (предупредительная) медицина — медицина ранней диагностики, прогноза и расчета вероятности возникновения заболеваний. Предиктивная медицина фиксирует изменения в состоянии здоровья пациента до того, как появляются клинические проявления. Она основана на лабораторной и функциональной диагностике, анализе изображений, биоинформационных технологиях [Щербо, Щербо 2019]. Клиническая картина повреждения спинного мозга сопровождается нарушением, вплоть до отсутствия, чувствительности ниже уровня поражения. В таких условиях своевременная диагностика является единственной возможностью выявления не только формирующихся осложнений, но и исключения жизнеугрожающих состояний при отсутствии у пациента болевого синдрома.

Превентивная медицина — это медицина корректирующих действий, направленных либо на отсрочку дебюта заболевания и протекание его в менее агрессивной форме, либо на его исключение путем коррекции первых проявлений нездоровья [Там же]. Предупреждение осложнений у пациентов с повреждением спинного мозга, таких как пролежни [Irgens et al. 2022], нарушения функций тазовых органов, контрактуры, ожоги, травмы, остеопороз и др., происходит за счет коррекции образа жизни, ежедневных действий человека, но мотивация не всегда сохраняется длительно, поэтому регулярный, в том числе дистанционный контакт с врачом помогает сохранить настрой и продолжать придерживаться программы реабилитации. Такое взаимодействие позволяет также на ранних этапах выявить вновь возникшие соматические заболевания, такие как гипертоническая болезнь, сахарный диабет, хроническая почечная недостаточность и др., а также не допустить их декомпенсации.

Партисипативная (пациенториентированная) медицина. В основе этого направления лежит взаимодействие пациента и врача. Врач должен уважать пациента и общаться с ним на равных, пациент вправе делать свой выбор. Источником патернализма во многом являются инструкции, клинические рекомендации и стандарты лечения, которые часто сопровождаются оговоркой, что это не догма и необходимо учитывать особенности каждого пациента [Щербо, Щербо 2019]. Подобный подход предполагает активное вовлечение человека в заботу о своем здоровье; уважение выбора пациентом методов реабилитации, лечения, технических средств и помощь в их реализации в рамках нормативно-правовых актов. Начало реабилитации начинается с постановки целей и задач на основе МКФ. Без согласованности действий и ожиданий врача и пациента реабилитационные мероприятия не достигнут цели, а мотивация и приверженность к лечению у пациента будут низкой, исход сомнительным.

Персонализированная медицина представляет собой систему организации здравоохранения, модель оказания медицинской помощи, основанную на выборе диагностических, профилактических и лечебных средств, которые были бы оптимальными, экономически и этически обоснованными для конкретного пациента [Там же]. Этот подход включает индивидуальный поход к каждому пациенту, решение конкретных проблем инвалида (как медицинских, так и социальных), обеспечение техническими средствами реабилитации, реализацию индивидуальной программы реабилитации и абилитации.

Прецизионная медицина представляет собой медицинскую модель индивидуализации здравоохранения, при которой медицинские решения, методы лечения, практики или продукты адаптируются к подгруппе пациентов, а не к модели «один препарат подходит всем» [Там же].

Пациенты с повреждением спинного мозга встречаются не у каждого специалиста в клинической практике, и нет необходимости обучать весь персонал особенностям течения этого заболевания и взаимодействия с этим типом пациентов. Оптимальнее выглядит предложение создать региональные центры дистанционного мониторинга и лечения пациентов с повреждением

спинного мозга, с ограничением передвижения. Штат можно укомплектовать профильными специалистами. Необходимо наладить маршрутизацию с соответствующими учреждениями региона и за его пределами: реабилитационные, урологические, хирургические отделения стационаров, специализированные санатории; работать в тесном контакте с социальными службами и бюро медико-социальной экспертизы. Целью работы центра будет максимально возможная адаптация и возвращение человека к активной социальной жизни, помощь и поддержка на всех этапах реабилитации и абилитации.

Позитивная медицина. У людей с повреждением спинного мозга важно не просто формировать, а сохранять положительную мотивацию к регулярным занятиям, адаптации к жизни в условиях ограничения мобильности, активной социальной позиции.

Тринитарность

Барьером для внедрения пациенториентированной модели является низкая приверженность к лечению, невысокий уровень ответственности пациента за свое здоровье.

Ведущим фактором тринитарной модели является приверженность лечению как пациента, так и поставщика медицинских услуг. Наибольшее значение управление лечением на основе приверженности касается тех состояний и заболеваний, когда пациент, основываясь на предложенных врачом моделях действий, самостоятельно регулирует особенности приема лекарственных препаратов, лабораторного контроля своего состояния, обследований, манипуляций и т.д. [Николаев 2022].

Целью первых курсов реабилитации обсуждаемой группы пациентов является обучение контролю за нарушенными функциями выделения, в том числе обучение самостоятельной катетеризации, регуляции спастичности конечностей, в том числе медикаментозной, контролю лабораторных показателей. В этом случае тринитарная модель оптимально подходит для дистанционного взаимодействия с обсуждаемой категорией больных в формате «врач – пациент».

SWOT-анализ

Многие пациенты с ограничением двигательных функций не имеют возможности свободно передвигаться по улице, а часто и выйти из дома — это огромная проблема. Чтобы добраться до компетентного врача, разбирающегося в их проблеме, требуется финансовая поддержка, временные затраты, физическая помощь посторонних людей, специализированный транспорт. Не все люди, оказавшиеся в сложной ситуации со здоровьем, могут это себе позволить.

Дистанционные центры наблюдения таких пациентов смогут нивелировать многие из этих проблем. История болезни будет доступна любому доктору, а диагноз по Международной классификации функционирования поможет предложить комплексные персональные решения. Для рассмотрения предложения с разных сторон авторами проведен SWOT-анализ (Таблица 3).

Таблица 3. SWOT-анализ центра дистанционного мониторинга пациентов с нарушением структур спинного мозга¹⁶

Сильные стороны	Слабые стороны
— Органичное встраивание процесса реабилитации в рутинную жизнь человека, что очень важно не только для пациентов с благоприятным прогнозом восстановления функций, но и для тех, чьи функциональные нарушения необратимы или прогноз сомнителен; — ответственность человека за управление своим здоровьем; — улучшение доступности медицинской помощи на отдаленных территориях, в регионах с нехваткой узкоспециализированных специалистов; — своевременная оценка потребности в неотложной помощи [Лебедев и др. 2021]; — оказание своевременной помощи для маломобильных пациентов, для сложно транспортабельных пациентов; — оптимальная маршрутизация пациентов; — открытая аналитика и прогнозирование потребности в плановом стационарном лечении, санаторно-курортном лечении; — своевременное внесение коррекций в снабжение техническими средствами реабилитации; — оценка возможности трудоустройства; — повышение доступности для пациентов узких специалистов.	— Формирующееся нормативное обеспечение телемедицинских услуг в России; — необходимость определенного уровня цифровой грамотности; — недостаточная проработка тарифов по телемедицинским услугам в базовой программе ОМС¹⁷; — нестабильность электронных сетей, наличия, качества интернета на территории России; — недостаточная защита персональных данных [Монаков и др. 2021]; — недоработанность стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций по применению телемедицинских технологий [Лебедев и др. 2021]; — отсутствие отлаженных IT-технологий, облегчающих рутинное использование телемедицины [Там же]; — необходимость финансирования внедрения телемедицинских технологий [Шадеркин 2023]; — отсутствие технической подготовки медицинского персонала [Демкина и др. 2023].
Возможности	Угрозы
— Разработка клинических рекомендаций и стандартов медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий [Лебедев и др. 2021]; — внедрение дистанционного мониторинга в рутинную практику; — повышение эффективности координации медицинской помощи [Яшина и др. 2019]; — внедрение в рутинную практику персональных голосовых помощников для пациентов с нарушением функций письма, набора текста на клавиатуре, нарушением зрения; — совмещение цифровых систем государственных и частных клиник [Кузнецова и др. 2021]; — создание системы оплаты в рамках ОМС для финансирования медицинской помощи с применением телемедицинских технологий.	— Ограничение полученных медицинских данных о пациенте из-за неполноценности медицинского осмотра при дистанционных консультациях; — проблемы с лицензированием на межгосударственном уровне [Лебедев и др. 2021; Kichloo et al. 2020]; — сложность применения электронных документов с подтвержденной электронной цифровой подписью с юридической значимостью в качестве главного источника первичной информации в ЕГИСЗ [Клименко, Лебедев 2016; Лебедев и др. 2021]; — отказ пациентов от использования дистанционных консультаций ввиду того, что это новая и незнакомая технология; — кадровый дефицит как работников медицины, так IT-сферы; — увеличение нагрузки на врачей [Шадеркин 2022].

Заключение

Рассматривая организацию медицинской помощи пациентам с повреждением спинного мозга, а также другим пациентам, передвигающимся на креслах-колясках, с позиции ценностно ориентированной модели реабилитации, медицины 5П, тринитарности, авторы считают, что создание регионального центра дистанционного мониторинга пациентов с повреждением спинного мозга является актуальным.

Поскольку реабилитация и абилитация пациентов с повреждением спинного мозга являются непрерывным, многолетним и дорогостоящим процессом, использование телемедицинских технологий может снизить финансовую нагрузку на пациентов и систему здравоохранения. Для достижения этих целей целесообразно внедрение в лечебную работу дистанционного мониторинга между вторым и третьим этапами реабилитации. Вопрос экономической эффективности

¹⁶ Составлено авторами на основе собственного исследования и источников по теме.

¹⁷ Методические рекомендации по способам оплаты медицинской помощи за счет средств ОМС, которые содержат специальный Раздел VI «Оплата медпомощи с применением телемедицинских технологий» — письма Минздрава РФ № 11-7/и/10/2-11779 и ФФОМС № 17033/26-2/и от 12.12.2019 и № 11-7/и/2-20691 / ФФОМС № 00-10-26-2-04/11-51 от 30.12.2020.

для системы здравоохранения при создании центров дистанционного мониторинга остается сложным и требует дополнительных исследований [Lee et al. 2021].

Внедрение региональных центров дистанционного мониторинга возможно через достижения пятого технологического уклада, переход к процессному управлению и цифровой экономике, применение модельных информационных систем.

С учетом существующего дефицита медицинских кадров, ограниченных возможностей медицинской инфраструктуры, неравномерной плотности населения и доступности медицинской помощи в различных регионах, а также из-за относительно незначительного количества людей с повреждением спинного мозга, маломобильности данной категории пациентов возможность обеспечения централизованного дистанционного мониторинга во время восстановительного периода после повреждения структур спинного мозга приобретает особую актуальность.

К функциям такого центра должны относиться: телемедицинские консультации, дистанционный мониторинг (оценка двигательной активности, пролежней, нарушений функций тазовых органов, сопутствующих заболеваний, психоэмоционального состояния, мотивации, обеспечения ТСП), маршрутизация пациентов, аналитика, планирование плановых госпитализаций, диагностических манипуляций, санаторно-курортного лечения, взаимодействие с бюро медико-социальной экспертизы и службой занятости.

Принципы создания региональных центров дистанционного мониторинга пациентов с повреждением спинного мозга включают:

- 1) ценностно-ориентированную модель реабилитации;
- 2) использование МКФ;
- 3) оптимальную маршрутизацию;
- 4) взаимодействие «врач — пациент», основанное на принципах медицины 5П и тринитарности;
- 5) создание подобных центров на базе действующих реабилитационных учреждений для данной категории пациентов.

Следующей задачей является определение места расположения подобных центров в регионах на основании статистических данных, а также финансовые расчеты, определение кадрового состава и технического обеспечения.

Список литературы:

Дымочка М.А., Андреева О.С., Струкова О.Г., Бочкова В.А. Анализ потребности инвалидов из числа взрослого населения Российской Федерации в комплексной реабилитации и абилитации за период 2018–2022 гг. // Медико-социальные проблемы инвалидности. 2023. № 3. С. 68–76.

Клименко Г.С., Лебедев Г.С. Первоочередные проекты развития российского интернета в здравоохранении // Социальные аспекты здоровья населения. 2016. № 5(51). DOI: [10.21045/2071-5021-2016-51-5-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2016-51-5-9)

Козубаев У.У., Качиев Н.Т., Шамшиев А.Т. Эпидемиология первичных опухолей спинного мозга (обзор литературы) // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2020. № 3. С. 54–59.

Кузнецова Е.Ю., Подоляк О.О., Албаша Т., Сметанина А.А., Терентьева Д.Н. Цифровые социально-ориентированные проекты в рамках концепции устойчивого развития // Фундаментальные исследования. 2021. № 1. С. 66–71. DOI: [10.17513/fr.42951](https://doi.org/10.17513/fr.42951)

Лебедев Г.С., Шепетовская Н.Л., Решетников В.А. Телемедицина и механизмы ее интеграции // Национальное здравоохранение. 2021. Т. 2. № 2. С. 21–27. DOI: [10.47093/2713-069X.2021.2.2.21-27](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2021.2.2.21-27)

Лобзин С.В., Мирзаева Л.М., Дулаев А.К., Сарана А.М. Острая позвоночно-спинномозговая травма в Санкт-Петербурге: причины, клиническая характеристика, факторы риска // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова. 2019. Т. 11. № 3. С. 65–72. DOI: [10.17816/mechnikov201911365-72](https://doi.org/10.17816/mechnikov201911365-72)

Медведева О.В., Меньшикова Л.И., Чвырева Н.В., Гажева А.В., Большов И.Н. Региональное общественное здоровье: оценка вклада кадровой обеспеченности здравоохранения // Экология человека. 2021. № 12. С. 4–13. DOI: [10.33396/1728-0869-2021-12-4-13](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-12-4-13)

Монаков Д.М., Шадеркина В.А., Рева С.А., Грицкевич А.А. Защита персональных данных пациентов при использовании телемедицинских технологий в период пандемии COVID-19 // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения 2021. Т. 7. № 4. С. 48–57. DOI: [10.29188/2712-9217-2021-7-4-48-57](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-4-48-57)

Николаев Н.А. Медицина и тринитарный подход // Научный вестник Омского государственного медицинского университета. 2022. Т. 2. № 4(8). С. 4–9.

Осиков М.В., Гиниатуллин Р.У., Володченко А.М., Бойко М.С. Перспективные направления нейротекторной терапии спинального ишемического инсульта // Современные проблемы науки и образования. 2019. № 3. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28777>

Пахуридзе М.Д., Лямина Н.П., Безымянный А.С. Телемедицинские технологии в практическом здравоохранении — опыт телемедицинского центра города Москвы // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 8(3). С. 15–20. DOI: [10.29188/2712-9217-2022-8-3-15-20](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-3-15-20)

Поворинский А.А., Владимирова О.Н., Шошмин А.В., Кулинич Т.С. Показатели функционирования инвалидов с нарушением нейромышечных, скелетных и связанных с движением функций на основе Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья МКФ с учетом барьеров окружающей среды // Медико-социальная экспертиза и реабилитация. 2023. Т. 26. № 2. С. 101–110. DOI: [10.17816/MSER321191](https://doi.org/10.17816/MSER321191)

Пономаренко Г.Н., Владимирова О.Н. Комплексная реабилитация и абилитация инвалидов в Российской Федерации // Физическая и реабилитационная медицина. 2019. Т. 1. № 1. С. 9–15. DOI: [10.26211/2658-4522-2019-1-1-9-15](https://doi.org/10.26211/2658-4522-2019-1-1-9-15)

Состояние и динамика инвалидности, комплексная реабилитация и абилитация инвалидов и детей-инвалидов в Российской Федерации / под ред. М.А. Дымочки. М.: ФГБУ ФБ МСЭ Минтруда России, 2022.

Толкачев В.С., Бажанов С.П., Ульянов В.Ю., Федонников А.С., Нинель В.Г., Салиху Х., Норкин И.А. Эпидемиология травм позвоночника и спинного мозга // Саратовский научно-медицинский журнал. 2018. Т. 14. № 3. С. 592–595.

Шадеркин И.А. Дистанционный мониторинг состояния здоровья и окружающей среды человека: возможности и ограничения // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2022. № 8(3). С. 45–54. DOI: [10.29188/2712-9217-2022-8-3-45-54](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-3-45-54)

Шадеркин И.А. Три абсолютных барьера при внедрении цифровых технологий в медицине // Российский журнал телемедицины и электронного здравоохранения. 2023. № 9(2). С. 40–55. DOI: [10.29188/2712-9217-2023-9-2-40-55](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2023-9-2-40-55)

Щербо С.Н., Щербо Д.С. Лабораторная диагностика как основа медицины // Вестник Российского государственного медицинского университета. 2019. № 1. С. 5–14. DOI: [10.24075/vrgmu.2018.095](https://doi.org/10.24075/vrgmu.2018.095)

Яшина Е.Р., Турзин П.С., Лукичев К.Е. Исследование региональных аспектов внедрения телемедицинских технологий в стране // Социология здоровья: на пути к пациентоориентированности. Материалы форума. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2019. С. 48–49.

Irgens I, Midelfart-Hoff J, Jernes R, Alexander M, Stanghelle J, Thoresen M, Rekand T. Videoconferencing in Pressure Injury: Randomized Controlled Telemedicine Trial in Patients with Spinal Cord Injury // *JMIR Formative Research*. 2022. Vol. 6. Is. 4. DOI: [10.2196/27692](https://doi.org/10.2196/27692)

Kichloo A., Albosta M., Dettloff K., DettloffK., Wani F., El-Amir Z., Singh J., Aljadah M., Chakinala R.Ch., Kanugula A.K., Solanki Sh., Chugh S. Telemedicine, the Current COVID-19 Pandemic and the Future: A Narrative Review and Perspectives Moving Forward in the USA // *Family Medicine and Community Health*. 2020. Vol. 8. Is. 3. DOI: [10.1136/fmch-2020-000530](https://doi.org/10.1136/fmch-2020-000530)

Kryger M., Crytzer T., Fairman A., Quinby E., Karavolis M., Pramana G., Setiawan I., McKernan G., Parmanto B., Dicianno B. The Effect of the Interactive Mobile Health and Rehabilitation System on Health and Psychosocial Outcomes in Spinal Cord Injury: Randomized Controlled Trial // *Journal of Medical Internet Research*. 2019. Vol. 21. Is. 8. DOI: [10.2196/14305](https://doi.org/10.2196/14305)

Lee S., Kim J., Kim J. Substantiating Clinical Effectiveness and Potential Barriers to the Widespread Implementation of Spinal Cord Injury Telerehabilitation: A Systematic Review and Qualitative Synthesis of Randomized Trials in the Recent Past Decade // *Telemedicine Reports*. 2021. Vol. 2. Is. 1. P. 64–77. DOI: [10.1089/tmr.2020.0026](https://doi.org/10.1089/tmr.2020.0026)

References:

Dymochka M.A. (ed.) (2022) *Sostoyaniye i dinamika invalidnosti, kompleksnaya reabilitatsiya i abilitatsiya invalidov i detey-invalidov v Rossiyskoy Federatsii* [State and dynamics of disability, complex rehabilitation and habilitation of disabled people and disabled children in the Russian Federation]. Moscow: FGBU FB MS-E Mintruda Rossii.

Dymochka M.A., Andreeva O.S., Strukova O.G., Bochkova V.A. (2023) Analysis of the Needs of Invalids from among the Adult Population of the Russian Federation in Comprehensive Rehabilitation and Habilitation for the Period 2018–2022. *Mediko-sotsial'nyye problemy invalidnosti*. No. 3. P. 68–76.

Irgens I, Midelfart-Hoff J, Jernes R, Alexander M, Stanghelle J, Thoresen M, Rekand T. (2022) Videoconferencing in Pressure Injury: Randomized Controlled Telemedicine Trial in Patients with Spinal Cord Injury. *JMIR Formative Research*. Vol. 6. Is. 4. DOI: [10.2196/27692](https://doi.org/10.2196/27692)

Kichloo A., Albosta M., Dettloff K., DettloffK., Wani F., El-Amir Z., Singh J., Aljadah M., Chakinala R.Ch., Kanugula A.K., Solanki Sh., Chugh S. (2020) Telemedicine, the Current COVID-19 Pandemic and the Future: A Narrative Review and Perspectives Moving Forward in the USA. *Family Medicine and Community Health*. Vol. 8. Is. 3. DOI: [10.1136/fmch-2020-000530](https://doi.org/10.1136/fmch-2020-000530)

Klimenko G.S., Lebedev G.S. (2016) Priority Projects Aimed at Internet Development in the Russian Health Care. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*. No. 5(51). DOI: [10.21045/2071-5021-2016-51-5-9](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2016-51-5-9)

Kozubaev U.U., Kachiev N. T., Shamshiev A.T. (2020) Epidemiology of Primary Spinal Cord Tumors (Review of Literature). *Nauka, novyye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana*. No. 3. P. 54–59.

Kryger M., Crytzer T., Fairman A., Quinby E., Karavolis M., Pramana G., Setiawan I., McKernan G., Parmanto B., Dicianno B. (2019) The Effect of the Interactive Mobile Health and Rehabilitation System on Health and Psychosocial Outcomes in Spinal Cord Injury: Randomized Controlled Trial. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 21. Is. 8. DOI: [10.2196/14305](https://doi.org/10.2196/14305)

Kuznetsova E.Yu., Podolyak O.O., Albasha T., Smetanina A.A., Terenteva D.N. (2021) Digital Socially-Oriented Projects within the Framework of the Sustainable Development Concept. *Fundamental'nyye issledovaniya*. No. 1. P. 66–71. DOI: [10.17513/fr.42951](https://doi.org/10.17513/fr.42951)

Lebedev G.S., Shepetovskaya N.L., Reshetnikov V.A. (2021) Telemedicine and Mechanisms of Its Integration. *Natsional'noye zdavookhraneniye*. Vol. 2. No. 2. P. 21–27. DOI: [10.47093/2713-069X.2021.2.2.21-27](https://doi.org/10.47093/2713-069X.2021.2.2.21-27)

Lee S., Kim J., Kim J. (2021) Substantiating Clinical Effectiveness and Potential Barriers to the Widespread Implementation of Spinal Cord Injury Telerehabilitation: A Systematic Review and Qualitative Synthesis of Randomized Trials in the Recent Past Decade. *Telemedicine Reports*. Vol. 2. Is. 1. P. 64–77. DOI: [10.1089/tmr.2020.0026](https://doi.org/10.1089/tmr.2020.0026)

- Lobzin S.V., Mirzaeva L.M., Dulaev A.K., Sarana A.M. (2019) Acute Traumatic Spinal Cord Injury in Saint Petersburg: Causes, Clinical Characteristics, Risk Factors. *Vestnik Severo-Zapadnogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta im. I.I. Mechnikova*. Vol. 11. No. 3. P. 65–72. DOI: [10.17816/mechnikov201911365-72](https://doi.org/10.17816/mechnikov201911365-72)
- Medvedeva O.V., Menshikova L.I., Chvyreva N.V., Gazheva A.V., Bolshov N. (2021) Regional Public Health: Assessment of the Role of Healthcare Staffing Supply. *Ekologiya cheloveka*. No. 12. P. 4–13. DOI: [10.33396/1728-0869-2021-12-4-13](https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-12-4-13)
- Monakov D.M., Shaderkina V.A., Reva S.A., Gritskevich A.A. (2021) Protection of Personal Data of Patients When Using Telemedicine Technologies during the COVID-19 Pandemic. *Rossiyskiy zhurnal telemeditsiny i elektronno go zdravookhraneniya*. Vol. 7. No. 4. P. 48–57. DOI: [10.29188/2712-9217-2021-7-4-48-57](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2021-7-4-48-57)
- Nikolaev N.A. (2022) Medicine and the Trinitary Approach. *Nauchnyy vestnik Omskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. Vol. 2. No. 4(8). P. 4–9.
- Osikov M.V., Giniatullin R.U., Volodchenko A.M., Boyko M.S. (2019) Perspective Directions of Neurotyre-Tread Therapy of the Spinal Ischemic Stroke. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya*. No. 3. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=28777>
- Pakhuridze M.D., Lyamina N.P., Bezmyanniy A.S. (2022) Telemedicine Technologies in Practical Healthcare — the Experience of the Moscow Telemedicine Center. *Rossiyskiy zhurnal telemeditsiny i elektronno go zdravookhraneniya*. No. 8(3). P. 15–20. DOI: [10.29188/2712-9217-2022-8-3-15-20](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-3-15-20)
- Ponomarenko G.N., Vladimirova O.N. (2019) Comprehensive Rehabilitation and Habilitation of Persons with Disabilities in the Russian Federation. *Fizicheskaya i reabilitatsionnaya meditsina*. Vol. 1. No. 1. P. 9–15. DOI: [10.26211/2658-4522-2019-1-1-9-15](https://doi.org/10.26211/2658-4522-2019-1-1-9-15)
- Povorinskii A.A., Vladimirova O.N., Shoshmin A.V., Kulinich T.S. (2023) Assessment of Functioning Indicators of People with Disability and Impaired Neuromuscular, Skeletal, and Movement-Related Functions Based on the International Classification of Functioning, Disability, and Health Considering Environmental Barriers. *Mediko-sotsial'naya ekspertiza i reabilitatsiya*. Vol. 26. No. 2. P. 101–110. DOI: [10.17816/MSER321191](https://doi.org/10.17816/MSER321191)
- Tolkachev V.S., Bazhanov S.P., Uljanov V.Yu., Fedonnikov A.S., Ninel V.G., Salihu X., Norkin I.A. (2018) The Epidemiology of Spine and Spinal Cord Injuries. *Saratovskiy nauchno-meditsinskiy zhurnal*. Vol. 14. No. 3. P. 592–595.
- Shaderkin I.A. (2022) Remote Monitoring of Human Health and the Environment: Opportunities and Limitations. *Rossiyskiy zhurnal telemeditsiny i elektronno go zdravookhraneniya*. No. 8(3). P. 45–54. DOI: [10.29188/2712-9217-2022-8-3-45-54](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2022-8-3-45-54)
- Shaderkin I.A. (2023) Three Absolute Barriers of Digital Technologies Implementation in Medicine. *Rossiyskiy zhurnal telemeditsiny i elektronno go zdravookhraneniya*. No. 9(2). P. 40–55. DOI: [10.29188/2712-9217-2023-9-2-40-55](https://doi.org/10.29188/2712-9217-2023-9-2-40-55)
- Shcherbo S.N., Shcherbo D.S. (2019) Laboratory Diagnostics as a Basis for 5P Medicine. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*. No. 1. P. 5–14. DOI: [10.24075/vrgmu.2018.095](https://doi.org/10.24075/vrgmu.2018.095)
- Yashina E.R., Turzin P.S., Lukichev K.E. (2019) Issledovaniye regional'nykh aspektov vnedreniya telemeditsinskiykh tekhnologiy v strane [The study of regional aspects of introducing telemedicine technologies in the country]. *Sotsiologiya zdorov'ya: na puti k patsiyentooriyentirovannosti. Materialy foruma*. Moscow: GBU "NII OZMM DZM". P. 48–49.

Дата поступления/Received: 29.01.2024